

ISSN 2687-1440

ЕЖЕГОДНИК ЯПОНИЯ

2025

日本

ЕЖЕГОДНИК
ЯПОНИЯ
2025

ТОМ 54

Редакционная коллегия:

Стрельцов Д. В. д.и.н. МГИМО

(главный редактор)

Гришачев С. В. к.и.н. НИУ ВШЭ

(ответственный редактор)

Дьяконова Е. М. к.филол.н. ИМЛИ РАН

Казаков О. И. ИКСА РАН

Лебедева И. П. д.э.н. ИВ РАН

(зам. главного редактора);

Мещеряков А. Н. д.и.н. НИУ ВШЭ

Нелидов В. В. к.и.н. МГИМО-Университет

Трубликова Н. Н. д. филос. наук, ИФ РАН

Редакционный совет:

Алпатов В. М. д.филол.н., академик РАН

Войтишек Е. Э. д.и.н. НГУ (г. Новосибирск)

Гордон Эндрю профессор (США)

Гуревич Т. М. д. культурологии МГИМО

Дацышен В. Г. д.и.н. СФУ (г. Красноярск)

Ивасита Акихиро профессор (Япония)

Каварадзи Хидэтаке профессор (Япония)

Катасонова Е. Л. д.и.н. ИВ РАН

Кистанов В. О. д.и.н. ИКСА РАН

Корчагина Т. И. к.филол.н. МГУ

Нечаева Л. Т. д.пед.н. ИСАА МГУ

Нумано Кёко профессор (Япония)

Панов А. Н. д.полит.н. МГИМО

Пестушко Ю. С. д.и.н. ХГИК (г. Хабаровск)

Симонова-Гудзенко Е. К. д.и.н. ИСАА МГУ

Симотоман Нобуо профессор (Япония)

Стефан Джон профессор (США)

Стоквин Артур профессор (Великобритания)

Судзуки Ёсикадзу профессор (Япония)

Тимонина И. Л. д.э.н. ИСАА МГУ

Чугров С. В. д.социол.наук МГИМО

Шодиев Ф. К. к.полит.н. Фонд Ф. Шодиева

Сайт журнала: <https://www.yearbookjapan.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-83873 от 30.09.2022

Учредители журнала:

Межрегиональная общественная организация «Ассоциация японоведов»

Московский государственный институт международных отношений

(МГИМО)-Университет

Институт востоковедения Российской Академии наук

Журнал издается Межрегиональной общественной организацией

«Ассоциация японоведов» при финансовой поддержке Московского государственного института международных отношений – Университета

Издание входит в следующие наукометрические системы:

- Научная электронная библиотека и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
- Russian Science Citation Index (RSCI)
- Международный каталог журналов открытого доступа DOAJ
- 2-й уровень Единого государственного перечня научных изданий

ISSN 2687-1432 (печатный)

ISSN 2687-1440 (электронный)

© Авторы (лицензия Creative Commons Attribution License)

YEARBOOK
JAPAN
2025
vol. 54

Editorial Board:

Streltsov Dmitry V. Professor, MGIMO-University
(Editor in Chief)

Dyakonova Elena M. Professor, Gorky Institute
of World Literature of RAS

Grishachev Sergei V. Associate Professor,
HSE University (Executive editor)

Kazakov Oleg I. Institute of China
and Contemporary Asia of RAS

Lebedeva Irina P. Professor, Institute of Oriental
Studies of RAS (Deputy Editor in Chief);

Meshcheryakov Aleksander N. Professor,
HSE University

Nelidov Vladimir V. MGIMO-University

Trubnikova N. N. IPH of RAS

Editorial Council:

Alpatov Vladimir M. Member of the Russian
Academy of Sciences

Chugrov Sergei V. Professor, MGIMO-University

Datsyshen Vladimir G. Professor, Siberian Federal
University, Krasnoyarsk

Gordon Andrew (USA) Professor, Harvard University

Gurevich Tatiyana M. Professor, MGIMO University
Iwashita Akihiro (Japan) Professor,
Hokkaido University

Katasonova Elena L. Institute of Oriental Studies of RAS

Kawaraji Hidetake (Japan) Professor,
Kyoto Sangyo University

Kistanov Valerii O. Professor, Institute of China
and Contemporary Asia of RAS

Korchagina Tatiyana I. Associate Professor,
Moscow State University

Nechaeva Lyudmila T. Professor, Institute of Afro-
Asian Studies (IAAS) of Moscow State University

Numano Kyoko (Japan) Professor, Tokyo University
of Foreign Studies

Panov Aleksander N. Professor, MGIMO-University
Pestushko Yurii S. Professor, State University
of Culture, Khabarovsk

Shimotomai Nobuo (Japan) Emeritus Professor,
Hosei University

Shodiev Fattah K. (Belgium)

Head of International Chodiev Foundation

Simonova-Gudzenko Ekaterina K. Professor,
Institute of Afro-Asian Studies (IAAS)
of Moscow State University

Stephan John J. (USA) Emeritus Professor,
University of Hawaii

Stockwin Arthur (UK) Emeritus Professor,
University of Oxford

Suzuki Yoshikazu (Japan) Professor,
Tokyo University of Foreign Studies

Timonina Irina L. Professor, Institute of Afro-Asian
Studies (IAAS) of Moscow State University

Vojtishchik Elena E. Professor,
Novosibirsk State University

The Journal is published by the Association of Japanologists with the financial support
of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)-University

The Journal site: <https://www.yearbookjapan.ru/jour>

The edition is indexed by Russian Science Citation Index (RSCI).

The edition is included in DOAJ.

Founders of the journal:

Association of Japanologists

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)-University

Institute of Oriental Studies of RAS

ISSN 2687-1432 (print)

ISSN 2687-1440 (online)

© Authors (Creative Commons Attribution License)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА

- Добринская О. А.* Гуманитарное взаимодействие Японии и Индии:
прошлое и настоящее 11
- Стрельцов Д. В.* «Самый похожий на премьера»
глава кабинета министров:
к 50-летию со дня смерти Сато Эйсаку 36

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

- Тюленев И. А.* Реформа исторического образования
в старшей школе (2018–2022)
в контексте образовательной политики
современной Японии 58

ИСТОРИЯ

- Кунитакэ С.,
Войтишек Е. Э.* Результаты подводных раскопок
у острова Такасима в Японии,
связанных с монгольским вторжением 1281 г. 79
- Кикнадзе Д.* О коллекции рекламных карточек
The Liebig Company «История Японии» 1938 г. 89
- Яковкин Е. В.* 2600 лет Японской империи
и русская эмиграция в Маньчжурии 108
- Молодяков В. Э.* Континентальная политика Японии –
взгляд из Франции: динамика «сотрудничества»
и «сопротивления» в Индокитае, 1940–1945 гг.
(часть первая) 125

КУЛЬТУРА

<i>Торопыгина М. В.</i>	Конструкция и структура японской ксилографической книги периода Токугава (на примере издания «Хякунин иссю хитоёгатари» 1833 г.)148
<i>Шарова А. Б.</i>	Образ Голландии в произведениях Фукудзава Юкити176
<i>Кулиева Л. Ш.</i>	Семантический метод изучения Корана Идзуцу Тосихико: критика и наследие194
<i>Рагозина Е. А., Родин С. А.</i>	Хайку как форма и эксперимент в русскоязычном творчестве на рубеже XX–XXI вв.218
<i>Шехтер А.Г., Рамеев О.Б.</i>	Карма, энергия и устойчивость: этико-религиозные аспекты «зеленой политики» на примере японской новой религии <i>Сэйтё-но Иэ</i>240
<i>Катасонова Е. Л.</i>	Комаки Курихара: актриса, сохранившая верность Москве и русской культуре (к 80-летию юбилею)267

ПЕРЕВОДЫ

Кукай о многообразии живых существ: разделы из «Трактата о десяти ступенях разума тайной мандалы».	Перевод и примечания М. В. Оськина290
«Микава моногатари» («Повесть о Микава»): фигура автора, время создания, автограф и списки рукописи (фрагмент свитка II)	Перевод и комментарии С. А. Полхова323

ПРОБА ПЕРА

<i>Алексеевко М. Р.</i>	Трансформация идентичности в литературе японской диаспоры в Бразилии (1908–1941 гг.)	362
-------------------------	--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Лебедева И. П.</i>	Столетняя история России глазами японского ученого. Рецензия на книгу Окада Сусуму «От советского социализма к российскому капитализму. Столетняя история общества и экономики России»	382
-----------------------	--	-----

<i>Гудкова А. В., Романчев Д. Д.</i>	О верных вассалах и преданных спутниках. Рецензия на альбом «Расставаясь с жизнью. Предания о верных вассалах из Аки в иллюстрациях Итиюся Куниёси»	411
--	--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Венская С. В.</i>	О японоведческих конференциях (декабрь 2024 – февраль 2025). XVII ежегодная конференция Ассоциации японоведов и XXVII конференция «История и культура Японии»	438
----------------------	---	-----

АВТОРАМ	448
---------------	-----

CONTENTS

POLICY

<i>Dobrinskaya O. A.</i>	Humanitarian Cooperation Between Japan and India: Past and Present	11
<i>Streletsov D. V.</i>	The Most “Prime Minister-like” Head of Cabinet: Commemorating the 50 th Anniversary of the Death of Eisaku Sato	36

ECONOMICS AND SOCIETY

<i>Tyulenev I. A.</i>	The 2018–2022 Reform of High School History. Education in the Context of Contemporary Japanese Education Policy	58
-----------------------	---	----

HISTORY

<i>Kunitake S., Voytishek E. E.</i>	Results of Underwater Excavations at Takashima Island, Japan, Associated With the Mongol Invasion of 1281	79
<i>Kiknadze D.</i>	About the Liebig Company Advertising Card Collection “History of Japan” (1938)	89
<i>Yakowkin E. V.</i>	2600 Years of the Japanese Empire and Russian Emigration in Manchuria	108
<i>Molodiakov V. E.</i>	Continental Policy of Japan as Seen from France: Dynamics of the “Collaboration” and the “Resistance” in Indochina, 1940–1945 (<i>Part One</i>)	125

CULTURE

<i>Toropygina M. V.</i>	The Construction and Structure of Japanese Woodblock Books of the Tokugawa Period (Based on the 1833 Edition of <i>Hyakunin isshu Hitoyogatari</i>)148
<i>Sharova A. B.</i>	The Image of Holland in the Works of Fukuzawa Yukichi176
<i>Kulieva L. S.</i>	Izutsu Toshihiko's Semantic Method of Qur'anic Studies: Criticism and Legacy194
<i>Ragozina E. A., Rodin S. A.</i>	<i>Haiku</i> as Form and Experiment in the Russian-Language Poetry of the Late 20 th – Early 21 st Centuries218
<i>Shechter A. G., Rameev O. B.</i>	Karma, Energy, and Sustainability: Ethical and Religious Aspects of Green Politics in the Japanese New Religion of <i>Seicho-no Ie</i> 240
<i>Katasonova E. L.</i>	Komaki Kurirara: the Actress who Remained Loyal to Moscow and Russian Culture (For the 80 th Anniversary of the Actress)267

TRANSLATIONS

Kukai on the Diversity of Living Beings (Sections from the <i>Treatise on Ten Stages of Mind of Secret Mandala</i>) Translation and Notes by <i>M. V. Os'kin</i>290
<i>Mikawa monogatari (The Tale of Mikawa):</i> the Author, the Time of Creation, Autograph and Manuscript Copies (Fragment of Book II) Translation, and Notes by <i>S. A. Polkhov</i>323

SCHOLARLY DEBUT

<i>Alekseenko M. R.</i>	Identity Transformation in the Literature of the Japanese Diaspora in Brazil (1908–1941)	362
-------------------------	---	-----

BOOK REVIEW

<i>Lebedeva I. P.</i>	A Hundred-Year History of Russia Through the Eyes of a Japanese Scholar Review of Okada Susumu's Book <i>From Soviet Socialism to Russian Capitalism.</i> <i>A Hundred-Year History of Russian Society and Economy</i>	382
<i>Romanchev D. D., Gudkova A. V.</i>	Of Faithful Vassals and Loyal Companions. Review of the Album <i>Parting With Life. Tales of Faithful Vassals From Ako in Illustrations by Ichiyusai Kuniyoshi</i>	411

ACADEMIC LIFE

<i>Venskaya S. V.</i>	About Conferences on Japanese Studies (December 2024 – February 2025): 17 th Annual Conference of the Association of Japanologists and 27 th Conference “History and Culture of Japan”	438
-----------------------	--	-----

FOR THE AUTHORS	448
-----------------------	-----

Ежегодник Японии 2025. Т. 54. С. 11–35
Yearbook Japan 2025. Vol. 54, pp. 11–35
DOI: 10.55105/2687-1440-2025-54-11-35

Гуманитарное взаимодействие Японии и Индии: прошлое и настоящее

О. А. Добринская

Аннотация

Статья посвящена истории и современному состоянию гуманитарного взаимодействия между Японией и Индией. Исследованы факторы религиозно-культурной общности, роль буддизма в формировании двусторонних гуманитарных связей, а также контакты между видными философами и деятелями культуры второй половины XIX – н. XX вв., обусловленные близостью мировоззренческих концепций.

Внимание уделено истории пребывания в Японии индийских борцов за независимость в первой половине XX в., а также позиции Индии и ее отдельных представителей по вопросу послевоенного урегулирования с Японией. В статье рассмотрено, как эти точки соприкосновения получают освещение в риторике официальных лиц Японии в настоящее время. В частности, следует отметить обращение двух стран к идеям буддистско-индуистского единства как попытке объединить на этой основе азиатские страны для сотрудничества по глобальным вопросам.

Анализ деятельности и риторики японских премьер-министров позволяет сделать вывод, что наибольшее внимание гуманитарным аспектам двусторонних связей уделял С. Абэ, испытывавший особую симпатию к Индии. С. Абэ был известен своими ревизионистскими настроениями и стремлением избавить Японию от послевоенного комплекса вины, в связи с чем понятно его внимание к определенным индийским историческим фигурам, таким как Субхас Чандра Бос и Радхабинод Пал.

Отдельно затронуты особенности культурного взаимодействия двух стран, в частности, такие слабоосвещенные темы, как популяризация японской попкультуры и спорта. Ключевым направлением двустороннего гуманитарного сотрудничества являются образовательные программы. В настоящее время Япония делает акцент на продвижение преподавания японского языка

в Индии, а также на реализацию программ в сфере технического образования и приглашения индийских специалистов в Японию. Проведен краткий обзор жизни индийской диаспоры в Японии, который в целом свидетельствует о благожелательном отношении местных жителей к индийцам. Сочетание усилий правительств обеих стран и благоприятной почвы, сформировавшейся как результат религиозно-культурной близости и отсутствия негативного опыта, связанного со Второй мировой войной, создают прочный фундамент для укрепления взаимных симпатий, что находит отражение в результатах опросов населения двух стран.

Ключевые слова: Япония, Индия, Абэ Синдзо, буддизм, индуизм, культура, образование, история, гуманитарное сотрудничество.

Автор: Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32.

E-mail: doa_78@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5967-366X.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Humanitarian Cooperation Between Japan and India: Past and Present

O. A. Dobrinskaya

Abstract

The article presents an analysis of the history and current state of humanitarian contacts between Japan and India. The factors of religious and cultural community, as well as contacts between prominent philosophers and cultural figures due to the proximity of worldview concepts are studied. Special focus is placed upon the history of Indian independence fighters' stay in Japan in the first half of the 20th century, as well as the position of India and its individual representatives on the issue of post-war settlement with Japan. The article examines how the common cultural and historical points are highlighted in the rhetoric of Japanese officials nowadays.

In particular, it is worth noting the two countries' appeal to the ideas of Buddhist-Hindu unity as an attempt to unite Asian countries on this basis for cooperation on global issues. An analysis of the activities and rhetoric of Japanese prime ministers allows us to conclude that the greatest attention to the humanitarian aspects of bilateral relations was paid by S. Abe, who had a special sympathy for India. S. Abe was also known for his revisionist sentiments and desire to rid Japan of its post-war guilt complex, and attention to certain Indian figures, such as Subhas Chandra Bose and Radhabinod Pal, corresponded to the spirit of this policy.

The article also touches upon the peculiarities of cultural interaction between the two countries, in particular, popularization of Japanese pop culture and sports. Attention is given to education promotion, which is the key area of bilateral humanitarian cooperation today. Japan is currently emphasizing the promotion of Japanese language teaching in India, as well as programs in technical education and invitation of Indian specialists to Japan. A brief overview of the life of the Indian diaspora in Japan is carried out, which generally enjoys a favourable attitude of the locals. The combination of the efforts of the governments of both countries and the favourable ground formed as a result of religious and cultural proximity and the absence of negative experience associated with the Second World War create a solid foundation for strengthening mutual sympathy, which is reflected in the results of the survey of the population of the two countries.

Keywords: Japan, India, Abe Shinzo, Buddhism, Hinduism, culture, education, history, humanitarian cooperation.

Author: *Dobrinskaya Olga A.* PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: doa_78@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5967-366X.

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Японо-индийские отношения в XXI в. вышли на уровень особого глобального и стратегического партнерства, основанного на общих геополитических и экономических интересах. Премьер-министр С. Абэ неоднократно подчеркивал важность японо-индийских отношений, а в 2007 г. в своей книге «К прекрасной Японии» предсказывал, что «через 10 лет японо-индийские отношения опередят

японо-американское и японо-китайское взаимодействие» [Добринская 2019, с. 31].

В риторике премьер-министра Ф. Кисида Индия названа неотъемлемым партнером в реализации японского видения Свободного и открытого Индо-тихоокеанского региона (СОИТР). Динамично развивающиеся двусторонние отношения привлекают внимание исследователей-международников и получают все большее освещение в российской академической среде. Военно-политическое сближение двух стран дает повод говорить о складывании новой оси Дели – Токио в бассейне Тихого и Индийского океанов [Кистанов 2017], росте значимости двустороннего и многостороннего сотрудничества в контексте создания «свободного и открытого» сетевого сообщества «близких по духу стран». [Стрельцов 2025, с. 72]

Интенсификация экономических связей свидетельствуют о том, что Индия рассматривается как перспективное направление для японского бизнеса [Добринская 2023, с. 88]. Большинство исследований сосредоточено на политических и экономических аспектах взаимодействия, а его гуманитарные аспекты недостаточно изучены. Следует отметить отдельные работы, посвященные некоторым историческим аспектам японо-индийского взаимодействия в военное и послевоенное время [Кожевников 2015], [Леленкова 2015], а также обзор жизни индийской диаспоры в Японии [Фирсова 2012], знакомство с которыми позволило составить более полную картину взаимного восприятия нациями.

В статье проанализированы выступления японских политиков, а также официальные документы, в которых затронута тематика гуманитарного сотрудничества. Изучены также научные и публицистические материалы индийских и японских авторов, посвященные разным аспектам гуманитарного взаимодействия. Кроме того, произведен анализ факторов, влияющих на формирование симпатий или антипатий между народами двух стран, выявлены основные исторические и культурные точки соприкосновения, на основании которых развиваются современные гуманитарные связи. В частности, рассмотрен фактор буддистского наследия в контексте взаимодействия двух стран, интеллектуальный диалог на рубеже XIX–XX вв., а также история Второй мировой войны и послевоенного урегулирования. Выделены параметры двустороннего культурного сотрудничества и особенности осуществления и восприятия японской «мягкой силы»

в Индии на основе анализа деятельности институциональных акторов, а также образовательных программ, которые Япония реализует в стране.

Буддизм как источник религиозно-культурной близости

В основе культурно-исторической близости двух стран лежит обращение к истокам буддизма, который наряду с индуизмом и исламом в Индии и синтоизмом в Японии является частью их национальной идентичности. Значение Индии как колыбели буддизма издавна определяло интерес к ней как монарших особ, так и простых японцев. Буддизм зародился в Индии в середине VI в. до н. э. и оттуда через Китай и Корею попал в Японию. По приглашению императора Сёму в 736 г. в столицу г. Нара из Индии прибыл буддийский монах Бодхисена. В 752 г. Бодхисена в присутствии императорской четы впервые в японской истории совершил торжественную церемонию «открытия глаз» Большого Будды в храме Тодайдзи. Бодхисена остался в Японии до самой смерти, поселившись в столице в храме Дайандзи, где посвятил себя развитию буддистской школы Кёгон и преподаванию санскрита. В 760 г. Бодхисена был похоронен на горе Рёдзэндзи в Наре [Williams 2021].

В Индии расположены три из четырех главных святынь, связанных с жизнью Будды, – место достижения просветления Бодх Гая, место первой проповеди Сарнат, место его смерти Кушинагара, а также другие места паломничества буддистов со всего мира. В декабре 1960 г. во время визита в Индию крон-принц, будущий император Акихито с супругой побывали в Бодх Гая. Посещение монаршими особами мест, связанных с буддизмом, активизировало деятельность в Индии японской секты Сока Гаккай, основатель которой Икэда Дайсаку в 1961 г. приехал в Бодх Гаю и установил там памятную табличку с обещанием добиваться мира и процветания в Азии. В 1975 г. в Калькутте прошло первое собрание последователей Сока Гаккай, а в 1986 г. была зарегистрирована организация Бхарат Сока Гаккай (БСГ), которая сегодня насчитывает более 270 членов по всей Индии.¹

¹ The development of Soka Gakkai in India. *Soka Gakkai*: <https://www.sokaglobal.org/in-society/initiatives/development-of-soka-gakkai-in-india.html>

Сохранение памятников буддизма является важной частью японской культурной дипломатии, прежде всего по линии ЮНЕСКО, деятельность которой в значительной степени субсидируется за счет взносов Японии. Так, в реконструкции Священного храмового комплекса Махабодхи в Бодх Гае, внесенного в 2002 г. в список культурного наследия ЮНЕСКО, приняли участие Японский банк международного сотрудничества (JBIC) и Фонд зарубежного экономического сотрудничества Японии (OECF) [Narsimhan 2019, p. 65], а в 2004 г. ЯБМС выделил кредит на обустройство туристической инфраструктуры в Сарнате.² Япония участвует не только в реконструкции на территории Индии исторических достопримечательностей, но и в строительстве новых буддийских храмов. Среди них храм Индосан Ниппон в Бодх Гае, а также храм Дайдзёкё, рядом с которым в ноябре 1989 г. была установлена статуя Большого Будды как в Камакуре. В 1989 г. в Сарнате усилиями секты Нитирэн был заложен храм Нитигай Судзан Хориндзи, а в провинции Дарджилинг в 1972 г. был построен храм Ниппондзан Мёходзи. Примечательно, что японские храмы играют роль не только мест для молитв, но и являются образовательными и культурными центрами. В Бодх Гае японские НПО поддерживают благотворительную деятельность детского приюта Према Метта, где открыта школа японского языка.

Тематика религиозной общности сегодня присутствует в двусторонних отношениях и лежит в основе политики продвижения идеи буддистско-индуистского единства. Одним из ее проявлений является налаживание связей между древними культурными центрами двух стран – бывшей столицей Киото и Варанаси, священным городом для индуистов, буддистов и джайнистов, местом паломничества к водам реки Ганг. Во время своего визита в Японию в сентябре 2014 г. Н. Модии в качестве первого пункта посещения выбрал Киото, где посетил храм Тодзи, в котором почитаются индуистские боги Брахма и Индра. Таким образом он выразил уважение к буддистскому наследию и при этом подчеркнул важность индуистско-буддистского единства. В 2015 г. в Варанаси С. Абэ вместе с Н. Модии принял участие в Ганга Аарти, огненной церемонии поклонения Гангу.³

² Japan helping India promote Buddhist tourism. *The Phayul*. September 11, 2004. <https://www.phayul.com/2004/09/11/7656/>

³ Purna Gandhi. A tribute to late Shinzo Abe. *Vivekananda International Foundation*. July 12, 2022. <https://www.vifindia.org/article/2022/july/12/a-tribute-to-late-shinzo-abe>

В августе 2014 г. было подписано соглашение об установлении партнерства между городами Киото и Варанаси, предусматривающее оснащение Варанаси как умного города по типу Киото [Narsimhan 2019, p. 67].

Предпринимаются усилия по глобальному проецированию индуистско-буддийского единства через конференции, выставки и фестивали. В 2014 г. во время визита Н. Модии в Японию была достигнута договоренность об учреждении т. н. «диалога Самвад» – серии конференций, посвященных популяризации идей индуистско-буддийского наследия, и в сентябре 2015 г. Международный фонд Вивекананды и Токийский фонд при участии Международной буддийской федерации провели международную конференцию «Самвад: Индуистско-буддийская инициатива по избежанию конфликтов и экологическому сознанию» [Narsimhan 2019, p. 65–66].

Анализ приветственного слова участникам Диалога от имени премьер-министра С. Абэ позволяет предположить, что в религиозном единстве двух стран он видел идеологическую основу азиатского лидерства в решении вопросов глобальной невоенной безопасности. При этом он отмечал существование т. н. «универсальных ценностей», присущих азиатским религиям, таких как свобода, демократия, уважение основных прав человека и мирное разрешение споров, проводя параллель с западным мировоззрением. По его словам, западная концепция верховенства закона смогла укорениться в Японии, потому что с древних времен подобная концепция существовала в буддизме, а также ее можно найти в Дхарме индийской философии. Именно объединение буддистской и индуистской цивилизаций могло бы стать основой глобальной архитектуры избежания конфликтов, а также укоренить и привить экологическое сознание людям.⁴

Интеллектуальный диалог на рубеже веков

Период на рубеже XIX–XX вв. представляет собой особую страницу двустороннего взаимодействия. В это время Япония стала местом притяжения индийских предпринимателей, которые не только открывали здесь свое дело, но и приобретали землю и недвижимость,

⁴ Samvad II: Dialogue for Peace, Harmony and Security – A Global Initiative for Conflict Avoidance and Environment Consciousness. *Vivekananda International Foundation*: <https://samvad-vifindia.org/wp-content/uploads/2020/10/Samvad-II-Concept-Note.pdf>

что указывало на их желание осесть в Японии [Фирсова 2012, с. 29]. В то время обе страны находились в процессе осмысления отношений с западным миром, поиска путей развития и роста национального самосознания. В Индии одним из выразителей этого интеллектуального поиска был выдающийся философ и религиозный учитель Свами Вивекананда. В 1893 г. он был приглашен на Всемирный парламент религий, проходивший в Чикаго во время Всемирной выставки. По пути в Соединенные Штаты Вивекананда остановился в Японии, где посетил Нагасаки, Осаку, Кобэ и Йокогаму. Индийский гуру с восхищением отзывался о японцах, отмечая их патриотизм, творческий дух, чистоту и опрятность, а также призывал молодежь Индии ехать на учебу не в Великобританию, а в Японию.⁵

Взгляды Вивекананды привлекли внимание выдающегося искусствоведа и философа Оакура Какудзо (Тэнсин). У него возникла идея создания в Японии азиатского эквивалента Парламента мировых религий, и он передал приглашение Вивекананде посетить Японию, однако тот был уже слишком болен, чтобы путешествовать за границу. Тогда Оакура в 1902 г. сам прибыл в Индию, чтобы вместе с Вивеканандой посетить места, связанные с жизнью Будды. Японец десять месяцев жил в Индии, поддерживая дружбу с Вивеканандой, а также его ученицей Ниведитой.⁶

Оакура с симпатией относился к развернувшемуся в Бенгалии антибританскому движению «Свадеш», которое поддерживал и выдающийся поэт и мыслитель Рабиндранат Тагор. Близость философских воззрений определила их дружбу, хотя встречались они всего два раза – в 1902 г. в Индии и в 1913 г. в Бостоне. В 1904 г. Оакура написал на английском языке книгу «Идеалы Востока», в которой высказывал мысль о единстве Азии, общности азиатских народов, а также особой роли Японии как мирового «музея», в котором представлены образцы искусства из разных уголков Азии.

Паназиатизм Оакура был близок Р. Тагору. Индийский писатель говорил о вдохновении, которое пример Японии пробудил в народах Азии, о надеждах на возможность самостоятельно преодолеть свои

⁵ Swami Vivekananda's admiration for the Japanese. *Swami Vivekananda*. <https://www.swamivivekananda.guru/2018/09/22/swami-vivekanandas-admiration-for-the-japanese/>

⁶ Vivekananda and Okakura On What East Offers West. *Association for Asian Studies*. <https://www.asianstudies.org/publications/ea/archives/vivekananda-and-okakura-on-what-east-offers-west/>

зависимость, пассивность и упадок [Скорородова 2021, с. 473]. Сам индийский поэт несколько раз бывал в Японии: в 1916, 1924 и 1929 гг. В Японии Р. Тагор встречался с премьер-министром С. Окума и другими представителями политической и академической элиты, неоднократно выступал перед общественностью. Для индийских националистов Япония действительно была объектом нескрываемого восхищения, в том числе ее политическими успехами, особенно победой над Россией (1904–1905) [Скорородова 2021, с. 473]. Интерес Р. Тагора к Японии касался разных сторон жизни и способствовал знакомству Индии с японской культурой. В 1920-е гг. Р. Тагор пригласил в Индию учителей японского языка, и в основанном им Университете Вишва Бхарати (Университет Тагора) началось обучение [George 2017, p. 270]. Примерно тогда же по его приглашению в Индию приехал борец дзюдо Такагаки Синдзо, с деятельности которого началась история этого вида единоборств в Индии.⁷ Японцы чтят память индийских философов, способствовавших росту интереса к их стране. Во время визита в Индию в 1960 г. будущий император Акихито с супругой посетили дом Р. Тагора, а в 2007 г. С. Абэ побывал в доме писателя и представил книгу «Выступления в Японии», в которой собраны все речи философа во время поездок в Страну восходящего солнца.

Выступая в Индийском парламенте в 2007 г., премьер-министр С. Абэ несколько раз цитировал знаменитую речь Вивекананды, повторив его слова о том, что «различные реки, берущие свои истоки в разных местах, смешивают свои воды в море», что произвело глубокое впечатление на аудиторию. В 2014 г. Н. Модии во время визита в Японию подарил С. Абэ книгу «Свами Вивекананда и Япония». Даже после гибели С. Абэ его вдова присутствовала на торжествах по поводу 161-й годовщины со дня рождения Вивекананды и 131 года со времени его визита в Японию, которые были организованы посольством Индии в Японии [Haraoka 2024, p. 56].

Говоря об индийских философах и общественных деятелях, нельзя не упомянуть о Махатме Ганди, личности, чье наследие оставило глубокий след в истории человечества и чьи взгляды привлекали японских буддистов. Некоторые из них приезжали в Индию для

⁷ Somak Adhikari. Did you know Rabindranath Tagore brought Judo to India? *The India Ties*. August 7, 2023. <https://www.indiatimes.com/sports/we-all-know-rabindranath-tagore-as-a-world-renowned-poet-but-are-you-aware-that-he-introduced-judo-to-india-337523.html>

встречи с Ганди. В самом начале XX в. Махатма Ганди восхищался духом патриотизма, героизмом и единством простых японцев, призывая соотечественников «следовать примеру Японии и объединяться, становиться трудолюбивыми и заниматься самообразованием» [Weber, Hayashi 2016]. Позже, однако, его высказывания о Японии стали более критическими, поскольку он видел угрозу индийским экономическим интересам, когда рынок страны наводнил дешевый японский текстиль, а также высказал опасения в связи с возможным вторжением в Индию. В целом исследователи считают, что говорить об особом отношении Ганди к Японии нельзя, а его авторитет в этой стране обусловлен личными контактами с буддистскими монахами [Weber, Hayashi 2016].

Отношение к М. Ганди в Японии связано с теми ценностями, за которые он выступал и к которым обращается премьер-министр Н. Моды. Идеи сатьяграха в глазах японцев свидетельствуют о несокрушимом духе терпимости в духовной истории Индии, что особо подчеркнул С. Абэ во время выступления в Дели в 2007 г. В торжественной речи во время визита в Индию в 2013 г. император Акихито отметил, что идеалы демократии, интернационализма и пацифизма непосредственно связаны с принципом ненасильственного сопротивления, проповедуемого Ганди.⁸ Во время визитов в Индию высокие гости из Японии посещают памятник Радж Гхат, установленный на месте убийства Ганди. В мае 2023 г. правительство Индии подарило городу Хиросиме в качестве символа дружбы и доброй воли памятник Махатме Ганди, на открытии которого присутствовал премьер-министр Н. Моды. В июле 2024 г. министр иностранных дел С. Джаишанкар торжественно открыл статую Махатме Ганди на площади Свободы в районе Эдогава, Токио.

Индийские борцы за независимость в Японии

Для многих индийских борцов за независимость Япония начала XX в. во многом стала ролевой моделью как пример передового азиатского государства. Часть из них, делавшая ставку на вооруженную борьбу с колонизаторами, видела в Японии соратника в этой борьбе.

⁸ The address in reply by His Majesty the Emperor of the State Banquet organised by the President of India. *The Imperial Household Agency*. December 2, 2013. <https://www.kunaicho.go.jp/e-okotoba/01/address/speech-h25e.html>

Для некоторых из них эта страна даже стала вторым домом. Лидер бенгальского националистического движения, Раш Бехари Бос, председатель Лиги независимости Индии, в 1915 г. бежал от преследовавших его британских властей в Японию. Ему удалось получить в стране политическое убежище не без протекции со стороны влиятельного идеолога правых сил Тояма Мицуру. Раш Бехари Бос женился на японке и получил японское гражданство. В 1943 г. японское правительство наградило его вторым по значимости гражданским титулом, который присваивается уроженцам других стран, – Орденом Восходящего солнца Второй степени [Chansoria 2022]. Бос прожил в Японии до самой смерти в 1945 г. и был там же похоронен. Он оставил след не только в политической истории, но и в жизни простых японцев: его знают как человека, который привез индийский карри.

В истории Второй мировой войны в Азии Раш Бехари Бос сыграл существенную роль. В 1942 г. он стал во главе Индийской национальной армии (ИНА), сформированной в Юго-Восточной Азии из пленных индийских солдат британской армии и членов индийской общины, проживавших в регионе. Босу было поручено быть посредником и представителем целей ИНА в японском Офисе по связям с Временным правительством Свободной Индии (созданном при поддержке Японии в противовес британским властям), а затем с ИНА [Chansoria 2022].

По его приглашению в Японию прибыл Субхас Чандра Бос – президент Индийского национального конгресса и с 1943 по 1945 гг. председатель Временного правительства Свободной Индии. Он искал поддержку в борьбе с британскими колонизаторами, поэтому был в тесном контакте с японскими политиками того времени. Однако к 1943 г. Япония потеряла стратегическую инициативу, сфокусировала внимание на других направлениях, и единственное военное наступление на Британскую Индию со стороны бирманской территории весной 1944 г. закончилось тяжелым поражением [Лунев 2017]. Субхас Чандра Бос погиб в авиакатастрофе над Тайванем 18 августа 1945 г., его останки были помещены в храм Рэнкодзи недалеко от Токио, где покоятся по сей день. Несмотря на то, что многие настаивают на необходимости перезахоронить прах в Индии, это вызывает неприятие части бенгальского общества, которое продолжает верить, что он жив [Lebra 2006, p. 29].

Сам факт того, что Бос и его армия боролись с английскими колонизаторами, окружил их имена ореолом героизма. Субхас Чандра Бос, также известный как Нетаджи («вождь») остался в памяти населения Индии как национальный герой, чье имя вызывает не только уважение, но и настоящее религиозное поклонение, несмотря на его противоречивую политику [Кожевников 2015, с. 59]. Ведущие индийские политики, включая премьер-министров и президентов, посещали храм и могилу Боса. Во время визита в Индию в 2007 г. С. Абэ также отдал дань уважения Субхасу Чандре Босу, посетив его музей, а также встретившись с его правнуком. Правнук Боса характеризовал Абэ как большого поклонника Нетаджи, и в январе 2022 г. по случаю 125 годовщины со дня рождения С. Ч. Боса Центр исследований Нетаджи в Калькутте вручил С. Абэ Награду Нетаджи 2022 г.

Упоминание о поддержке Японией ИНА, действующей на Северо-Востоке Индии, сегодня можно даже встретить в качестве обоснования ее участия в развитии этого региона. По словам индийских политологов, Вторая мировая война связывает Северо-Восточную Индию с Японией личным и эмоциональным образом и общим историческим опытом, поскольку многие японские солдаты погибли на Северо-Востоке страны [Basu 2025].

Еще одним борцом за независимость, чье имя менее известно, но роль в развитии индийско-японских отношениях не менее значима, является А. М. Наир. Следуя примеру старшего брата, он в 1928 г. приехал в Японию на учебу, а после окончания Киотского университета решил не возвращаться на родину, потому что к тому времени уже был в британских черных списках по причине связей с националистическим движением. В годы Второй мировой войны он участвовал в деятельности Лиги независимости Индии и выполнял роль связующего звена между индийским движением за независимость и японским правительством. Наир-сан, как его называли в Японии, прожил в стране более шестидесяти лет, а также провел несколько лет в Маньчжурии, где был неофициальным советником правительства Маньчжоу-Го и Квантунской армии [Chansoria 2024, p. 3]. В ноябре 1984 г. А. М. Наир был удостоен высокой награды – Ордена Священного Сокровища, который ему вручил Император Хирохито [Chansoria 2024, p. 10].

Вопросы послевоенного урегулирования в двусторонних отношениях

Историки справедливо отмечают, что Вторая мировая война не вызвала обоюдного чувства исторической обиды ни у Японии, ни у Индии. Данный фактор существенно повлиял на дальнейшее восстановление и развитие дружеских отношений между странами [Леленкова 2015, с. 94]. Неудивительно, что и после окончания войны и оккупации Индия заняла особую позицию в отношении мирного урегулирования, осудив процедуру подготовки Сан-Францисского мирного договора, исключаящую участие всех заинтересованных сторон и обсуждение проекта договора по существу, а также отказалась от участия в мирной конференции, подписав двусторонний мирный договор с Японией в июне 1952 г., при этом также отказавшись от права на репарации. В 1957 г. Дж. Неру стал первым иностранным премьер-министром, посетившим Японию после окончания ее оккупации.

Значимой фигурой, чья деятельность оставила след в формировании особого отношения японцев к Индии, стал юрист Радхабинод Пал, один из трех азиатских судей, назначенных в Международный военный трибунал для Дальнего Востока (Токийский процесс), где предстали 28 главных японских военных преступников. Радхабинод Пал стал единственным судьей, не поддержавшим приговор трибунала по всем статьям и посчитавшим, что всех обвиняемых следует оправдать. В ответ на обвинительный приговор, вынесенный 10 судьями, Радхабинод Пал подал т. н. «особое мнение», документ объемом примерно 1300 страниц, состоящий из семи глав, в котором подробно и аргументированно оспорил не только вердикт, но и концепцию самого процесса [Леленкова 2015, с. 97].

Особое мнение Пала морально поддержало дух японского народа во всеобщей атмосфере растерянности и почти отчаяния, что вызвало чувство глубокой благодарности к нему [Леленкова 2015, с. 98]. Пал был приглашен в Японию в 1966 г., где император Хирохито наградил его Орденом Священного сокровища первой степени. В Индии Пал также был удостоен высокой награды – ордена Падма Вибхушан. Памятные монументы судье были установлены в 1997 г. в киотском храме Рёдзэн гококу, где чтут память о военных героях,

а также в 2005 г. в святилище Ясукуни. Память о судьбе является одним из связующих элементов в двусторонних отношениях. В 2007 г. во время визита в Индию премьер-министр Японии С. Абэ в обращении к парламенту почтил память Р. Пала, скончавшегося в 1967 г. По словам премьера, «он продемонстрировал благородный дух мужества во время Международного военного трибунала для Дальнего Востока». Затем С. Абэ отправился в Калькутту, чтобы встретиться с сыном судьи. В некоторых СМИ этот шаг был расценен как отражение националистического настроения, а комментаторы визита подчеркивали, что сам С. Абэ являлся внуком Киси Нобусукэ (премьер-министра Японии в 1957–1960 гг.), после войны находившегося под стражей как подозреваемый в военных преступлениях класса «А».⁹

Еще одним жестом доброй воли, имевшим особое значение для разрушенной войной Японии, стал подарок слона для зоопарка Уэно. Дело в том, что в 1943 г., в разгар Второй мировой войны, мэр Токио издал приказ убить слонов, содержащихся в зоопарке Уэно, из опасений, что они вырвутся на свободу во время воздушных налетов. В 1949 г. японские школьники написали тогдашнему премьер-министру Индии письмо, и Дж. Неру в знак дружбы подарил зоопарку Уэно слона. С тех пор «дипломатия слонов» стала одним из элементов индийской мягкой силы и демонстрацией особого дружеского расположения. Индия регулярно дарит слонов Японии, что способствует чувству симпатии к стране как со стороны населения, так и на высшем уровне. Во время выступления в индийском парламенте в 2007 г. премьер-министр С. Абэ отметил, что слон Сурия, подаренный Индией в 2001 г., принес удачу его стране, помогая Токио преодолеть «тяжелую рецессию».¹⁰

История японо-индийских гуманитарных контактов характеризуется взаимным интересом и симпатией. Между странами всегда существовала религиозно-культурная близость, а историческая память является объединяющим фактором. В Индии относятся с одинаковым почтением ко всем участникам Второй мировой войны, даже если они воевали по разные стороны фронта, поскольку каждый

⁹ Japanese Leader Hails Indians Who Backed Tokyo in '40s. *The New York Times*. August 24, 2007. <https://www.nytimes.com/2007/08/24/world/asia/24japan.html>

¹⁰ India's elephant Suriya brought luck to Japan: Abe. *One India*. August 22, 2007. <https://www.oneindia.com/2007/08/22/indias-elephant-suriya-brought-luck-to-japan-abe-1187766908.html>

из них по-своему воевал за свободу своей страны и внёс свой вклад в дело достижения Индией независимости [Кожевников 2015, с. 51], а для Японии память о таких фигурах как С. Ч. Бос и Р. Пал является возможностью продемонстрировать миру, что в Индо-Тихоокеанском регионе есть крупная держава, отношения с которой не отягощены негативным багажом Второй мировой войны.

Японский премьер-министр С. Абэ, бывший активным сторонником японо-индийского партнерства, особое внимание уделял историческим и культурным точкам соприкосновения двух стран, о чем свидетельствовало содержание его эмоциональной и красочной речи «Слияние двух морей». С ней он выступил в индийском парламенте в 2007 г., подчеркнув, что Япония вновь открыла для себя Индию как друга и как партнера, разделяющего ценности и интересы.

Роль институциональных акторов в двусторонних гуманитарных отношениях

В истории двусторонних гуманитарных связей большую роль сыграл личностный фактор, однако на сегодняшний день в их развитии активно участвует большое количество институциональных игроков. В 1950-е гг. основная часть культурного взаимодействия осуществлялась по линии неправительственной организации Международный японский дом. В 1956 г. между Японией и Индией было подписано соглашение о культурном сотрудничестве, и в следующем году создана совместная межправительственная комиссия по вопросам культуры. В 1980-е гг. культурные связи получили новый импульс: во время встречи на высшем уровне между премьер-министрами Я. Накасонэ и Р. Ганди в 1985 г. была достигнута договоренность о проведении месяца Японии в четырех крупных городах Индии, а также Индийского фестиваля – в Японии. В 1990-е гг. важным событием гуманитарного характера стала правительственная миссия под руководством профессора университета Кэйо Сато Сэйдзабуро, посетившая Индию и другие страны Южной Азии, а в 1994 г. в Нью-Дели было открыто отделение Японского фонда. В развитии гуманитарных связей участвуют посольство, представительство Японского агентства международного сотрудничества (JICA). В индийском посольстве действует Культурный центр Вивекананды в Токио, усилиями диаспоры открыт Культурный центр Хинди в Японии, Фонд Индия и Япония.

По данным посольства Индии, в настоящее время в Японии действуют более пятидесяти индийских ассоциаций и около десяти крупных японских ассоциаций, занимающихся развитием двусторонних отношений.¹¹

Ведутся обмены по линии исследовательских институтов, прежде всего Международного Фонда Вивекананды (VIF). Фонд был основан в 2009 г. Аджитом Кумаром Довалом (с 2016 г. он занимает пост советника по национальной безопасности премьер-министра Н. Модии) и представляет собой независимую общественную организацию правоцентристского толка. Фонд сотрудничает с различными японскими исследовательскими организациями, особенно плодотворно с Японским институтом национальных основ (JINF), организацией консервативного толка, которой симпатизировал С. Абэ. Фонд Вивеканды и Институт регулярно проводят совместные семинары, посвященные стратегическому взаимодействию двух стран. Установлен экспертный диалог между Индийским фондом и Институтом мира Кадзима. Фонд мира Сасакава выступает соорганизатором регулярного Интеллектуального конклава Кидзуна.

К ресурсным центрам мягкой силы можно отнести и деловые ассоциации. Первая японо-индийская ассоциация была основана еще в 1903 г. предпринимателем Сибусава Эйити, которого называют отцом японского капитализма. Традиционно во главе этого объединения стояли влиятельные представители элит обеих стран. Сейчас ее возглавляет бывший премьер-министр Японии Ё. Суга. В 2011 г. учрежден Индийско-японский Деловой совет, ведет активную деятельность Индийско-японская торгово-промышленная палата. В связи с провозглашенным лидерами двух стран партнерством в разных сферах экономической жизни увеличивается количество мероприятий для деловых кругов, что также способствует росту взаимной заинтересованности.

Японское влияние в Индии: от анимэ до сумо

Японская современная культура, в особенности анимэ и манга, стремительно завоевывает мир, и Индия не является исключением. В 2019 г. больше пятидесяти тысяч любителей анимэ создали петицию

¹¹ Brief on India-Japan cultural relations. *Embassy of India in Japan*. https://www.indembassy-tokyo.gov.in/eoityo_pages/NjA3

с требованием выпустить в кинотеатрах Индии фильм известного режиссера Синкай Макото «Дитя погоды» (*Тэнки но ко*), который стал первым анимэ, вышедшим на широкий экран. С тех пор популярность анимэ постоянно растет, и, согласно исследованиям компании JetSynthesys, 83 % индийцев отдают предпочтение анимэ по сравнению с другими видами анимационного контента. Прогнозируется, что рынок анимэ в Индии будет расти на 13% в период с 2023 по 2028 гг.¹² В разных городах Индии – Мумбае, Дели, Бангалоре существуют клубы любителей анимэ и манга. Пользуются популярностью такие мероприятия, как Делийский комикс-кон, где собираются поклонники комиксов и японской культуры. Существуют переводы на хинди нескольких произведений манга [Pillamarri 2014].

В то же время следует отметить, что произведения японской поп-культуры об Индии могут провоцировать непредсказуемую реакцию, о чем свидетельствует история японо-индийского анимэ «Рамаяна: Легенда Принца Рама», созданного в 1993 г. режиссерами Сако Юго и Сасаки Коити из Японии и Рамом Моханом из Индии. Фильм был представлен на индийском международном кинофестивале, однако на широкий экран он вышел только спустя 32 года, в январе 2025 г. В 1990-е гг. на фоне сложной внутривосточной ситуации, трений между различными религиозными группами, это анимэ как интерпретация истории индуистских божеств иностранцами было болезненно воспринято местными консервативными религиозными группами и вызвало протесты в стране, что привело к решению отложить выпуск фильма.¹³ Только в январе 2025 г. в рамках фестиваля Маха Кумбх Мела в Праяградж, древнем городе на побережье реки Ганг, состоялся показ анимэ «Рамаяна: Легенда Принца Рама» в 4К, и вскоре фильм вышел в кинотеатрах. На этот раз его показ стал частью проекта «Соединяя мир через Рамаяну», акцент сделан на роли Рамаяны как источника литературного творчества, культуры и религии, влияние которого прослеживается и в японской

¹² Shepherd, E. Anime fanfare accelerates in India, thanks to the proliferation of streaming. *The Current*, February 20, 2024. <https://www.thecurrent.com/anime-india-streaming-gaming>

¹³ Ramayana: The Legend of Prince Rama to Release After 32 Years: All You Need to Know About Its Controversial History. *ETV Bharat*, January 8, 2025. <https://www.etvbharat.com/en!/entertainment/ramayana-the-legend-of-prince-rama-to-release-after-32-years-all-you-need-to-know-about-its-controversial-history-enn25010801187>

литературе, например, в антологии рассказов сэцува «Хобуцую» и даже в сказке Момотаро.¹⁴

Определенную роль в укреплении гуманитарного сотрудничества играет распространение традиционных японских боевых искусств, которые пользуются популярностью в Индии. Одним из старейших японских единоборств в Индии является дзюдо, появившееся в стране в 1929 г. В 1969 г. в Индии началось преподавание каратэ, а в 1999 г. – кэндо. В 1996 г. учреждена Федерация Сумо Индии, а в 2023 г. на 36-м Токийском международном кинофестивале состоялась премьера фильма «Сумо Диди» – биографии единственной в Индии женщины-борца сумо Хетал Дэйв. Популяризация японских единоборств происходит как усилиями местных энтузиастов, так и при поддержке японского правительства. В 2012 г. по случаю 60-летия дипотношений Фонд японских боевых искусств и Ассоциация боевых искусств Японии направили крупную делегацию, возглавляемую бывшим министром образования Ё. Симомура, для демонстрации традиционных боевых искусств.

Образовательное сотрудничество в японо-индийских отношениях

Образование на протяжении многих лет является важным инструментом распространения японского влияния за рубежом, и Индия не является исключением. В двустороннем образовательном сотрудничестве представлены партнерства между образовательными и научными учреждениями, программы студенческих и преподавательских обменов, правительственные стипендии. Существует 665 программ научного партнерства, в которых участвуют около 100 японских и 200 индийских университетов.¹⁵

В 2015 г. был подписан межправительственный меморандум о сотрудничестве в сфере образования, а в 2017 г. – меморандум о расширении программ преподавания японского языка в Индии. В июле

¹⁴ Remarks by Ambassador Sibi George at the Maha Kumbh Mela Celebrations at Embassy of India in Tokyo, January 13, 2025. *The Indian Embassy*: https://www.indembassy-tokyo.gov.in/public_files/assets/pdf/13.01.2025%20-%20Remarks%20by%20Ambassador%20Sibi%20George%20at%20the%20MahaKumbh%20Mela_Celebrations%20at%20Embassy%20of%20India%20in%20Tokyo,%20January%2013,%202025.pdf

¹⁵ India-Japan education cooperation. Embassy of India in Japan. https://www.indembassy-tokyo.gov.in/eoityo_pages/MTIz

2018 г. на базе Университета имени Джавахарлала Неру при правительственной поддержке был создан Центр подготовки преподавателей японского языка [Nihongo kyōiku koku... 2023], на базе которого прошли обучение порядка 600 человек. В марте 2023 г. подписан новый Меморандум о сотрудничестве в области преподавания японского языка, что приводит к увеличению количества желающих его изучать. По данным Японского фонда, в 2023 г. их число составило 36 015 чел. [Nihongo kyōiku koku... 2023]

Помимо обучения японскому языку образовательная политика Японии в отношении Индии заключается в обучении техническим специальностям и особенностям японского менеджмента. В 2016 г. подписано соглашение о десятилетней Программе содействия передаче производственных навыков, предусматривающей обучение 30 тыс. человек в Японо-индийских производственных институтах и на специальных курсах в индийских колледжах. На базе крупных японских компаний действуют 22 аккредитованных совместных производственных института. По линии ОПП осуществляется Программа «Дальновидные лидеры для производств», нацеленная на создание передовой системы обучения менеджменту в Индии. В 2017 г. подписано соглашение о стажировках по техническим специальностям, позволяющее индийской молодежи обучаться в Японии в сфере производства, здравоохранения, строительства, текстильной промышленности и сельского хозяйства.¹⁶ Отдельно в 2017 г. была запущена правительственная программа краткосрочных стажировок IRIS, в рамках которой молодежь с Северо-Востока Индии может посетить Японию и в течение недели принять участие в обучающих семинарах по вопросам окружающей среды, борьбы со стихийными бедствиями, технических инновациях и др. Совместными усилиями Индийско-японского делового совета при поддержке посольства Японии и Японского фонда проводятся регулярные совместные образовательные конклавы.

Активные усилия на правительственном уровне, направленные на продвижение культурной и образовательной дипломатии, которые ложатся на благоприятную почву исторически сложившихся симпатий, обеспечивают устойчивый характер гуманитарных связей. Япония давно привлекает индийцев, которые с конца XIX в. начали

¹⁶ India, Japan sign agreement to give skilled Indian workers access to Japanese job market. *The Hindustan Times*, January 18, 2021. <https://www.hindustantimes.com/india-news>

мигрировать эту страну. Традиционными местами поселения индийских торговцев были Кобэ и Йокогама, однако в настоящее время большое число живет в Токио, а район Ниси-Касай называют «маленькой Индией» [Chauhan 2024]. По данным на декабрь 2024 г. в Японии проживает почти 54 тыс. индийцев. Еще в 2001 г. Япония смягчила визовые требования к индийским ИТ-специалистам, поэтому большую часть проживающих в стране граждан этой страны составляют работники ИТ сферы и студенты. Вероятно, это сказалось на отношении к индийцам в Японии, которое в основном благожелательное, их часто считают умными и работоспособными.¹⁷

В последнее время Япония прилагает особые усилия по привлечению квалифицированных кадров – т. н. «синих воротничков» для работы в ряде отраслей, что должно компенсировать нехватку рабочей силы в стране. В январе 2018 г. подписан меморандум о взаимопонимании и привлечении индийских квалифицированных работников для работы в 14 областях, включая уход за больными, промышленное машиностроение, судостроение, авиацию, сельское хозяйство и пищевую промышленность. Индийские работники, отвечающие требованиям к уровню профессиональных навыков и сдавшие экзамены по языку, будут иметь право на работу на контрактной основе [Добринская 2023, с. 95]. Согласно опросу, опубликованному Pew Research Center, японцы относятся к Индии наиболее благосклонно среди других крупных азиатских стран: 63 % японцев положительно оценивают эту страну.¹⁸ Индийцы также относятся к Японии более благосклонно, чем к другим азиатским странам – 43 % респондентов оценили ее положительно. По данным опроса японского МИД, 87 % опрошенных респондентов из Индии считают Японию главным партнером среди стран Большой Двадцатки, особенно отмечая уровень ее экономического и технологического развития, миролюбивую политику и богатые традиции.¹⁹

¹⁷ Shevlin, S. Living among the Japanese: An entrepreneur's tale. *The New Indian Express*, February 20, 2018. <https://www.newindianexpress.com/lifestyle/travel/2018/Feb/19/living-among-the-japanese-an-entrepreneurs-tale-1775329.html>

¹⁸ How Asians see each other. *Pew Research Center*, July 14, 2014. <https://www.pewresearch.org/global/2014/07/14/chapter-4-how-asians-view-each-other/>

¹⁹ Opinion Poll: Image of Japan in India. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, March 2016. <https://www.mofa.go.jp/files/000209502.pdf>

Выводы

Япония и Индия сегодня являются глобальными партнерами, однако можно утверждать, что близость их народов основана не только и не столько на стратегическом расчете, сколько на множестве невидимых нитей, будь то религиозные корни или философские воззрения, взгляд на общие страницы истории или судьбы отдельных людей. Индия издавна является местом паломничества японских буддистов, однако в настоящее время религиозная повестка правительств двух стран сосредоточена вокруг продвижения идеи единства буддизма и индуизма. По мнению некоторых политиков, такое единство может стать философской основой для выработки самобытного азиатского подхода к глобальным проблемам современности. Просматривается попытка привести к единому знаменателю «универсальные ценности», провести параллели между западным мировоззрением и основами буддистской и индуистской философии.

В отличие от стран Восточной и Юго-Восточной Азии, история Второй мировой войны в японо-индийских отношениях является скорее объединяющим, чем разделяющим фактором. Часть населения страны склонялась к сотрудничеству с Японией во Второй мировой войне, а лица, сражавшиеся за независимость Индии от британского господства, воспринимаются как национальные герои, независимо от того, на чьей стороне они сражались. Япония всегда относилась с почтением к индийским борцам за независимость: они получили возможность жить и работать в Японии, а государство наградило их престижными наградами.

Особо тесные связи исторически сложились у Японии с регионом Северо-Восточной Индии. Именно выходцы из Бенгалии – С. Вивекананда, Р. Тагор, Р. Б. Бос и С. Ч. Бос, Р. Пал оставили след в истории японо-индийских гуманитарных контактов. В том районе были сильны национально-освободительные движения, которые в годы войны перешли к вооруженной борьбе с Британией при поддержке Японии. В настоящее время Япония особое внимание уделяет развитию Северо-Востока Индии. И хотя эти усилия продиктованы рациональным подходом, поскольку укрепление пограничных районов позволит в перспективе наладить трансграничную связь и цепочки поставок в регионе, некоторые наблюдатели видят в этом отголоски той роли, которую Северо-Восточный регион играл во время Второй мировой войны.

Анализ деятельности и риторики японских премьер-министров позволяет сделать вывод, что наибольшее внимание гуманитарным аспектам двусторонних связей уделял С. Абэ, испытывавший особую симпатию к Индии. С. Абэ был также известен своими ревизионистскими настроениями и стремлением избавить Японию от послевоенного комплекса вины, и внимание к определенным индийским фигурам, таким как Субхас Чандра Бос и Радхабинод Пал, отвечало духу этой политики. В последующий период лидеры Японии не демонстрировали столь внимательного отношения к индийским персоналиям. Например, в речах премьера Ф. Кисида уже не фигурировали цитаты из индийских классиков или красочные метафоры и не упоминались неоднозначные исторические личности.

Согласно опросам общественного мнения, японцы и индийцы благожелательно относятся друг к другу, индийская диаспора в Японии постепенно увеличивается. Япония заинтересована в привлечении талантливых специалистов в цифровой сфере с тем, чтобы повысить международную конкурентоспособность, а также готова приглашать в страну работников квалифицированных специальностей, чтобы решить проблему нехватки рабочей силы.

Активный подход обеих сторон к развитию гуманитарных связей в сочетании с благоприятными условиями осуществления культурной дипломатии, основанными на исторической и культурной близости, обеспечивает прочный фундамент для дальнейшего сближения двух стран в политической, экономической и других областях взаимодействия.

Библиографический список

Добринская О. А. (2019) Индия во внешней политике С. Абэ. *Ежегодник Японии*. Т. 48. С. 25–55. – DOI 10.24411/0235-8182-2019-10002.

Добринская О. А. (2023) Экономическая стратегия Японии и Индии: проблемы и перспективы. *Проблемы Дальнего Востока*. № 4. С. 85–98. – DOI 10.31857/S013128120027130-4.

Кистанов В. О. (2017) Япония и Индия создают альянс с оглядкой на Китай. *Независимая газета*. 02.10.2017. https://www.ng.ru/courier/2017-10-02/9_7085_japan.html

Кожевников В. В. (2015) Японо-индийские отношения в период Второй мировой войны. *Россия и АТР*. № 3. С. 49–60.

Леленкова А. В. (2015) Политические отношения между Японией и Индией в первые годы после окончания Второй мировой войны. *Вестник Санкт-Петербургского Университета*. Сер. 13. Вып. 3. С. 92–103.

Лунев С. И. (2015) Империалистические ружья ломают колониальные копья – Индия и Вторая мировая война. 07.05.2015. РСМД. <https://russiancouncil.ru/amp/analytics-and-comments/analytics/imperialisticheskie-ruzhya-lomayut-kolonialnye-kopya-indiya/>

Скороходова Т. Г. (2021) Проблема нации и национализма в социально-философской мысли Рабиндраната Тагора. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. Т. 37. Вып. 3. С. 464–478. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.308>

Стрельцов Д. В. (2025) О политическом наследии Абэ Синдзо. *Восточная Азия: факты и аналитика*. Т. 7, № 1. С. 62–77. – DOI 10.24412/2686-7702-2025-1-62-77.

Фирсова В. С. (2012) Индийцы в Японии: прошлое и настоящее. *Вестник СПбГУ*. Сер. 13. Вып. 4. С. 29–36.

References

Basu, P. (2025). Japan in India's Northeast: Infrastructure, Innovation, Impact. *Observer Research Foundation*. 02.04.2025. Retrieved from: <https://www.orfonline.org/expert-speak/japan-in-india-s-northeast-infrastructure-innovation-impact>

Chansoria, M. (2022). Rash Behari Bose: founding of the Indian National Army. *Japan Forward*, 06.01.2022. Retrieved from: <https://japan-forward.com/rash-behari-bose-founding-of-the-indian-national-army/>

Chansoria, M. (2024). The life and times of A. M. Nair: the forgotten Indian freedom fighter in Japan. *JIIA Policy Brief*. Sep 4.

Chauhan, A. S. (2024). Indians in Japan: Work, Life, and Racism. *The Diplomat*. April 10. Retrieved from: <https://thediplomat.com/2024/04/indians-in-japan-work-life-and-racism/>

Dobrinskaya, O. A. (2019). Indiya vo vneshnei politike S. Abe [India in Shinzo Abe's Foreign Policy]. *Yearbook Japan*, 48, 25–55. (In Russian). DOI 10.24411/0235-8182-2019-10002

Dobrinskaya, O. A. (2023). Ekonomicheskaya strategiya Yaponii v Indii: problemy i perspektivy [Japan's Economic Strategy in India: Issues and Prospects]. *Far Eastern Studies*, 4, 85–98. (In Russian). DOI 10.31857/S013128120027130-4.

Firsova, V. S. (2012). Indiitsy v Yaponii: proshloe i nastoyashchee [Indians in Japan: Past and Present]. *Saint Petersburg University Bulletin*, 13 (4), 29–36. (In Russian).

George, P. A. (2017). Indo ni okeru nihongo kyōiku no kako genjō mirai [Past, Present and Future of Japanese Language Education in India]. *Asian Studies*, 269–272. (In Japanese).

Haraoka, N. (2024). Swami Vivekananda – a Great Indian Thinker of the 19th Century. *Japan Spotlight*, July/August. Retrieved from: https://www.jef.or.jp/journal/pdf/256th_Culture.pdf

Kistanov, V. O. (2017). Yaponiya i Indiya sozdayut al'yans s oglyadkoi na Kitay [Japan and India Forge an Alliance With China in View]. *Nezavisimaya gazeta*, October 02. Retrieved from: https://www.ng.ru/courier/2017-10-02/9_7085_japan.html (In Russian).

Kozhevnikov, V. V. (2015). Yaponi-indiiskie otnosheniya v period Vtoroi mirovoi voiny [Japan-India Relations During the Second World War]. *Russia and the Asia Pacific Region*, 3, 49–60. (In Russian).

Lebra, J. (2006). The Incendiary Ashes of Subhas Chandra Bose, or Myth and History, Life and Death in Japan and India. *Japan Spotlight*, September/October, 28–29. Retrieved from: <https://www.jef.or.jp/journal/pdf/cover9.pdf>

Lelenkova, A. V. (2015). Politicheskie otnosheniya mezhdru Yaponiei i Indiei v pervye gody posle okonchaniya Vtoroi mirovoi voiny [Indo-Japanese Political Relations in the First Years After the End of the Second World War]. *Saint-Petersburg University Bulletin*, 13 (3), 92–103. (In Russian).

Lunev, S. I. (2015). Imperialisticheskie ruzh'ya lomayut kolonial'nye kop'ya – Indiya i Vtoraya mirovaya voina [Imperialistic Arms Crush Colonial Spears – India and Second World War]. *Russian International Affairs Council*, May 7. Retrieved from: <https://russiancouncil.ru/amp/analytics-and-comments/analytics/imperialisticheskie-ruzhya-lomayut-kolonialnye-kopya-indiya/> (In Russian).

Narsimhan, S. (2019). Buddhism as A Soft Power Tool in India-Japan Cultural Relations. *Asian Studies International Journal*, 1 (1, December 2019), 64–70.

Nihongo kyōiku koku. Chiiki betsu jōhō. (2023). [Country Information on Japan Language Education]. *Kokusai kōryūikin* [Japan Foundation]. Retrieved from: <https://www.jpff.go.jp/j/project/japanese/survey/area/country/2023/india> (In Japanese).

Pillalamarri, A. (2014). Japanese Cultural Influence Grows in India. *The Diplomat*, 29.08.2014. Retrieved from: <https://thediplomat.com/2014/08/japanese-cultural-influence-grows-in-india/>

Skorohodova, T. G. (2021). Problema natsii i natsionalizma v sotsial'no-filosofskoi mysli Rabindranata Tagora [The Problem of the Nation and Nationalism in the Social-Philosophical Thought of Rabindranath Tagore]. *Saint-Petersburg University Bulletin*, 37 (3), 464–478. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.308> (In Russian).

Streletsov, D. V. (2025). O politicheskom nasledii Abe Sindzo [Shinzo Abe's Political Legacy]. *East Asia: Facts and Analytics*, 7 (1), 62–77. DOI: 10.24412/2686-7702-2025-1-62-77 (In Russian).

Weber, T., Hayashi, A. (2016). Mahatma Gandhi: The Japanese Connection. Adapted from the original article which appeared in *Gandhi Marg*, Volume 37, Number 3 & 4, Combined issue October-December 2015 & January-March 2016. Retrieved from: <https://www.mkgandhi.org/articles/mahatma-gandhi-the-japanese-connection.php>

Williams, M. (2021). Buddhist Monk Bodhisena in Japan. *Japan SPOTLIGHT*, January/February, 39–42. Retrieved from: https://www.jef.or.jp/journal/pdf/235th_HRAC.pdf

«Самый похожий на премьера» глава кабинета министров: к 50-летию со дня смерти Сато Эйсаку

Д. В. Стрельцов

Аннотация

Статья посвящена памяти Сато Эйсаку, премьер-министра Японии в период с 1964 по 1972 гг., и написана в связи с 50-летней годовщиной со дня его кончины. Автор поставил перед собой задачу показать его личный вклад в развитие страны и проанализировать его политическое наследие с позиций сегодняшнего дня.

Сато принадлежал к консервативному мейнстриму (*хосю хонрю*) Либерально-демократической партии, связанному с Ёсида Сигэру. Политическое восхождение Сато характеризовалось его феноменальной способностью балансировать между фракциями ЛДП, находящимися между собой в крайне сложных и порой враждебных взаимоотношениях, и поддерживать прочные связи с деловыми кругами Японии. Кульминации его политическая карьера достигла к концу 1960-х гг., когда он почти единолично контролировал весь высший политический истеблишмент Японии.

Автор перечисляет достижения Сато на посту главы кабинета, в числе которых – быстрый экономический рост страны, который стал возможным благодаря активному государственному регулированию; сильная социальная политика и трехкратный рост зарплат в производственном секторе; амбициозные инфраструктурные проекты, включая продление линии Синкансэн и строительство аэропорта Нарита; проведение международной выставки «Экспо 70» в Осаке. Важной частью политического наследия Сато, по мнению автора, стала введенная им практика использования консультативных и иных экспертных структур для подготовки решений в обход традиционных бюрократических органов.

На опыт премьерства Сато опирались в дальнейшем многие сильные премьеры Японии. Среди наиболее значимых успехов Сато в сфере внешней политики и безопасности в статье отмечены возвращение Окинавы под административный контроль Японии на условиях вывода ядерного оружия,

а также Три неядерных принципа и подписание Договора о нераспространении ядерного оружия. За эти достижения в 1974 г. Сато была присуждена Нобелевская премия мира.

Ключевые слова: Сато Эйсаку, столетие Реставрации Мэйдзи, Экспо 70, возвращение Окинавы, Три неядерных принципа, политика, ориентированная на *Кантэй*

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, МГИМО-университет: 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского д. 76; Институт Китая и современной Азии: 117997, Россия, Москва, Нахимовский просп., д. 32.

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-7177-2831

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Most “Prime Minister-like” Head of Cabinet: Commemorating the 50th Anniversary of the Death of Eisaku Sato

D. V. Streltsov

Abstract

The article is dedicated to the memory of Eisaku Sato, Prime Minister of Japan from 1964 to 1972, and was written in connection with the 50th anniversary of his death. The author attempted to address his personal contribution to the development of Japan and to analyze his political legacy from today’s perspective.

Sato belonged to the conservative mainstream (*hoshu honryu*) in the Liberal Democratic Party, which was associated with Shigeru Yoshida. Sato’s political ascent was characterized by his phenomenal ability to balance between the LDP factions, which were in extremely difficult and sometimes hostile relations with each other, and to maintain strong ties with the Japanese business community. His political career reached its peak by the end of the 1960s, when he almost single-handedly controlled the entire top political establishment in Japan.

The author lists Sato’s achievements as head of the cabinet, including Japan’s rapid economic growth, promoted by active government regulation; strong social

policy and a threefold increase in wages in the manufacturing sector; ambitious infrastructure projects, including the extension of the Shinkansen Line and the construction of Narita Airport; the holding of the international exhibition Expo 70 in Osaka. An important part of Sato's political legacy, according to the author, was the practice of using advisory and other expert structures to prepare decisions bypassing traditional bureaucratic bodies. Many "strong" Japanese premiers later relied on the experience of Sato's premiership. Among the most significant successes of Sato in the field of foreign policy and security, the article notes the return of Okinawa to Japanese administrative control on the terms of the withdrawal of nuclear weapons, as well as Japan's non-nuclear policy, manifested in the Three Non-nuclear Principles proclaimed by Sato and the signing of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. For these achievements, Sato was awarded the Nobel Peace Prize in 1974.

Keywords: Eisaku Sato, the centenary of the Meiji Restoration, Expo 70, the return of Okinawa, Three non-nuclear Principles, Kantei-led policymaking.

Author: *Streltsov Dmitry V.*, Professor, MGIMO University, 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation; Institute of China and Contemporary Asia of RAS, 32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-7177-2831

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

3 июня 2025 г. прошло ровно 50 лет со дня кончины видного японского политического деятеля Сато Эйсаку. Этот политик, непрерывное пребывание которого на посту премьер-министра страны с ноября 1964 г. по июль 1972 г. было рекордным по длительности до прихода в 2012 г. к власти Абэ Синдзо, оставил заметный след в послевоенной политической истории Японии. Биограф Сато Хаттори Рюдзи назвал его в своей книге «самым похожим на премьера среди всех послевоенных премьер-министров Японии» [Hattori 2021, p. 246]. Незаурядность его личности в том, что будучи воплощением типичных для японских консервативных политиков послевоенного поколения качеств (включая отсутствие яркой внешности, скромность поведения и сдержанность в публичной сфере, упор на аппаратные методы

управления и т. д.), он, тем не менее, не просто пробился на высшую ступень политической власти, а смог удержаться на ней в течение поразительного по японским меркам срок. При этом Сато проявил выдающиеся способности мудрого и дальновидного политического лидера, способного последовательно и цепко отстаивать национальные интересы. В этом смысле знакомство с его политической биографией позволяет не только увидеть с позиций сегодняшнего дня личный вклад премьера в развитие страны, но и дает ключ к пониманию кадрово-организационных основ всей системы политической власти Японии в период расцвета «системы 1955 года».

Путь к политическому признанию

Сато родился 27 марта 1901 г. в городе Табусэ префектуры Ямагути. Он был третьим сыном Сато Хидэсукэ и его жены Мойо и их седьмым ребенком. Помимо двух старших братьев, у него также было четыре старшие сестры. Впоследствии в семье родились еще три девочки, т.е. в общей сложности там было десять детей: три мальчика и семь девочек. Семья Сато имела самурайские корни и происходила из города Хаги, где предки Эйсаку служили вассалами дома Мори.

В Табусэ семья переехала во времена прадеда Эйсаку по имени Нобухиро, служившего в администрации префектуры Симанэ. Нобухико, дед Эйсаку, был старшим сыном Нобухиро и избирался членом законодательного собрания префектуры Ямагути. Мойо, мать Эйсаку, была старшей дочерью Нобухико. Выйдя замуж, она основала новую ветвь семьи Сато и получила в наследство заводик по производству сакэ. Таким образом, Эйсаку был третьим сыном в семье мелкого производителя сакэ.

Отец Эйсаку, Хидэсукэ, был принят в семью Сато, когда женился на Мойо. Его семья также принадлежала к самурайскому роду. По характеру он не очень подходил на роль мелкого предпринимателя, и, возможно, осознав это, Хидэсукэ устроился государственным служащим в правительство префектуры Ямагути.

Впоследствии несколько выходцев из этой семьи стали знаменитыми. Старший брат Эйсаку по имени Итиро дослужился до звания вице-адмирала японского военно-морского флота. Второй же старший брат Нобусукэ был усыновлен своим дядей по материнской линии по фамилии Киси, у которого не было наследников по мужской линии,

и женился на дочери своего приемного отца. Он сделал впечатляющую политическую карьеру и занимал пост премьер-министра Японии с 1957 по 1960 гг.

Эйсаку учился в Пятой школе повышенной ступени Кумамото. Среди выпускников этой школы был Икэда Хаято, ставший предшественником Сато на посту премьер-министра. После окончания школы Сато поступил на юридический факультет Токийского императорского университета, который с момента своего основания был кузницей кадров для японской государственной службы. Эйсаку специализировался на изучении немецкого права и получил в 1924 г. диплом юриста. Среди его однокурсников были еще шесть будущих членов парламента, судья Верховного суда, три президента банка, президент металлургической компании «Фудзи айрон энд стил» и президент газеты *Санкэй симбун* [Rolater 2023]. Впоследствии эти связи, основанные на братстве выпускников одного учебного заведения, будут очень полезными в политической карьере Сато.

В 1926 г. Сато женился на своей двоюродной сестре Мацуока Хироко (их отцы были братьями), которая была племянницей по материнской линии дипломата и будущего министра иностранных дел Мацуока Ёсукэ, взявшим ее на воспитание после смерти отца, когда она была еще в юном возрасте. У супружеской пары родилось двое сыновей – Рютаро и Синдзи. Синдзи в послевоенный период сделал блестящую политическую карьеру и занимал министерские посты в кабинетах Н. Такэсита и Р. Хасимото.

В 1923 г. Эйсаку успешно сдал экзамены на высшую государственную службу, а в следующем году, окончив университет, стал служащим в Министерстве транспорта. Карьера молодого бюрократа складывалась удачно: после прохождения нескольких административных должностей он был направлен на стажировку в США и европейские страны, где с августа 1934 г. по апрель 1936 г. изучал работу железных дорог и методы ведения бизнеса.

В 1938–1939 гг. он работал в оккупированном Японией Китае, где руководил строительством железных дорог. Во время Второй мировой войны он продолжал работать в министерстве, налаживая в условиях военного времени железнодорожное сообщение внутри Японии. В 1941 г. Сато был назначен начальником контрольного бюро Министерства транспорта, а с 1944 по 1946 гг. работал директором окружного железнодорожного управления Осаки.

Когда война закончилась и начались чистки, Сато не был заключен в тюрьму, так как занимал должность директора регионального управления министерства, не дотягивая до уровня высшей бюрократии, и поэтому избежал наказания (в отличие от своего брата Нобусукэ, который был министром в кабинете Тодзё и отсидел в тюрьме три года). В 1947–48 гг. Сато работал заместителем министра транспорта.

В 1948 г. начинается политическая карьера Сато: он вступает в Либеральную партию, а в следующем 1949 г. избирается в нижнюю палату парламента. Дальнейшая карьера Сато развивалась благодаря покровительству премьер-министра Ёсида Сигэру, который разглядел в амбициозном чиновнике эффективного менеджера, способного успешно реализовывать проекты общенационального масштаба. В 1948–49 гг. он входит во второй кабинет Ёсида в качестве генерального секретаря кабинета, в 1951–1952 гг. занимает пост министра почт и телекоммуникаций, а в 1952–53 гг. – министра строительства в кабинете Ёсида. В 1953 г. Сато, верный ученик школы Ёсида, становится генеральным секретарем Либеральной партии.

В 1954 г. японскую политику потряс *дзосэн гигоку* – скандал с судостроительными компаниями, которые были обвинены в даче взяток правительственным чиновникам и партийным лидерам в обмен на государственные контракты и субсидии. Поскольку Сато был напрямую замешан в этом деле, был выдан ордер на его арест, и его спасло лишь заступничество премьер-министра Ёсида, который приказал министру юстиции не арестовывать Сато. Позже в том же году Сато было предъявлено обвинение в нарушении Закона о регулировании государственных фондов, но в 1956 г. дело было прекращено в рамках всеобщей амнистии, объявленной в честь вступления Японии в ООН.

После объединения Либеральной и Демократической партий 15 ноября 1955 г. он становится генеральным секретарем Либерально-демократической партии. В 1958–1960 гг. Сато – министр финансов в кабинете своего старшего брата Киси.

В 1960–1962 гг. Сато активно поддерживал в ЛДП премьера Икэда Хаято и занимал в его кабинете пост министра внешней торговли и промышленности. После кратковременного выхода из кабинета из-за разногласий с Икэда он вернулся в правительство и с июля 1963 по июнь 1964 гг. возглавлял Агентство по развитию Хоккайдо и Агентство науки и технологий, а также был государственным

министром, отвечавшим за организацию летних Олимпийских игр 1964 г. в Токио. Последняя должность оказалась для Сато крайне выигрышной в плане раскрутки своего имиджа, как внутри Японии, так и за ее пределами. В Японии Олимпиада была предметом национальной гордости и престижа, и Сато, который ассоциировался с ее успешным проведением, в полной мере пожинал лавры как один из наиболее авторитетных политических деятелей, пользующихся уважением во всей стране.

Долгое премьерство: причины успеха

10 июля 1964 г. Сато наряду с Фудзияма Иитиро бросили вызов действующему премьеру Икэда Хаято в борьбе за пост председателя ЛДП. В конечном счете Икэда был переизбран, однако вскоре выяснилось, что он страдает неизлечимой формой онкологии. В октябре того же года Икэда объявляет о своем решении уйти в отставку, что означало проведение новых выборов лидера ЛДП.

Основным конкурентом Сато, который немедленно выдвинул свою кандидатуру, был Коно Итиро. Эти два видных политика представляли разные течения внутри ЛДП: первый являлся лидером группировки бывших бюрократов, пришедших в партию с государственной службы, второй – группировки «чистых политиков», которые делали карьеру в политической сфере с молодых лет. К этому времени формирование высшего политического истеблишмента Японии происходило при опоре на следующие три столпа: сообщество выпускников Токийского университета (и прежде всего юридического факультета); министерство финансов, которое было центром не только бюрократической, но и политической власти; крупное бизнес-сообщество, сконцентрированное в Токио. Кадровое продвижение политического деятеля было наиболее беспрепятственным, если он пользовался поддержкой всех трех сообществ и входил или хотя бы был тесно связан с одним из них [Baerwald 1965, p. 37]. В этом смысле Сато, будучи выпускником Токийского университета, сделавшим карьеру в министерствах транспорта и финансов, и одновременно питомцем школы Ёсида, имевшей прочные связи с крупным бизнесом и финансовыми кругами, был практически идеальной фигурой.

Свою роль в решении судьбы премьерского поста также играло то, что депутатский корпус ЛДП не желал в тот момент проведения

новых ожесточенных и выматывающих выборов председателя партии. Кроме того, в бизнес-сообществе имелись определенные опасения по поводу других основных претендентов на высший партийный пост – Фудзияма и Коно [Rolater 2023]. В результате действующему председателю ЛДП было разрешено выбрать преемника путем консультаций в рамках узкого круга партийного руководства. 9 ноября 1964 г. Икэда объявил, что единственным кандидатом на пост председателя является Сато, который был избран единогласно партийным съездом. Парламент в ноябре 1964 г. выбрал его премьер-министром. На этом посту Сато продержался почти 8 лет – до 6 июля 1972 г., установив рекорд по длительности непрерывного пребывания в должности главы кабинета (он был побит только в 2020 г. премьером Абэ Синдзо).

Имеется несколько причин необычайной живучести и феноменальной устойчивости Сато в премьерской должности. Прежде всего, внутрипартийные позиции Сато были необычайно стабильными. Возглавляя собственную фракцию, ему удавалось поддерживать межфракционный баланс сил, не допуская непропорционального усиления позиций какой-либо группировки и не антагонизируя кого-то из фракционных лидеров. Политический стиль Сато прочно ассоциировался с выражением *мати но сэйдзи* («политика ожидания»), т. е., как и все экс-бюрократы, он был консервативен, не любил принимать поспешных и непродуманных решений и чаще других предпочитал выжидательную тактику.

Сато неизменно пользовался поддержкой в партии влиятельных фракционных лидеров Фукуда Такэо и Танака Какуэй, которой было достаточно для удержания баланса сил и фактически безальтернативного правления. Фракция Сато была в партии самой многочисленной: например, к 1971 г. она насчитывала 60 членов в палате представителей и 44 в палате советников, что с учетом фракций его союзников по «основному течению» позволяло Сато с легкостью побеждать на выборах конкурентов, опиравшихся на фракции «антиосновного течения». После избрания в 1964 г. Сато еще трижды переизбирался на высший партийный пост – в 1966, 1968 и 1970 гг.:

- на выборах 1966 г. за Сато проголосовали 289 человек (при этом за Фудзияма Аиитиро – 94, за прочих кандидатов 81);
- на выборах 1968 г. за Сато проголосовали 249 человек (при этом за Мики Такэо было подано 107 голосов, а за Маэо Сигэсабуро – 95);

– на выборах 1970 г. за Сато подали голоса 353 человека (111 за Мики Такэо) [Sims 2001, p. 295].

Сато сбалансированно наделял министерскими постами и иными номенклатурными должностями все фракции, что позволило создать основу для управления партийными кадрами. Не случайно за ним прочно закрепилось прозвище *дзиндзи но Сато* «Сато – менеджер по персоналу» [Hattori 2021, p. VI]. Кроме того, на руку Сато сыграла и смерть самых сильных его соперников, которые могли в период его правления иметь реальные шансы на партийных выборах, – Оно Бамбоку (в 1964 г.) и Коно Итиро (в 1965 г.).

Политической стабильности способствовало умение премьера взаимодействовать с оппозиционными партиями, и прежде всего с «партиями среднего пути» – Партией демократического социализма, образованной в 1960 г. из правого крыла Социалистической партии, а также основанной в 1964 г. Комэйто. Например, при поддержке этих двух партий ЛДП провела через парламент свою резолюцию о выводе ядерного оружия с Окинавы и о сокращении там численности американских военных баз. Активно взаимодействовала с ними правящая партия и на региональных выборах, где указанные три партии выдвигали совместных кандидатов в противовес кандидатам левого блока, поддержанным СПЯ и КПЯ.

Особенностью правления кабинетов Сато было то, что премьер активно использовал для подготовки решений кабинета информацию и рекомендации многочисленных консультативных органов. У Сато был широкий круг знакомых в мире бизнеса, научных кругов и средств массовой информации. Наиболее крупным мозговым центром был неформальный консультационный орган под названием S-Operation (сокращенно от Sato Operation), в который входили наиболее доверенные советники премьера.

Крупнейшим консультационным клубом бизнес-сообщества, сформировавшимся вокруг Сато, был *Тэййкай* (長栄会), в состав которого входили около пятидесяти президентов, вице-президентов и председателей крупных корпораций – Bank of Japan, Fuji Bank, Mitsubishi Heavy Industry, Hitachi Shipbuilding, Sony, Tokyo Gas, Nissan и т. д. [Rolater 2023]. Кроме того, Сато нередко присутствовал на собраниях почти трех десятков частных консультационных групп, мозговых центров и иных формальных и неформальных экспертных организаций – *Акэбонокай*, *Цукиитикай*, *Итинитикай*, *Ицукакай*, *Дзюю-*

тинитикай, Хацукакай, Нидзюнинитикай, Нидзюкюнитикай и т. д. Большинство из этих встреч были местом, где он мог обмениваться мнениями и информацией с лидерами бизнеса, политиками, представителями академического и журналистского сообщества. Они проходили по вечерам в ресторанах токийских районов Акасака, Цукидзи и Симбаси. Интересно, что значительная часть расходов покрывалась за счет специального фонда МИДа, предназначенного для представительских целей за пределами Японии [Hattori 2021, p. 126]. Сато умел слушать на этих заседаниях, но редко высказывал собственное мнение. Способ получения информации на таких сборищах дал основания для прозвища премьера *хаямими Эйсаку* – «остроухий Эйсаку» [Hattori 2021, p. VI]. Опора на неформальные клубы и советы с участием деловых кругов была частью фирменного стиля Сато, а масштаб их деятельности, в которую был вовлечен премьер, был феноменальным и превосходил то, что было при премьерстве его брата Киси Нобусукэ. И хотя японский бизнес пользовался покровительством политической власти и ранее, именно во времена правления Сато журнал *Time* назвал симбиоз бизнеса, бюрократии и политической власти в Японии *Japan, Inc.* – «Корпорацией Япония» [Rolater 2023].

Кабинеты Сато проводили активную налогово-бюджетную политику и запустили практику выпуска государственных облигаций, покрывающие государственный долг, для преодоления рецессии. После 1965 г. в стране начался период высоких темпов экономического роста («бум Идзанаги»), который стал возможным в числе прочего благодаря активному государственному регулированию, проводимому кабинетом министров во главе с Сато. Однако премьер заботился не только об экономическом росте, но и о социальной политике. Еще впервые баллотируясь на пост председателя ЛДП, он выдвинул лозунг *сякай кайхацу* («социальное развитие»), который подразумевал упор на меры социальной поддержки, необходимых в условиях того, что интенсивная урбанизация происходила в отрыве от развития городской инфраструктуры. Сато ставил перед бизнесом задачу роста оплаты труда, по размерам которой Япония сильно отставала от большинства развитых стран. Ему удалось убедить корпоративный сектор либерализовать систему оплаты труда в обмен на государственную поддержку. В результате средняя зарплата работника сферы производства выросла в период премьерства Сато с 500 до 1500 долл. США в год.

Сато также инициировал увеличение государственной поддержки национального медицинского страхования и субсидий на рис для фермеров. В период его премьерства в стране были приняты пакетное законодательство в сфере охраны окружающей среды.

Много сделал Сато и для развития транспортной инфраструктуры, которая была предметом его профессионального интереса как выходца из министерства транспорта. Например, в 1967 г. он лично инициировал работу по продлению скоростной железнодорожной линии Синкансэн от Осаки до Окаямы, которое было завершено к 1972 г. А получив информацию о том, что аэропорт Ханэда серьезно перегружен, в 1966 г. Сато выступил с инициативой о строительстве нового международного аэропорта Токио, которое было начато в 1969 г. в деревне Нарита (префектура Тиба) к востоку от Токио. Строительство столкнулось с сильным противодействием местных жителей, получившим поддержку оппозиционных партий. В результате массовых беспорядков строительство было временно приостановлено в 1971 г., а завершено оно было только в 1978 г., уже после смерти Сато.

Большим личным успехом Сато стало проведение при его премьерстве Международной выставки в Осаке в 1970 г. «Экспо 70» была первой международной выставкой в Азии столь высокого уровня, а за период с 15 марта по 13 сентября 1970 г. выставку посетили более 64 млн человек. В своей приветственной речи на церемонии открытия, состоявшейся 14 марта, Сато сказал, что выставка имеет огромное значение «как первая экспозиция 1970-х гг., времени, когда человечество пытается добиться больших перемен» [Hattori 2021, p. 207]. Особый пафос в выступлении Сато заключался в том, что если ранее Япония долгие годы училась у западноевропейской цивилизации, теперь она достигла такого уровня развития, чтобы самостоятельно играть значимую роль в международном сообществе.

Вместе с тем Сато предостерегал от самоуспокоения и почивания на лаврах при оценке успехов, достигнутых страной. Это проявилось в его публичных заявлениях, сделанных в 1968 г. по поводу столетия Реставрации Мэйдзи, которому были посвящены многочисленные праздничные церемонии [Каруг 2018, p. 314]. Сато утверждал, что этот юбилей не имел пропагандистского значения и был всего лишь ознаменованием одной из вех в истории страны. Например, в своей речи перед парламентом в январе 1968 г. Сато настаивал на том, что

«смысл празднования столетия Мэйдзи заключается не в погоне за славой прошлого, а скорее в размышлениях о том, как мы могли бы наилучшим образом использовать наш прошлый опыт в следующие сто лет» [Цит. по: Капур 2018, р. 314].

Впечатляющие экономические успехи страны, сделавшие Японию второй экономикой мира (в 1969 г. Япония обогнала ФРГ по объему ВВП), в глазах японской общественности связывались с личностью Сато. Популярность премьера стала важным фактором победы ЛДП на выборах в нижнюю палату в 1967 и 1970 гг.

Конечно, во внутривнутриполитической плоскости не все для Сато и возглавляемых им кабинетов шло гладко. Например, ему приходилось считаться с мощным антивоенным движением и особенно с движением против войны во Вьетнаме, в которой Япония фактически выступала тыловой базой и пунктом логистического транзита для армии США. Движение это было настроено к действующему премьеру критически. Особое разочарование и протесты со стороны многих японцев вызвало решение Сато одобрить американские бомбардировки Северного Вьетнама в 1968 г. На период премьерства Сато пришлось столкнуться с политической радикализацией студентов, которые активно выступали против Договора безопасности, а также американских военных операций во Вьетнаме. Студенческие протесты переросли в массовые беспорядки, которые в конечном итоге вынудили Сато закрыть в 1969 г. Токийский университет сроком на один год.

Внешнеполитическое наследие

Во внешней политике Сато оставил наибольшую память благодаря нескольким достижениям, среди которых на первом месте стоит его личный вклад в возвращение Окинавы (административный контроль над архипелагом после войны оставался в руках американцев).

Сато постоянно поднимал этот вопрос на американо-японских саммитах, проходивших в 1965, 1967 и 1969 гг. В январе 1965 г. в ходе своего визита в США он открыто попросил об этом президента Линдона Джонсона. Однако на тот момент аэродромы на данной территории представляли большую ценность в условиях вьетнамской войны, и никакого обещания дано не было. В августе 1965 г. Сато стал первым послевоенным премьер-министром Японии, посетившим

остров. Большую известность получило сделанное им тогда заявление: «Я прекрасно понимаю, что до тех пор, пока Окинава не вернется на свою родину, «послевоенное время» для нашей страны не закончится. Таково мнение всего японского народа» [Цит. по: Hattori 2021, p. 135]. В 1968 г., не достигнув еще договоренности о передаче острова, он сумел добиться возвращения другой островной территории – островов Бонин.

В американском руководстве, где в целом сложился консенсус о необходимости возвращении острова, выражали понимание позиции японских политиков. Однако проблема заключалась в том, что общественное мнение страны требовало возвращения Окинавы с условием, что военные базы США, остающиеся там, будут действовать на тех же условиях, что и на основной территории Японии. Американское правительство же изначально настаивало на том, чтобы базы на острове можно было бы использовать без каких-либо ограничений, в том числе и на размещение там ядерного оружия. Первоначально правительство Сато пыталось найти формулу, которая могла бы удовлетворить эти два, казалось бы, несовместимых требования – например, распространить на базы на Окинаве те же ограничения, что и на базы в самой Японии, но с гибким применением (т. е. фактически отказавшись от их жесткого соблюдения). Однако оппозиция настаивала на том, что Окинава в этом случае не получит полностью безъядерный статус, аналогичный территории основной части страны, а это станет причиной втягивания Японии в нежелательную войну в Азии [Kim 1973, p. 1021].

Помня о горьком для ЛДП опыте ратификации в 1960 г. Договора безопасности, премьер опасался, что в 1970 г., когда договор истечет и нужно будет продлевать его на новый срок, в стране вновь начнутся демонстрации протеста, которые перерастут в массовые беспорядки. В этом контексте возвращение Окинавы на родину без ядерного оружия рассматривалось как необходимый превентивный шаг. В то же время кабинету Сато приходилось учитывать, что данный вопрос влияет на сферу военной безопасности: базы на архипелаге играли важную роль в американской стратегии в Восточной Азии, и премьеру приходилось идти навстречу Вашингтону в определении условий передачи острова. В конечном счете, правительство пошло на компромисс. С одной стороны, оно решило добиваться реализации формулы *какунуки хондонами* (закрепления статуса

возвращенной Окинавы как аналогичного материковой части Японии, свободной от ядерного оружия). С другой стороны, на полной ликвидации американских военных баз на архипелаге, с учетом фактора безопасности, Сато настаивать не решился, за что в дальнейшем подвергался острой критике со стороны оппозиции.

Летом 1969 г. Сато во время встречи в Токио с госсекретарем США Роджерсом убеждал его в том, что Япония соглашается подписать Договор о нераспространении ядерного оружия (на чем особенно настаивали американцы) как раз с целью обеспечения безъядерного статуса Окинавы; что наличие на архипелаге Рюкю ядерного оружия будет несовместимым с Тремя неядерными принципами; что против этого выступит общественное мнение страны: ведь Япония была единственной жертвой атомных бомбардировок. Как отмечает японская исследовательница А. Кусуноки, Сато в разговоре с Роджерсом сознательно связал вопрос подписания ДНЯО со статусом Окинавы и потом с гордостью писал в своем дневнике, что встреча увенчалась успехом [Kusunoki 2008, p. 76].

Переговоры между Сато и Никсоном, состоявшиеся в ноябре 1969 г., были историческими, олицетворяя собой кульминацию успеха личностной дипломатии Сато. На пути в Америку он предпринял необычный шаг, перелетев под проливным дождем из своей резиденции в аэропорт Ханэда на вертолете Сил самообороны, дабы избежать столкновения с протестующими, перегородившими автодороги в аэропорт. Распространились слухи, что вертолет будет обстрелян из близлежащего здания, поэтому сопровождавшая премьера его жена, Хироко, даже на всякий случай оставила завещание своим сыновьям. А по приезде в США, перед самым началом переговоров, Сато достал из нагрудного кармана фотографию Ёсида и, глядя на нее, сказал японскому послу: «Со мной все будет в порядке. Со мной Ёсида» [Hattori 2021, p. 175].

В результате переговоров было достигнуто соглашение о передаче архипелага Японии в 1972 г., и о том, что на Окинаву будет в полном объеме распространяться Договор безопасности. По поводу ядерного оружия в совместном заявлении говорилось, что возвращение Окинавы «будет осуществляться в соответствии с политикой японского правительства» (т.е. на условиях безъядерного статуса – Д.С.), хотя в нем также содержался пункт о том, что это будет сделано «без ущерба для позиции правительства

Соединенных Штатов в отношении системы предварительных консультаций» [Hattori 2021, p. 176]. Поскольку США не давали никаких комментариев относительно вооружений на борту своих судов, даже при запросе японской стороны, это означало, что в реальности Япония будет фактически мириться с практикой ядерного транзита.

Примечательно, что достигнутая с Никсоном договоренность, зафиксированная в совместном заявлении по итогам встречи, помогла ЛДП одержать крупную победу, получив 300 мест на состоявшихся месяц спустя выборах в нижнюю палату.

Административные права на Окинаву были официально переданы Японии 15 мая 1972 г., в состав которой также вошли острова Сэн-каку, уже ставшие к тому моменту предметом территориальных претензий со стороны КНР. С возвращением Окинавы связано еще одно важнейшее достижение Сато – антиядерная политика его кабинетов, которая ассоциируется с Тремя неядерными принципами, а также подписанием в 1970 г. Японией Договора о нераспространении ядерного оружия.

11 декабря 1967 г. Сато озвучил в парламенте Три неядерных принципа – отказ от производства, владения и ввоза ядерного оружия. Эти принципы были зафиксированы в парламентской резолюции, однако форму закона так и не обрели. В январе 1968 г. премьер подтвердил ставку Японии на ядерные гарантии США в своей политике обеспечения национальной безопасности и подтвердил «Четыре базовых направления» в ядерной области:

- Три неядерных принципа;
- стремление к ядерному разоружению и искоренению ядерного оружия;
- опора на мощь ядерного сдерживания США;
- мирное использование атомной энергии.

В своей Нобелевской речи 11 декабря 1974 г. Сато отмечал, что отказ Японии от ядерного оружия никак не связан с экономическими или технологическими причинами, а является результатом стремления японского народа к миру. Он, в частности сказал: «... с повышением уровня экономической активности и большими успехами, достигнутыми в области науки и техники, Япония обладает потенциалом для производства ядерного оружия. Однако, несмотря на потенциал Японии или именно по этой причине, наш народ

по собственной инициативе сделал твердый выбор в пользу отказа от ядерного оружия»¹.

Серьезным испытанием для кабинетов Сато явилась т.н. «текстильная война» с США. В условиях американского давления Сато балансировал между требованиями США и интересами отечественных производителей синтетического текстиля. Ему пришлось давать расплывчатые обещания, которые американцев не удовлетворяли, и лишь в 1971 г. кабинету Сато удалось достичь сделки, в соответствии с которой Япония берет на себя обязательства по ограничению экспорта текстиля [Sims 2001, p. 296].

Отношения с материковым Китаем в годы премьерства Сато были ограничены в основном сферой торговли. Хотя товарооборот постепенно рос, это никак не отражалось на сфере политических отношений. Китайское руководство относилось с большим недоверием к Японии в целом и к ее лидеру, в частности, в связи проводимой им протайваньской политикой, а также поддержкой Японией США в войне во Вьетнаме. Исследователь Д. Ясутомо отмечал, что внутри ЛДП с начала 1965 г. больше силы имела протайваньская группировка, опиравшаяся на фракции «основного течения» ЛДП (Сато, Киси, Фукуда и Исии) [Yasutomo 1977, p. 535]. Сато приходилось считаться с ней в том числе и потому, что именно эти фракции поддерживали его на внутрипартийных выборах. Тем не менее, он старался придерживаться средней позиции, не отдавая предпочтения какому-то из полюсов, а в июне 1965 г. провел перестановки в кабинете и ввел в него представителей фракции Икэда, стоявшей на позициях диалога с Пекином. Однако кончина Икэда и Коно в 1965 г. создала в политике кабинета Сато неизбежный крен в пользу Тайваня [Yasutomo 1977, p. 535].

В 1965 г. Сато одобрил предоставление Тайваню кредита в размере 150 млн. долл. США, а в 1967 г. он последним из действующих премьеров Японии посетил остров. В целом политика Сато на китайском направлении была в условиях подготовки к возвращению Окинавы скорее была не антипекинской, а подчеркнуто проамериканской. В 1969 г. Сато согласился с тем, чтобы внести в заявление по итогам встречи с Никсоном пункт о том, что защита Тайваня наряду

¹ Eisaku Satō Nobel Prize lecture Nobel Lecture, December 11, 1974. <https://www.nobelprize.org/prizes/peace/1974/sato/lecture/>

с Южной Кореей является вопросом безопасности самой Японии. Поэтому поступившая летом 1971 г. новость о намеченной на следующий год поездке президента Никсона в Китай явилось сильным шоком как для Сато, так и для японского истеблишмента в целом, хотя дело к нормализации отношений с Пекином двигалось уже достаточно давно, а Сато понимал неизбежность этого шага. Резко выступил Сато в 1971 г. и против вступления КНР в ООН. И хотя после заявления Киссинджера о визите Никсона в Китай Сато занял по отношению к Пекину подчеркнуто примирительную позицию, он к тому времени уже был объявлен КНР персоной нон грата, а Чжоу Эньлай заявил, что «в Пекине будут рады любому преемнику Сато» [Yasutomo 1977, p. 530]. В результате честь премьера, нормализовавшего отношения с Китаем, досталась не Сато, а Танака Какуэй.

Сато также внес немалый вклад в развитие отношений с азиатскими странами. 22 июня 1965 г. правительство Японии подписало в Токио Договор об основных отношениях между Японией и Южной Кореей, которым межгосударственные отношения между двумя странами нормализовались в полном объеме. Стороны заявили об отсутствии материальных претензий по поводу колониального прошлого, т. е. Япония была избавлена от необходимости выплачивать репарации, однако согласилась выплатить 800 млн. долл. США в виде безвозмездной помощи правительства и частных инвестиций в южнокорейскую экономику.

В своей лекции, посвященной присуждению Нобелевской премии мира в 1974 г., Сато Эйсаку специально упомянул этот договор, очевидно, считая его своей заслугой. Отметив, что переговоры столкнулись с многочисленными трудностями, связанными с проблемами исторического прошлого и национальными чувствами народов двух стран, он подчеркнул, что одной из причин успеха стал «руководящий дух равенства и взаимной выгоды и реалистичный подход к установлению дружеских отношений с ближайшими соседями»².

Во время правления Сато Япония приняла участие в создании Азиатского банка развития в 1966 г. и провела конференцию на уровне министров по экономическому развитию Юго-Восточной Азии. Это была первая международная конференция, организованная японским

² Eisaku Satō Nobel Prize lecture Nobel Lecture, December 11, 1974. <https://www.nobelprize.org/prizes/peace/1974/sato/lecture/>

правительством в послевоенный период. В 1967 г. Сато отправился в турне по Юго-Восточной Азии и Океании, посетив Филиппины, Австралию, Новую Зеландию, Южный Вьетнам, Лаос, Таиланд, Малайзию, Индонезию и Бирму с целью укрепления торговых и культурных связей со странами региона. Примечательно, что он также стал первым премьер-министром Японии, посетившим Сингапур. По отношению к вьетнамской войне Сато неизменно занимал проамериканскую позицию и поддерживал правительство Южного Вьетнама, хотя и делал попытки выступить посредником в переговорах с Севером.

На советском направлении у Сато также имеются значимые достижения. Хотя политический диалог на высшем уровне был заморожен, связи между Японией и СССР успешно развивались в торгово-экономической, научно-образовательной, гуманитарной сферах. В 1965 г. были учреждены советско-японский и японо-советский комитеты делового сотрудничества и запущена практика регулярных совещаний. В январе 1966 г. в Москве было подписано соглашение о товарообороте и платежах между СССР и Японией и соглашение о прямом воздушном сообщении между Москвой и Токио. При премьерстве Сато была подписана консульская конвенция, открыты генеральные консульства СССР в Саппоро и Осаке и генеральные консульства Японии в Ленинграде и Находке. Важным событием явился визит в Токио в январе 1972 г. министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, который встретился с японским премьером и изложил советские предложения по решению проблемы пограничного размежевания. И хотя в этой области не было достигнуто конкретных результатов, стороны договорились проводить ежегодно совещания глав внешнеполитических ведомств двух стран [Антонов 2006, с. 102].

Отставка

Сразу после церемонии передачи Окинавы под суверенитет Японии Сато заявил о своей отставке, которая состоялась 6 июля 1972 г. Этот момент был выбран не случайно: Сато хотел подчеркнуть, что уходит, будучи единственным послевоенным японским лидером, добившимся расширения территории страны. Таким образом, Сато решил зафиксировать свою славу «собирателя земель» после трех

сроков пребывания на посту премьера и не баллотироваться на четвертый.

В отличие от своего предшественника, Сато так и не смог обеспечить избрание преемника на посту председателя ЛДП. Предложенный им кандидат Фукуда Такэо, хотя и был поддержан фракцией Сато, проиграл более популярному в ЛДП Танака, которому удалось заручиться поддержкой более многочисленной коалиции. В результате доминированию фракции Сато был положен конец. Однако до самой смерти Сато продолжал оставаться депутатом нижней палаты, возглавляя собственную фракцию и оказывая большое влияние на внутрипартийные дела.

12 мая 1974 г. Сато наряду с Шоном Макбрайдом из Ирландии был назван лауреатом Нобелевской премии мира. Он стал первым представителем азиатской страны, получившим эту премию³. Было названо несколько причин его избрания: достижения в реализации неядерной политики (включая провозглашение Трех неядерных принципов и подписание ДНЯО), последовательное соблюдение принципов отказа от войны в соответствии с конституцией, а также его вклад в мирное возвращение островов Рюкю Японии.

19 мая 1975 г., находясь в ресторане, Сато перенес обширный инсульт, приведший к коме. Он скончался 3 июня того же года в медицинском центре университета Дзикэй в возрасте 74 лет. После публичных похорон его прах был захоронен на семейном кладбище в Табусэ. Сато был посмертно награжден Орденом хризантемы – высшей японской государственной наградой.

* * *

Большой интерес представляют взгляды Сато на роль и место Японии в мире. Понимание премьер-министром национальной мощи и его позиция в области международных отношений и безопасности сформировались под влиянием Ёсида. Стоит вспомнить, что в соответствии с доктриной Ёсида, Япония в вопросе о безопасности опирается на военно-политический союз с США и сосредоточивает свои усилия на экономическом развитии, проявляя пассивность и следуя за Вашингтоном во всех вопросах международной политики. Иными

³ В 1973 г. премией был награжден северовьетнамский политик Ле Дык Тхо, однако он отказался принимать ее.

словами, Япония должна направлять все свои ресурсы на быстрый экономический рост, оставаясь при этом под защитой ядерного зонтика США. Однако конечной целью этой политики был не пацифизм как таковой, а быстрое восстановление мощи Японии, что позволило бы ей в дальнейшем пересмотреть статью 9 послевоенной конституции и неравноправный Договор безопасности.

Сато был верным учеником Ёсида с 1948 г., а став премьер-министром, он время от времени обращался к этому умудренному опытом государственному деятелю за советом. В соответствии с логикой доктрины Ёсида, Сато рассматривал национальную мощь Японии не только и не столько в военном аспекте, но в первую очередь с учетом таких компонентов, как человеческий капитал, наука и техника, экономика, культурные традиции. Сато полагал, что Япония, даже располагая только оборонительным военным потенциалом, могла бы играть важную роль в мире, используя для укрепления мира и безопасности свои успехи как экономической державы глобального уровня.

Сато придерживался основных постулатов доктрины Ёсида, и хотя он проводил крайне проамериканский курс, решительно поддерживая войну во Вьетнаме, все же цель его заключалась в том, чтобы убедить президента Л. Джонсона (а позже и Р. Никсона) вернуть Японии Окинаву. Вопреки стереотипам, премьер исходил из необходимости освобождения от американского контроля, пересмотра конституции и обретения полноценных вооруженных сил. Эта мотивация особенно сильно проявилась в конце 1967 г., после ноябрьской встречи с президентом Джонсоном в Вашингтоне, в ходе которой американский президент, обсуждая вопрос о возвращении Окинавы, оказывал на Сато сильное давление с целью получения от Японии большей материальной поддержки США во Вьетнаме. В своей речи в парламенте 15 декабря того же года Сато заявил:

«Сегодня роль, которую мы, японцы, должны играть в международном обществе, значительно возросла. Я твердо убежден, что японский народ, чтобы добросовестно выполнять эту обязанность, должен сформировать национальный консенсус и показать, что у него есть мужество защищать свою страну собственными руками (*мидзукара но куни о мидзукара но тэ де мамору кигаи*). Сато добавил, что это «не только повысит статус нашей страны и внесет вклад в стабилизацию Азии, но и востребовано в связи с предстоящей репатриацией жителей Окинавы» [Цит. по: Карур 2018, p. 316].

Сато принадлежал к консервативному мейнстриму (*хосю хонрю*), который был связан с Ёсида. Его политическое восхождение характеризовалось феноменальной способностью балансировать между фракциями ЛДП, находящимися между собой в крайне сложных и порой враждебных взаимоотношениях, и поддерживать прочные связи с деловыми кругами Японии. Кульминации его политическая карьера достигла к концу 1960-х гг., когда он, казалось бы, единолично контролировал весь высший политический истеблишмент Японии.

Политическое наследие Сато в числе прочего проявилось в том, что «сильные премьеры» в дальнейшем опирались на накопленный им опыт использования консультативных и иных экспертных структур, снабжавших премьера информацией и помогавших готовить решения в обход традиционных бюрократических органов. Для кабинетов Сато наиболее представительными примерами были такие структуры, как *S-Operation*, *Tōeikai*, Совет по проблеме Окинавы. В результате при его власти начала формироваться, по выражению Р. Хаттори, *Kantei-led policymaking* – «политика, ориентированная на Кантэй» (под последним понимается офис премьер-министра) [Hattori 2021, р. VII]. Те, кого впоследствии можно было назвать сильными премьерами – Я. Накасонэ, Р. Хасимото, Дз. Коидзуми, С. Абэ – очевидно, учились у Сато или критически переосмысливали опыт его правления. Именно этот опыт позволил им более эффективно и успешно проводить в жизнь намеченные реформы государственного управления, принимая самостоятельные политические решения при опоре как на силу бюрократического аппарата, так и на подлинно независимую экспертизу. И не случайно Сато, который проводил свою политику при опоре на Кантэй, смог добиться значительных успехов в реализации экономической политики и достиг рекордного срока по длительности пребывания у власти в истории Японии. Это дает основания согласиться с предложенной Хаттори характеристикой Сато Эйсаку как «самого похожего на премьера» среди всех послевоенных премьер-министров страны.

Библиографический список

Антонов В. И. (2006) Премьер со знаком политической сейсмостойкости (к 105-й годовщине со дня рождения премьер-министра Японии Эйсаку Сато, лауреата Нобелевской премии мира). *Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки*. № 2. С. 94–04.

References

Antonov, V. I. (2006). Prem'er so znakom politicheskoi seismostoikosti (k 105-y godovshchine so dnya rozhdeniya prem'er-ministra Yaponii Eisaku Sato, laureata Nobelevskoy premii mira) [A Prime Minister With the Badge of Political Earthquake Resistance (Commemorating the 105th Anniversary of the Birth of Japanese Prime Minister Eisaku Sato, Nobel Peace Prize Laureate)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12. Politicheskije nauki*, 2, 94–104. (In Russian).

Baerwald, H. (1965). Japan: The Politics of Transition. *Asian Survey*, 5, (1), A Survey of Asia in 1964: Part I (Jan., 1965), 33–42. <https://doi.org/10.2307/2642179>.

Hattori, R. (2021). *Eisaku Satō, Japanese Prime Minister, 1964–72. Okinawa, Foreign Relations, Domestic Politics and the Nobel Prize*. Routledge: Abingdon, New York.

Kapur, N. (2018). The Empire Strikes Back? The 1968 Meiji Centennial Celebrations and the Revival of Japanese Nationalism. *Japanese Studies*, 38 (3), 305–328. <https://doi.org/10.1080/10371397.2018.1543533>

Kim, Hong N. (1973). The Sato Government and the Politics of Okinawa Reversion. *Asian Survey*, 13 (11) (Nov., 1973), 1021–1035. <https://doi.org/10.2307/2642857>.

Kusunoki, A. (2008). The Sato Cabinet and the Making of Japan's Non-Nuclear Policy. *The Journal of American-East Asian Relations*, 15 (1–2), 25–50. <https://doi.org/10.1163/187656108793645806>

Rolater, F. S. (2023). Eisaku Satō. *Ebsco*. Retrieved July 29, 2025, from <https://www.ebsco.com/research-starters/history/eisaku-sato>

Sims, R. (2001). *Japanese Political History Since the Meiji Renovation 1868–2000*. Palgrave, New York.

Yasutomo, D. T. (1977). Sato's China Policy, 1964–1966. *Asian Survey*, 17 (6), 530–544. <https://doi.org/10.2307/2643154>.

Ежегодник Японии 2025. Т. 54. С. 58–78

Yearbook Japan 2025. Vol. 54, pp. 58–78

DOI: 10.55105/2687-1440-2025-54-58-78

Реформа исторического образования в старшей школе (2018–2022) в контексте образовательной политики современной Японии

И. А. Тюленев

Аннотация

Одна из фундаментальных проблем преподавания истории заключается в необходимости освоения учащимися значительного массива фактической информации, далекой от их жизненного опыта. Чтобы выяснить, как с этой проблемой работают в японской системе образования, была рассмотрена реформа 2018 г. В ходе реформы предметы по истории Японии и всемирной истории были объединены в обязательный предмет «Общая история». Нововведения кардинально изменили структуру программы по истории в старшей школе, установленную в 1989 г.

Целью настоящего исследования стало определение, с какими тенденциями образовательной политики Японии связано проведение этой реформы. На основе анализа нормативных документов, экспертных материалов, образовательных стандартов и учебных пособий в работе выявляются особенности методического наполнения и содержания реформы, а также ее взаимосвязи с предшествующей образовательной политикой.

В результате проделанной работы удалось прийти к выводу о наличии преемственности в образовательной политике Японии, направленной на повышение интерактивности учебного процесса и глобализацию образования. Также удалось выделить положительные аспекты реформы и возможные риски с точки зрения решения актуальных проблем японского исторического образования.

Ключевые слова: образовательная политика, историческое образование, реформа образования, *рэкиси сого*, Япония.

Автор: Тюленев Иван Алексеевич, студент магистерской программы «Доказательное развитие образования» Института образования НИУ ВШЭ (101000, Москва, Потаповский переулок, д. 16, стр. 10).

E-mail: tyulenev1313@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9979-8670

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности

Хотел бы выразить глубокую благодарность доктору Юлиану Бионтино и всем сотрудникам Университета Тоба за возможность пройти спецкурс по реформе 2018 г., вдохновивший на проведение данного исследования. Отдельное спасибо хотелось бы сказать Н. Н. Ким за поддержку и обратную связь на всех этапах работы. Значительный вклад в исследование сделали мой близкий товарищ Давид Николаишин-Шишук, а также моя супруга и боевая соратница Бинари Николь Джаямаха.

The 2018–2022 Reform of High School History. Education in the Context of Contemporary Japanese Education Policy

I. A. Tyulenev

Abstract

One of the fundamental challenges in teaching history lies in the necessity for students to absorb a vast amount of factual information that is often disconnected from their personal experiences. To explore how this issue is addressed within the Japanese educational system, the study focuses on the 2018 high school curriculum reform. This reform merged Japanese History and World History into a single compulsory subject, “General History,” fundamentally transforming the structure of high school history education that had been in place since 1989. The current study aims to identify the trends in Japan’s education policy that underlie this reform. Based on the analysis of policy documents, expert commentaries, educational standards, and textbooks, the study outlines the methodological and curricular features of the reform, as well as its continuity with previous policy initiatives. The findings suggest a consistent policy trajectory focused

on increasing interactivity and global perspectives in education. The paper also highlights both the potential benefits and risks of the reform in addressing pressing issues of Japanese history education.

Keywords: education policy, history education, education reform, *rekishi sōgō*, Japan.

Author: Tyulenev Ivan A., Student of the “Evidence-based Education Development” MA Programme, IoE, HSE University (16(10), Potapovskiy pereulok, Moscow, 101000, Russian Federation).

E-mail: tyulenev1313@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9979-8670

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgments

I am expressing my sincere gratitude to Dr. Julian Biontino and the entire staff of Chiba University for the opportunity to take a special course on the 2018 reform, which inspired me to conduct this research. I would like to express special thanks to N.N. Kim for providing me with thoughtful feedback at all stages of the work. My close *tovarishch*, David Nikolaishin-Shishchuk, as well as my spouse and comrade, Binari Nicole Jayamaha, made a significant contribution to the study.

Введение

В 2018 г. Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии пересмотрело систему преподавания истории и географии в старшей школе, существовавшую с 1989 г. Помимо прочего, предметы по истории Японии и всемирной истории были объединены в курс «Общая история» (歴史総合, *рэкиси со:гō:*), чтобы готовить учащихся к решению глобальных проблем методами исторического познания. Разработка и реализация этой реформы стали магистральным направлением политики Японии в области исторического образования.

Японское историческое образование рассматривалось в широком спектре исследований. В первую очередь следует отметить вклад Д. А. Романенко, установившего формат взаимодействия ключевых акторов, формирующих историческое образование в современной Японии, и выдвинувшего прогнозы относительно его дальнейшего

развития [Романенко 2024]. Также следует назвать коллективную монографию под редакцией Д. В. Стрельцова [Стрельцов (ред.) 2022] – исследование публичной истории и исторической памяти в Японии в контексте истории международных отношений и формирования национальной идентичности. Однако по теме реформы 2018 г. за пределами Японии специальных исследований не выходило. Ю. Бионтино представил доклад о реформе [Biontino 2021], но пока и на английском языке профильные работы отсутствуют. В Японии же реформа подверглась подробному обсуждению. М. Кобаяси рассматривал содержание новой учебной программы с точки зрения преодоления европоцентризма [Kobayashi 2022], Х. Като изучал потенциал реформы для внеклассной познавательной активности по истории [Katō 2019]. Тем не менее, эти исследования пока сводятся лишь к методическим аспектам реформы.

Цель нашего исследования – определить, с какими тенденциями образовательной политики связано проведение реформы 2018 г. В задачи входит:

- 1) выделить тенденции политики Японии в области исторического образования;
- 2) рассмотреть ход реализации и определить содержательные особенности реформы;
- 3) выявить причинно-следственные связи между сутью нововведений и предшествующей политикой.

Источниками для нас выступили, во-первых, образовательные стандарты «Методические рекомендации по организации обучения» (学習指導要領, *gakusyo:sido: ё:рё:*), пояснительные записки, законы, приказы Министерства образования и других государственных органов Японии, а также экспертно-консультативных структур; а, во-вторых, все двенадцать учебников «Общей истории», одобренные Министерством к использованию в школах с 2022 г.

Окончательно все старшие школы Японии перешли на новые программы по истории весной 2022 г., а первые выпускники этой системы закончили обучение лишь зимой 2025 г. В связи с этим мы пока не можем оценить влияние реформы на японских школьников, о ее результатах говорить пока ещё рано. Тем не менее, представляется значимым уже сейчас рассмотреть реформу в контексте японской образовательной политики, чтобы заложить прочную основу для ее эмпирического изучения впоследствии.

Тенденции образовательной политики современной Японии

Одной из главных задач японской образовательной политики в послевоенный период стало регулирование учебной нагрузки и развитие методик преподавания. В конце 1960-х гг. количество часов в школьной программе было повышено до исторического максимума ради поддержания конкурентоспособности Японии на мировой арене. В условиях демографического бума и нехватки учителей было сложно организовать интерактивные занятия. Прохождение программы сводилось к «напичкивающему обучению» (詰め込み教育, *цумэкоми кё:ику*) – механическому заучиванию массивных объемов фактической информации ради успешного прохождения стандартизированных тестов. Введение столь плотной программы привело к снижению качества образования и ухудшению школьного климата. Значительных масштабов достигли подростковые суициды, буллинг, отказы от посещения школы, применение телесных наказаний учителями.

В 1984 г. премьер-министр Накасонэ Ясухиро объявил о реформе образования, направленной против подростковой преступности, «экзаменационного ада», превознесения рейтингов и излишней концентрации на учебных достижениях. Основной целью реформы стало воспитание «духовно обогащенных людей» (心豊かな人間, *кокоро ютакана нингэн*). В конце 1980-х гг. была принята политика «расслабленного образования» (ゆとり教育, *ютори кё:ику*), нацеленная на снижение учебной нагрузки, повышение гибкости учебного процесса и оздоровление школьного климата. Также была утверждена концепция «нового видения академических способностей» (新学力観, *син гакурёку-кан*), провозгласившая приоритет универсальных компетенций над теоретическими знаниями и механическими навыками. Однако внедрение «нового видения» столкнулось с непониманием учителей из-за нехватки проработанных инструментов оценивания. Последующее снижение результатов японских школьников в международном сравнительном исследовании PISA в 2000-х гг. широко, хоть и спорно, интерпретировали как провал реформаторского курса.

В конце 2000-х гг. премьер-министр Абэ Синдзо: поддержал движение «против расслабленного образования», или «анти-ютори» (脱ゆとり教育, *дацу-ютори-кё:ику*), и объявил о начале «возрождения образования» (教育再生, *кё:ику сайсэй*). Новой целью обучения стало

возращивание *икиру тикара* (生きる力, «способности к жизни») – гармоничного сочетания физического, интеллектуального и нравственного развития, основанного на способностях к мышлению, вынесению суждений и самовыражению (思考力・判断力・表現力, *сико:рёку ханданрёку хё:гэнрёку*). Другими словами, особое внимание, как и при Накасонэ, было уделено развитию универсальных компетенций. В 2022 г. японские школьники достигли рекордных результатов в рамках исследования PISA, заняв среди стран ОЭСР первое место по *естественнонаучной* и математической и второе место по читательской грамотности.

В 2010-х гг. в японских школах продолжились развиваться цифровые инструменты и информационные технологии, повышающие эффективность обучения. Распространение получил широкий круг интерактивных подходов к преподаванию: проблемно-ориентированное обучение, активное обучение, проектная работа, дебаты, дискуссии, работа с артефактами и открытыми Интернет-источниками, организация самостоятельных исследований учащихся и пр. Несмотря на это программа продолжает требовать значительной концентрации внимания и заучивания больших объемов фактической информации.

Несмотря на усилия политиков и общественных деятелей, гуманитарному образованию в современной Японии систематически уделяется недостаточно внимания. Университеты, главные реципиенты выпускников школ, больше заинтересованы в студентах естественно-математического профиля, более востребованного в науке и промышленности. Гуманитарное образование имеет больший охват, но зачастую предполагает и более низкий уровень подготовки [Долин 2020, с. 87–88].

Чтобы усилить позиции гуманитарного образования, в «Методических рекомендациях по организации обучения в старшей школе» от 1989 г. Министерство выделило предметы по истории из дисциплины «Обществознание» в отдельную дисциплину «История и география»¹.

¹ В Японии различаются «учебная дисциплина» *кё:ка* (教科) и «учебный предмет» *камоку* (科目). Первая обозначает скорее комплекс и область знаний, второй – конкретный учебный курс, направленный на ее изучение. Дисциплины имеют единое методическое сопровождение, общее для входящих в них предметов. На практике *кё:ка* чаще всего имеют обязательный характер и преподаются в рамках обязательного государственного образования с младшей школы по среднюю, а *камоку* вводятся в старшей школе для углубления специализации и подготовки ко вступительным экзаменам в университеты.

Разделение на предметы по истории Японии и всемирной истории сохранили, обязательно требовалось выбрать лишь один из них. Для обоих предметов вводилась система профилей: А и В. Первый состоял из 70 учебных часов и подразумевал обзорное изучение истории Нового и Новейшего времени, второй – углубленное изучение исторических процессов с древности до наших дней в течение 140 часов. В 1999 г., в рамках курса на интернационализацию образования (国際化, *кокусайка*), всемирную историю впервые признали обязательным предметом – выбрать можно было только профиль обучения. На фундаментальном уровне система 1989 года, введенная в действие в 1994 г., сохранялась практически неизменной на протяжении последующих 28 лет [Toda 2022, p. 49].

Несмотря на усиление статуса всемирной истории с 1990-х гг. в старших школах обострилась т.н. «проблема непрохождения обязательных предметов» (必履修科目未履修問題, *хиццурисю: камоку мирисю: мондай*). Поскольку рейтинг, престиж и финансирование во многом зависят от успешности выпускников на вступительных экзаменах в университеты, школы естественным образом фокусируются на углубленном преподавании отдельных дисциплин и позиционируют их как свои конкурентные преимущества, игнорируя остальные предметы. Данная проблема может проявляться по-разному: обязательных предметов нет в расписании; обязательные предметы преподаются меньшее количество часов, чем нужно по программе; выбор факультативных предметов не соответствует структуре обязательной учебной программы; обязательные предметы есть в расписании, но вместо них на самом деле преподаются другие предметы; прохождение обязательных предметов старшей школы засчитывается кредитами с предыдущих лет обучения в младшей и средней школе; обязательные предметы преподаются учителями, не имеющими лицензии на организацию обучения по этим предметам; внеклассная деятельность засчитывается как кредиты по обязательным предметам; на уроках по обязательному предмету одного уровня используются учебные пособия для другого уровня.

Наиболее сильно проблема коснулась истории, в особенности всемирной истории. Например, в 1994 г. 42% всех незавершенных обязательных предметов выпало на дисциплину «История и география», а в рамках этой дисциплины 76.1% непройденных составили предметы по всемирной истории. Невыгодность положения

всемирной истории можно объяснить. Во-первых, программа младшей и средней школы концентрируется на истории Японии, как и вступительные экзамены в большинство университетов. Во-вторых, всемирная история крайне сложна для изучения, требует широкого кругозора и тяги к знаниям, которым в старшей школе остается меньше места в связи с интенсивной подготовкой к вступительным испытаниям. В-третьих, по всемирной истории не хватает квалифицированных учителей. Наконец, всемирная история как и история в целом имеет репутацию «предмета для зубрежки» (暗記科目, *анки камоку*), из-за чего не пользуется популярностью у школьников [Atarashiy... 2011, p. 1–5].

Помимо этого к 2010-м гг. в историческом образовании Японии наблюдались следующие проблемы:

- 1) снижение количества часов и примитивизация содержания;
 - 2) чрезмерно высокая зависимость качества подготовки от специализации учащихся;
 - 3) предвзятость сертификации учебных пособий;
 - 4) спорные трактовки истории и исторический ревизионизм;
 - 5) ухудшение отношений с соседними государствами из-за неоднозначной исторической политики;
 - 6) европоцентризм повествования;
 - 7) эксплуатация нарратива об обособленности Японии от остального мира, возвращение островного мышления (島国意識, *симагунисики*);
 - 8) преподавание истории Японии и истории мира порознь;
 - 9) излишнее разграничение Себя и Другого;
 - 10) преобладание устаревших трактовок исторического процесса вроде цивилизационного подхода и пр.; нехватка гендерной истории, экологической истории и других современных направлений исторической науки;
 - 11) нехватка информационно-цифрового обеспечения уроков истории;
 - 12) приоритет содержания учебника над работой учителя;
 - 13) трудность изготовления качественных учебных пособий
- [Atarashiy... 2011, p. 2–6; Biontino 2021].

Ход подготовки и реализации реформы

Прообразы реформы обсуждались начиная с 2011 г., когда Научный совет Японии призвал к адаптации школьного исторического образования к процессам глобализации и отмене разделения между историей Японии и всемирной историей [Atarashiy... 2011, p. 20–26]. В отчете 2014 г. Научный совет детализировал свои предложения, призвав создать обязательный предмет «Основы истории» (歴史基礎, *рэкиси киси*) с особым упором на изучение Нового времени [Futatabi... 2014, p. 4–9]. В том же году к разработке нового поколения образовательных стандартов приступил Центральный совет при Министерстве образования. В 2015 г. он опубликовал проект нового предмета, получившего рабочее название «Общая история» (歴史総合, *рэкиси со:го:*) и по замыслу помещавшего японскую историю в контекст всемирной истории XVIII–XX вв.

В ответ в 2016 г. Научный совет выпустил ещё один отчёт, озаглавленный «Ожидания от “Общей истории”». «Общую историю» было предложено направить на повышение интереса школьников к истории, а также формирование основ исторического мышления. Для этого предлагалось сделать упор не на заучивании фактов, а на развитии компетенций в рамках интерактивного обучения. Чтобы укрепить понимание взаимосвязей истории Японии и истории мира, эксперты предлагали уделить особенное внимание истории международных отношений и межкультурной коммуникации, а также истории колонизированных Японией территорий. Наконец, авторы размышляли над введением совместного повышения квалификации школьных и вузовских преподавателей, внедрением «Общей истории» во вступительные экзамены в университеты и т. п. [Rekishī... 2016, p. 6–11].

По изначальному плану обновленные «Методические рекомендации по организации обучения» должны были выпустить в 2017 г., а переход к новой программе реализовать к 2019 г. [Gakushū... 2022]. Однако обсуждения несколько затянулись. В промежуточном отчете 2016 г. Министерство объявило, что целью гуманитарного образования станет подготовка выпускников к решению актуальных проблем индустриального развития, климатических изменений, построения общества устойчивого развития. Образовательная программа должна быть «открыта обществу» и направлена на «взращивание суверенных граждан». Там же была анонсирована реформа структуры

учебного плана дисциплины «История и география» [Yōchien... 2016, p. 132–140]. В конечном итоге реформа была произведена в соответствии с проектом без каких-либо значимых изменений. В 2018 г. Министерство опубликовало новые «Методические рекомендации» и сопроводительные документы.

С весны 2022 г. все старшие школы перешли на новую программу, а первые выпускники этой системы закончили обучение в начале 2025 г. [Gakushū... 2022]. Касательно вступительных экзаменов в ходе реформы было решено, что в введённом в 2021 г. Едином тестировании для поступления в университет (大学入学共通テスト, *дайгаку ню:гаку кё:цу: тэсудо*) с 2025 г. по истории будет организовано два экзамена: один по «Общей истории» и «Исследованиям истории Японии», второй по «Общей истории» и «Исследованиям всемирной истории» – в зависимости от того, какие предметы испытуемые изучали в школе. Причем уже в рамках государственных экзаменов будут введены форматы мини-эссе, анализа графиков и фрагментов источников в свободной письменной форме. На вступительных экзаменах от самих университетов также стало появляться больше интерактивных заданий, хотя оба экзамена все еще продолжают предполагать наличие широкого кругозора и объемных исторических знаний и концентрироваться на истории Японии [Shin kamoku... 2024].

Содержание реформы

Дидактика и методика. В пояснительной записке к «Методическим рекомендациям» 2018 г. было обозначено, что обновление программы продолжает курс предшествующего поколения «Методических рекомендаций» 2009 г. и нацелено на (1) построение «открытой обществу учебной программы», то есть развитие способностей, в которых остро нуждается общество; (2) достижение гармоничного баланса между развитием знаний и навыков и универсальных компетенций; (3) возвращение «богатой души» (豊かな心, *ютакана кокоро*) и здорового тела посредством нравственного воспитания, экспериментальной деятельности и физического развития [Kōtō... Chiri rekishihen 2018, p. 1–3].

Далее сообщается о конкретных изменениях учебной программы дисциплины «История и география». Предметы «История Японии А» и «Всемирная история А» по 70 ч. были заменены обязательным предметом «Общая история», предмет «География А» – обязательным

предметом «Общая география» (地理総合, *тири со:го:*). Аналогичные предметы категории В были заменены предметами «Исследования истории Японии» (日本史探究, *нихонси танкю:*), «Исследования всемирной истории» (世界史探究, *сэкайси танкю:*) и «Исследования географии» (地理探究, *тири танкю:*) (105 ч. каждый, один на выбор). В большинстве школ страны «общие» предметы будут преподаваться на первом году обучения по 2 ч. в неделю, «исследования» – на втором году учебы по 3 ч. в неделю. Таким образом, сложившаяся в 1989 г. структура дисциплины впервые подверглась кардинальному пересмотру [Kōtō... uōgū 2018, p. 61–62].

Особенный упор в обучении будет сделан на развитии трех компонентов:

1) знаний и навыков:

- знаний хода и особенностей исторических процессов и трансформаций с глобальной точки зрения;
- навыков по (1) сбору информации о социальных явлениях, необходимой для решения актуальных проблем; (2) интерпретации собранной информации посредством исторического мышления и исторической перспективы; (3) обобщению полученной информации для решения проблем.

2) способностей к мышлению, вынесению суждений и самовыражению:

- способности к мышлению: многогранному и многостороннему мышлению с опорой на историческую перспективу;
- способности к вынесению суждений: выявлению проблем современности и поиску их решений с помощью исторического мышления;
- способности к самовыражению: (1) способности к логическому изложению собственных мыслей о смысле и значении исторических явлений; (2) способности к изложению мыслей на основе исторических источников; (3) способности к ведению дискуссии на исторические темы, выражению своего мнения и учёту мнений других.

3) способности учиться и человеческих качеств, ориентированных на обучение (学びに向かう力, 人間性, *манаби-ни мукау тикара, нингэнсэй*):

- мотивации к изучению истории и компетенции метапознания;
- самосознания учащихся как граждан Японии, любви к истории своей страны и уважения к другим странам и культурам [Kōtō... Chiri rekishihe 2018, p. 10–12].

В последующем описании каждого предмета отмечена важность развития названных компонентов в рамках изучения истории Японии, всемирной истории и их взаимосвязей. Ключевой задачей обучения названо овладение историческим мышлением и исторической перспективой (歴史的な見方・考え方, *рэкиситэкина миката кангаэ-ката*) применительно к актуальным социальным проблемам и вызовам современности. По определению Министерства, историческое мышление формируют: хронологическая перспектива, основанная на понимании хода времени, исторических эпох и периодов; транзитная перспектива, основанная на понимании развития, трансформаций и преемственности исторических явлений; сравнительная перспектива, основанная на выделении общего и различного и рассмотрении разнообразия исторических явлений; аналитическая перспектива, основанная на понимании предпосылок, причин и следствий, влияния и взаимосвязей исторических явлений; актуализирующая перспектива, основанная на понимании связи между проблемами современности и их историческим формированием [Kōtō... Chiri rekishihi 2018, p. 124–125].

Немаловажную роль в учебном процессе в рамках предметов «Исследования истории Японии» и «Исследования всемирной истории» играет развитие информационной грамотности (情報活用能力, *дзё:хо: кацүё: но:рёку*), к которой Министерство относит:

- способность «задавать вопросы» (問いかける, *тоикакэру*) историческим источникам: 1) когда и кем был составлен документ, где и как он был опубликован; 2) основан ли документ на личном опыте составителя или интерпретации; 3) какова история и цель создания этого документа;

- способность использовать широкий спектр источников: 1) письменные источники включая газеты, журналы и т. д.; 2) археологические находки и материальное наследие включая здания, предметы быта, картины, карты, фотографии, фильмы и др.; 3) традиции, обычаи, топонимику и т.д.;

- способность к работе с цифровыми материалами: базами данных музеев и библиотек, Интернет-ресурсами и пр.;

- способность к работе с источниками, сохранившимися на местном уровне: карт и документов землепользования, торговых сделок и пр. (в рамках предмета «Исследования истории Японии»).

В пояснительной записке сообщается, что преподавание новых предметов должно быть основано на проблемно-ориентированном подходе (англ. PBL), поощряющем «субъектное и интерактивное глубокое обучение» (主体的・対話的で深い学び, *сютайтэки тайва-тэки дэ фукай манаби*). Предполагается, что учащиеся с помощью учебников и других материалов будут вовлекаться в проектно-исследовательскую деятельность, групповые презентации, дебаты, дискуссии и прочие виды совместной работы. Также в рамках программы предусмотрено «обучение через практический, конкретный опыт» (作業的で具体的な体験を伴う学習, *сагэ:тэки дэ гутайтэкина тай-кэн о томонау гакусю:*), включающее: 1) анализ и создание карт и других визуальных материалов; 2) анализ широкого спектра источников; 3) оценку надёжности источников; 4) проведение опросов, анализ полученных данных и оформление отчетов. Обучение основано на активном применении цифровых методов, технологий и ресурсов при условии предварительного ознакомления учащихся с правилами информационной этики. Помимо этого учителей поощряют проявлять изобретательность по связыванию содержания других предметов с преподаванием истории в рамках междисциплинарного обучения (教科横断学習, *кё:ка о:дан гакусю:*). Наконец, от учителей требуется помощь в подборе «объективных и справедливых» (客観的かつ公正な, *каккантэки кацу ко:сэйна*) исторических источников и прививание учащимся понимания ценности мира, демократии и предотвращения конфликтов [Kōtō... Chiri rekishihen 2018, p. 3–4, 351–352].

Освоение каждой темы должно включать такую последовательность действий: учащиеся формулируют вопросы и выявляют актуальную общественную проблему в рамках заданной темы; учащиеся исследуют обозначенную проблему; учащиеся высказывают свои предположения относительно возможных решений обозначенной проблемы. Роль учителя сводится к позиции модератора учебного процесса, помогающего учащимся посредством наводящих вопросов, сбора гипотез и обсуждения высказанных ими идей. Особенное внимание уделяется способности учителей к «вытягиванию» (引き出す力, *хикидасу тикара*), то есть к повышению точности и глубины высказываний учащихся.

Другой вид занятий подразумевает описанные выше форматы групповой и самостоятельной познавательной работы, направленной на обучение в исследовательском ключе (探究学習, *танкю: гакусю:*).

Наиболее проявлен такой формат в предметах «Исследования истории Японии» и «Исследования всемирной истории», в рамках которых ожидается, что учащиеся будут задавать вопросы, выдвигать гипотезы, отбирать и интерпретировать источники, проводить анализ информации, делать выводы и презентовать итоги исследования.

Порядок сочетания двух форматов обучения должны определять сами учителя. Чаще всего основная часть учебного процесса проходит в формате интерактивного взаимодействия учителя с классом, а несколько раз в течение курса организуются специальные уроки, отведенные под групповую проектно-исследовательскую деятельность. Результаты такой работы нередко презентуются и обсуждаются на специальных научных фестивалях в старших школах и в перспективе могут войти в портфолио при поступлении в университет [Kōtō... Chiri rekishihen 2018, p. 186–190].

Содержание новой учебной программы. Новый обязательный предмет «Общая история» по содержанию основывается на предшествовавших курсах «История Японии А» и «Всемирная история А» и состоит из следующих разделов:

А) «Врата в историю» (歴史の扉, *Рэкиси-но тобира*) – основы методов исторического познания на примере исторического измерения явлений повседневной жизни и работы с источниками;

В) «Модернизация и мы» (近代化と私たち, *Киндайка-то ватаситати*) – торговые и культурные обмены, модернизация, индустриализация, вестернизация, конституционно-демократические движения, колониальные империи в сер. XVIII – нач. XX в.;

С) «Изменение миропорядка, массовизация и мы» (国際秩序の変化や大衆化と私たち, *Кокусай тицудзё но хэнка я тайсю:ка то ватаситати*) – создание массового общества, зарождение СМИ, социальные движения, Первая мировая война, международное сотрудничество, Вторая мировая война, Холодная война в начале – середине XX в.;

Д) «Глобализация и мы» (яп. グローバル化と私たち, *Гуро:барука то ватаситати*) – глобализация, окончание Холодной войны и современные международные отношения, развитие технологий и устойчивое развитие во второй половине XX в.

Порядок прохождения тем сохранил хронологическую последовательность, за исключением первого раздела. В нем учащиеся знакомятся с основами исторического мышления на примере истории

явлений, знакомых им по повседневной жизни. Например, в учебнике 701 от То:кё: сёсэки рассматривается история тапиоки, собаководства и бейсбола [Rekisō 701... 2022, p. 173]. В других учебниках освещается история молока, железных дорог, туризма и пр. Каждый из трех последующих разделов начинается с формулирования вопросов об истории социальных явлений современности и завершается подробным рассмотрением следующих пяти измерений: 1) свобода и ограничения; 2) равенство и неравенство; 3) развитие и сохранение; 4) интеграция и разделение; 5) конфликт и сотрудничество. Все эти измерения основаны на концепции устойчивого развития, поддержанной Японией на международном уровне. В конце четвертого раздела учащимся предлагается выделить проблему, собрать источники, проанализировать информацию и представить выводы в формате небольшой исследовательской работы или презентации [Kōtō... Chiri rekishihen 2018, p. 128–185].

Новый предмет по выбору «Исследования истории Японии» продолжает идею «Истории Японии В» и имеет следующий тематический план:

А) «Первобытная и древняя Япония и Восточная Азия» (原始・古代の日本と東アジア, *Гэнси кодай но Нихон то Хигаси Адзиа*) – первобытные общества, сельское хозяйство и материальная культура, зарождение древнеяпонского государства, общество Нара и Хэйан, придворные аристократы, торговый и культурный обмен в Восточной Азии до XI в. н.э.;

В) «Средневековая Япония и мир» (中世の日本と世界, *Тю:сэй но Нихон то сэкай*) – сёгунаты Камакура и Муромати, средневековое общество, самурайство, технологическое развитие, торговый и культурный обмен в Восточной Азии в XI–XVI вв.;

С) «Япония раннего Нового времени и мир» (近世の日本と世界, *Кинсэй но Нихон то сэкай*) – объединение Японии, отношения с европейцами, политический строй сёгуна Токугава, урбанизация и рост производительности сельского хозяйства, городская культура и общество, система международных отношений в XVI–XIX вв.;

Д) «Япония и ее муниципалитеты нового и новейшего времени и мир» (近現代の地域・日本と世界, *Кингэндай но тиики Нихон то сэкай*) – преобразования эпохи Мэйдзи, рост Японской империи, Первая мировая война и Вторая мировая война, послевоенное экономическое восстановление, международные отношения с XIX в.

Каждый раздел состоит из 1) введения в тему: погружения в историческую среду (歴史的環境, *рэкиситэки канкё:*) и изучения социально-политического развития на примере переходных точек между историческими периодами; 2) прямой работы с источниками, в том числе субъективными, о событиях периода; 3) анализа исторических процессов, протекавших в этот период. В каждом разделе особое внимание уделяется отношениям Японии с окружающими странами и народами. По итогу курса учащимся предлагается провести самостоятельное исследование (探究, *танкю:*) – более масштабное, нежели в рамках «Общей истории»: выделить проблему, собрать и проинтерпретировать источники, проанализировать информацию и представить выводы в формате небольшой исследовательской работы, которая впоследствии может быть презентована на школьном научном фестивале или других внеклассных мероприятиях [Kōtō... Chiri rekishihihen 2018, p. 196–263].

Новый предмет по выбору «Исследования всемирной истории» основан на концепции «Всемирной истории В» и предполагает следующее содержание:

А) «Взгляд на всемирную историю» (世界史へのまなざし, *Сэкай-си э но манадзаси*) – зарождение человечества, а также история отдельных сфер жизни человека;

В) «Формирование исторических особенностей макрорегионов» (諸地域の歴史的特質の形成, *Сётиики но рэкиситэки токусицу но кэйсэй*) – зарождение ведущих мировых цивилизаций: Восточной (Древний Египет, Древняя Месопотамия, Древняя Персия), Индской, Китайской и др., а также крупнейших мировых религий и культур;

С) «Обмен между макрорегионами и их реорганизация» (諸地域の交流・再編, *Сётиики но ко:рю: сайхэн*) – феодализм в Западной Европе, общество китайской империи Сун, Монгольская империя, государство Чосон, рост торговли в странах Азии и Африки, европейские колониальные державы и др.;

Д) «Интеграция и трансформации макрорегионов» (諸地域の結合・変容, *Сётиики но кэцуго: хэньё:*) – индустриализация и научно-технический прогресс, Просвещение и эволюция культуры и мышления, революции в Европе и Америке, либерализм и национализм, Первая мировая война, фашизм, Вторая мировая война, Холодная война;

Е) «Проблемы планетарного масштаба» (地球世界の課題, *Тикю: сэкай но кадай*) – коллективная безопасность, деколонизация,

экономический рост, проблема Севера и Юга, кризис гегемонии США, исследования космоса, биотехнологии и биоэтика, искусственный интеллект и трансформация организации труда и т. д.

«Исследования всемирной истории» сочетают линейный хронологический подход с цивилизационным подходом (文明論, *буммэйрон*) и мир-системной теорией (世界システム理論, *Сэкай сисутэму рирон*). Это позволяет, с одной стороны, продемонстрировать взаимосвязанность и взаимообусловленность явлений всемирной истории, с другой стороны – структурировать всё культурное многообразие планеты в рамках изучения историко-культурных особенностей нескольких ключевых цивилизаций. Первый раздел посвящен введению в предмет и истории отдельных сфер жизни вроде истории еды, одежды, жилья, семьи, образования, досуга и пр. Последующие три раздела начинаются с формулирования вопросов к изучаемому материалу и изучения ключевых исторических трансформаций, происходивших в макрорегионах и цивилизациях на разных этапах их развития. В каждом разделе рассматриваются такие факторы исторического развития, как культура, религия, идеология, наука, техника и пр. Последний раздел отличается подробным рассмотрением глобальных проблем современности, основанных на целях устойчивого развития ООН, к которым присоединилась и Япония. В конце курса учащиеся проводят самостоятельное исследование – выделяют познавательную проблему, подбирают и интерпретируют источники, анализируют информацию, формулируют выводы и представляют результаты в формате небольшой исследовательской работы или презентации. Причем, в отличие от других предметов, на выбор дается два основных направления: (1) разрешение конфликтов и мирное сосуществование; (2) экономический рост и преодоление социального неравенства [Kōtō... Chiri rekishihen 2018, p. 277–345].

Новая учебная программа в контексте образовательной политики

Реформа исторического образования 2018 г. выступает гармоничным продолжением генеральной линии «Методических рекомендаций» 2009 г. [Kōtō... 2009]. Во-первых, в рамках новой учебной программы продолжается курс на возвращение *икиру тикара*. Предполагается, что изучение истории поможет простимулировать не

только интеллектуальное, но и духовное развитие в части почитания родной страны и уважения к культурному наследию японского народа. Это достигается посредством незаметного нововведения в систему 1989 года: если до этого историю Японии в старшей школе можно было не изучать совсем, то теперь она будет имплицитно встроена в обязательный курс «Общая история». Кроме того, упор делается на «многостороннее и многогранное мышление» (多面的・多角的思考, *тамэнтэки такакутэки сико:*) [Kōtō... Chiri rekishihen 2018, p. 6], под которым в политической риторике современной Японии понимается способность к избеганию «односторонней» (一方的な, *иппо:тэкина*) [либеральной] трактовки неудобных моментов истории XX в.

Во-вторых, сохраняется долгосрочная тенденция к сокращению учебных часов по истории. Если раньше максимально возможное количество часов достигало 210, то теперь оно не может превышать 175 из-за сокращения предметов углубленного профиля. Это можно объяснить стремлением идеологов образования если не стереть, то по крайней мере затереть память молодого поколения о преступлениях Японской империи, переключив его внимание с истории Нового и Новейшего времени на якобы более приоритетные задачи вроде развития национальной экономики и решения глобальных проблем. Помимо этого сокращение часов может быть связано с невозможностью гарантировать качество обучения и со стремлением к облегчению нагрузки на учащихся. Так или иначе, можно говорить о появлении риска факультативизации изучения истории, что сильно ударит по историческому образованию.

В-третьих, предпринимаются конкретные шаги по повышению интерактивности учебного процесса. Можно наблюдать продолжение тенденции, заданной еще в 1980-х гг. вместе с курсом на «новое видение академических способностей». В частности, зубрежке фактов предпочитается глубокое проблемно-ориентированное обучение и исследовательская работа. Более того, введение интерактивных форматов учебной работы впервые существенно повлияло на форму вступительных экзаменов. Еще большее внимание было уделено развитию цифровой грамотности, глобальной компетентности и других универсальных компетенций. Заслуживает особенного внимания заметное усиление глобального компонента – в частности, предпринимается попытка преодолеть не только японоцентризм, но и европоцентризм во всемирной истории, и снабдить программу примерами и сведениями из истории стран и народов Азии и Африки.

Можно сказать, что реформа не предложила концептуально нового взгляда, но существенно укрепила уже существовавшие тенденции образовательной политики, основанной как на японском опыте, так и на экспертной позиции ведущих международных организаций в сфере образования.

Заключение

Реформа исторического образования в старшей школе Японии 2018 г. привела к существенному пересмотру структуры учебного плана, сформированной в 1989 г. При этом идеологически реформа продолжила курс на институционализацию национализма и глобализацию образования, намеченный еще в конце 2000-х гг.

Наиболее позитивно реформа повлияла на приближение содержания обучения к реальному жизненному опыту учащихся, привлечение интереса школьников к изучению истории, повышение интерактивности учебного процесса и развитие универсальных компетенций. Помимо этого новая учебная программа позволяет учащимся приобрести выборочные знания об истории мира и истории отдельных стран наряду со знаниями о глобальных вызовах современности. Однако сокращение максимально возможного количества часов и политически ангажированный подход к содержанию учебных пособий формируют дополнительные риски для развития качественного исторического образования. Опасения вызывает отсутствие явных централизованных мер поддержки школ и учителей при переходе на новую программу, что в долгосрочной перспективе может усугубить выгорание педагогов и усилить межшкольное неравенство.

При сохранении текущей расстановки сил дальнейшее развитие исторического образования в Японии, вероятно, будет связано с попытками экспертного сообщества укрепить положение истории в структуре учебного плана на фоне повышения рисков факультативизации. Отдельный большой вопрос предполагает интеграция новой программы в содержание вступительных испытаний в университеты, что японскому экспертному сообществу еще предстоит решить.

Реформа 2018 г. может считаться образцовой в том, что касается повышения интерактивности изучения истории, хотя и продолжает иметь неполный характер и испытывать негативное влияние идеологического давления.

Библиографический список

Долин А. А. (2020). Гуманитарное образование в Японии: невеликое в малом. *История и современность*. № 3. С. 63–94.

Романенко Д. А. (2024). Содержание школьных учебников истории в Японии: внутривополитический контекст. *Преподавание истории в странах Востока: сборник статей*. – Москва: ИВ РАН. С. 109–123.

Стрельцов Д. В. (ред.) (2022). *Проблемы исторического прошлого во взаимоотношениях Японии со странами-соседами*. – Москва: Аспект Пресс.

References

Atarashiy kōkō chiri rekishi kyōiku no sōzō [Creation of New High-School Curricula in Geography and History]. (2011). Tokyo: Science Council of Japan. (In Japanese).

Biontino, J. (2021). Conceptions of Empire and East Asia in Japan's new history curriculum. *16th International Conference of the European Association of Japanese Studies*. 27.08.2021. Retrieved from <https://nomadit.co.uk/conference/eajs2021/paper/60814>

Dolin, A. A. (2020). Gumanitarnoe obrazovanie v Yaponii: nevelikoe v malom [Humanities Education in Japan: Smallness in Smallness]. *Istoriya i sovremennost'*, 3, 63–94. (In Russian).

Futatabi kōkō rekishi kyōiku no arikata ni tsuite [Again on the Organization of Historical Education in High School]. (2014). Tokyo: Science Council of Japan. (In Japanese).

Gakushū shidō yōryō kaitei ni kansuru sukejūru [Schedule of Revisions to the Curriculum Guidelines]. (2022). Tokyo: MEXT. Retrieved from https://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/others/detail/1318000.htm (In Japanese).

Kato, H. (2019) Shin kyōiku katei ni okeru sōgō-teki na tankyū no jikan to tokubetsu katsudō oyobi kyōka to no renkei [The Relationship Between Inquiry-Based Learning Time, Extracurricular Activities, and School Subjects in the New Curriculum]. *Sapporo Otani Daigaku Shakai gakubu Ronshū*, 7, 173–195. (In Japanese).

Kobayashi, M. (2022) Rekishi sōgō no kyōkasho ni okeru Higashi Ajia o nozoku kindai Ajia Afurika no kijutsu [Depictions of Modern Asia and Africa, Excluding East Asia, in the 'General History' Textbooks]. *Tōkyō Gakugei Daigaku Fuzoku Kōtō Gakkō Kenkyū Kiyō*. 59, 21–30. (In Japanese).

Kōtō gakkō gakushū shidō yōryō [Curriculum Guidelines for High School]. (2009). Tokyo: MEXT. (In Japanese).

Kōtō gakkō gakushū shidō yōryō [Curriculum Guidelines for High School]. (2018). Tokyo: MEXT. (In Japanese).

Kōtō gakkō gakushū shidō yōryō. Kaisetsu. Chiri rekishihen [Curriculum Guidelines for High school. Commentary. Geography and History]. (2018). Tokyo: MEXT. (In Japanese).

Rekisō 701. Shinsen Rekishi sōgō [GenHist 701: New Edition of the “General History”]. (2022). Tokyo: Tokyo shoseki. (In Japanese).

“Rekishi sōgō” ni kitai sareru mono [Expectations for “General History”]. (2016). Tokyo: Science Council of Japan. (In Japanese).

Romanenko, D. A. (2024) Soderzhanie shkol'nykh uchebnikov istorii v Yaponii: vnutripoliticheskii kontekst [Content of Japanese School History Textbooks: A Domestic Political Context]. In *Prepodavanie istorii v stranakh Vostoka* [Teaching History in Countries of the East] (pp. 109–123). Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).

Shin kamoku “Rekishi sōgō” [The New Subject “General History”]. (2024). Study Karte. Retrieved from: <https://studykartelab.com/news-posts/modernandcontemporaryhistory> (In Japanese).

Streltsov, D. V. (Ed.). (2022). Problemy istoricheskogo proshlogo vo vzaimootnosheniyakh Yaponii so stranami-sosedyami [Problems of the Historical Past in Japan's Relations With Neighboring Countries]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

Toda, H. (2022). Rekishi kyōiku saikō: kōkō shinkamoku ‘Rekishi sōgō’ no setchi o keiki ni [Reconsidering History Education: On the Occasion of the Establishment of the “General History” New High School Subject]. *Rippō to chōsa*, 446, 47–62. (In Japanese).

Yōchien, shōgakkō, chūgakkō, kōtō gakkō oyobi tokubetsu shien gakkō no gakushū shidō yōryō-tō no kaizen oyobi hitsuyōna hōsaku-tō ni tsuite. Tōshin [Improvement of Curriculum Guidelines and Other Necessary Measures for Kindergartens, Elementary Schools, Middle Schools, High Schools, and Schools With Special Needs. Report]. (2016). Tokyo: MEXT. (In Japanese).

Ежегодник Японии 2025. Т. 54. С. 79–88
Yearbook Japan 2025. Vol. 54, pp. 79–88
DOI: 10.55105/2687-1440-2025-54-79-88

Результаты подводных раскопок у острова Такасима в Японии, связанных с монгольским вторжением 1281 г.

С. Кунитакэ, Е. Э. Войтишек

Аннотация

В октябре 2024 г. авторы принимали личное участие в работе международной экспедиции на острове Такасима в префектуре Нагасаки в Японии по изучению подводной стоянки Такасима-3, связанной с монгольским вторжением 1281 г. В статье представлен обзор основных результатов многолетних исследований в заливе Имари, где погребены затонувшие корабли. Обзор сопровождается кратким экскурсом в историю монгольских вторжений XIII в.

К настоящему времени найдены останки трех судов, находки с которых подтверждают гипотезу принадлежности останков кораблей к военно-морской флотилии монгольской династии Юань (1271–1368). К числу основных находок с затонувших кораблей относятся железные шлемы, обломки колчанов со стрелами, якоря, каменные ядра, керамика и фарфор из Китая и Кореи, бронзовые буддийские статуи и зеркала, повседневная утварь. Археологические находки с острова Такасима представляют собой важный источник информации о военно-морской истории региона, технологическом уровне кораблестроения и динамичном взаимодействии народов Восточной Азии в начале II тысячелетия.

Ключевые слова: Восточная Азия, Япония, монгольское вторжение 1281 г., остров Такасима, затонувшие корабли, подводные раскопки.

Авторы:

Кунитакэ Садакату, PhD по истории, научный сотрудник, Национальный институт культурного наследия Нара (г. Нара, Япония), 630-8577 Нара-си, Нидзё-тё 2-9-1;

E-mail: kunitakesadakatsu@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0562-7833

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой востоковедения Гуманитарного института НГУ, Новосибирский государственный университет, 630090 Новосибирск, ул. Пирогова, 1;

Приглашенный исследователь Национального института культурного наследия Нара (Нара, Япония), 630-8577 Нара-си, Нидзё-тё 2-9-1;

Ведущий научный сотрудник отдела Искусства и материальной культуры Института востоковедения РАН, 103031 Москва, ул. Рождественка, 12.

E-mail: e.voitishek@g.nsu.ru

ORCID: 0000-0001-8054-6369

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки №FSUS-2024-0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

Results of Underwater Excavations at Takashima Island, Japan, Associated With the Mongol Invasion of 1281

S. Kunitake, E. E. Voytishek

Abstract

In October 2024, the authors personally participated in the work of an international expedition to Takashima Island in Nagasaki Prefecture in Japan to study the Takashima-3 underwater site, associated with the Mongol invasion of 1281. This article presents an overview of the main results of long-term research in Imari Bay, where sunken ships are buried. The review is accompanied by a brief excursion into the history of the 13th century Mongol invasions. To date, the remains of three ships have been found, the finds from which confirm the hypothesis that the remains of the ships belong to the naval flotilla of the Mongol Yuan Dynasty (1271–1368).

The main finds from the sunken ships include iron helmets, fragments of quivers with arrows, anchors, stone cannonballs, Chinese and Korean ceramics and porcelain, bronze Buddhist statues and mirrors, and everyday utensils. The archaeological finds from Takashima Island represent an important source of information about the naval history of the region, the technological level of shipbuilding, and the dynamic interaction of the peoples of East Asia in the early 2nd millennium.

Keywords: East Asia, Japan, Mongol invasion of 1281, Takashima Island, sunken ships, underwater excavations.

Authors:

Kunitake Sadakatsu, Research Fellow, Nara National Research Institute for Cultural Properties (Nara, Japan), 630-8577 Nara-shi, Nijo-jo 2-9-1;

E-mail: kunitakesadakatsu@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0562-7833

Voytishek Elena E., Professor, Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Oriental Studies of the Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, 630090 Novosibirsk, Pirogov str., 1;

Distant researcher, Nara National Research Institute for Cultural Properties (Nara, Japan), 630-8577 Nara-shi, Nijo-jo 2-9-1;

Leading Researcher, Department of Art and Material Culture, Institute of Oriental Studies of RAS 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia.

E-mail: e.voitishek@g.nsu.ru

ORCID: 0000-0001-8054-6369

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgments

The study was carried out within the framework of the implementation of the State assignment of the Ministry of Education and Science no. FSUS-2024-0028 “Axiological potential of Buddhism in the context of international relations of Russia with the parties to East Asia: history and modernity.

Ярким примером взаимодействия народов Восточной Азии в ходе военно-морских кампаний можно считать драматические сражения во время двух масштабных экспедиций монгольской империи в конце XIII в., а особенно в период вторжения в Японию в 1281 г. войск под руководством хана Хубилая (1215–1294), правителя династии Юань (1271–1368). Монгольское вторжение (яп. 蒙古襲来 *мо:ко сю:рай*) вошло в историю, в том числе, благодаря упоминаниям о мощном тайфуне, который впоследствии стали называть «божественным ветром» (神風 *камикадзэ*). В мировой историографии считается, что штормовой ветер, дувший с юга залива Имари на севере Кюсю, где была сосредоточена монгольская флотилия, уничтожил значительную часть судов и помог японским защитникам отразить вторжение.

Масштабные подводные раскопки по поиску затонувших судов у острова Такасима (鷹島) на севере Кюсю (префектура Нагасаки) начались с середины 1980-х гг. К настоящему времени при поддержке официальных организаций на уровне города Мацуура, префектуры Нагасаки, а также университета Кокугакуин (國學院大學) в Токио и Национального института культурного наследия Нара (奈良文化財研究所) проведено несколько археологических подводных сезонов, во время которых были тщательно исследованы выявленные группы памятников, для удобства объединенных в три скопления, а именно – Такасима-1, Такасима-2 и Такасима-3.

В октябре 2024 г. авторы принимали участие в работе международной экспедиции в заливе Имари вблизи острова Такасима по изучению подводной стоянки Такасима-3. Настоящая статья представляет собой обзор основных результатов многолетних исследований находок на острове Такасима, сопровождающийся кратким экскурсом в историю монгольских вторжений.

Два монгольских вторжения XIII в. в Японию: исторический фон

В 1266 г. Хубилай-хан через правителей династии Корё (935–1392) обратился к сёгунату Камакура (1185–1333) и японскому императорскому двору с требованием подчиниться династии Юань, но Япония никак не отреагировала. В результате в 1274 г. армия Юань, дислоцированная на Корейском полуострове, и сама армия Корё объединились и атаковали Японские острова силами в составе

от 15 000 до 30 000 воинов и 900 военных кораблей¹. Они опустошили острова Цусима и Ики, затем высадились на севере острова Кюсю в крупном городе Хаката 博多 (совр. Фукуока), сожгли его и отступили. Согласно хронике «История династии Юань» (кит. 元史 *Юань ши*), составленной в 1369 г., «войска вторглись в Японию, имея в общей сложности 900 кораблей с 15 000 воинов, но... правительственные войска оказались дезорганизованы, у них закончились стрелы, и они вернулись с пленниками и награбленным отовсюду добром» (Цит. по: Юань ши цзи 208, биографии 95, Иноземцы: Корё, Тхамна, Япония)².

В 1279 г. монголы подчинили себе китайскую династию Южная Сун и снова решили атаковать Японские острова. На этот раз флот выступил по двум направлениям: армия Цзяннань (江南軍)³, представлявшая собой, по сути, армию Южной Сун, сдавшуюся династии Юань, выступила из южного Китая, тогда как Восточная армия (東路軍), соединившая силы армий Юань и Корё, выступила с Корейского полуострова⁴. Армия Цзяннань из Южного Китая состояла из 100 000 воинов и 3500 кораблей, в то время как армия Восточного направления с Корейского полуострова состояла из 40 000 воинов и 900 кораблей, так что в общей сложности в нападении участвовали 140 000 воинов и 4400 кораблей. По первоначальному плану обе армии должны были встретиться у острова Ики, но отправление армии Цзяннань задержалось, поэтому встреча была отложена. После того как две армии объединили свои силы и двинулись к Хаката, они вошли в залив Имари (伊万里湾) и достигли острова Такасима, где были уничтожены сильнейшим тайфуном. В хронике «История династии Юань» указано, что после шторма высшие военачальники армии Юань покинули свои войска и поспешили к последним уцелевшим кораблям, на которых и вернулись домой. Оставшиеся войска подверглись нападению со стороны войск сёгуна Камакура, в результате чего все (кроме воинов из бывшего госу-

¹ В японской историографии этот военно-морской эпизод 1274 г. получил наименование «война Бунъэй» (文永の役 *бунъэй-но эки*).

² Сайт исторических документов 書籍大全『元史』卷二百八 列伝九十五 外夷伝一: 高麗, 耽羅, 日本). <http://ab.newdu.com/book/s6004.html>

³ Географический регион в Китае южнее нижнего течения реки Янцзы, в средние века был крупным центром судоходства.

⁴ В японской историографии это событие получило название «война Коан» (弘安の役 *Коан но эки*).

дарства Южная Сун) были обезглавлены (Цит. по: Юань ши цзи 208, биографии 95. Иноземцы: Корё, Тхамна, Япония)⁵.

Таким образом, исторические документы свидетельствуют, что во время войны 1281 г. огромная армия из 4400 кораблей потерпела кораблекрушение во время сильнейшего шторма у берегов острова Такасима в заливе Имари, причем многие корабли затонули.

История исследований подводных руин Такасима

На морском дне у южного побережья острова Такасима местные рыбаки уже давно находят китайскую керамику (кувшины, горшки и чаши), корейский фарфор эпохи Корё, якоря и другие предметы. По этой причине было высказано предположение, что эти артефакты могут принадлежать монгольским военным кораблям, потерпевшим крушение во время шторма в 1281 г. В связи с этим профессором Эгами Намио (江上波夫) из Токийского университета в 1980–1982 гг. было проведено первое исследование артефактов, разбросанных по побережью.

Комитет по образованию города Такасима (ныне часть города Мацуура) с 1992 г. начал обследование предметов, рассредоточенных по морскому дну [Takashima Kaitei Iseki-2, 1993], и обнаружил, что многие артефакты, имевшие отношение к той военно-морской кампании, были разбросаны на глубине 20–30 м.

В период с 2000 по 2006 гг. раскопки проводились в сочетании с реставрационными работами в бухте Кандзаки (神崎港), расположенной в самом центре подводных руин Такасима, на южном побережье острова, где было обнаружено наибольшее количество подводных артефактов. Хотя тогда во время раскопок не обнаружили ни одного затонувшего корабля, было найдено множество предметов, связанных с монгольским вторжением. Под водой были обнаружены железные шлемы и мечи, каменные ядра (в том числе, ядра *тэцухау*, начиненные порохом), якоря, медные монеты, керамические кувшины и горшки, предметы повседневной утвари, бронзовые буддийские статуи, зеркала и др. [Matsuura shi... 2008].

С 2003 по 2015 гг. поиском затонувших кораблей руководил профессор Икэда Эйджи (池田栄史) из Университета Рюкю префектуры

⁵ Сайт исторических документов 書籍大全『元史』卷二百八 列伝九十五 外夷伝一: 高麗, 耽羅, 日本). <http://ab.newdu.com/book/s6004.html>

Окинава⁶ [Nagasaki ken... 2009]. Наконец, в 2011 г. было обнаружено первое затонувшее судно (№ 1) и проведены раскопки [Suichū kōkogaku... 2016].

В 2013 г. Комитет по образованию города Мацуура начал проводить акустическое обследование морского дна, в результате которого стало понятно, что в толще морского дна находятся твердые предметы. В результате поискового сезона 2014 г. было обнаружено судно № 2, после чего подводные раскопки продолжались вплоть до 2019 г. [Mōko shūrai... 2021]. В 2020–2022 гг. при содействии Комитета по образованию города Мацуура были обнаружены большие деревянные якоря с камнем (一石型木製碇), которые в ходе проведения раскопок были извлечены на сушу. В 2023–2024 гг. в рамках пилотного проекта, финансируемого Агентством по делам культуры, подводные раскопки проводил Институт культурных ценностей Нара, в результате которых было обнаружено судно № 3.

Результаты исследований подводных руин Такасима на сегодняшний день

Если коротко обобщить результаты случайных находок и подводных изысканий, то можно отметить следующее. Жители острова Такасима во время рыбалки часто находили кувшины и горшки, а во время сбора ракушек со дна моря даже обнаружили «генеральскую печать Императорской армии» (官軍総把印). В связи со всеми этими находками было высказано предположение, что в водах у южного побережья острова Такасима были рассредоточены разные реликвии, связанные с монгольским нашествием.

Во время подводных работ 1980–2000 гг. на дне моря действительно были обнаружены артефакты, указывающие на монгольское вторжение. Первый затонувший корабль был найден в 2011 г., на данный момент обнаружено три судна. Затонувшие суда были погребены в толще отложений морского дна и находились под водой на глубине 18–20 м. Судно № 1 было обнаружено в 2011 г., судно № 2 – в 2014 г., а судно № 3 было найдено в 2023 г. В настоящее время раскопки продолжаются, дальнейшие поисковые работы запланированы на 2025 г.

⁶ В настоящее время он является профессором Университета Кокугакуин (國學院大學), который находится в Токио.

Основным фактором, с 2011 г. определившим успех поисков затонувших кораблей, можно считать использование новейшего технического оборудования. Обнаруживать твердые предметы, содержащиеся в отложениях морского дна, позволила акустическая разведка. Участки, показавшие реакцию при акустическом обследовании, были идентифицированы как кирпичи или камни, использовавшиеся на кораблях в качестве балласта. Таким образом, при пробных раскопках было установлено местонахождение рядов кусков древесины на глубине около 1,1 м в толще морского дна, которые были идентифицированы как останки затонувших судов.

Результаты исследования судна Такасима-3

Судно № 1 находилось не в очень хорошем состоянии – его конструкцию определить точно было невозможно. Что касается судна № 2, то была раскопана только его верхняя часть. В связи с тем, что при раскопках не дошли до нижней части, конструкция корабля также не была четко определена. Раскопки третьего судна все еще продолжаются, но в сезоне 2024 г. одна секция была выкопана до самого дна судна, при этом обнажилась структура киля. Анализ конструкции судна № 3 показывает, что есть высокая вероятность того, что оно было построено в провинции Чжэцзян на юге Китая.

Что касается керамических горшков и кувшинов, найденных при раскопках судна № 3 в 2023–2024 гг., то они оказались весьма похожи на аналогичные изделия из печей в провинции Цзянсу на юге Китая. Учитывая конструкцию судна и место изготовления керамики, можно предположить, что судно № 3 было военным кораблем армии Цзяннань из Южного Китая [Kaitei ni nemuru... 2024].

Если говорить о других находках с этого судна, то за два прошедших сезона найдены, в частности, короткий меч в ножнах и кончик связки стрел (наконечники стрел), что указывает на то, что это было военное судно. По результатам радиоуглеродного датирования, проведенного на десяти образцах древесины (сосна, камфорное дерево, кипарисовик *хиноки*) с кораблей монгольского вторжения, самая последняя датировка соответствует приблизительно 1253 г. Это означает, что корабли строились из древесины, срубленной за 28 лет до войны Коан 1281 г. Кроме того, была обнаружена пара металлических палочек для еды (с гравировкой), которые могут дать некоторое представление об образе жизни людей на юге Китая в средние века.

Во время раскопок судна № 3 в 2023–2024 гг. с помощью акриловой трубки длиной 1 м и диаметром 10 см были взяты на анализ пробы грунта, находившегося непосредственно на дне над нижней доской в средней части судна. Характер этих отложений дает исследователям подробную информацию о пищевых отходах, оставшихся со времен монгольского вторжения, а также общие сведения об окружающей среде во время затопления кораблей. Так, анализ показал, что на высоте 15 см над дном корабля скопилось множество неразложившихся органических веществ, в том числе фрагменты кожи, части деревянных инструментов и стрел, кости съеденной рыбы и фрагменты лакового покрытия. Дальнейший план состоит в том, чтобы извлечь эти предметы и исследовать, какова была жизнь на борту корабля в то время.

Таким образом, в результате раскопок подводных руин Такасима, представляющих археологические свидетельства монгольского нашествия 1281 г., были выявлены артефакты, относящиеся, в основном, к флотилиям военных судов из Южного Китая. Это прямые вещественные доказательства, имеющие отношение к масштабным военно-морским кампаниям Восточной Азии в средние века. Ожидается, что они предоставят ценные данные для исследования динамичного международного взаимодействия в Восточной Азии того времени. Сравнение с затонувшими кораблями того же периода в Китае и Корее также будет полезно для выяснения конструктивных особенностей кораблей монгольского вторжения.

Находки с подводных раскопок у острова Такасима в настоящее время сосредоточены в трех местах: в Центре погребенных культурных ценностей города Мацуура (松浦市立埋蔵文化財センター *Мацуура сирицу майдзо: бункадзай сэнта:*, о. Такасима); в Музее истории и культуры префектуры Нагасаки (長崎歴史文化博物館 *Нагасаки рэкиси бунка хакубуцукан*, г. Нагасаки); в Национальном музее Кюсю (九州国立博物館 *Кю:сю: кокурицу хакубуцукан*, г. Фукуока). Все эти музеи выполняют роль ведущих исследовательских центров по изучению истории монгольского вторжения и культурного наследия региона. За исключением фольклорных материалов, кратких заметок, составленных по воспоминаниям участников событий, а также позднейших хроник и иллюстрированных свитков, только археологические находки, извлеченные с морского дна, могут служить наиболее надежным источником достоверной информации о тех событиях.

Исследование затонувших кораблей вблизи острова Такасима и сравнение находок с другими объектами в Восточной и Юго-Восточной Азии затрагивает широкий круг тем в области морской археологии, включая историю монгольских вторжений, военную технику, религиозные практики и буддийское искусство, а также особенности китайской и корейской керамики. Археологические находки из залива Имари представляют собой важный источник информации о военно-морской истории региона, технологическом уровне кораблестроения и динамичном взаимодействии народов Восточной Азии в начале II тысячелетия.

References

Kaitei ni nemuru mongoru shūrai: Suichū kōkogaku no sekai [Mongol Invasion Preserved Underwater: The World of Underwater Archeology]. (2024). Tokyo: Kokugakuin University Museum. (In Japanese).

Matsuura-shi Takashima kaitei iseki. Heisei 13, 14 nendo Takashima-chō Kanzaki-kō kaishū kōji ni tomonau kinkyū chōsa hōkokusho. [Takashima Underwater Ruins of Matsuura City. Report on Emergency Survey on the Reconstruction of the Kanzaki Bay of Takashima Town in 2001–2002]. (2008). Matsuura: Matsuura City Education Committee. (In Japanese).

Mōko shūrai chinbotsusen no hozon katsuyō ni kansuru gakusai kenkyū [Interdisciplinary Research to Preserve and Use the Sunken Ships of the Mongol Invasion Era]. (2021). Ed. by Eiji Ikeda. Grant Research Report for 2018–2020. Ryukyu University. (In Japanese).

Nagasaki-ken Kitamatsuura-gun Takashima kaitei ni nemuru genkō kanren iseki ibutsu no haaku to kaimei [Understanding and Interpreting the Mongol Invasion-Related Ruins and Relics Lying on the Sea Floor Near Takashima Island in the Kitamatsuura District, Nagasaki Prefecture]. (2009). Ed. by Eiji Ikeda. Grant Research Report for 2006–2010. Ryukyu University. (In Japanese).

Suichū kōkogaku shuhō ni yoru genkō chinsen no chōsa to kenkyū [Excavation and Study of the Mongol Invasion-Era Sunken Ships Using the Underwater Archeology Methods]. (2016). Ed. by Eiji Ikeda. Grant Research Report for 2011–2015. Ryukyu University. (In Japanese).

Takashima Kaitei Iseki-2 [Takashima-2 Underwater Ruins]. (1993). Takashima Town Education Committee. (In Japanese).

О коллекции рекламных карточек The Liebig Company «История Японии» 1938 г.

Д. Кикнадзе

Аннотация

В статье рассматривается малоизученный визуальный источник – серия рекламных карточек «История Японии», прилагавшихся к упаковкам мясного экстракта британской фирмы The Liebig Company; серия была выпущена в 1938 г. в Швейцарии. Основателем компании стал немецкий химик Юстус фон Либих, выдающиеся заслуги которого лежат в первую очередь в области органической химии, новых технологий в сфере питания, а также популяризации химии в целом. Рекламой продукции служили карточки, знакомившие покупателя с жизнью разных стран мира. Наш интерес обращен к серии из двенадцати карточек, посвященных разным вехам политической истории Японии.

Помимо визуального материала особый интерес представляют тексты на обороте каждой карточки: в них отражается не только неугасающий интерес европейцев к Японии, но и особая риторика, признание побед японской императорской армии в Китае и Корее. Данная статья состоит из краткого исследования и полного перевода текстов всех двенадцати карточек с французского языка. Материал статьи рассчитан прежде всего на японоведов-историков, изучающих разные периоды истории Японии, ее идеологию и политику, филокартистов и искусствоведов, а также и на широкую читательскую аудиторию.

Ключевые слова: Юстус фон Либих, Компания Либих, мясной экстракт, хромолитография, рекламные карточки, история Японии, колониализм, ориентализм, японизм.

Автор

Кикнадзе Диана – кандидат исторических наук, доцент Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.

E-mail: d.kiknadze@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2137-2818

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the Liebig Company Advertising Card Collection “History of Japan” (1938)

D. Kiknadze

Abstract

This chapter uses a new visual source – a series of advertising cards “History of Japan” for meat extract from the Liebig Company, released in 1938 in Switzerland. The company was founded by German chemist Justus von Liebig, whose achievements primarily were related to organic chemistry, new technologies in the field of nutrition, and popularization of chemistry in general. The products were advertised using cards that introduced the customer to life in different countries of the world. This study focuses on a series of 12 cards dedicated to different milestones in the political history of Japan. In addition to the visual material, the accompanying texts on the back of each card are of particular interest: they reflect not only the undying interest of Europeans in Japan, but also the special rhetoric that recognized the victory of the Japanese Imperial Army in China and Korea. This chapter is a brief study and a full translation of all 12 cards from French. The material of the research is intended primarily for historians studying different periods of Japanese history, its ideology and politics, philocartists and art historians, as well as for the general readership.

Keywords: Justus von Liebig, The Liebig Company, meat extract, chromolithography, advertisement cards, History of Japan, colonialism, orientalism, Japonisme.

Author: Kiknadze Diana, PhD (History), Assistant Professor, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University: 11 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russian Federation, 199034.

E-mail: d.kiknadze@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2137-2818

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

The Liebig Company – английская фирма, которая начала широко производить мясной экстракт после его изобретения знаменитым немецким химиком Юстусом фон Либихом (1803–1873). Этот ученый широко известен химикам за значительный вклад в развитие органической химии, он – один из основателей агрохимии и создателей системы химического образования. Либих состоял в должности профессора Гисенского и Мюнхенского университетов, являлся президентом Баварской академии наук. Одной из целей ученого была идея предоставить бедным слоям населения недорогой источник питания. Основываясь на своей теории питательной ценности мясных жидкостей, Либих разработал процесс экстракции, который позволил сконцентрировать и сохранить необходимые питательные вещества и ароматы говядины в виде пасты или бульонных кубиков. Две ложки такого экстракта можно было разбавить горячей водой для получения основы для порции супа¹.

Английская компания, владевшая крупными животноводческими фермами в Южной Америке, решила начать производство мясного экстракта в 1850 г. и назвала его в честь изобретателя. Очень быстро «Мясной экстракт Либиха» (“Liebig Fleischextrakt”) разошелся по всему миру [Кикнадзе 2024, с. 399].

Компания первоначально рекламировала свою продукцию как «мясной чай», подчеркивая его лечебные свойства и питательную ценность. Врачи подхватили гастрономическую новинку, расхваливая мясной экстракт в научных журналах как дешевую и питательную альтернативу мясу. К тому же удобная форма и упаковка облегчала питание госпитализированных больных, особенно солдат и моряков. Чуть позже к врачам присоединились авторы кулинарных

¹ См.: <https://longhistory.ru/libig-meat-extract/>

книг, которые создавали рецепты, основанные на мясном экстракте, и посвящали целые издания только этому новому продукту [Rennie 2015, p. 43]. Уже после смерти Ю. фон Либиха, когда дополнительные исследования показали, что многоступенчатый метод экстракции уничтожает питательную ценность экстракта, продукция компании Либих была подвергнута критике. И тем не менее ученые единогласно подчеркивали удобство и вкус мясного экстракта, не запрещая продавать его как удобную пищу.

В сложившихся условиях, чтобы рекламировать новый продукт, компании пришлось принять новую маркетинговую стратегию. В то время среди торговцев было модно размещать рекламу с помощью карточек, иллюстрированных литографиями на популярные темы. В 1870 г. The Liebig Company запускает в печать первые серии рекламных карточек, которым суждено было стать своего рода учебником в познании мира и желанной находкой для филокартистов. Компания начала производить наборы карточек с картинками и прикладывать их к каждой упаковке мясного экстракта [Кикнадзе 2024, с. 399]. Также карточки раздавались в качестве рекламных сувениров в крупных магазинах, где продавались товары The Liebig Company. Карточки были разделены на серии по разнообразным темам в наборах по шесть или двенадцать штук. На оборотной стороне карточек помещались либо реклама продукта компании, либо рецепт блюда, в котором можно было использовать мясной экстракт.

У некоторых исследователей можно увидеть саркастическое отношение к идее подобной рекламы: «Использовались и курьезные методы пропаганды, например бульонные кубики, продававшиеся с фабричной маркой “мясной экстракт Либиха”» [Сохраняева 2008, с. 83]. И тем не менее для своего времени способ продвижения продукции при помощи рекламы, напечатанной новым методом хромолитографии, сыграл важную роль. Карточки были популярны в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии; существовали также русские, венгерские, шведские и богемские издания. Для продвижения продукта использовались и другие способы – открытки, настольные игры, календари, плакаты, бумажные игрушки, кулинарные книги.

Многие наборы карточек, по сути, представляют собой мини-энциклопедии по различным темам. Некоторые из них интересны с информационной точки зрения, а другие просто привлекательны благодаря своему дизайну.

Последняя серия хромофотографий была выпущена в 1939 г., но серии редактировались и воспроизводились на протяжении 1970-х гг. Выпуск карточек закончится лишь в 1975 г. и охватит более 11 000 различных серий и тем. Когда в 1975 г. компания Либих прекратила производство коллекционных карточек, было принято решение выпустить тысячи наборов карточек прежних лет. Высокое качество печати и дизайна уже с самого начала сделало их предметами коллекционирования [Кикнадзе 2024, с. 400–402].

Компания Либих прекрасно улавливала все актуальные веяния – всплеск интереса европейского населения к странам Азии и Африки нельзя было оставлять без внимания. На фоне японизма – моды на все японское, особенно на японское искусство, – в странах Европы печаталась самая разнообразная информация и для юношества, и для взрослого читателя. Это могли быть короткие заметки из категории «их обычаи» или обширные статьи, которые подробно и вполне правдиво освещали разные стороны «экзотических», «загадочных» и «волшебных» стран Востока. Успешная колониальная политика породила огромное количество сюжетов и тем из жизни неевропейских народов. Страны Дальнего Востока – общество, система правления, быт и повседневность, праздники, ремесла, нравы – все эти темы пользовались большим спросом у любознательных европейцев.

Серия «История Японии» впервые была выпущена в Швейцарии в 1938 г. и представляет собой набор из двенадцати карточек; их охват – от легендарного правителя Дзимму до основных вех эпохи Мэйдзи. К сожалению, нам еще не удалось обнаружить автора текстов карточек, однако, исходя из детализации фактов (не всюду, но в подавляющем большинстве) из истории Японии, Кореи и Китая, следует предположить, что автор или коллектив авторов был компетентен в данных вопросах.

В текстах двенадцати карточек рассказ неизвестного автора шаг за шагом ведет читателя по наиболее значимым этапам истории Японии.

1. Государь Дзимму в походе под предводительством солнечного ворона
2. Государыня Дзингу (169–269 гг. н.э.) указывает мужу направление на Запад.
3. Принц Сётоку издает «Уложение о культуре».
4. Святой Ку:кай отправляется в Китай.
5. Два самурая.

6. Ёритомото объявляет себя первым сёгуном.
7. Сцена битвы.
8. Уничтожение монгольского флота.
9. Поход в Корею. Хидэёси, объединитель.
10. Кorteж даймё:.
11. Переговоры по японо-американскому договору.
12. Въезд в Токио императора Мэйдзи.

Блок древней истории начинается с более «актуальных» для Японии военного времени исторических персонажей, которые покоряют автохтонное население островов и высвобождают земли для расширения своих владений – государства Ямато. Не только на Карточке 2-й, но и в дальнейшем часто появляется образ мудрой правительницы Дзингу, которая указывает своему супругу, государю Тю:аю, в сторону «Западных государств», то есть Китая и Кореи (Пэкче).

Стремление к освоению великих достижений китайской цивилизации вообще занимает значительное место в текстах карточек. Немало внимания уделяется отделению японцев – целеустремленных, амбициозных – от непокорных аборигенов, которые здесь подчеркнута инаковые, с окладистыми бородами. Показывая давние устремления японских правителей в сторону материка, автор косвенным образом оправдывает военные «подвиги» милитаристской Японии 1930-х гг. в Китае и Корее как результат давних политических устремлений, возникших будто бы еще во времена легендарных или полуполегендарных правителей Ямато. Карточки, несущие во многом просветительскую функцию, транслировали признание европейскими державами новой силы в Азии.

Немаловажна и тема религий. Комплекс верований синто в тексте карточки 4-й называется «первобытной религией Древней Японии». Однако в результате усилий дальновидной государыни Дзингу из Кореи распространяется конфуцианство, и оно «идеально соответствует менталитету японцев». Буддизм же не находит столь живого отклика, деятельность Ко:бо:-дайси выглядит едва ли не вредоносной, пагубной для японской идентичности. «И только в XVII в. эта религия (речь идет о синто-буддийском синкретизме и о создании специфически японской формы буддизма – Д. К.) ... очистила себя от буддийской примеси, чтобы вновь стать первобытным синто:» в XIX веке. В эпизодах из истории древней Японии, кажется, находят отражения

все основные преобразования эпохи Мэйдзи – конструирование государственного синто, притеснение буддизма, продолжающаяся в первой четверти XX века политика дискриминации айнов, разработка теории *нихондзинрон*.

Следующие карточки описывают приход к власти самураев. Шаг за шагом излагаются такие события политической жизни средневековой Японии, как борьба домов Тайра и Минамото, нашествие монголов, деятельность трех объединителей страны, первые контакты с европейцами и изгнание иезуитов. Текст полон восхищения воинской доблестью и дисциплиной самураев, они противопоставлены изнеженным аристократам «эпохи Фудзивара».

Художественно-композиционными особенностям японской гравюры *ukiё-э* посвящен саркастический комментарий к тексту карточки 5-й. Автор обращает внимание читателя на несоответствия в пропорциях, отмечая странный облик воинов и определяя их коней как пони, но добавляет: «Наш художник старался не привносить европейский стиль во все двенадцать карточек этой серии, а следовать оригинальному стилю старинной японской гравюры». Известны имена художников серии «История Японии»: Адольф Мюнцер (1870–1953) и Август Унгер (1869–1945). Мюнцер помимо живописи в классической манере успешно занимался и книжной иллюстрацией; Унгер сделал себе имя как рекламный и графический дизайнер, также он экспериментировал с дизайном интерьеров, фресковой живописью и витражами. Как можно видеть, компания Либих привлекала к созданию своей рекламной продукции, как минимум в серии «История Японии», известных художников, не боящихся экспериментов и новых техник.

Карточки 11-я и 12-я посвящены первым неудачным попыткам переговоров об открытии страны в 1853 г., вестернизации Японии и новой политике императора Мэйдзи. Текст карточки 12-й заканчивается пассажем, в котором проглядывает вполне объяснимое опасение, вызванное успешными боевыми действиями милитаристской Японии на материке: «Сегодня восходящее солнце Японии превратилось в большой вопросительный знак, нависший над Азиатско-Тихоокеанским регионом».

Текст карточек переведен нами с французского языка². В качестве иллюстраций взяты карточки из коллекции Д. Кикнадзе с тем же

² <https://njwv.wordpress.com/2023/06/12/liebig-1938-histoire-du-japon/>.

текстом (с минимальными расхождениями) на фламандском языке. Автор статьи предлагает перевод текста карточек для дальнейшего введения их в научный оборот в качестве нового источника, который содержит взгляд европейцев на историю Японии, сформировавшийся к 1938 г. – времени успешных милитаристских действий японской императорской армии. Часто информация в тексте карточек может быть искаженной и неточной, что, на взгляд автора статьи, представляет интерес с точки зрения формирования и бытования в среде европейцев специфического восприятия отдельных аспектов истории древней Японии, которые в итоге смогли бы составить «правильное» впечатление от Страны восходящего солнца.

Карточка 1

Лицевая сторона: **История Японии. Дзимму Тэнно под предводительством солнечного ворона**

Продукция Либих: Улучшение [качества] блюд.

Оборотная сторона: Продукция Либих: улучшение [качества] блюд!

1. Дзимму Тэнно под предводительством Солнечного Ворона (660 г. до н. э.) Основание империи и божественное происхождение императоров

Современная японская империя простирается на 3000 островов и островков, раскиданных вокруг старой Японии, включая крупнейшие основные четыре острова. Ниппон обозначает «Истоки солнца». Мы ее называем «Страной Восходящего солнца». – В давние времена Япония была населена айнами, белой расой бородатых [людей] со светлыми глазами, говорящих на арийском языке. Впоследствии племена, пришедшие из Малайзии, иммигрировали на южные острова и на протяжении десяти веков до н.э. Юго-Запад был захвачен монголо-маньчжурами, будущими хозяевами Японии, пришедшими из Кореи. В VII в. до н.э.

Великий Каму (позже названный Дзимму Тэнно) объединил племена захватчиков и, испытывая непреодолимую тягу к Востоку, подчинил себе большую часть страны. Он основал престол в Ямато в 660 г. до н.э., с этого года японцы начинают историю своей империи. Таким образом, последнему исполнится 2600 лет в год предстоящей Олимпиады в Токио, в 1940 г. Для японцев Дзимму Тэнно – правнук богини Аматаэрасу, потомки которой с тех пор восходят на престол,

династия непрерывна и в наши дни. Нынешний император – прямой потомок Дзимму и Аматаэрасу. Также японцы называют своего императора «Солнечным императором» (Тэнни) или «Сыном неба» (Тэнси). И только иностранцы используют название Микадо. – Согласно легенде, Дзимму сбился с пути во время похода на Восток, но его божественная бабушка Аматаэрасу послала к нему Солнечного ворона, который направил его и обеспечил победу.

Компания Либих, основана в 1865 г.

Карточка 2

Лицевая сторона: **История Японии. Императрица Японии Дзингу (169–269 гг. н. э.) указывает своему мужу направление на Запад**

Продукция Либих: сократит расходы.

Оборотная сторона: Продукция Либих: сократит расходы!

2. Императрица Японии Дзингу (169–269 гг. н.э.) указывает своему мужу направление на Запад. Консолидация завоеваний и первые контакты с Кореей

Провозглашение империи Ямато [государем] Дзимму не означало конца войне, поскольку местные племена оказывали неустанное сопротивление завоевателям. В особенности айну продолжали военные действия на протяжении веков до тех пор, пока не были окончательно выдворены в XI веке. (На сегодняшний день их осталось всего лишь несколько тысяч на Севере Японии.) – Во II веке н.э. император Тюай героически руководил этой борьбой, изгоняя их, продолжая, таким образом, труды своих предшественников.

Его супруга, императрица Дзингу, предпочла бы видеть его усилия, направленными на легендарную Страну к Западу (Китай, который на тот момент переживал свой высший расцвет). Дзингу получила вести об этом из Кореи, которая служит мостом от континента в Японию. Каждый вечер она направляла взор своего мужа на Запад, куда заходит солнце, и убеждала его устремить силы в сторону легендарной страны. Но Тюай не видел ничего кроме дыма над прибрежными домами и тумана над океаном и мечтал продолжить завоевывать свою островную империю. Боги его наказали и лишили жизни, и тогда Дзингу, взойдя на престол (201–263 гг. до н.э.), наконец-то положила начало столь желанным контактам с Кореей. – Не доказано, было ли это военное вторжение или мирные отношения: начиная с этого времени мно-

жество китайцев и корейцев постоянно прибывали в Японию, и там появлялись первые признаки китайской цивилизации.

Компания Либих, основана в 1865 г.

Карточка 3

Лицевая сторона: **История Японии. Принц Сётоку издает Уложение о культуре.**

Продукция Либих: Сила и аромат говядины.

Оборотная сторона: Продукция Либих: сила и аромат говядины!

3. Принц Сётоку издает Уложение о культуре в 17 статьях (620 г. н. э.). Знакомство с китайской цивилизацией. – Эпоха Фудзивара

После первых контактов с Кореей, установленных благодаря императрице Дзингу, советники считали выгодным для Японии распространение превосходной китайской цивилизации. Множество посланников и учащихся были отправлены в Китай, а одновременно с этим в Японию приезжали китайская ученная элита и ремесленники. Таким образом были представлены китайские науки администрирования и военного дела, архитектура, живопись, литература, как и китайское письмо иероглифами, но не разговорный язык – он оставался японским. – Сётоку Тайси, великий ученый и принц-регент императрицы Суйко, стал одним из главных пропагандистов этого движения. В 620 г. он издал 17 статей, в которых в том числе буддизм провозглашался в качестве государственной религии.

Эти 17 статей представляют собой первый письменный документ Японии, который нам известен. Дальнейшая история Японии основывается на двух традиционных памятниках письменности, которые существуют и поныне: «Кодзики», 712 г. отражает дух древней Японии, а «Нихонги», 720 г., находится под влиянием китайской идеологии. Эти два документа были созданы в первый крупный период истории Японии: эпоху Фудзивара. – Эта эпоха началась спустя пятьдесят лет после обнародования 17 статей с воцарения императора Тэмму в 673 г. и первого правящего клана Фудзивара, который правил в течение четырех веков. Эта эпоха характеризуется грандиозным развитием экономики и культуры, эволюцией, которая произошла в основном в пору правления Камму (782–802 гг.), одного из величайших императоров Японии. Он перенес столицу в Киото в 794 г. Компания Либих, основана в 1865 г.

Карточка 4

Лицевая сторона: История Японии. Путешествие в Китай святого Кукая

Продукция Либих: упрощает кулинарные дела.

Оборотная сторона: Продукция Либих: упрощает кулинарные дела!

4. Путешествие в Китай святого Кукая (804 г.). Эволюция культов в Японии.

Первобытной религией древней Японии был синто («Путь богов»), смесь культа предков и культа природы с почитанием солнца и богини солнца Аматаэрасу. Во время правления императрицы Дзингу из Кореи распространилось китайское конфуцианство, которое идеально соответствовало менталитету японцев и смогло легко распространиться. А буддизм – наоборот, имеющий индо-китайские корни и совершенно иное происхождение, – тяжело проникал в душу японцев, хотя и был провозглашен государственной религией. Святой Кукай также отправился в Китай в 804 с придворной миссией, чтобы там углубленно изучить новую китайскую культуру, которая в то время испытывала второй великий подъем, – это династия Тан, очень благоволящая к конфуцианству. (Кукай, названный Кобо-дайси после смерти, был священником, ученым и художником, жившим при великом Камму, родиче Фудзивара). Когда он прибыл в 810 г., он привнес множество реформ, в основе своей имеющих более значительное место в интеллектуальной сфере для духа древней Японии, так как эта сфера полностью была под китайским влиянием.

Позже, после изобретения японской слоговой письменности, которая соответствовала китайским иероглифам, Кукай переосмыслил буддизм и соединил его с конфуцианством и синтоизмом. Эта смесь стала синто-буддийским синкретизмом, разновидностью буддизма в его японской форме. И только в XVII веке эта религия раз и навсегда очистила себя от буддийской примеси, чтобы вернуться к первобытному синто и стать государственной религией в ходе реставрации в XIX веке.

Компания Либих, основана в 1865 г.

Карточка 5

Лицевая сторона: **История Японии. Два самурая, по старинной японской гравюре**

Продукция Либих: лучшая говядина.

Оборотная сторона: Продукция Либих: лучшая говядина!

5. Два самурая, по старинной японской гравюре. Формирование военного класса

В то время как в правление Фудзивара был экономический и интеллектуальный расцвет, одновременно началось формирование знаменитого военного сословия – самураев. Начиная с VIII века военные стали знатными и стояли выше других горожан в социальном плане. Постепенно это сформировало классический тип самурая, профессионального воина с определенным характером и моралью, чья линия поведения предписана в знаменитом кодексе чести Бусидо («Путь воина»). Это были представители элиты, доблестные в сражениях, прославляющие честь и верность, готовые к самопожертвованию и полные преданности, презирующие смерть и боль (харакири!). Их основным оружием были лук и два виртуозно сработанных меча.

Их доспехи были разработаны методом, уникальным по эффективности защиты, без адаптации к телу человека: мы исходим из странного облика двух воинов, изображенных на нашей карточке, в том числе из облика искаженного, диспропорционального коня (здесь: пони) работы японского художника. (Наш художник старался не приносить европейский стиль во все двенадцать карточек этой серии, а следовать оригинальному стилю старинной японской гравюры.) – Самураи со своими семьями состояли на службе у феодалов и имели единственной привилегией возможность воевать. Они также обладали вкусом и коллекционировали предметы искусства и каллиграфию. Гражданские войны между феодалами-сеньорами были частыми и приносили все больше тягот военному сословию, в то время как аристократы Фудзивара утопало в удовольствиях и роскоши. В конце концов военные захватили власть и создали сёгунат.

Компания Либих, основана в 1865 г.

Карточка 6

Лицевая сторона: **История Японии. Ёритомо объявляет себя первым сёгуном**

Продукция Либих: удобно и практично.

Оборотная сторона: Компания Либих: удобно и практично!

6. Ёритомото объявляет себя первым сёгуном. Временно власть перешла в руки генералиссимусов

С IX по XIX века история Японии вершилась четырьмя крупными родовитыми кланами: Фудзивара, Тайра, Минамото и Токугава. Фудзивара управляли страной с VII по XII век, в большей или меньшей степени сближаясь с престолом в Киото путем брачных и других связей. Но радикальные перемены в отношении трона в XII веке спровоцировали различные важные факторы: становление демократичного буддизма, который постепенно замещал синто, так подходивший небесным императорам; безнаказанность изнеженных Фудзивара, которая развязала внутренние феодальные войны; нарастание престижа, влияния и богатства двух великих военных домов Тайра и Минамото.

Эти два клана воевали между собой за трон в течение всего периода Фудзивара. В конце концов Тайра захватили престол, но в течение долгого времени не были в состоянии проводить необходимые реформы и после 22-летнего правления были смещены двумя военными гениями клана Минамото: Ёсицунэ и Ёритомото. Временно власть была отнята у императоров, которые были понижены в статусе до исполнителя религиозных функций в Киото, в то время, как Ёритомото в 1192 г. был провозглашен диктатором под именем сёгуна (генералиссимуса) – титул, который стал наследственным в клане Минамото. Ёритомото основал свою ставку в Камакуре и занялся множеством позитивных реформ. Сохраняя при этом придворные аристократические кланы и буддийское духовенство, он объединил страну и централизовал администрацию, поставив крупных феодалов под прямую зависимость от ставки.

Компания Либих, основана в 1865 г.

Карточка 7

Лицевая сторона: История Японии. Сцена битвы, по старинной японской гравюре

Продукция Либих: улучшение [качества] блюд.

Оборотная сторона: Продукция Либих: улучшение [качества] блюд!

7. Сцена битвы, по старинной японской гравюре. Феодальные войны. Три соперничающих администрации

После смерти Ёритомо в 1198 г. распри между владетельными князьями возобновились с большей силой, что впоследствии привело к ослаблению власти сёгуната. Вскоре сами сёгуны пострадали от тех же действий, которые они ранее применяли в отношении императоров: вместо самих сёгунов власть теперь осуществляли регенты и сиккэны – своего рода мэры дворца. Сиккэны действовали настолько искусно, что и императорский трон в Киото, и сёгунский трон в Камакуре были почти всегда заняты малолетними детьми, которых они смещал по мере их взросления. Это была эпоха клана Ходзё (1219–1334) из клана Тайра.

Их правление, изначально успешное, становилось все более жестоким и наконец было свергнуто восстанием императора Го-Дайго, который временно восстановил императорскую власть. Го-Дайго не оставил после себя наследников и после смерти императора к власти вновь пришел его лейтенант Асикага Такаудзи, а в 1335 основал сёгунат Асикага, который поддерживал добрые отношения с Китаем*. Но междоусобные войны продолжали разорять страну. Иногда на троне бывало и два императора. – Лишь однажды соперничество прекратилось: это случилось перед лицом угрозы монгольского вторжения (об этом в следующем выпуске) в правление режима Ходзё.

Компания Либих, основана в 1865 г.

**Примечание:* Больше информации о китайской цивилизации, упомянутой в данном тексте, читайте в нашей серии «История Китая», выпущенной в 1933 г.

Карточка 8

Лицевая сторона: **История Японии. Уничтожение монгольского флота**

Продукция Либих: сократит расходы.

Оборотная сторона: Продукция Либих: сократит расходы!

8. Уничтожение монгольского флота (1281 г.). Высадка на материк. Три объединителя

Мы уже видели, как аборигены айны и позже племена Дзимму-завоевателя прибыли с азиатского континента, и как впоследствии Япония завязала дружественные отношения с Кореей и Китаем. Впервые с тех пор Япония столкнулась с угрозой со стороны материка из-за неудержимого нашествия монголов в XIII веке (Чингисхан, Хубилай-хан), поскольку монголы уже завоевали весь Китай. После

первой высадки на Кюсю в 1274 г., которая не имела долгосрочных последствий, Хубилай-хан подготовил превосходный флот для завоевания Японии. Незадолго до этого нашествия владетельные князья позабыли о своих распрях и объединились на битву со страшным врагом, в это же время японский император возносил молитвы к своей небесной бабушке, богине Аматаэрасу. Она услышала мольбы государя и вызвала ужасную бурю. (Вспомните тайфуны и катаклизмы, которые часто возникают в этих регионах.)

Ураган разбил и раскидал множество кораблей монгольского флота, а те, которые попытались уйти, были разгромлены японцами. Это произошло в 1281 г. С тех самых пор и поныне Япония никогда не подвергалась угрозе со стороны чужеземцев. (Много позже монголы были изгнаны китайцами.) – Едва эта опасность успела миновать, как феодальные войны возобновились. И они не прекращались до тех пор, пока ближе к концу XV века не появились трое великих государственных мужей, положивших им конец. Этими тремя гениями были князь Ода Нобунага, выходец из клана Тайра, сын крестьянина Тоётоми Хидэёси, конюх, а позже лейтенант при Нобунага, и Иэясу Токугава из клана Минамото. Давайте посмотрим на следующей карточке на их успехи и невзгоды.

Компания Либих, основана в 1865 г.

Карточка 9

Лицевая сторона: **История Японии. Хидэёси-объединитель.**

Поход в Корею (1592 г.)

Продукция Либих: сила и аромат говядины.

Оборотная сторона: Продукция Либих: сила и аромат говядины!

9. Поход в Корею (1592 г.). Хидэёси-объединитель. Наполеон и Цезарь Японии

В 1575 г. император призвал князя Нобунага, и тот вместе со своим помощником Хидэёси подчинял себе одного феодального лидера за другим, пока не был предательски убит. Однако ему наследовал Хидэёси (в 1582 г.), и благодаря своему военному гению он быстро завершил умиротворение страны. Вместо того чтобы продолжать борьбу с Иэясу, который был равноценен и имел влияние в сёгунате, он добился его сотрудничества. Хидэёси стал всемогущим диктатором и в конце концов добился объединения империи. Вскоре Хидэёси задумал завоевать Корею, а оттуда и Китай,

чтобы воспользоваться периодом анархии, царящей в Китае. Он собрал сильную армию в порту Нагоя (см. левую часть карточки), и за короткое время вся Корея была завоевана.

Но корейцы тем временем построили крытые лодки, защищавшие экипаж от боевой мощи самураев, и японский флот был разгромлен. После смерти Хидэёси в 1598 г., когда он был отрезан от своих баз, японцы отказались от завоеваний и начали мирные переговоры. (Китай тем не менее вскоре был завоеван, но уже маньчжурами.) После смерти Хидэёси между феодалами вспыхнула короткая война за престолонаследие, но в решающей битве при Сэкигахара в 1600 г. Иэясу одержал победу и сделался сёгуном. Эта историческая битва, наряду с битвой при Осаке в 1615 г., в результате которой погибли жена и сын Хидэёси, уничтожила власть феодалов, навсегда положила конец вечным гражданским войнам и установила режим, который просуществует до Реставрации в XIX веке.

Компания Либиx, основана в 1865 г.

Карточка 10

Лицевая сторона: История Японии. Кортёж даймё, по старинной гравюре

Продукция Либиx: упрощает кулинарные дела.

Оборотная сторона: Продукция Либиx: упрощает кулинарные дела!

10. Кортёж даймё, по старинной гравюре. Эпоха Токугава: мир и процветание; закрытие страны

После своей победы Токугава Иэясу основал сёгунскую ставку в Эдо (Токио), положив начало эпохе Эдо (1603–1867), эпохе мира и процветания, что привело к большому подъёму экономической и интеллектуальной сфер жизни. Иэясу провел разумные реформы и организовал слаженную администрацию. Все провинции стали собственностью государства и страна была поделена на княжества, которыми управляли даймё («великое имя»). Они были обязаны содержать множество самураев и ежегодно являться ко двору сёгуна. С тех пор нескончаемые процессии шли через всю страну, привозя дань и подношения для сёгуна, как мы видим на данной карточке. Именно при его власти страна была закрыта для иностранцев, а христианство запрещено. Европейцы имели контакты с Японией в 1542 г. благодаря португальским торговцам, а затем и испанцам и голландцам,

в то же время миссионеры-иезуиты (святой Франциск Ксавьер, 1549 г.) имели сотни тысяч последователей и строили церкви. Но жестокость и нетерпимость создавали множество препятствий. После первого изгнания в 1597 г. миссионеров при Хидэёси, при Иэясу в 1614 г. христианство было полностью запрещено и в 1624–1634 гг. преемник Иэясу, Иэмицу, запретил японцам покидать страну, а иностранным судам – заходить в японские гавани (за исключением голландских и китайских кораблей). Это было сделано с целью защиты страны от пагубного иноземного влияния, пример которого видели в Китае.

Компания Либих, основана в 1865 г.

Карточка 11

Лицевая сторона: **История Японии. Переговоры по японо-американскому договору**

Продукция Либих: лучшая говядина.

Оборотная сторона: Продукция Либих: лучшая говядина!

11. Переговоры по японо-американскому торговому договору (1854 г.). Открытие страны и упразднение сёгуната

В 1842 г. Китай был вынужден открыть несколько своих портов для мировой торговли, и в том же году американский адмирал Биддл пытался убедить японское правительство сделать то же самое, но тщетно. Американцы, полные решимости открыть Японию для международной торговли, отправили commodора Перри в 1853 г. предпринять новую попытку, снова безуспешную, но в следующем году Перри вернулся с сильной эскадрой и на этот раз настоял на переговорах о торговом договоре. Правительство сёгуната уступило, и японо-американский договор был заключен. Другие западные страны, естественно, последовали этому движению.

Это было началом конца сёгуната. Князья и самураи чувствовали себя униженными высокомерием иностранцев, которым подчинялась администрация сёгуната. В то же время изучение древнего синтоизма, вновь вошедшего в моду, представляло сёгунов как узурпаторов, а императора небесного происхождения — как единственно возможного властителя страны. Престиж императорского двора в Киото возрос, а престиж сёгуната в Эдо упал, поскольку росло желание отменить вековое двоевластие. В 1867 г. последний сёгун Кэйки, просвещенный патриот, решил последовать устремлениям нации и передал свою власть и правление в руки императора Мэйдзи, а его

примеру последовали феодальные вожди и самураи. Так закончился сёгунат и началась Реставрация.

Компания Либих, основана в 1865 г.

Карточка 12

Лицевая сторона: **История Японии. Въезд императора Мэйдзи в Токио**

Продукция Либих: удобно и практично.

Оборотная сторона: Продукция Либих: удобно и практично!

12. Триумфальный въезд императора Мэйдзи в Токио (1868 г). Реставрация императорской власти. Модернизация и расширение империи

Несмотря на добровольную отставку сёгуна Кэйки, началась гражданская война, но император Мэйдзи, 120-й потомок Дзимму Тэнно, взял всю власть в свои руки и в 1868 г. с триумфом вступил в Эдо (Токио), столицу сёгуната. Длительный период мира в эпоху Токугава ослабил оборонительные силы Японии и сделал ее уязвимой для вмешательства со стороны современных иностранных государств. Осознав это, японцы принялись энергично преобразовываться в современную нацию. Феодализм и самураи были упразднены, армия и администрация централизовались; были созданы промышленность, флот, железные дороги и другие современные учреждения. Пригласили немало европейских и американских преподавателей, а бесчисленное множество японских студентов отправились в Европу и Америку, как десять веков назад они отправились в Китай.

В 1890 г. была принята Конституция по западному образцу: конституционная монархия и парламент с имперскими prerogative. (Однако некоторые военные кланы, в которых сохранился дух самурайства, никогда не переставали враждебно относиться к этой конституции, не соответствующей их синтоистскому идеалу небесного императора, единственного главы нации.) Вскоре Япония начала экспансию. Спустя сорок лет после прибытия Перри японцы отвоевали у Китая Формозу (1894–1895 гг.) и Корею (1904–1905 гг.), вытеснив русских из Южной Маньчжурии; в 1914–1918 гг. они приобрели несколько стратегически важных островов. А сегодня восходящее солнце Японии превратилось в большой вопросительный знак, нависший над Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Компания Либих, основана в 1865 г.

Библиографический список

Кикнадзе Д. (2024). «История Японии» в серии рекламных карточек компании «Либих» (карточки 1–4). *Япония: цивилизация, культура, язык 2024 (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета)*. – Санкт-Петербург, Art-Xpress. С. 399–409.

Сохраниева, Т. В. (2008). Блондел-мегрелис М. Либих, или как популяризировать химию. Blondel-megrelis M. Liebig, or how to popularize chemistry. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал*. № 2. С. 77–82.

References

Kiknadze, D. (2024). "Istoriya Yaponii" v serii reklamnykh kartochek kompanii "Libikh" (kartochki 1–4) ["History of Japan" in a series of advertising cards of the Liebig company (cards 1–4)]. In *Yaponiya: tsivilizatsiya, kul'tura, yazyk 2024 (k 300-letiyu Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Japan: civilization, culture, language 2024 (for the 300th anniversary of Saint Petersburg State University)] (pp. 399–409). Saint Petersburg: Art-Xpress. (In Russian).

Rennie, C. M. de. (2015). Art, Science, and Ideology in 19th-century Advertisement for Liebig's Extract of Meat. *HYLE – International Journal for Philosophy of Chemistry*, 21 (1), 39–60.

Sokhranyaeva, T. V. (2008). Blondel-megrelis M. Libikh, ili kak populyarizirovat' khimiyu [Blondel-Megrelis M. Liebig, or How to Popularize Chemistry]. *Social and Humanitarian sciences. Domestic and Foreign literature. Series 3: Philosophy. Abstract Journal*, 2, 77–82. (In Russian).

2600 лет Японской империи и русская эмиграция в Маньчжурии

Е. В. Яковкин

Аннотация

Статья посвящена тому, каким образом власти Маньчжоу-Го пытались приобщить российскую эмиграцию к японской культуре. Далее анализируется юбилейное событие – 2600-летия основания Японской империи. Для этого использовалась как печатная продукция (газеты, журналы, книги), так и обязательное участие эмигрантов в торжественных церемониях. В русских эмигрантских газетах («Голос эмигрантов», «Заря»), журнале «Луч Азии», широко публиковались материалы, которые знакомили российских эмигрантов с историей, культурой, современными достижениями Японии.

В этих публикациях пропагандировалась мифологическая история возникновения Японской империи, которая теперь несет свет и просвещение всем народам Восточной Азии. Используя юбилейную дату, японские власти и их союзники в лице русской эмигрантской верхушки (руководства Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии) пытались внушить российским эмигрантам идеи верности и сотрудничества с японскими властями. Торжественные мероприятия, посвященные основанию империи, прошли по всей территории Маньчжурии, где проживали русские эмигранты. Руководство русской эмиграции в Маньчжурии пригласили на праздничные мероприятия, проходившие в самой Японии в феврале 1940 г. Кроме того, осенью туда же была направлена делегация представителей российской эмигрантской прессы, перед которой была поставлена задача описать достижения Японии, что и было сделано после их возвращения в Маньчжурию.

Ключевые слова: Император Дзимму, Кигэнсэцу, Маньчжоу-Го, пропаганда, российская эмиграция, Японская империя.

Автор: Яковкин Евгений Васильевич, кандидат исторических наук, преподаватель, ГБПОУ Колледж олимпийского резерва Пермского края им. С. А. Белова: Россия, 614039 Пермь, ул. Сибирская 55.

E-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-5295-8302

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

2600 Years of the Japanese Empire and Russian Emigration in Manchuria

E. V. Yakovkin

Abstract

The article examines how the Japanese authorities tried to introduce Russian emigration to Japanese culture. For this purpose, the 2600th anniversary of the founding of the Japanese Empire is studied. Both printed materials (newspapers, magazines, books), and compulsory participation in ceremonies were used. Such Russian emigrant newspapers as *Golos Emigrantov* (“*Emigrants’ Voice*”) and *Zarya* (“*Dawn*”), and the *Luch Azii* (“*Ray of Asia*”) magazine actively published materials that introduced Russian emigrants to the history, culture, and modern achievements of Japan.

These publications promoted the mythological history of the rise of the Japanese Empire, which was now bringing light and enlightenment to all peoples in East Asia. Using the anniversary date, the Japanese authorities and their allies among the Russian emigrant elite (the leadership of the Bureau for Russian Emigrants in Manchuria) tried to bring the Russian emigration even closer to the ideas of loyalty and cooperation with the Japanese authorities.

Celebrations dedicated to the foundation of the empire were conducted all over Manchuria, where Russian emigrants lived. The leadership of the Russian emigration, represented by representatives of the Bureau of Emigrants in Manchuria, was allowed to attend the celebrations in Japan in February 1940. In addition, a delegation of representatives of the Russian emigrant press was sent to Japan in the fall of the same year, tasked with describing the achievements of the Land of the Rising Sun, which was done after their return to Manchuria.

Key words: Emperor Jimmu, Kigensetsu, culture of Japan, Manchuria, Manchukuo, propaganda, Russian emigration, Japanese Empire.

Author: *Yakovkin Evgeny V.*, Candidate of Historical Sciences, lecturer, College of the Olympic Reserve of the Perm Region named after S. A. Belov: 55 Sibirskaya St., Perm, 614039, Russian Federation.

ORCID: 0009-0009-5295-8302

E-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

В российских исследованиях по истории российской эмиграции на Дальнем Востоке практически не затрагивается участие эмигрантов в праздновании важнейших государственных праздников Японии. Внимание ученых акцентируется на военных аспектах их жизни: введение всеобщей воинской повинности, участие в военизированных формированиях, таких как отряд Асано и др. [Аурелене, Тужилин 2023, с. 167; Смирнов 2019, с. 544]. Однако не менее важным направлением японской политики в Маньчжоу-Го были попытки приобщения эмиграции к культурно-историческому наследию императорской Японии через государственную идеологию.

В 1940 г. в Японии отмечался юбилей – 2600 лет со дня основания империи. Проводились различные памятные мероприятия: религиозные церемонии, парады, выступления высших государственных лиц, издавались тематические книги и журналы. В честь юбилея была изготовлена «Памятная медаль в честь 2600-й национальной годовщины». На аверсе медали был изображен мост Нидзюбаси, расположенный перед входом в императорскую резиденцию. На светло-фиолетовой ленте, к которой крепилась медаль, были помещены восемь красных продольных полос, символизирующих идею *хакко ити у* (восемь углов мира под одной крышей), предполагавшей объединение народов Азии под предводительством Японской империи [Розанов 2008, с. 166–167]. И действительно, праздновать юбилей надлежало не только японцам, но и другим народам, относящимся к «Великой Восточноазиатской сфере процветания». Жители Маньчжоу-Го не были исключением. Именно там массово проживали российские эмигранты, которые, как и японцы, маньчжуры, китайцы, монголы были вовлечены в эти торжества.

Японские власти в лице руководства Квантунской армии и её разведывательного отдела (Главной Японской военной миссии в Харбине)

с самого начала существования Маньчжоу-Го пытались привлечь российских эмигрантов на свою сторону для реализации своих планов в отношении Советского Союза. Для этого применялись различные средства: всеобщая регистрация эмигрантов в созданном в конце 1934 г. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), привлечение на полицейскую и военную службу. Целью властей было создание положительного образа Японской империи. Для этого осуществлялся целый комплекс мер: выход на русском языке печатных изданий, рассказывающих про особенности Японской культуры и истории, создание кружков по изучению японского языка, туристические экскурсии для отличившихся эмигрантов в Страну восходящего солнца и т. д.

Подготовка к проведению юбилея

Кульминацией восхваления Японии, её культуры и вооруженных сил, несущих «новый порядок», стало празднование 2600 лет со дня основания империи. Подготовка к празднованию началась еще в 1935 г. Мифологическая основа праздника была взята из сводов «Кодзики» и «Нихон сёки», согласно которым легендарный император Дзимму основал первую столицу в Касихара. Днём основания империи было объявлено 11 февраля. Согласно подсчетам, сделанным на основе этих сводов, юбилей выпадал на 1940 г. [Мещеряков 2024, с. 259–260].

О предстоящем праздновании русским эмигрантам, проживавшим в Маньчжурии, было сообщено в местной прессе. В начале октября 1939 г. харбинская газета «Заря» сообщала: «Первого января 1940 г. ниппонский народ¹ будет торжественно праздновать 2600-летнюю годовщину основания Ниппонской империи. Отличительной чертой предстоящего праздника является то, что ранним утром в этот торжественный день все члены каждый ниппонской семьи должны совершить благоговейное поклонение у ближайшего к своему жилищу синтоистского алтаря. В столице в этот день в 9 ч. утра назначено всенародное поклонение перед императорским дворцом и троекратным возгласом «банзай». Торжественные церемонии будут устроены в этот день во всех правительственных учреждениях, в банках,

¹ Согласно специальному указанию японских властей в русской эмигрантской печати слова «Япония» и «японцы» писались как «Ниппон» и «ниппонцы».

школах, обществах, торгово-промышленных заведениях и общественных местах»².

В связи с юбилеем начальник БРЭМ генерал от кавалерии В. А. Кислицин подписал приказ: «В 1940 г. исполняется 2600 лет основания Великого Императорского Ниппон. За столь долгий срок своего существования Великий Императорский Ниппон дает яркий пример священного культа своих Императоров, за честь и славу коих ниппонцы с радостью жертвуют своей жизнью, умирая с именем своего Божественного императора на своих устах. Какой яркий и поучительный пример мы видели в лице маршала Ноги, героя ниппоно-русской войны, который не мог перенести утраты своего обожаемого Монарха и, получив известие о его смерти, делает себе «харакири», чтобы ни на минуту не разлучаться с ним. Вся многотысячная история Великого Императорского Ниппон – это преклонение перед Божеством своего Императора, нет ни одного примера недовольства ниппонского народа своим Верховным правителем: воля Императора – Воля Бога, вот помыслы ниппонского народа.

Такое преклонение перед личностью своего Монарха и создало нынешнюю Великую Империю Ниппон. Нас, русских, роднит с народом Великого Императорского Ниппон бывшее преклонение перед Императором. «Бог на небе, Царь на земле», – говорил русский народ. Великий ниппонский народ понимает это и крепко верит, что только дружба между Ниппон и Императорской Россией принесет мир и благоденствие всем народам земного шара и всеми зависящими от него мерами стремится воссоздать былую Императорскую Россию, чтобы иметь верного и бескорыстного для себя союзника. От всего русского сердца пожелаем дальнейшего процветания Великому Императорскому Ниппон, пожелаем ему сокрушить кровавые козни 3-го интернационала и дать нам возможность вернуться на свою родину, в Императорскую Россию, которая никогда не забудет заслуг Великого Императорского Ниппон перед всем миром в сокрушении власти 3-го интернационала»³.

В юбилейном году для российских эмигрантов японским акционерным обществом Южно-Маньчжурской железной дороги были изданы книги, которые разъясняли историю и культуру Японии.

² Заря. 3 октября 1939. №266. С.4.

³ Заря, 7 января 1940. №5. С.11.

В них приводились мифологические сюжеты, связанные с ее древней историей. Относительно основания государства в них говорилось, что прародительницей императорского дома и японского народа является великая богиня Аматаэрасу Оомиками. Она вещает своему внуку Ниниги: «Обильная земля тростниковых равнин есть та страна, которой наши потомки должны управлять, как монархи. Поэтому, царственный внук, иди и управляй ею. Да сопутствует тебе счастье! Да будет наша Императорская Династия существовать и благоденствовать так же вечно, как небо и земля!». Ниниги спустился с тремя священными сокровищами (зеркало, меч и ожерелье) на гору Такатихо в провинции Хюга (префектура Миядзаки). Первый японский император Дзимму был его правнуком. Он утвердил свою власть в Японии, победив местных вождей. Он вступил на трон в 660 г. до н.э. Именно этот год стал считаться первым годом «японской национальной эры». В мэйдзийской Японии праздник, получивший название «кигэнсэцу», стал отмечаться 11 февраля⁴.

В другом издании события излагались таким образом. Первым императором был Дзимму Тэнно («Божественной неустрашимый Император»), который вступил на престол в 660 году до н.э. Свою императорскую резиденцию он основал в Ямато в Центральной Японии. Главными усилиями Дзимму и его девяти преемников стала защита японцев от айнов – коренных обитателей Японии, которые названы «волосатыми» и «бледнокожими»⁵.

2600-летний юбилей японской империи в русской эмигрантской печати

Что касается эмигрантской периодики, изданной к юбилейным торжествам, то стоит отметить первый номер журнала «*Луч Азии*» за 1940 г. На специальной вклейке были помещены портреты тогдашнего императора Сёва и легендарного императора Дзимму. Затем была помещена статья атамана Г. М. Семенова, который считался лидером всей российской дальневосточной эмиграции. Он писал, что Япония идет по пути неуклонного прогресса во всех сферах жизни и является

⁴ Накамура Кооя. История Японии. Дайрен: Акционерное о-во Южно-Маньчжурской дороги, 1940. С. 8–12.

⁵ Япония. Книга для юношества. Дайрен: Акционерное о-во Южно-Маньчжурской дороги, 1940. С. 11.

«стабилизирующим фактором всеобщего порядка на Востоке Азии». Заканчивал он свою статью обращением к российским эмигрантам: «Принося в этот великий исторический день свои поздравления Великой Ниппонской Империи, мы, русские эмигранты, должны еще яснее осознать роль нации Ямато в деле возрождения России, дабы укрепить этим мост неразрывной дружбы между возрожденной великой Россией и великой Ниппонской Империей – верной союзницей Национальной России»⁶.

В своем обращении митрополит Харбинский и Маньчжурский Мелетий (Заборовский) обратил внимание на институт монархии, благодаря которому Япония перенесла все выпавшие на её долю испытания. В конце обращения Мелетий пишет: «Приветствуя Ниппонский народ с великим торжеством и призывая Божие благословение на него, желаю, чтобы свет Христова Православия озарил своим блистающим сиянием всю страну Восходящего Солнца»⁷.

Главный редактор журнала М. Н. Гордеев опубликовал статью, где обозначил роль Японии в мире: «Двадцать шесть веков пронеслось над страной Восходящего Солнца, двадцать шесть веков отделяют нас от события на горе Унебо, но дух Божественного Дзимму Тенно не угас: ныне благополучно царствующий Император Ниппон, Его Величество Тенно, следуя по стопам своего божественного предка, обнажил свой сверкающий меч во имя водворения мира, во имя создания нового, светлого порядка в Восточной Азии. Храбрые воины нации Ямато, выполняя Высочайшую волю, ведут на полях Китая упорную борьбу с силами зла, с силами красной анархии и коммунистического разрушения»⁸.

В журнале был приведен краткий обзор важнейших событий истории Японии, описывалось развитие экономики современной Японии, приводились стихи о 47 ронинах. Кроме того, давался анонс предстоящей Всемирной выставки в Токио, которая должна была открыться 15 марта 1940 г. На этой выставке предполагалось показать всю 2600-летнюю историю Японии и показать ее достижения⁹. Выставка так и не открылась – ее отменили из-за нехватки средств и угрозы бойкота [Мещеряков 2024, с. 270–271].

⁶ *Луч Азии*. 1940. № 1. С. 1.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 2.

⁹ Там же. С. 44–45.

Незадолго до юбилейного дня в газете «Заря» вышла заметка «Песнь, посвященная торжественному дню». В ней сообщалось, что в Японии по поводу юбилея была написана песня «2600 лет основания империи». Кто автор стихов и музыки, не сообщалось. Монархическое объединение взялось за русификацию этой песни. На русский язык текст был переведен П. П. Такэути и Л. Н. Грядякиным, а С. А. Недолин сделал стихотворный перевод:

Нам блещет коршун Ниппон золотой,
Все в стране великой сегодня шлют привет,
26 столетий о Ниппон знает свет,
Весь народ с восторгом поет в праздник свой.

Припев:

Многие лета и вперед
Пусть Ниппон живет!
Весь полон счастья, полон радости народ,
Свят ведь, в Ниппон народ,
Свят ведь, в Ниппон всем Императора завет,
26 столетий о Ниппон знает свет,
Чист там и лазурен всегда небосвод,

В Ниппон великая династия сильна,
Преданней народа на этом свете нет,
26 столетий о Ниппон знает свет,
Там душа любовью к отчизне полна.

Припев.

В зеркале моря цепи гор отражены,
Взоры ласкает сакуры дивный цвет,
26 столетий о Ниппон знает свет,
О его величьи мы помнить должны.

Припев.

Под стягом правды пусть Азия цветет,
В Ниппон дух и тело не давит бремя лет,
26 столетий о Ниппон знает свет,
Восходящим солнцем согрет там народ.

Припев.

В газете был помещен как сам текст, так и ноты. Сообщалось, что песня будет разослана Монархическим собранием во все патриотические организации и школы русских эмигрантов, которые должны были разучить её. Музыка песни была аранжирована для оркестров Харбинского симфонического общества¹⁰.

В праздничном номере газеты «Заря» от 11 февраля на первой странице были помещены портреты императоров Дзимму, Мэйдзи и Сёва, супруг действующего императора и Мэйдзи, а также портрет наследного принца. Издатель и редактор газеты «Заря» Е. С. Кауфман обратился в передовице к российским эмигрантам: «Мы призываем эмиграцию принять участие в торжествах, посвященных 2600-летию Ниппонской империи и тем самым выразить свою признательность ниппонскому народу, как носителю здоровых начал, создавшему на всем Дальнем Востоке лучшее, светлое будущее для миллионов населяющих его людей. Мы призываем эмиграцию сплотить свои ряды вокруг тех сил, которые честно и открыто держат в своих руках знамя борьбы против коминтерна и верить, что марш в ногу со Страной Восходящего Солнца приведет нас к долгожданному дню, когда Солнце Правды взойдет и над Россией»¹¹. Далее утверждалось, что Японская империя встречает свой 2600-летний юбилей на рубеже великих событий, когда время выдвигает перед ней «грандиозные исторические задачи мирового порядка». Автор заявлял, что Япония заняла первое место по культурному развитию в семье азиатских народов и теперь благодаря ей возрождается Китай, а союз с Маньчжурией вызвал её бурный прогресс и процветание¹².

На следующих страницах газеты пересказываются легенды про первого императора Дзимму, а профессор Г. К. Гинс обрисовывает психологию японской нации как сохраняющей свои традиции и обладающей высоким трудолюбием¹³. Дается информация про народные праздники и историю Японии¹⁴. Что касается истории, то автор обзорной статьи П. Тищенко по поводу реформ Мэйдзи и современной Японии пишет, что агрессивная политика американцев и других иностранцев во время правления последнего сёгуна вызывали

¹⁰ Заря. 4 февраля 1940. № 31. С. 9.

¹¹ Заря. 11 февраля 1940. № 38. С. 1.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 2.

¹⁴ Там же. С. 2–4.

возмущение и негодование у японского населения. В то же время у японцев появляется желание и решимость усвоить те достижения, которые создали могущество европейской цивилизации. Далее он пишет: «Дело понимается широко и глубоко. Нельзя ограничиваться одними вооружениями, нужно целиком пересадить на ниппонскую почву европейскую культуру, но при условии полного сохранения священных заветов старины в области общественной морали, философии, семейных устоев. Старина должна мирно уживаться с новшествами, а внешние заимствования не должны разрушать старого Ниппон, а наоборот влить в него новые силы»¹⁵. По мнению автора, современная техника и наука Японии не отличаются от европейских образцов. Ныне же японский народ готов к новым великим подвигам, новым жертвам. И все это возможно, поскольку японский народ идет под стягом потомков бессмертного Дзимму¹⁶.

В праздничном номере «Зари» приводятся также здравицы и поздравления императорскому дому и народу Японии от различных эмигрантских объединений и организаций – БРЭМа, Союза казаков на Дальнем Востоке, Дальневосточного Союза военных, Антикоммунистического союза молодежи, Российского фашистского Союза, Монархического объединения и др.)¹⁷

Участие русских эмигрантов в юбилейных торжествах в Японии

Обратимся к самим праздничным торжествам и участию в них русских эмигрантов. В Японию на юбилейные торжества в январе 1940 г. выехала делегация Маньчжоу-Го. Ее возглавляли министр юстиции Чжан Хуан-сян и начальник департамента иностранных дел Цай Юн-шен¹⁸. Российская эмиграция была представлена начальником Бюро эмигрантов генералом В. А. Кислицыным и начальником учебного отдела муниципалитета Харбина П. И. Грибановским¹⁹. В газете «Заря» по этому поводу писали: «Включение в состав делегации

¹⁵ Там же. С. 4.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 8.

¹⁸ Заря. 7 февраля 1940. № 34. С. 5

¹⁹ Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею (1942). Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942. С. 154.

представителей русской эмиграции свидетельствует о признании правительс.[твом] Маньчжу-Ди-Го за эмигрантами полноправного с другими народностями положения со всеми вытекающими отсюда положительными последствиями, укрепляющими будущее эмиграции».²⁰

После своего возвращения Кислицын поделился в «Заре» впечатлениями о поездке. Он побывал в Симоносеки, Осаке, Нара и Токио. В Нара 11 февраля делегация посетила один из древнейших храмов Японии – Касихара дзингу, где, по преданию, Дзимму вззошел на трон. Там, при многотысячном скоплении народа, проводилась торжественная церемония. Кислицын отмечает, что для делегации из Маньчжоу-Го были выделены отдельные места²¹. Чуть позднее Кислицын подготовил доклад, с которым выступал перед русскими эмигрантами. По поводу церемонии он писал: «... Нара – это была первая столица Империи Ниппон, около города находится священная гора Унебо, где по преданию Его Величество Дзимму-Тенно вззошел на Императорский Трон и тем самым положил основание Ниппонскому Императорскому Дому и Ниппонской империи. Торжество в Храме Касихара началось в 2 часа дня 11 февраля, храмовый двор и площадь перед храмом были запружены народом. Торжественная церемония продолжалась 3 часа и, несмотря на то, что около храма присутствовали сотни тысяч людей, царил полная тишина. Чувствовалось, что весь собравшийся сюда народ проникнут одной мыслью – благоговением к памяти божественного основания Ниппонской империи, и эта церемония имеет глубокое значение, показывающее монолитность Ниппонской нации и ее устремления. Эта церемония оставила в моей душе неизгладимый след. Побывал я и в храме Касуга-Дзиндзя, а также видел знаменитую статую Будды, являющуюся одной из самых громадных в мире»²².

После Нара генерал Кислицын на пять дней отправился в Токио и осмотрел его достопримечательности. Он посетил знаменитый православный храм – Воскресенский собор, затем площадь перед дворцом совершил поклон в сторону императорских покоев. В своем тексте он упоминает бесконечную вереницу японцев, стремящихся на дворцовую площадь для совершения поклона. Кислицын встретился

²⁰ Там же.

²¹ *Заря*. 25 февраля 1940. № 51. С.9.

²² ГАХК Ф.Р. 830. Оп. 1. Д. 56. Л. 17.

и с генералом Араки Садао, а также бывшим президентом компании «Мантэцу» Мацуока Ёсукэ, ставшим впоследствии министром иностранных дел. Все собеседники Кислицына «просили передать привет Российской эмиграции, за жизнью и работой которой наблюдают с живейшим интересом»²³. В конце своего сообщения он заявил: «2600-летнее существование Ниппон свидетельствует, что Ниппон не страшен никакие испытания. Нет во всем земном шаре такого государства, которое бы существовало 26 веков и пред нацией Ямато лежит славный и беспредельный путь процветания и благоденствия. Вы посмотрите, какое отношение ниппонцев к офицеру и солдату своему. Народ преклоняется перед ними, сравнивая их с красивым плодом вишни, поэтому нет выше и краше воина – солдата. А у нас русских этого, к сожалению, не было. Повторяю, господа, страна Ниппон – страна чудес, страна самураев. Господа, я призываю вас быть мужественными борцами с коминтерном и помогать властям Ниппон и Маньчжу-Ди-Го»²⁴.

Праздничные мероприятия в Маньчжурии

В Харбине праздничные мероприятия прошли 11 февраля 1940 г. и 2–3 ноября (день рождения императора Мейдзи). 11 февраля в русских православных храмах были отслужены благодарственные молебны. В 9 часов утра колокольным звоном, звуками сирен и гудков все население Харбина было оповещено о торжественном моменте, когда все должны были приостановить свою деятельность, выйти из машин и поклониться в сторону резиденции императора Японии, а также в сторону резиденции императора Маньчжоу-Го. Вечером в здании железнодорожного собрания прошли официальные торжества, где присутствовали представители японской военной миссии во главе с её начальником генералом Хата и руководство Бюро эмигрантов во главе с заместителем начальника К. В. Родзаевским. После этого были продемонстрированы приемы борьбы дзюдо, фехтования, выступил хор женской гимназии Бюро, исполнены национальные танцы, сделаны доклады учащимися кружков по изучению японского языка. Кроме того, театральной труппой В. И. Томского была показана одна из японских драм. Торжественные собрания были проведены разными

²³ ГАХК Ф. Р. 830. Оп. 1. Д. 56. Л. 18.

²⁴ ГАХК Ф. Р. 830. Оп. 1. Д. 56. Л. 18.

эмигрантскими организациями, в том числе Дальневосточным союзом военных и Монархическим собранием²⁵.

Торжества прошли и в других местах проживания русских эмигрантов. В Дайрене они начались в Дайренской Российской гимназии. На мероприятие в гимназию прибыл начальник дайренской японской военной миссии (ЯВМ) полковник Ясуэ. Учащиеся исполнили «Коль Славен» и гимн Японской империи. Директор гимназии В. С. Фролов объяснил собравшимся сущность праздника и поздравил японских гостей с юбилеем. Полковник Ясуэ вкратце познакомил присутствующих с древней историей Японии. С 11:30 в Центральном парке начались общенародные торжества. Вечером они были продолжены в гимназии. На собрании протопресвитер о. П. Рождественский отслужил молебен с провозглашением многолетия японскому императорскому дому. Прозвучали гимны, а В. Н. Орлов прочитал доклад на тему «Важнейшие события в истории Ниппон за 2600 лет». Затем состоялся концерт. Была продемонстрирована картина художника Н. А. Кощеевского, где русский витязь дружески пожимает руку самураю²⁶.

На станции Аньда прошло торжественное заседание, в ходе которого исполнялся японский гимн, а А. С. Быстров отметил значение даты, с докладом выступил также представитель *Кёвакай* (Общество единения народов Маньчжоу-Го) А. А. Гнеденко. Пышные торжества прошли в г. Маньчжурия. С утра прошли церемонии поклонения в сторону резиденций императора Японии и правителя Маньжурии. В русской гимназии открылась обширная фотовыставка, посвященная жизни в Японии. Вечером в помещении гимназии состоялось общеэмигрантское собрание. С приветственными словами выступили представители ЯВМ и Бюро эмигрантов. Полковник С. А. Безобразов прочитал доклад «Запад и Восток», Н. К. Пантелеев – «История Японии», И. Г. Карнаух – «Япония и Русская эмиграция». На собрании помощник начальника ЯВМ Тояма предложил так громко крикнуть «Банзай!», чтобы было слышно и в СССР. Кроме этого, присутствующие посмотрели постановку японской пьесы «Возвращение отца» на русском языке. Празднества прошли также в Цагане и на станции Хорхонт. Там представитель Бюро Л. Я. Леонтьев прочитал доклад

²⁵ Празднование 2600-летия Ниппонской империи в Харбине. Луч Азии. 1940. № 2. С. 33–34.

²⁶ ГАХК Ф. Р. 830. Оп. 1. Д. 58. Л. 11–12.

«2600 лет Японской империи»²⁷. На станции Одокаси прошло шествие эмигрантов с плакатом, представлявшем собой поздравление на японском языке. Свою речь начальник местного бюро эмигрантов С. В. Долов закончил следующими словами: «Сегодня мы, российские эмигранты радостно встречаем 2600-й год Империи Ниппон и ликуем вместе с тобой, ниппонский народ, потому что ты несешь почетное бремя борьбы с грязным потоком, который пытается залить поля Азии, и являешь другим народам пример высочайшего проявления духа и мощи. Да здравствует Ниппонская Империя и да здравствует и благоденствует Ея Император!»²⁸.

Церемонии, посвященные юбилейной дате, проводились и в неофициальной столице дальневосточного зарубежного казачества Хайларе. Они начались в 9 часов утра и прошли в следующем порядке: 1) Открытие церемонии; 2) поклон государственным флагам; 3) поклонение в сторону резиденций японского и маньчжурского императоров; 4) исполнение гимнов; 5) минута молчания; 6) поздравительная речь начальника Хайларского отделения Бюро эмигрантов Е. В. Волгина; 7) троекратное провозглашение «Банзай!».

После окончания церемонии все отправились в Спасо-Преображенский храм, где был отслужен молебен о здравии японского императора. В шесть часов вечера в помещении Отделения Бюро эмигрантов прошло торжественное заседание. И. А. Ку克林 выступил с докладом по истории Японии. После него выступил начальник отделения Е. В. Волгин, который сопоставил исторические пути Японии и России. Он отметил, что великие государства древности, существовавшие в момент возникновения японского государства, уже не существуют, а Япония продолжает существовать и развиваться. Секрет заключается в единстве японской нации, любви к Родине и преданности монарху. Русские не смогли так же почитать монарха, как японцы, утратили силу духа и потеряли все. В своей речи Е. В. Волгин коснулся и обвинений в пособничестве Японии. Он отметил, что Япония стремится освободить Россию, восстановить в ней порядок и ей вовсе не требуются территориальные приобретения. Политика Японии направлена на установление нормальных добрососедских отношений, а главное для нее – безопасность.

²⁷ *Заря*. 20 февраля 1940. № 46. С. 6.

²⁸ *Заря*. 3 марта 1940. № 57. С. 11.

В конце своей речи он призывал русских эмигрантов идти вместе с нацией Ямато²⁹.

Осенью основные празднования в Харбине прошли 2 ноября на площади перед дворцом спорта. В два часа дня состоялось общенародное собрание с участием добровольческих дружин *Кёвакай*, молодежной организации, женского общества обороны, учащихся, представителей союзов различных предприятий и др. Собравшиеся по традиции поклонились в стороны резиденции японского императора, в сторону святилища Касихара и резиденции императора Маньчжоу-Го. С речами к собравшимся выступил генерал В. А. Кислицын, начальник Японской военной миссии генерал Янагита (на японском и русском языках), а также почетные гости. В конце присутствующие пели «Песню 2600-летия Японской империи» и возглашали «Банзай!» в честь Японии и Маньчжоу-Го. Вечером в кинотеатрах прошли торжественные собрания, где состоялись доклады по истории Японии и ее роли в современном мире³⁰. Празднества прошли также 10 ноября, в том числе в Хайларе, где русские эмигранты под руководством есаула А. Н. Лазарева собрались у храма Хайлар дзиндзя. Прибыв к зданию Японской военной миссии, они выразили свои поздравления по поводу 2600-летия империи³¹.

По инициативе начальника харбинской ЯВМ генерала Янагита о достижениях Японской империи в юбилейный год должны были рассказать и русские экскурсанты из информационных и пропагандистских органов Харбина. Для этого была организована специальная группа, в которую вошли сотрудники газет «Заря», «Время», «Нация», служащие харбинского радио. Экскурсия прошла в ноябре 1940 г. В состав экскурсантов вошел и представитель Бюро эмигрантов Б. Н. Шепунов. По возвращении экскурсанты выступали по радио, печатались их статьи о поездках в газетах. Планировалось издать книгу с очерками о Японии в том же году, но в итоге она вышла лишь в 1943 г. В одном из очерков про посещение столицы Японии говорилось: «Мимо арок и трибун, еще оставшихся после недавних всенародных торжеств в честь 2600-летия Ниппонской империи, со всех концов столицы идут ко Дворцу стройные колонны учащихся, дефилируют воинские части, собираются чинные толпы

²⁹ ГАХК Ф. Р. 830. Оп. 1. Д. 56. Л. 13–16.

³⁰ *Голос эмигрантов*. 3 ноября 1940. № 45 (129). С. 17.

³¹ *Голос эмигрантов*. 17 ноября 1940. № 47 (131). С. 8.

горожан спешат приезжие из других мест страны – для поклона в сторону Императорской резиденции: ежедневная дань верноподданических чувств обожаемому монарху...»³².

Еще одно мероприятие, связанное с юбилейной датой – это Азиатские игры, которые были проведены в Токио в октябре 1940 г. вместо отмененных XII Олимпийских игр. В Азиатских играх приняли участие спортсмены из стран, входящих в Великую Восточноазиатскую сферу процветания Японии, – Маньчжоу-Го, Национального Китая, Мэнцзяна (Внутренней Монголии), Синьцзяна и Филиппин. Представители разных стран привезли с собой приветствия, связанные с 2600-летием Японской империи [Мещеряков 2024, с. 269–270]. От Маньчжоу-Го приняло участие несколько русских легкоатлетов и велосипедистов. В официальной истории русской эмиграции отмечалась блестящая победа велосипедиста А. Бурунбаева на короткой дистанции³³.

Заключение

Юбилейные торжества 2600-летия Японской империи должны были обозначить исключительность и величие страны. Русская диаспора в Маньчжоу-Го активно привлекалась к этим торжествам. Интересы японских властей и верхушки российской эмиграции во многом совпадали. Властям была необходима поддержка эмигрантов для их привлечения в противостоянии Советскому Союзу, а эмигрантам – помощь в свержении коммунистического режима на их родине. Японские власти пытались с помощью «мягкой силы» привлечь эмигрантов для проведения своей империалистической политике.

Библиографический список

Аурелене Е. Е., Тужилин С. В. (2023). *Заложники большой политики. Российские эмигранты в Маньчжу-дого (1934–1945)*. – Москва: Яузакаталог.

³² Путешествие в Ниппон. Харбин: Изд-во Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, Харбин, 1943. С. 6–9, 64.

³³ Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею (1942). Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942. С. 368.

Мещеряков А. Н. (2024). *Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма*. – Москва: Лингвистика.

Розанов О. Н. (2008). *Наградные системы в политике и идеологии стран Северо-Восточной Азии*. – Москва: Памятники исторической мысли.

Смирнов С. В. (2019). *Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920-конец 1940-ых годов)*. – Москва: ЛитРес, Самиздат.

References

Aurelene, E. E., Tuzhilin, S. V. (2023). *Zalozhniki bol'shoi politiki. Rossiiskie emigranty v Man'chzhu-digo (1934–1945)* [Hostages of Big Politics. Russian Emigrants in Manchuria (1934–1945)]. Moscow: Yauza-katalog. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. (2024). *Byt' yaponsem. Istoriya, poetika i stsenografiya yaponskogo totalitarizma* [Being Japanese. The History, Poetics, and Scenography of Japanese Totalitarianism]. Moscow: Lingvistika. (In Russian).

Rozanov, O. N. (2008). *Nagradnye sistemy v politike i ideologii stran Severo-Vostochnoi Azii* [Award Systems in Politics and Ideology of Northeast Asian Countries]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. (In Russian).

Smirnov, S. V. (2019). *Dal'nevostochnyi tupik: russkaya voennaya emigratsiya v Kitae (1920 – konets 1940-kh godov)* [The Far Eastern Dead End: Russian Military Emigration to China (1920 – Late 1940s)]. Moscow: LitRes, Samizdat. (In Russian).

**Континентальная политика Японии –
взгляд из Франции:
динамика «сотрудничества»
и «сопротивления» в Индокитае,
1940–1945 гг.
(часть первая)**

В. Э. Молодяков

Аннотация

Статья продолжает анализ малоизученных аспектов японо-французских отношений в годы Второй мировой войны – сотрудничества Французского государства (режим Виши) и властей Французского Индокитая с Японией и их сопротивления ее военной, политической, экономической и пропагандистской экспансии. Стратегической целью Японии после военного поражения Франции в 1940 г. было установление контроля над Индокитаем, затем его включение в «сферу процветания Великой Восточной Азии».

Режим Виши провозгласил политику «сохранения империи», однако был вынужден пойти на компромисс с Японией, учитывая неравенство сил в регионе и удаленность, а с конца 1941 г. полную изолированность Индокитая от метрополии. Действия властей Индокитая обычно рассматривались в отрыве от политики Французского государства в целом, поэтому в статье особое внимание уделено процессу выработки политического курса и его творцам, анализу понятий «сотрудничество» и «сопротивление», имеющих в данном случае специфическое значение. В основу положены документы, дневники, воспоминания и другие свидетельства действующих лиц в сочетании с новейшими работами историков.

Ключевые слова: Япония, Франция, Французское государство (режим Виши), Индокитай, экспансия, сотрудничество, безопасность, сопротивление

Автор: Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, профессор, Международный институт японской культуры университета Такусёку Оцука 1-7-1 G-210, Бункё-ку, Токио, 112-0012, Япония

E-mail: dottore68@mail.ru

ORCID 0000-0001-5892-0473

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Continental Policy of Japan as Seen From France: Dynamics of the “Collaboration” and the “Resistance” in Indochina, 1940–1945 (Part One)

V. E. Molodiakov

Abstract

The article continues to analyze the little-studied aspects of Japanese-French relations during the Second World War – the collaboration of the French state (Vichy regime) and the authorities of French Indochina with Japan and their resistance to the Japanese military, political, economic, and propaganda expansion. The strategic goal of Japan after the military defeat of France in 1940 was to establish control over Indochina, so as to include it into the “Great East Asia Co-Prosperity Sphere.” The Vichy regime proclaimed a policy of “preserving the empire,” but had to compromise with Japan because of the inequality of forces in the region and its remoteness, and then, from late 1941, the complete isolation of Indochina from the homeland.

The actions of the Indochina authorities were usually considered in isolation from the policy of the French state as a whole, therefore, the article pays special attention to the policy making process and its authors, as well as the analysis of the concepts of “collaboration” and “resistance,” which, in this case, have a specific meaning. The work is based on documents, diaries, memoirs, and other evidence from the actors in combination with the latest historical research.

Keywords: Japan, France, the French state (Vichy regime), Indochina, expansion, collaboration, security, resistance.

Author: Molodiakov Vassili E., Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Takushoku University, Research Institute for Global Japanese Studies: Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan.

ORCID 0000-0001-5892-0473

E-mail: dottore68@mail.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

«Сотрудничество» и «сопротивление»: значение понятий

Данная работа продолжает предыдущие [Молодяков 2022б] [Молодяков 2023] [Молодяков 2024] и посвящена малоизученным аспектам японо-французских отношений в годы Второй мировой войны – динамике вынужденного сотрудничества Французского государства (режим Виши) и властей Французского Индокитая (Индокитайского союза)³⁴ с Японией и их сопротивления японской военной, политической, экономической и пропагандистской экспансии. Ф. Гранжан верно отметил: «История Французского Индокитая между 1940 и 1945 гг. остается одним из наименее известных, одним из самых неизвестных эпизодов Второй мировой войны. Потому что конфликт на Тихом океане происходил очень далеко (от Франции – В. М.), почти у антиподов. Потому что война в Индокитае 1946–1954 гг. слишком быстро скрыла предшествующий период» [Grandjean 2004, p. 7]. Потому что, добавим, политика режима Виши в Индокитае изучена только во французской историографии, причем с акцентом на сопротивление японской экспансии. Теперь необходимо определить ключевые понятия «сотрудничество» и «сопротивление», имеющие в данном случае специфическое значение.

Одним из главных последствий поражения Франции в 1940 г. стало явление *collaboration*, породившее термин «коллаборационизм». Большая Российская Энциклопедия определяет его как «добровольное сотрудничество граждан оккупированной страны с противником во вред своему государству в ходе войны или вооруженного

³⁴ Включал колонию Кохинхина, протектораты Аннам, Тонкин, Камбоджа, Лаос и арендованную у Китая территорию Гуанчжоувань. Во главе объединенной администрации стоял генерал-губернатор, резиденция которого находилась в Ханое.

конфликта», отметив: «Первоначально под коллаборационизмом понималось сотрудничество французских граждан с германскими властями в период оккупации Франции в годы Второй мировой войны. Затем этот термин стал применяться и к другим европейским и азиатским государствам, находившимся под германской или японской оккупацией, а также к военным формированиям граждан оккупированных государств, действовавшим под контролем германских или японских вооруженных сил и в их составе»³⁵. То есть коллаборационизм – не «сотрудничество с противником» вообще, но лишь со странами «Оси».

Явление коллаборационизма имеет однозначно негативную окраску. После войны оправдать его пытались только сами коллаборационисты или их редкие апологеты. Во французской литературе господствует голлистская интерпретация при сохранении влияния коммунистической; они же доминируют за пределами Франции. Оценка коллаборационизма не может быть предметом дискуссии. Следует разобраться, в чем конкретно выражался коллаборационизм, что было коллаборационизмом, а что не было.

Ведущий отечественный исследователь вопроса А. Н. Бурлаков указал: «Коллаборационистами следует считать людей, сделавших цели, интересы и идеологию врага своими. Их условно можно разделить на две категории. *Сервильные коллаборационисты* служат врагу, как верный пёс хозяину. <...> *Идейные коллаборационисты* – единомышленники оккупантов, разделяющие идеологию врага. Идейных коллаборационистов во Франции было намного меньше, чем сервильных коллаборационистов» [Бурлаков 2018, с. 380–381]. От них следует отличать *попутчиков* или *временных союзников*, не говоря о конформистах и оппортунистах.

В идейном коллаборационизме мотивами к сотрудничеству с Третьим Рейхом и его союзниками были: а) близость к идеологии национал-социализма; б) сознание необходимости сотрудничества в силу наличия общих врагов и общих целей. Поэтому А. Н. Бурлаков и автор этих строк выводят за рамки коллаборационизма политику вынужденного взаимодействия с оккупантами, которую проводили Ф. Петэн, Ф. Дарлан, М. Вейган и их подчиненные. Однозначную

³⁵ Коллаборационизм. Большая российская энциклопедия. <https://bigenc.ru/c/kollaboratsionizm-0987cd?ysclid=m3xwob77rb513763221>

оценку режима Виши как «коллорабационистского» в течение всего времени его существования и «прогерманского» мы считаем идеологически детерминированной и исторически неверной [Бурлаков, Молодяков 2023].

Откуда взялось слово *collaboration* во франко-германских отношениях? Обычно его связывают с речью Петэна 30 октября 1940 г. об итогах встречи с Гитлером 24 октября: «Между нашими странами предполагается *collaboration*. <...> С честью и с целью сохранить десятивековое единство Франции в рамках созидательной работы нового европейского порядка я сегодня вступаю на путь *collaboration*» [Pétain 1974, p. 549–550]. Что именно это значило? Гитлер употребил слово *zusammenarbeit*, совместная работа, что можно перевести и как «сотрудничество», и как «взаимодействие»: речь шла о вопросах экономики. Переводчик П. Шмидт использовал слово *collaboration*, которое подхватил Петэн. Позднее его повторяли на все лады и в разном контексте, прежде всего коллабационисты, прикрывавшиеся именем главы государства, однако сам Петэн использовал его редко, а приватно говорил, что не придает *collaboration* значения.

Энциклопедическое определение коллабационизма указывает на сотрудничество, во-первых, «во вред своему государству» и, во-вторых, «в ходе войны или вооруженного конфликта». Французское государство не заключило мирные договоры с Германией и Италией, ограничившись перемирием, но вооруженный конфликт прекратился. Поэтому вынужденное взаимодействие с врагом в ситуации, определенной условиями перемирия, которые были навязаны Германией, можно назвать коллабационизмом как сознательным стремлением к сотрудничеству лишь с натяжкой. С Японией Франция не воевала. Вопрос в другом: какое сотрудничество с противником было во вред Франции и насколько сознательным было причинение этого вреда? Ни Петэн, ни Дарлан, ни большинство чиновников режима, ни даже П. Лаваль, считающийся эталонной фигурой *collaboration*, не хотели причинять вред Франции – напротив, старались его минимизировать, «спасти всё, что еще можно спасти», согласно расхожей формулировке. Проводимая ими политика – прежде всего это относится к правительству Лаваля в 1942–1944 гг. – вынужденного подчинения диктату объективно наносила вред Франции, но он был бы намного большим, если бы режим Виши был заменен на генерал-губернаторство по образцу Польши или на администрацию сервильных

коллорабационистов, к угрозам чего нацисты прибегали не раз. Главный материальный ущерб Франции нанес экономический коллаборационизм, вылившийся в ограбление метрополии. Индокитай был затронут этим в меньшей степени.

Теперь обратимся к понятию «Соппротивление» с прописной буквы, – самой знаменитой и героической странице истории Франции XX в. Как в случае режима Виши, здесь доминируют две версии – голлистская и коммунистическая. Совпадая в тотальной героизации Соппротивления, они различались в трактовке того, кто играл в нем главную роль. Обе версии служили политическим целям, а не установлению исторической правды.

Об организованном движении можно говорить лишь после создания летом 1943 г. подпольного Национального совета Соппротивления. Ранее это были самостоятельные действия разных сил. Реальное сопротивление немцам началось во второй половине 1940 г. в «армии перемирия». Его основными целями и формами в «свободной зоне» Франции и в Северной Африке были: повышение боевой готовности в рамках, дозволенных перемирием; сокрытие военной техники, оружия и боеприпасов; сохранение кадров; патриотическое воспитание и полувоенная подготовка молодежи; борьба против немецкого шпионажа; сбор информации о противнике и передача ее британской разведке. Петэн был в курсе этой работы и одобрял ее. В Индокитае до его оккупации японцами в марте 1945 г. возможности военного сопротивления были еще больше. Однако «вишистские» офицеры становились жертвами не только немцев, но и коммунистов, а их вклад в Соппротивление преуменьшался. Такова судьба вице-адмирала Жана Дэку, генерал-губернатора Индокитая в 1940–1945 гг. и одного из главных героев настоящего исследования.

Голлистское сопротивление («Свободная Франция») с самого начала в июне-июле 1940 г. противопоставило себя не только Германии, но и «нелегитимному» режиму Виши. Основными формами его деятельности были радиопропаганда, вербовка добровольцев в вооруженные силы «Свободной Франции» для участия в войне на стороне «союзников», составление списков «предателей». Целью голлистов было не только освобождение Франции с помощью «союзников», но взятие власти, смена политического режима и уничтожение противников. Коммунисты, следовавшие указаниям Москвы, начали оказывать реальное сопротивление немцам лишь после

нападения Германии на СССР, хотя позднее утверждали обратное. Их пропаганда была направлена против «реакционного» режима Виши, который оставил в силе запрет на деятельность компартии, действовавший с осени 1939 г. Только в августе 1941 г. тактика коммунистов изменилась: они перешли к индивидуальному террору против немецких военнослужащих, что провоцировало ответные репрессии, вызвавшие ненависть и к оккупантам, и к режиму Виши. Немцы сами способствовали росту рядов Сопротивления, навязав Франции летом 1942 г. Службу обязательного труда – отправку рабочей силы в Германию.

«Я всегда сопротивлялся немцам, – заявил Петэн в июне 1945 г. – Поэтому я мог лишь поддерживать Сопротивление. Сопротивление – признак жизненной силы народа. Будучи главой государства, я не мог публично одобрять его в условиях оккупации. Я всегда делал различие между теми, кто сопротивлялся Германии, и теми, кто использовал этот предлог для совершения уголовных преступлений. <...> Я осуждал, как это сделал и генерал де Голль, индивидуальные покушения на военнослужащих оккупационной армии. Я никогда не пытался уничтожить сопротивление, потому что сам был резистантом. Резистантом Франции в метрополии» [Pétain 1974, p. 629].

Сказанное надо учитывать при анализе политики французского правительства в отношении Японии, вырабатывавшейся в Виши, и ее практической реализации властями Индокитая на местах, будь то «сотрудничество» или «сопротивление».

«Национальная революция» и колониальная политика Французского государства: к постановке проблемы

Военное поражение Франции мая-июня 1940 г. было полным. Однако перемирие, подписанное 22 июня и через три дня вступившее в силу, по словам главы МИД Поля Бодуэна, «позволило избежать полной оккупации страны и сохранило правительство, долгом которого было защищать французский народ от врага; оно спасло Северную Африку и оставило в наших руках колонии и флот» [Baudoin 1948, p. 144]. «Заключение перемирия в сложившихся условиях можно рассматривать как блестящий дипломатический ход. <...> Благодаря перемирию, Франция оказалась в уникальном положении, которого не имела ни одна из побежденных стран. <...>

Франция сохранила свой военно-морской флот и колониальную империю» [Бурлаков 2022, с. 136, 139–140].

Официальная позиция нового режима в отношении империи³⁶ была изложена в первом радиообращении Петэна к ее жителям 3 сентября 1940 г.: «Франция проиграла войну. <...> Но ее единство, выкованное тысячей лет усилий и жертв, остается неприкосновенным. Оно не может быть поставлено под сомнение. Никакое покушение, откуда бы оно ни исходило и каким бы идеалом ни вдохновлялось, не сможет взять верх над ним. Сегодня первый долг – повиноваться. Второй долг – помогать правительству в его трудах, помогать без задних мыслей и оговорок. На зов родины империя, самая прекрасная жемчужина французской короны, ответит: Есть!» [Pétain 1974, p. 459].

В риторике колониальной политики первых десятилетий Третьей Республики доминировала тема «цивилизаторской миссии» Франции. Ее главный идеолог в 1880-е гг. Жюль Ферри прямо заявлял: «Это право высших рас, потому что это их долг. Они должны цивилизовать низшие расы» [Power 1944, p. 192]. В 1920–1930-е гг. на смену «расовым» аргументам пришел тезис о «нераздельности» и «единстве» метрополии и империи, закрепленный Колониальной выставкой 1931 г. Французское государство унаследовало его, что подчеркнул Петэн в радиообращении 14 сентября: «Новый режим будет прежде всего защищать национальное единство, теснейший союз метрополии и заморских территорий» [Ragache 2014, p. 86]. Марьус-Ари Леблон³⁷ в статье «Империя и Франция Петэна» в официозном издании «Франция 1941. Созидательная национальная революция. Баланс и программа» наряду с военным, политическим и экономическим единством подчеркнул важность «единства душ» и «просветительского духа христианства» [Leblond 1941].

Сказанное имело конкретное значение, ибо Петэн провозгласил «национальную революцию»³⁸ в метрополии и в колониях, в которой духовный фактор призван был сыграть большую роль. Перемены

³⁶ Термин использовался для обозначения совокупности метрополии и остальных владений Франции, вне зависимости от их статуса.

³⁷ Коллективный псевдоним Жоржа Атенá (1877–1953) и Эме Мерло (1880–1958), авторов популярных романов о французских колониях.

³⁸ «Национальная революция» Петэна лишь недавно получила адекватное, хотя еще недостаточное освещение в отечественной историографии [Бурлаков 2022, с. 186–200] [Молодяков 2022а, с. 82–128].

предстояли везде, включая заморские территории и колонии, сохранившие верность правительству, как Индокитай, потому что некоторые владения, в основном островные, начали переходить на сторону «Свободной Франции» и попали под контроль англичан [Ragache 2014, p. 49–61].

Говоря о «национальной революции» в колониях, современные авторы упоминают в основном репрессивные меры – от запрета масонских лож до преследования коммунистической пропаганды. В отличие от политики предвоенных лет, положение в самой метрополии было признано неблагополучным и требующим реформ, которые предполагалось проводить одновременно и повсеместно. Главной целью задуманных преобразований стало укрепление национального единства, что предполагало борьбу со всеми силами, внутренними и внешними, работавшими на раскол. В случае Индокитая к ним относились радикальные элементы местного национального движения, получавшие поддержку Японии и Таиланда, и сами японцы. Поэтому «национальная революция» здесь имела характер антияпонского сопротивления, что мы подробно рассмотрим во второй части работы.

Первым министром колоний Петэн выбрал 65-летнего сенатора Анри Лемери, знатока предмета и «единственного парламентария, которому доверял» [Aron 1954, p. 31], сказав ему: «Настал час управлять» [Ragache 2014, p. 43]. Маршал полагался на Лемери не только как на давнего знакомого, ветерана Великой войны и опытного политика, но как на человека с четкой позицией, которую тот сразу заявил: «Сейчас опасность исходит от лондонского радио и призывов генерала де Голля к мятежу. <...> Я без послаблений отзываю и заменяю всех, кто будет колебаться в исполнении моих приказов» [Lémeru 1964, p. 251]. В первой же телеграмме в Ханой министр предписал Дэку «мирное решение имеющихся или могущих возникнуть проблем» [Decoux 1949, p. 57].

«Комбинированный нажим»: тактика японской экспансии в Индокитае

Политику Франции в отношении японской экспансии в Индокитаю принято называть политикой уступок. Споры идут лишь о том, кто именно на какие уступки пошел и почему.

Перед войной Франция проводила «политику сдержанности и умеренности, продиктованную стремлением обезопасить Индокитай и сохранить хорошие отношения как с Китаем, так и с Японией» [Lévy 1939, p. 8]. Однако вооруженные силы Индокитая общей численностью 60 тыс. человек (из них всего 12 тыс. французов) оставались «армией поддержания порядка», не предназначенной для отражения внешней агрессии [Grandjean 2004, p. 9–11]. Комбинируя требования военного и экономического характера, связанные с продолжением войны в Китае, японцы начали оказывать давление на генерал-губернаторство в Ханое и на правительство в Бордо и Виши сразу после того, как Петэн запросил перемирие. Первые уступки сделал, причем по собственной инициативе, генерал-губернатор Жан Катру, который за это был отрешен от должности и перешел на сторону де Голля. Глава МИД Бодуэн – единственный министр, профессионально знавший ситуацию в Восточной Азии, – 15 июля 1940 г. сказал японскому послу Савада Рэндзо, что «о союзе нет и речи, но, пожалуй, возможно дойти до подписания соглашения, которое четко определит франко-японские отношения в Индокитае» [Baudoin 1948, p. 170–171]. Двумя днями позже он обсуждал с Петэном и Лемери действия Катру и записал: «Я совершенно убежден, что японцы никогда не откажутся ни от одного из преимуществ, которые им дал Катру; когда они выжмут из Ханоя всё, что смогут, то обратятся к Виши» [Baudoin 1948, p. 173].

Новый генерал-губернатор Дэку остался верен правительству. Он принял «Индокитай, практически отрезанный от побежденной Франции, предоставленный самому себе на другом конце света и схваченный за горло японцами» [Desoux 1949, p. 73], но в первом же официальном заявлении четко назвал главную цель: «Сохранить все позиции Франции на Дальнем Востоке. <...> Я буду защищать Индокитай от любых внутренних и внешних угроз» [Huguier 2007, p. 179]. Дэку держался как единственный хозяин Индокитая и старался противостоять японскому диктату. «С 1940 г. французы в Индокитае поражались странным колебаниям в поведении японцев. Чувствовалось, что на них влияет старый комплекс неполноценности азиатских народов, что быстро позволило нам взять верх. Несомненно, в их глазах престиж Франции оставался велик. <...> До 9 марта 1945 г. (оккупация Индокитая японцами – В. М.) политический суверенитет Франции в Индокитае под сомнение не ставился» [Gaudel 1947, p. 17, 15].

Готовность солдат Великой войны Петэна, Лемери, Вейгана и Дэку противостоять японскому диктату военным путем разбилась о катастрофическое неравенство сил. Особенно сопротивлялся Лемери, но возобладали позиция Бодуэна, призвавшего пойти на уступки военного характера, включая допуск японских войск на территорию Индокитая, ради сохранения административных и экономических позиций Франции, оставшейся без союзников. «Мы можем спасти Индокитай только в согласии с Японией, – признал глава МИД печальную реальность. – <...> Если мы ответим отказом, Япония нападет на Индокитай, который не способен защититься. Он будет потерян на сто процентов. Если мы вступим в переговоры с Японией, то избежим худшего, а именно полной потери колонии, и сохраним шанс, который будущее может нам дать» [Baudoin 1948, p. 198–199]. «Индокитай оказался перед лицом прямой угрозы, практически без средств защиты и без надежды на немедленную помощь, – отметил очевидец. – <...> У Индокитая имелись две возможных формы сопротивления, но лишь единственная могла быть эффективной, исходя из имевшихся средств. Первая была грубой, славной, но безнадёжной; вторая тонкой, косвенной, но действенной» [Gaudel 1947, p. 13, 18].

Эта позиция легла в основу политики, зафиксированной в соглашениях с Японией от 30 августа и 22 сентября 1940 г. Французы, даже военные, не считали оперативное присутствие японских войск «оккупацией», поскольку сохраняли суверенитет над Индокитаем и осуществляли всю полноту административной власти, включая полицейское и судебное преследование японских агентов [Grandjean 2004, p. 45–51]. Понимая, что Франция осталась без союзников, Петэн и Бодуэн рассчитывали и на то, что влиятельные круги Третьего Рейха не стремились к полному уничтожению или унижению Франции, желая лишь ослабить ее и подчинить своему влиянию, а также намеревались частично уравновесить растущее влияние Японии в Восточной Азии. Немцы хотели видеть природные ресурсы Индокитая, включая стратегическое сырье, под контролем французов, а не японцев, имея много больше рычагов воздействия на первых, нежели на вторых. Понимая это, Бодуэн 26 июля составил записку о возможном сотрудничестве с Германией в сфере экономики. Признавая поражение Франции и неравенство положения сторон, он был далек от любой сервильности и особо отметил неприемлемость «гитлеровских идеалов» [Baudoin 1948, p. 181–183], за что ратовали идейные коллаборационисты.

Помимо предъявления ультиматумов Франции другой тактикой японской экспансии стало поощрение территориальных притязаний Таиланда к Индокитаю, несмотря на заключенный 12 июня 1940 г. франко-тайский договор о ненападении с одновременными уступками при проведении новой границы. Бангкокский диктатор генерал Пибун Сонгкрам, ставший союзником (но не марионеткой!) Японии, 13 сентября 1940 г. тоже предъявил Франции ультиматум с широкими требованиями территориального характера. Д. И. Гольдберг оценил синхронность требований двух стран как «комбинированный нажим со всех сторон, рассчитанный на полную капитуляцию Франции в индокитайском вопросе» [Гольдберг 1959, с. 53]. Натравливая Таиланд на Индокитай, Япония рассматривала Францию как враждебную страну. Поэтому обвинять в коллаборационизме генерал-губернатора Дэку, на «нежелание сотрудничать» которого министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ 20 сентября жаловался (!) американскому послу Джозефу Грю [Grew 1944, p. 330–332], по меньшей мере неверно.

В Виши были готовы уступить Японии как «великой державе», но не Таиланду, что могло вызвать всплеск националистических настроений среди местного населения колоний и поставить под угрозу их внутреннюю стабильность. Ультиматум был отвергнут. Вторгшиеся в Индокитай 28–29 ноября 1940 г. тайландские войска встретили эффективное вооруженное сопротивление, но соотношение сил было слишком неравным. Япония предложила услуги посредника в урегулировании конфликта, стремясь не только укрепить свои позиции в Индокитае, но и крепче привязать к себе Таиланд, сочетая «кнут» и «пряник». Проходившие в Токио при участии амбициозного Мацуока в качестве арбитра франко-тайские переговоры завершились 11 марта 1941 г. парафированием соглашения о мирном договоре, подписанном 9 мая (подробнее [Молодяков 2024]).

Экономический аспект «комбинированного нажима»

«Комбинированный нажим» на Францию не прекращался. В условиях вооруженного конфликта с Таиландом Токио навязал ей переговоры по экономическим вопросам, связанным с Индокитаем, на которых «Япония выдвигала свои требования под видом помощи и сотрудничества» [Gaudel 1947, p. 201]. Первые требования Японии, желавшей добиться от Франции экономических преференций в ее

владениях, были выдвинуты 30 июля 1940 г. и месяц спустя закрепились в соглашении между Мацуока и французским послом Шарлем Арсеном-Анри в обмен на признание территориальной целостности Индокитая, что французское правительство считало стратегически необходимым. Однако оно не знало, что японское руководство решениями конференций четырех министров – де-факто центра власти – от 21 ноября и 26 декабря 1940 г. предполагало односторонний отказ от соглашения в качестве «кнута» при отклонении дальнейших японских требований.

Верная своей тактике, Япония попыталась добиться уступок на месте – от генерал-губернатора Дэку, который гораздо лучше, чем его начальство в Виши, представлял себе реальную степень японской угрозы. Для этого 19 октября 1940 г. в Хайфон прибыла делегация во главе со специальным послом Мацумия Хадзимэ. Дэку распорядился встретить ее с воинскими почестями и выслушал облеченные в форму предложения об экономическом сотрудничестве требования о снабжении Японии сырьем и местной продукцией, но, тоже верный своей тактике, категорически отказался принимать решения без санкции правительства и предложил перенести переговоры на более высокий уровень, стремясь выиграть время [Gaudel 1947, p. 199–200] [Tabuchi 1980] [Freud 2014, p. 102–104].

Дэку понимал не только силовое превосходство Японии, но и то, что она в сложившейся ситуации остается главным, а по сути единственным покупателем сырья и продукции Индокитая (прежде всего риса и каучука), за который он отвечал, поэтому «modus vivendi с Токио был неизбежен» [Grandjean 2004, p. 33]. Не торговать с Японией Индокитай не мог, торговать с метрополией – тоже не мог. Оставалось добиться максимального выгодных – или минимально невыгодных – условий сделки. Оказавшийся в одиночестве «у штурвала Индокитая» генерал-губернатор убедил министра колоний Шарля Платона, не знавшего ситуацию в Азии, в верности своего курса как единственно возможного, ибо срыв переговоров мог привести к отказу Японии от соглашения Мацуока – Арсен-Анри. Стремясь остановить проникновение японского капитала в Индокитай, Дэку поставил под контроль генерал-губернаторства весь импорт в колонию, частично экспорт риса и каучука, запретил открывать новые предприятия без разрешения администрации. Эти факты признавали и советские авторы [Левинсон 1952, с. 178–179].

Для дальнейших переговоров Дэку направил в Токио экспертов во главе с директором финансов генерал-губернаторства Жаном Кузеном. Делегацию французского правительства, прибывшую в Японию через Европу и СССР, возглавил в ранге чрезвычайного посла ветеран колониальной службы Рене Робэн. Выбор был не случайным: Робэн начал службу в Индокитае в 1900 г., был генерал-губернатором с июля 1934 г. по сентябрь 1936 г. и имел репутацию жесткого администратора, не склонного уступать «азиатам».

Характер переговоров и увенчавших их договоренностей – от протокола 20 января 1941 г. до пакета документов 6 мая 1941 г. – верно описал А. Годель: «Подчеркнем: токийские соглашения не были ни свободно обсуждавшимися, ни свободно заключенными; в ходе долгих и зачастую мучительных переговоров представители Индокитая шаг за шагом отстаивали свои позиции и шли на минимальные уступки, за исключением поставок риса» [Gaudel 1947, p. 200]. Речь шла не только том, чтобы снабжать рисом Японию (подробнее [Tabuchi 1981]). Речь шла о том, чтобы хоть куда-то продавать рис и другие продукты из отрезанного от метрополии Индокитая, вокруг которого жалось кольцо блокады.

3 мая 1941 г., когда исход переговоров был уже решен, в Осака, деловой столице Японии, был создан Японо-индокитайский торговый комитет, призванный, как было заявлено, способствовать «развитию торгового сотрудничества» и «обмену информацией в области торговли и навигации в Юго-Восточной Азии». «Речь шла, – отметил Б. Г. Сапожников, – о создании легального экономического и политического разведывательного центра, который получал бы возможность следить за прохождением грузов, предназначенных Китаю, через порты и по коммуникациям Французского Индокитая» [Сапожников 1977, с. 145–146].

Соглашения от 6 мая 1941 г. о навигации, о проживании и деятельности японских граждан в Индокитае, о таможенных тарифах³⁹ и платежных обязательствах сторон при осуществлении торговых сделок, о создании образовательных, медицинских и религиозных учреждений (запомним это!) можно назвать неравноправными, так как японцы были уравнены в правах с французами на французской

³⁹ 4 января 1941 г. Индокитай получил от центрального правительства таможенную автономию.

территории и получили режим наибольшего благоприятствования в сравнении с остальными иностранцами, будь то англичане или немцы, но не добились включения Индокитая в «иеновую зону» [Gaudel 1947, p. 201–205] [Namba 2012, p. 35–36]. Б. Г. Сапожников многозначительно цитировал слова Робэна при подписании документов: «Усилия Японии в деле установления нового порядка в Азии и ее жертвы в Китае дают ей право на преимущественное влияние в странах Юго-Восточной Азии» [Сапожников 1977, с. 146]. Что еще мог сказать опытный администратор в условиях очевидного неравенства сил и накануне урегулирования конфликта с Таиландом, истинный характер которого ни для кого не являлся секретом?

Бедная природными ресурсами, Япония получила возможность «на корню» скупать добываемое в Индокитае стратегическое сырье – вольфрам, олово, хром, сурьму, магнезию, а также значительную часть каучука (немалая часть предназначалась Германии), каменного угля и т. д. Однако едва ли справедливо называть это «грабежом богатств французской колонии» [Гольдберг 1959, с. 187], особенно в сравнении с тем, что творили в метрополии немецкие оккупанты. Вынужденные подчиниться японским требованиям Дэку и его команда взяли курс на экономическую автаркию как способ сохранения позиций и интересов Франции в богатом ресурсами, но не могущем обеспечить себя всем необходимым Индокитае (подробнее [Freud 2014]). С течением времени у них оставалось все меньше возможностей для этого, но под сотрудничеством продолжало скрываться сопротивление, что мы рассмотрим далее.

Жак Бенуа-Мешен и Япония: от посредничества к сотрудничеству

Дэку считал, что завершившие франко-тайскую войну «условия компромисса по воле Японии оказались невыгодны для нас» [Desoux 1949, p. 144]. Жак Бенуа-Мешен – заместитель генерального секретаря (с 25 февраля 1941 г.) и генеральный секретарь (с 9 июня 1941 г.) при вице-председателе Совета министров и главе МИД адмирале Дарлане – единственный в Виши положительно оценил посредничество Токио, которое «заставило нас передать территории Таиланду, но куда меньше, чем хотело правительство Бангкока» [Benoist-Méchin, 1984, p. 256]. «Сохранить почти невооруженный

Индокитай, – отметил он, – в вихре разыгравшихся аппетитов было трудно. Следовало выбрать одного из соперников, заключить с ним соглашение и возложить на него охрану нашей колонии, оказавшейся под угрозой. Некоторые круги в Виши надеялись на США. Лично я полагал, что наши дальневосточные владения логично вписываются в сферу влияния Японии, поэтому нам стоило искать защиты в Токио, а не в Вашингтоне» [Benoist-Méchin 1984, p. 255].

Если говорить о сотрудничестве / коллаборационизме Виши с Японией, первым надо упомянуть Бенуа-Мешена. Как большинство деятелей режима, он считал Японию союзником Третьего Рейха, но, в отличие от них, видел в этом положительную сторону. Как идейный сторонник сотрудничества с Германией с довоенного времени он считал полномасштабную «коллаборацию» наилучшей политикой для Франции, которая позволит обеспечить ей достойное место в «новой Европе». Его идеи лежат за пределами настоящей работы, но их надо учитывать при анализе отношения Бенуа-Мешена к Японии.

В мемуарах, написанных в 1943–1944 гг., после ухода из правительства, но до ареста в ходе освобождения Франции, он резко отозвался о Дэку и Арсене-Арни, которых считал «неспособными» к «ответу на сделанные предложения» [Benoist-Méchin 1984, p. 258], т. е. к полномасштабному сотрудничеству с Токио. Эту миссию Бенуа-Мешен взял на себя, став ключевой фигурой франко-японских переговоров о «совместной обороне» Индокитая, однако его свидетельство в японцеведческой литературе не учтено.

15 июня 1941 г. встревоженный Дэку сообщил в Виши, что японцы, игнорируя посла Арсена-Арни (Мацуока опасался, что тот «сольет» информацию американскому послу Грю, с которым общался [Grew 1944, p. 387–388] [Morley 1980, p. 236]), рассматривают вопрос об оккупации всего Индокитая для окончательного разгрома Чан Кайши. Глава правительства Дарлан «не знал, какую позицию занять». Бенуа-Мешен как главный переговорщик с немцами попытался прибегнуть к их посредничеству, отметив, что «Индокитай является передовым бастионом белой расы в Азии» и поэтому «его сохранение отвечает интересам всей Европы» [Benoist-Méchin 1984, p. 259–260]. Немцы не отреагировали, занятые подготовкой к вторжению в СССР.

13 июля Дарлан сообщил Бенуа-Мешену требования, которые ему предъявил посол Като Сотомацу (преемник Савада, которого Мацуока отправил в отставку): сотрудничество в обороне Индокитая,

допуск японских войск в его южную часть с правом свободы маневра, использование двух военно-морских и восьми военно-воздушных баз и участие в финансировании операций [Morley 1980, p. 236–237]. Адмирал был готов ответить «словом Камбронна»⁴⁰. Собеседник заметил, что этого «маловато в качестве политического резона», и напомнил об угрозе военного вторжения в условиях превосходства японцев на суше, на море и в воздухе. Бенуа-Мешен сделал акцент на «совместной обороне» при сохранении французской администрации и гарантиях равных прав и обязательств, необходимых для «спасения лица», и заявил, что верит в «слово чести» японцев как «нации воинов». Дарлан поручил дело ему. Бенуа-Мешен немедленно направил Като корректное официальное письмо. Через два часа посол посетил его, но в ответ на изложение позиции правительства ответил лишь: «Yes, I understand» (беседа шла на английском языке) [Benoist-Méchin 1984, p. 260–264].

Для придания большего веса требованиям премьер-министр Коноэ направил послание Петэну, которое Като вручил ему во время аудиенции 15 июля. 17 июля посол подтвердил Дарлану и Бенуа-Мешену намерение Японии ввести войска в южный Индокитай, с согласия Франции или без него, и заявил, что правительство «готово гарантировать уважение французских прав в Индокитае, но только для территорий, напрямую подчиненных вашей администрации, а не для тех, где правят суверены азиатских династий, как Камбоджа и Аннам». Полагаю, «ход конем» придумал Мацуока, любивший порассуждать про «Азию для азиатов». Бенуа-Мешен ответил, что «Индокитай является единым целым, которое мы не можем позволить расчлениить» [Benoist-Méchin 1984, p. 264–265]. 19 июля адмирал сообщил Като отрицательный ответ на требования, но посол снова потребовал их принятия, установив новый срок 22 июля.

21 июля адмирал письменно уведомил Като, что принимает требования при условии распространения гарантий на весь Индокитай. Посол, вооруженный инструкциями, письменно же ответил согласием, и соглашение было парафировано. Французское правительство оповестило о соглашении, отрицая, что оно заключено под японским

⁴⁰ Популярная во Франции история гласит, что во время битвы при Ватерлоо 18 июня 1815 г. генерал Пьер Камбронн ответил на предложение англичан о сдаче словом «дерьмо» (*merde*). Согласно более романтической, но менее достоверной версии, генерал сказал: «Гвардия умирает, но не сдается».

или германским нажимом или с ведома третьих стран [Benoist-Méchin 1984, p. 266–267], [Grew 1944, p. 405–406]. 25 июля МИД Японии уведомил о нем посольства Германии, Италии, США, Великобритании и Таиланда. Официальное сообщение об «укреплении отношений дружбы между Японией и Французским Индокитаем» появилось днем позже [Benoist-Méchin 1984, p. 267–268]. 29 июля Дарлан и Като подписали протокол об обороне Французского Индокита и обменялись конфиденциальными письмами об условиях и порядке вступления японских войск в Индокитай в соответствии с требованиями Токио [Valette 1993, p. 127–131]. Отдельным письмом Като гарантировал, что пребывание японских войск будет временным.

Генерал-губернатор Дэку, которого не извещали о переговорах в Виши, был поставлен перед фактом [Decoux 1949, p. 151–153]. «У правительства Индокита не было другого выбора, кроме принятия японских требований для сохранения французского суверенитета» [Namba 2012, p. 34]. 28 июля японские войска высадились в Сайгоне. «На деле Индокитаю ничто не угрожало, кроме давления Япония и посягательств Сиам, – отметил А. Годель. – Занятие баз на юге (Индокитай – В.М.) японской армией было лишь подготовкой к масштабному наступлению против британских и нидерландских владений после провала экономических переговоров в Батавии⁴¹. На практике оно никогда не играло оборонительной роли» [Gaudel 1947, p. 118–119].

США отреагировали на соглашение предупреждением в адрес Японии, но не в пользу Франции. 16 июля посол адмирал У. Леги, известный как доверенное лицо президента Рузвельта, в беседе с Петэном – не перестававшим надеяться на помощь из-за океана, как в 1917 г., – «дал ему понять, что нет никаких оснований думать, что американское правительство намерено отказаться от пассивного

⁴¹ Переговоры с администрацией Голландской Ост-Индии по экономическим вопросам, которые со 2 января по 18 июня 1941 гг. вела в Батавии (совр. Джакарта) японская делегация во главе с послом Ёсидзава Кэнкити, бывшим министром иностранных дел и членом Палаты пэров. Япония требовала доступа к разработке природных богатств колонии и участия в ее экономике, а также гарантий получения нефти. Нидерландское правительство в изгнании, находившееся в Лондоне и подконтрольное Великобритании, ответило дипломатичным, но решительным отказом, и переговоры были прерваны. Согласованная твердая позиция США и Великобритании в данном вопросе на время удержала Японию от силового давления, но стала одним из шагов к войне на Тихом океане. (Прим. В. М.).

отношения, принятого Госдепартаментом начиная с первого японского вторжения (в Индокитай – В.М.) в 1940 г.» [Desoux 1949, p. 155]. Маршалу осталось лишь «выразить сожаление» относительно такой позиции. 23 июля посол в Вашингтоне адмирал Номура Китисабуро объяснял заместителю госсекретаря С. Уэллесу мотивы действий Японии. Он просил «не делать поспешных выводов», указав на смену правительства в Токио 18 июля 1941 г., которая свелась к замене во главе МИД ставшего неуправляемым Мацуока на «умеренного» адмирала (кругом адмиралы!) Тоёда Тэйдзиро, который попытался успокоить посла Грю относительно происходящего в Индокитае [Grew 1944, p. 406–408, 409–411]. Однако Госдепартамент сразу осудил действия Японии как «экспансию силой или угрозой силы», не имеющей под собой оснований. 25 июля Рузвельт приказал заморозить японские активы в США и ввести болезненное эмбарго на поставку нефти (не полный запрет, но значительное сокращение объемов экспорта), авиационного бензина и металлообрабатывающих станков [Grew 1944, p. 422–425]; для японских судов также был закрыт Панамский канал. 26 июля японские активы заморозила Великобритания, день спустя – Голландская Ост-Индия [Morley 1980, p. 238–240].

На встрече с Петэном 1 августа, после заключения соглашения, Леги официально «потребовал объяснений». Присутствовавший при беседе Дарлан, по свидетельству Бенуа-Мешена, прямо заявил, что «американцам негоже протестовать против меры, которую они сами спровоцировали, отказав нам в элементарных средствах обороны». Вашингтон ответил угрожающей нотой за подписью Уэллеса. «Я надеялся, – вспоминал Бенуа-Мешен, – что адмирал отреагирует, как должно, но выпад Уэллеса устрасил его. Он сразу испугался того, что сам только что сделал, и вместе с Рошá (Шарль Рошá, генеральный секретарь МИД Франции в 1942–1944 гг. – В.М.) составил пространную ноту, представлявшую собой череду уловок и оправданий» [Benoist-Méchin 1984, p. 270–271].

Последним актом коллаборации Бенуа-Мешена с Токио стало его предложение принять участие в «освобождении» японцами весной 1942 г. Новой Каледонии – заморской территории Франции, которая в августе 1940 г. приняла сторону де Голля и оказалась сначала под британским, затем под американским контролем, став важной тыловой базой [Ragache 2014, p. 57–61]. Дарлан побоялся реакции США, с которыми у Французского государства сохранялись дипломати-

ческие отношения, поэтому «франко-японская дружба не развивалась так, как я (Бенуа-Мешен – В.М.) надеялся». «Азиатская часть нашей империи оказалась временно спасенной, – заключил он в начале 1944 г. – Я всегда полагал, что мы потеряем ее в первую очередь, и вот, благодаря неожиданному повороту событий, она последней осталась нашей (в юрисдикции Французского государства – В. М.). Надолго ли еще? Не берусь судить. Но в час, когда вокруг нас всё рушится, я по меньшей мере горжусь тем, что наш суверенитет над Индокитаем остался неоспоримым и что, в некотором роде благодаря мне, последнее знамя белой расы, которое еще развевается на территории Дальнего Востока, – это французское знамя» [Benoist-Méchin 1984, p. 271–272].

«Соглашение “о совместной обороне” Индокитая стало возможным лишь благодаря политике национального предательства, которую проводило правительство “могильщиков Франции” и его представитель в Индокитае адмирал Дэку», – патетически писал Д. И. Гольдберг, утверждая, что «протокол, навязанный Японией после вторжения японских войск на его территорию, фактически завершал полное подчинение французской колонии японским империалистам» [Гольдберг 1959, с. 186–187]. Это не более чем повторение голлистской пропаганды, прозвучавшей на волнах Би-Би-Си 11 августа 1941 г.: «Кохинхинцы, французы Индокитая, европейцы, ваши начальники вас предали. Они торжественно клялись защищать вас от любого иностранного вторжения и сдались при первом же нажиме. Вас отдали, вас продали. Теперь землю Кохинхины заволокли японцы. Теперь Сайгон, жемчужина Индокитая, – не более чем японская колония вроде Маньчжоу-го, а адмирал Дэку – японская марионетка» (цит. по [Grandjean 2004, p. 122]). Истинное положение вещей – «твердую, продолжительную и обдуманную волю к сопротивлению Японии в самых мелких, как и в самых значительных делах» [Gaudel 1947, p. 18] – мы рассмотрим во второй части настоящей работы.

Библиографический список

Бурлаков А. Н. (2018). Деятели культуры Франции во времена немецкой оккупации 1940–1944 гг. *Французский ежегодник*. 2018. Т. 51. С. 375–395.

Бурлаков А. Н. (2022). *Петэн. Последний великий француз*. Санкт-Петербург: Владимир Даль.

Бурлаков А. Н., Молодяков В. Э. (2023). Идеиный коллаборационизм во Франции, 1940–1944: опыт типологии. *Французский ежегодник*. 2023. Т. 56. С. 288–309.

Гольдберг Д. И. (1959). *Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.)*. Москва: Издательство восточной литературы.

Левинсон Г. (1952). Захват Японией Индо-Китая. *Сборник статей по истории стран Дальнего Востока*. Москва: Издательство Московского университета.

Молодяков В. Э. (2022а). *Шарль Моррас и «Action française» против Германии: «подлинное лионское сопротивление»*. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История.

Молодяков В. Э. (2022б). Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: Индокитайский кризис 1940 г. и политики режима Виши (часть первая). *Ежегодник Япония*. 2022. Т. 51. С. 137–159.

Молодяков В. Э. (2023). Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: Индокитайский кризис 1940 г. и политики режима Виши (часть вторая). *Ежегодник Япония*. 2023. Т. 52. С. 113–132.

Молодяков В. Э. (2024). Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: режим Виши, франко-тайская война и японская экспансия в Индокитае. *Ежегодник Япония*. 2023. Т. 53. С. 138–160.

Сапожников Б. Г. (1977). *Китай в огне войны (1931–1950)*. Москва: Наука.

References

Aron, R. (1954). *Histoire de Vichy. 1940–1944*. Paris: Arthème Fayard. (In French).

Baudouin, P. (1948). *The Private Diaries (March 1940 to January 1941)*. London: Eyre & Spottiswoode.

Benoist-Méchin [J.] (1984). *De la défaite au désastre. T. 1. Les occasions manquées. Juillet 1940 – Avril 1942*. Paris: Albin Michel.

Burlakov, A. N. (2018). Deyateli kul'tury Frantsii vo vremena nemetskoï okkupatsii 1940–1944 gg. [French Cultural Figures Under the German Occupation, 1940–1944]. *Yearbook France*, 51, 375–395. (In Russian).

Burlakov, A. N. (2022). *Peten. Poslednii velikii frantsuz* [Pétain. The Last Great Frenchman]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian).

Burlakov, A. N., Molodiakov, V. E. (2023). Ideinyi collaboratsionism vo Frantsii, 1940–1944: opyt tipologii [Ideological Collaborationism in France, 1940–1944: An Attempt of Typology]. *Yearbook France*, 56, 288–309. (In Russian).

Decoux, [J.] Amiral. (1949). *À la barre de l'Indochine. Histoire de mon Gouvernement Général (1940–1945)*. Paris: Plon. (In French).

Freud, B. (2014). Organizing Autarky: Governor General Decoux's Development of a Substitution Economy in Indochina as a Means of Promoting Colonial Legitimacy. *SOJOURN: Journal of Social Issues in Southeast Asia*, 29 (1), 96–131.

Huguier M. (2007). *L'Amiral Decoux: Sur tous les mers du monde*. Paris: L'Harmattan

Gaudel, A. (1947). *L'Indochine Française en face du Japon*. Paris: J. Susse. (In French).

Gol'dberg, D. I. (1959). *Vneshnyaya politika Yaponii (sentyabr' 1939 g. – dekabr' 1941 g.)* [Japan's Foreign Policy (September 1939 – December 1941)]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (In Russian).

Grandjean, P. (2004). *L'Indochine face au Japon. 1940-1945. Decoux – de Gaulle, un malentendu fatal*. Paris: L'Harmattan. (In French).

Grew, J. C. (1944). *Ten Years in Japan. A Contemporary Record Drawn from the Diaries and Private and Official Papers of Joseph C. Grew, United States Ambassador to Japan, 1932–1942*. New York: Simon & Shuster.

Leblond, M. (1941). L'Empire et la France de Pétain. In *France 1941. La Révolution nationale constructive. Un bilan et un programme* (pp. 146–164). Paris: Alsatia. (In French).

Lémery, H. (1964). *D'une République à l'autre. Souvenirs de la mêlée politique, 1894–1944*. Paris: La table ronde. (In French).

Levinson, G. (1952). Zakhvat Yaponiei Indo-Kitaya [Japanese Occupation of Indochina]. In *Sbornik statei po istorii stran Dal'nego Vostoka* [Collection of Articles on the History of the Countries of the Far East]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

Lévy, R. (1939). *La politique française en Extrême-Orient, 1936–1938*. Paris: C.E.P.E.; Paul Hartmann. (In French).

Molodiakov, V. E. (2022a). *Charl' Morras i «Action française» protiv Germanii: «podlinnoe lionskoe soprotivlenie»* [Charles Maurras and «Action française» Against Germany: the «Real Resistance in Lyon»]. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).

Molodiakov, V. E. (2022b). Kontinental'naya politika Yaponii – vzglyad iz Frantsii: Indokitaiskii krizis 1940 goda i politiki rezhima Vishi (chast' pervaya) [Japanese Continental Policy as Seen From France: Indochina Crisis of 1940 and Politicians of the Vichy Regime (Part One)]. *Yearbook Japan*, 51, 137–159. (In Russian).

Molodiakov, V. E. (2023). Kontinental'naya politika Yaponii – vzglyad iz Frantsii: Indokitaiskii krizis 1940 goda i politiki rezhima Vishi (chast' vtoraya) [Japanese Continental Policy as Seen From France: Indochina Crisis of 1940 and Politicians of the Vichy Regime (Part Two)]. *Yearbook Japan*, 52, 113–132. (In Russian).

Molodiakov, V.E. (2024). Kontinental'naya politika Yaponii – vzglyad iz Frantsii: rezhim Vishi, franko-taiskaya voyna i yaponskaya ekspansiya v Indokitae [Japanese Continental Policy as Seen From France: Vichy Regime, Franco-Thai War of 1940-41 and Japanese Expansion Into Indochina]. *Yearbook Japan*, 53, 138–160. (In Russian).

Morley, J. M. (Ed.) (1980). *The Fateful Choice: Japan's Advance into Southeast Asia, 1939–1941*. New York: Columbia University Press.

Namba, Ch. (2012). *Français et Japonais en Indochine (1940–1945). Colonisation, propagande et rivalité culturelle*. Paris: Karthala. (In French).

Pétain, Ph. (1974). *Actes et écrits*. Paris: Flammarion. (In French).

Power Jr., T.F. (1944). *Jules Ferry and the Renaissance of French Imperialism*. New York: King's Crown Press.

Ragache, G. (2014). *L'Outre-Mer français dans la guerre (1939–1945)*. Paris: Economica. (In French).

Sapozhnikov, B. G. (1977). *Kitai v ognе voyny (1931–1950)* [China at War (1931–1950)]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Tabuchi, Y. (1980). Nihon no tai-Indoshina shokuminchika puran to sono jittai. [Japanese plan of Indochina's colonization and its realization]. In *Tōnan Ajia. Rekishi to bunka*, Vol. 9 (pp. 103–133). (In Japanese).

Tabuchi, Y. (1981). Daitōa Kyōeiken to Indoshina: shokuryō kakutoku no tame no senryaku. [Great East Asia Sphere of Co-Prosperity and Indochina: Strategy for Getting Food]. In *Tōnan Ajia. Rekishi to bunka*, Vol. 10 (pp. 39–68). (In Japanese).

Valette, J. (1993). *Indochine 1940–1945. Français contre Japonais*. Paris: SEDES. (In French).

Ежегодник Японии 2025. Т. 54. С. 148–175

Yearbook Japan 2025. Vol. 54, pp. 148–175

DOI: 10.55105/2687-1440-2025-54-148-175

Конструкция и структура японской ксилографической книги периода Токугава (на примере издания «Хякунин иссю хитоёгатари» 1833 г.)

М. В. Торопыгина

Аннотация

Начиная с 1620-х гг. и до последней четверти XIX в. большинство издаваемых в Японии книг были ксилографическими, то есть печатались с деревянных блоков, на которых были выгравированы (в зеркальном отображении) книжные листы. По сравнению с современными книгами, ксилографические книги имели целый ряд особенностей. Книги брошюровались почти всегда «мешком»: листы, на которых текст был напечатан только с одной стороны, складывались пополам, собирались стопкой, и сшивались с обложкой, которая тоже представляла собой лист плотной бумаги. Для одного и того же знака каны могли использоваться разные варианты написания, зато часто было подписано чтение иероглифов. Название книги обычно обозначалось на небольшом узком листе бумаги, приклеенном на обложку. Особенное значение для ксилографической книги имеет каллиграфия – почерк, которым записан основной текст, предисловие, послесловие и другие элементы.

В эпоху Токугава многие авторы создавали не просто текст, а книгу целиком, то есть являлись одновременно и книжными дизайнерами. Одним из них был Одаки Масаёси (1755–1827), автор произведения «Хякунин иссю хитоёгатари» («Вечерние истории о “Ста стихотворениях ста поэтов”»), изданного в Осака в 1833 г. Автор был известным каллиграфом, и создатели книги, издавшие произведение уже после смерти автора, сохранили его идеи относительно оформления и ориентировались на его почерк. В создании книги принял участие известный художник – Ооиси Матора (1792–1833), издательство заказало известным интеллектуалам предисловие, послесловие, эпиграф книги. В статье исследуется конструкция книги, способ подачи основного текста, элементы, окружающие основной текст – все то, что, по мысли литературоведа Жерара Женетта, дает возможность тексту стать

книгой. В контексте общих сведений о ксилографической книге периода Токугава рассмотрены особенности книги «*Хякунин иссю хитоёгатари*»: печатный лист, брошюровка, способ записи текста, иллюстрации, предисловие, оглавление, эпиграф, послесловие, колофон.

Ключевые слова: ксилографическая книга, печатный лист, брошюровка, основной текст, каллиграфия, элементы книги, колофон.

Автор: *Торопыгина Мария Владимировна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: mtoropygina@hse.ru

ORCID: 0000-0003-3214-5610

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Construction and Structure of Japanese Woodblock Books of the Tokugawa Period (Based on the 1833 Edition of *Hyakunin Isshu Hitoyogatari*)

M. V. Toropygina

Abstract

From the 1620s until the last quarter of the 19th century, most books published in Japan were woodblock printed. In comparison to modern books, woodblock books had a number of specific features. Books were almost always bound in the same way, which is called *fukurotoji* (sheets printed only on one side were folded in half, collected in a pile, and sewn to the cover, which was also a sheet of thick paper). Variations of symbols could be used for the same kana character, but the reading of the kanji characters was often spelled out. The title of the book was usually indicated on a small narrow sheet of paper glued to the cover. Of particular importance for a woodblock printed book is calligraphy in which the main text, preface, afterword, and other elements are written. Many authors created not just a text, but a book, and were book designers. One of such designers was Ozaki Masayoshi (1755–1827), the author of the work *Hyakunin Isshu Hitoyogatari*

(*Evening Stories About "One Hundred Poems by One Hundred Poets"*), published in Ōsaka in 1833.

Since the author was a famous calligrapher, the creators of the book, who published the work after the author's death, preserved his ideas regarding the design and were guided by his handwriting. A well-known artist Ōishi Matora (1792–1833) took part in the creation of the book, and the publishing house commissioned famous intellectuals to write a preface, afterword, and epigraph for the book. The article examines the construction of the book, the way the main text is presented, the elements surrounding the main text, i.e., what, according to literary scholar Gérard Genette, enables a text to become a book. In the context of general information about woodblock printing of the Tokugawa period, the features of the book *Hyakunin Isshu Hitoyogatari* are considered: printed sheet, binding, method of writing the text, illustrations, preface, table of contents, epigraph, afterword, colophon.

Keywords: woodblock book, printed sheet, bookbinding, main text, calligraphy, elements of the book, colophon.

Author: *Toropygina, Maria V.* PhD of Sciences (Philology), Senior researcher, Institute of Oriental Studies RAS, 12 Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031.

E-mail: mtoropygina@hse.ru

ORCID: 0000-0003-3214-5610

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Коммерческое книгопечатание начало развиваться в Японии в XVII в. и почти сразу – как книгопечатание ксилографическое. Однако до этого момента история книги в Японии уже прошла тысячелетнюю историю. Эта история была в первую очередь историей рукописной книги. Ксилографические книги (в очень небольшом количестве) тоже выпускались, их издание тесно связано с деятельностью крупных буддийских центров. В 1590-х гг. в Японии появились подвижные литеры, в это время книги издавала печатня иезуитов, а из Кореи был привезен подвижный шрифт, послуживший образцом для создания японских наборных шрифтов. В течение приблизительно пятидесяти лет книги печатали не только ксилографическим способом, но и с подвижных литер, причем до середины 1620-х гг. наборных книг издавалось больше, чем ксилографических.

Книга – предмет чрезвычайно консервативный. Это относится отнюдь не только к японской книге, то же самое наблюдалось и в Европе после появления станка Гуттенберга. Историк книги Зигфрид Штейнберг замечает: «По внешнему виду книги, напечатанные между 1450 и 1480 гг., почти неотличимы от современных им рукописей» [Штейнберг 2020, с. 20]. Глядя на старую японскую книгу, бывает трудно сказать, рукописная она, наборная или ксилографическая, однако со временем ксилографическая книга приобрела специфические черты, которые можно заметить в конструкции книги, записи текста, наборе тех книжных элементов, которые обрамляют основной текст.

В конце XIX в., с приходом новых западных технологий, японская книга стала полностью походить на западную (с той только разницей, что текст по-прежнему имеет направление справа налево и сверху вниз, книга открывается так, что страницы листаются не справа налево, а слева направо).

Задачей данной работы является рассмотрение ксилографической книги периода Токугава в нескольких аспектах: внешний облик книги; элементы печатного листа и книжного блока; брошюровка; особенности записи текста; иллюстрации; дополнительные и вспомогательные тексты. Особое внимание уделяется японской книговедческой терминологии.

В качестве объекта исследования взята книга «*Хякунин иссю хитогатари*» («Вечерние истории о “Ста стихотворениях ста поэтов”»)¹ [Ozaki 1833], изданная в Осака в 1833 г. Основной текст этой книги – это объемный комментарий к сборнику японских стихотворений «*Хякунин иссю*» («Сто стихотворений ста поэтов»), составленному Фудзивара Тэйка (1162–1241) в XIII в. Автором книги является ученый-нативист Одзаки Масаёси (1755–1827). Японский литературовед Суга Сю:дзи, оценивая произведение, находит в нем такие особенности: яркий просветительский характер; высокий академический стандарт; уникальность материала в части биографий поэтов и легенд о них; стиль, близкий к популярным художественным произведениям *ёмихон* (книги для чтения) [Ozaki 1993, p. 417].

¹ В.С. Санович, переводчик сборника «*Хякунин иссю*» на русский язык, называет это произведение «Сто стихотворений ста поэтов – по рассказу на вечер» [Сто стихотворений... 1994, с. 282].

Книга, несомненно, была бестселлером. Об этом можно судить по большому количеству копий, хранящихся как в японских, так и в зарубежных коллекциях, многие оцифрованные экземпляры можно увидеть в Интернете, что дает возможность их сравнения. С наступлением периода Мэйдзи сочинение не раз издавалось типографским способом, причем издатели этого времени должны были решать множество проблем, связанных с передачей отдельных элементов ксилографического издания средствами новой технологии. В задачу настоящего исследования входит анализ того, как текст Одзаки Масаёси представлен в книге. Если следовать терминологии французского филолога Жерара Женетта, это изучение элементов паратекста, то есть того, «что дает возможность тексту стать книгой» [Genette 1997, p. 1].

Японская книговедческая терминология довольно запутана, для многих понятий часто используется несколько синонимов, а поскольку конструкция ксилографической книги эпохи Токугава отличается от современных изданий, то некоторым терминам непросто подобрать эквиваленты в других языках, поэтому в работах о книгопечатании многие термины не переводятся, а поясняются. При работе с японской терминологией мной использованы в первую очередь следующие издания: [Inoue et al., 1999; Hon katachi... 2024; Nakano 1995]. Ряд вопросов, которых я касаюсь, рассматривался в работах В. Н. Горегляда, в частности, в статье «Рукописная книга в культуре Японии» [Горегляд 1988], а также в монографии Е.В. Завадской «Японское искусство книги (VII–XIX века)» [Завадская 1986]. Вопросы конструкции и состава книги и связанная с ними терминология обсуждаются в англоязычных работах ([Kornicki 1998; Forrer 1985; Chibbett 1977]) и др. Чрезвычайно интересной для меня оказалась изданная под редакцией Лауры Моретти и Сато: Юкико книга *Graphic Narratives from Early Modern Japan: The World of Kusazōshi* [Moretti, Satō 2024], которая показывает, насколько разноликой может быть японская ксилографическая книга.

Книга «Хякунин иссю хитоёгатари»

Конструкция японской книги домэйдзийского времени (это относится и к книгам рукописным, и наборным, и ксилографическим) отличается от привычных западным читателям книг прежде всего отсутствием характерного для европейских и современных японских книг переп-

лета, для которого свойственно наличие переплетной крышки, скрепляющейся с книжным блоком при помощи форзаца (двойного листа бумаги). Почти все японские книги периода Токугава – книги в мягкой обложке, независимо от формата, который бывает как маленьким, так и достаточно большим. Японские старые книги не стояли на полках, а лежали, часто – в специальных футлярах или коробках.

Еще одной особенностью книг этого времени является большое количество многотомных изданий. Достаточно посмотреть каталог любой коллекции японских книг, чтобы убедиться, насколько количество томов превосходит количество названий². Том японской книги может быть обозначен как 巻, *кан/маки*, или 冊, *сацу*. Оба термина, как и многие другие, связанные с книгой, восходят к китайской терминологии. К. К. Флуг пишет, что слово *цзюань* (яп. *маки*), которое первоначально означало накрученный на палочку шелк для письма, позже стало означать главы китайской книги [Флуг 1959, с. 45]. О. П. Петрова и В. Н. Горегляд в предисловии к первому выпуску «Описания японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг» находят, что понятие *сацу* соответствует принятому в российском книговедении понятию «переплетной единицы», то есть в один том (*сацу*) могут быть переплетены несколько частей произведения (*маки*) [Петрова, Горегляд 1963, с. 7–8].

Издание «*Хякунин иссю хитоёгатари*» оперирует понятием *маки*. В издании девять *маки*, и все они представляют собой отдельные тома. Размер томов 18×25,4 см. (Илл. 1). Если принять во внимание, что комментируемый поэтический сборник «*Хякунин иссю*» не имеет разделов, то можно предположить, что для этого произведения деление на части достаточно произвольное и, возможно, связано как раз с изданием книги. Об этом свидетельствует и то, что в рукописи (публикация [Ozaki 1993]) произведение делится немного по-другому. Все тома книги примерно равны по объему. Количество листов (в книгах этого времени пагинация ведется по листам, а не по страницам) в «*Хякунин иссю хитоёгатари*» следующее: том 1 – 3, 51 (у предисловия – отдельная пагинация, что характерно для книг этого времени); том 2 – 54; том 3 – 54; том 4 – 54; том 5 – 55; том 6 – 47; том 7 – 53; том 8 – 52; том 9 – 61. Первое печатное издание памятника в период

² В сравнительно небольшой, состоящей из 247 наименований, книжной коллекции, подаренной в 1883 г. Санкт-Петербургскому университету японским принцем Арисугава Тарухито Синно: в общей сложности 3465 томов [Toropygina 1998].

Илл. 1. Книга «Хякунин иссю хитоёгатари».
9 т. О:сака: Цуругая Кюбэ, 1833. Частная коллекция.

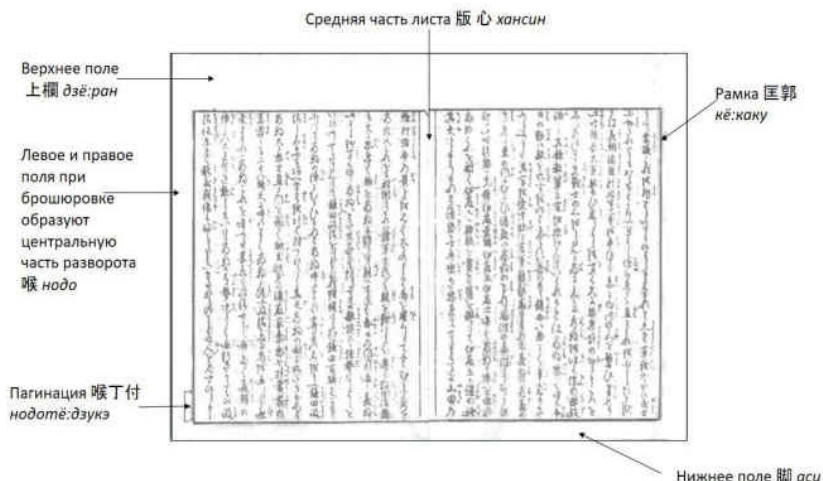
Мэйдзи имеет деление на три *маки* (上・中・下) [Ozaki 1893–1895], однако последующие издания возвращаются к первоначальным девяти *маки* как внутреннему устройству произведения, то есть независимо от того, в каком количестве томов произведение издано, внутри оно делится на девять *маки*.

Печатный лист

Ксилографическая книга состоит из листов, отпечатанных с деревянных печатных блоков *ханги* 版木/板木³. На доску, которой предстоит стать печатным блоком, наклеивается лицевой стороной вниз переписанный набело текст, и резчик вырезает дерево вокруг знаков. Текст на печатном блоке таким образом получается в зеркальном отображении. Когда доска готова, ее покрывают красочным составом, кладут на нее лист бумаги, печатник проглаживает лист небольшим круглым ручным прессом 馬連, *барэн*, и затем снимает его. Текст печатается только на одной стороне листа, обратная сторона остается чистой.

³ Большое количество таких досок представлено в базе данных Art Research Center университета Ричмэйкан: ARC ханги по:тапу дэ:табэ:су: <https://www.dh-jac.net/db/hangi/>

Ниже показана схема печатного листа на примере книги «Хякунин иссю хитоёгатари».

Отличительной чертой отпечатанного с деревянного блока листа является рамка 匡郭, кё:каку, в которую заключен текст. Сейчас термин кё:каку является устоявшимся в японском книговедении, хотя есть и другие слова, которые можно встретить в литературе (廓, курува, 輪郭, ринкаку, 枠, ваку). Существуют и книги, в которых рамка отсутствует, такие книги называются 無枠本, бусуйхон/мувакухон. Наличие рамки в ксилографических книгах заимствовано из Китая. Этот элемент помогает читателю следить за текстом. Рамка, окружающая текст, бывает одинарной или двойной, в ней могут сочетаться жирные и тонкие линии, включаться орнамент, то есть рамка способна нести декоративную функцию. Иногда внутри рамки есть еще вертикальные линии, которые определяют расположение строк текста (такая рамка обычна для книг на китайском языке).

Важной частью книжного листа является ее средняя часть 版心, хансин (другое наименование 柱, хасира). Здесь часто может быть записано название книги, номер тома и листа. Эти записи образуют что-то похожее на орнамент, когда книга закрыта. В случае «Хякунин иссю хитоёгатари» видны лишь две линии, которые образует рамка.

По центральной линии листы книги сгибаются пополам. Таким образом напечатанный с доски лист составляет не разворот книги, а половину двух разворотов: левую страницу, а затем правую страницу следующего разворота.

Верхнее и нижнее поля называются: верхнее 上欄, *дзё:ран* (реже встречается термин 頭, *атама*), нижнее 脚, *аси*. Верхнее поле в традиционной японской книге больше нижнего. Оно часто используется читателями для маргиналий. На нем также может быть «надстроен» дополнительный комментарий или помещены иллюстрации.

Левое и правое поля листа служат для брошюровки. Когда книга сброшюрована, то в открытой книге эти поля практически не видны, они уходят в корешок и образуют центральную часть разворота, которая называется 喉, *нодо*. В нашем случае номера страниц обозначены в нижней части *нодо* в небольшой рамочке, такой способ обозначения номеров страниц носит название 喉丁付, *нодотё:дзукэ*.

Брошюровка

При изготовлении рукописных книг еще до периода Токугава применялось довольно много способов брошюровки, однако большинство ксилографических книг периода Токугава переплетались способом, который называется 袋綴じ, *фукуротодзи* («мешком»). Этот способ брошюровки пришел из Китая и практиковался в Японии еще в период Камакура (1192–1333). «Из-за относительно небольшого объема ручной работы это был довольно дешевый и быстрый способ. Поэтому он оставался самым распространенным методом переплета с начала XVII в. и далее, пока его в недавнее время не вытеснили западные методы машинного прессования» [Forger 1985, p. 26]. Питер Корницкий пишет, что таким образом брошюровали 90% всей печатной продукции [Kornicki 1998, p. 44]. Данный способ переплета состоит в складывании отпечатанных листов пополам текстом вверх (внутренняя сторона остается пустой) и их сборку в книжный блок. Затем книжный блок и обложка сшиваются тонким бумажным шпагатом или шелковой нитью при помощи иглы на расстоянии примерно одного сантиметра от раскрытого края собранных листов. Чаще всего книга сшивается через четыре отверстия (такой способ называется 四目綴, *ёцумэтодзи*). В зависимости от размера и толщины книги дырочек, через которые проходит нитка, может быть пять (五目綴,

Илл. 2. Обложка с наклейкой *дайсэн*. Изнаночная сторона обложки. *Микаэси*. Корешок книги с уголками *кадогирэ*.

иццумэтодзи) или шесть, с дополнительными дырочками у углов. Такой способ называется 康熙綴, *ко:китодзи* (по девизу правления – «процветающее и лучезарное» – китайского императора династии Цин Сюаньэ, 1654–1722).

Книга «Хякунин иссю хитоёгатари» сшита способом *иццумэтодзи* (так сшиваются книги большого формата), под обложкой углы книжного блока обернуты маленькими кусочками ткани, которые скрепляют книжный блок и не дают бумаге на углах растрепаться. Эти кусочки ткани носят название 角裂, *кадогирэ* (Илл. 2).

Недостаточно хорошая сохранность экземпляра «Хякунин иссю хитоёгатари», который использован здесь для иллюстраций, дает возможность хорошо рассмотреть, как и из чего сделана обложка. Она изготовлена из грубой переработанной (то есть сделанной из бумажных отходов) бумаги, обклеенной цветной бумагой с орнаментом. С внутренней стороны к ней клеится еще один лист. Эта обратная сторона обложки называется 見返し, *микаэси* (для передней и задней обложки, а это две отдельных обложки, принято название *маэ-микаэси* и *ато-микаэси*).

Орнамент, которым украшена обложка «Хякунин иссю хитоёгатари», называется «Извивы облаков» (雲立涌, *кумотатэваку*). Однако среди опубликованных в Интернете книг можно встретить

экземпляры и в других обложках. Это может быть связано с тем, что при допечатках использовали разные обложки. Возможно, при продажах в других регионах, книга была туда доставлена без обложки и переплетена на месте, обложку делали там же, или же обладатели книги могли сами ее переплести.

На обложку наклеен небольшой узкий вертикальный листок с названием книги, который называется 題簽, *дайсэн*. Обычное место *дайсэн* – сверху слева, однако иногда этот листок бывает наклеен посередине.

Особый тип цветной обложки и обложки с иллюстрацией характерен для поздней литературы *гэсаку* [Nakano 1995, p. 147–151].

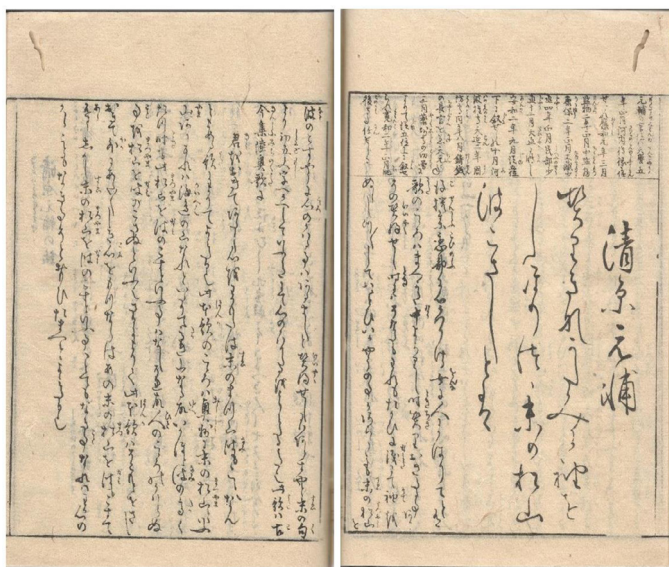
Основной текст произведения

Текст «Хякунин иссю хитоёгатари», являясь комментарием к поэтическому сборнику «Хякунин иссю», ожидаемо делится на сто отдельных эпизодов.

Особенным дизайном отличаются первые страницы разделов (Илл. 3). На каждой из них приводятся: имя автора стихотворения; само стихотворение; разбор стихотворения; текст с родословной и краткой биографией поэта в виде комментария. В японских книгах есть несколько возможностей для помещения комментариев. Например, комментарий может быть дан прямо в тексте двумя строчками мелких знаков. На первой странице раздела комментарий дан над текстом, для него выделена часть пространства внутри рамки. Такой способ подачи комментария тоже традиционен для старой японской книги.

Размер и стиль шрифта является одной из форм выразительности в японской книге. На первой странице мы видим, что размер шрифта варьируется, крупными знаками даны имя поэта и стихотворение.

Текст записан способом *хирагана-мадзири*, то есть иероглифами в сочетании с хираганой. В тексте нередко даются цитаты на китайском языке, как правило с разметкой для чтения по-японски. Единственным внутренним заголовком является заголовок, отделяющий стихотворение и комментарий к нему от последующего текста, в котором дается легендарный и исторический материал об авторе стихотворения. Этот заголовок выглядит как «Истории о...» ... の話 (...-но моногатари). В тексте постоянно используется *фуригана*, то есть справа

Илл. 3. Основной текст книги.

Разворот со стихотворением Киёхара Мотосукэ (908–990).

契りきなかたみに袖をしほりつつ末の松山波こさしとは

В переводе В.С. Сановича:

О, как мы клялись!

Я – твои, ты – мои рукава

От слез выжимая,

Что не одолеют волны

Гребня Суэ-но Мацуяма.

от иероглифа знаками каны подписано его чтение. Текст сплошной, без знаков препинания. Визуально в нем выделяются только стихотворения, которые в старом японском тексте традиционно записываются с отступом от верхнего края текста, или небольшие отрывки на китайском с разметкой. Для текста ксилографической книги характерно соблюдение одного и того же количества строк на странице. В «Хякунин иссю хитойёгари» на странице 12 строк, заголовок «Истории о...» занимает две строки.

Общий дизайн книги сделан ее автором – Одзаки Масаёси. Об этом говорится в послесловии, однако главным доказательством того, что это действительно так, служит сохранившаяся рукопись Одзаки

Масаёси. Рукопись из коллекции Тада Тосикацу⁴ была опубликована в 1993 г. с комментариями Суга Сю:дзи. Автор комментариев обращает внимание на то, что Одзаки Масаёси был признанным каллиграфом и изысканная запись ста стихотворений сборника «*Хякунин иссю*» говорит о том, что книга в части записи стихотворений могла использоваться в том числе и как образец для каллиграфических штудий [Ozaki 1993, p. 419]. Стихотворения традиционно записаны скорописью 草書, *со:сё* («травяным письмом»). Знаки скорописи сливаются в плавно изгибающиеся строки. Стихотворения записаны в три строки.

Способ записи текста в ксилографических книгах периода Токугава обозначается термином くずし字, *кудзусидзи*.

Когда речь идет о текстах *хирагана-мадзири*, для знаков каны используется *хэнтайгана*. *Хэнтайгана* – это кана без закрепления за определенным слогом одного знака, то есть в текстах для одного и того же слога могло использоваться несколько вариантов знаков⁵. *Хэнтайгана* была заменена привычной сейчас хираганой в результате реформы письменности 1900 г. Унификации способствовал и переход на типографскую печать, происшедший в период Мэйдзи.

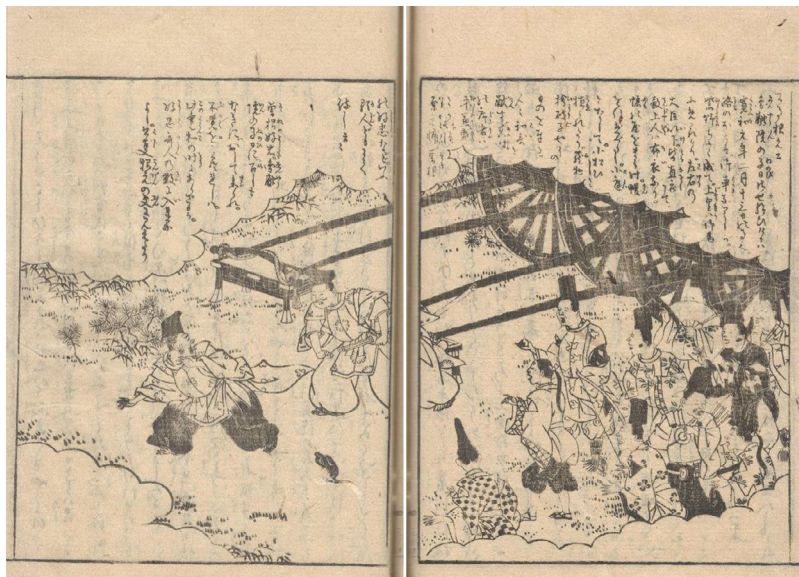
Активное использование знаков *фуригана* в период Токугава связано с тем, что число грамотных неуклонно увеличивалось, но в то же время далеко не все читатели были высокообразованными людьми, так что для привлечения новых читателей издателям и авторам приходилось облегчать чтение текста, давать фонетические подсказки.

Иллюстрации

Японские интеллектуалы периода Токугава часто в равной степени владели многими искусствами, в частности, были как писателями, так и художниками. Свои произведения иллюстрировал Ихара Сайкаку (1642–1693), писатель Санто: Кё:дэн (1761–1816) не менее известен как художник (под именем Китао Масанобу), авторы книг *кибё:си*

⁴ Тада Тосикацу известен и как коллекционер игрушек, его коллекция хранится в Национальном музее этнологии префектуры Осака. Он был автором книг об игрушках: <https://ifm.minpaku.ac.jp/toycollection/>

⁵ Для чтения старых текстов, где используется запись *кудзусидзи*, существует немало словарей и несколько платформ в Интернете, например, Dataset of Pre-Modern Japanese Text (PMJT): <https://codh.rois.ac.jp/char-shape/>

Илл. 4. Иллюстрация к легенде о поэте Сонэ-но Ёситада.

Легенда говорит о том, что поэт пришел незваным на императорский праздник в часть Дня крысы и был изгнан.

предоставляли своим издателям не текст произведения, а макет книги, в котором были выполнены наброски иллюстраций, по которому позже художник делал подробные иллюстрации⁶.

В рукописи Одзаки Масаёси тоже есть наброски иллюстраций. Однако, как пишет Суга Сю:дзи, точная информация об их авторстве отсутствует [Ozaki 1993, p. 418]. В выпущенной в 1833 г. книге лишь о небольшом количестве иллюстраций можно сказать, что они могли быть сделаны на основе эскизов из данной рукописи. Художником книги «Хякунин иссю хитоёгатари» является Ооиси Матора (1792–1833). В книге в общей сложности 113 иллюстраций (от 11 до 15 в каждом томе), в абсолютном большинстве своем они занимают книжный разворот (Илл. 4).

Специалисты всегда отмечают большое количество иллюстрированных изданий (絵入り本, эрихон) среди японских книг и даже

⁶ Об изготовлении книг *кибё:си* см. главу «The Creative Process», написанную Такаги Гэн, в книге [Moretti, Satō 2024, p. 84–117].

считают, что «победа» ксилографии над печатью с подвижных литер отчасти связана с большим удобством ксилографии для включения в книгу иллюстраций. Такаги Гэн пишет: «Примечательной чертой японской литературы Нового времени было включение иллюстраций во многие опубликованные книги. Конечно, иллюстрации присутствовали в художественных сочинениях и иллюстрированных свитках еще до Нового времени, до того как книгопечатание стало обычным явлением, так что иллюстрации можно считать атрибутом традиционных книг, существовавших до Нового времени. Поэтому причина, по которой не получили широкого распространения книги, отпечатанные с подвижных литер, которые пытались выпускать в раннее Новое время, заключалась не столько в сложности процесса печатания при помощи наборного шрифта, сколько в простоте использования иллюстраций в ксилографической печати» [Takagi 2021].

Иллюстрации Ооиси Матора включают в себя текст, и до того как были выработаны принципы помещения подобных иллюстраций в изданиях, выполненных типографским способом, перед издателями стоял вопрос, следует этот текст расшифровывать или оставлять как есть. В издании 1893–1895 г. текст расшифрован и заменен на печатный [Ozaki 1893–1895], а в издании «Хякунин иссю хитоёгатари» издательства «Иванами» расшифровка текста с гравюр дается в комментарии после каждого раздела [Ozaki 1972].

Название книги

Для книг периода Токугава характерно, что название книги можно прочесть на обложке, как правило на наклейке *дайсэн*. Часто это название напечатано ксилографическим способом, но может быть написано от руки. Наклейки может и не быть (или она оторвалась, что происходило довольно часто), тогда название может быть написано прямо на обложке.

Наклейка может иметь рамку, которая порой является довольно изысканным декоративным элементом (примеры см.: [Nakano 1995, p. 152–164]), однако чаще наклейка довольно проста. В случае «Хякунин иссю хитоёгатари» *дайсэн* имеет двойную рамку: внешняя сделана жирной линией, внутренняя – тонкой. Под названием обозначен номер тома (*Илл. 1-2*). Название, которое дается на обложке, называется «внешним» 外題, *гэдай*.

Название может много раз повторяться внутри книги в полном или сокращенном виде (или может быть дано альтернативное название). Названия внутри книги носят общее наименование «внутренних» 内題, *найдай*. В зависимости от того, где название располагается, оно обозначается по тому элементу книги, к которому отнесено. Часто встречается название на сгибе листа, оно нередко приводится в сокращенном виде и носит название 柱題, *хасирадай* (наличие вариантов названия в книге дает ключ к пониманию того, почему порой происходит путаница с названиями японских текстов).

В книге «Хякунин иссю хитоёгатари» название повторяется в начале и в конце каждого тома. В конце последнего тома дается «конечное» название 尾題, *бидай*. Сокращенного или вариантов названия в книге нет, однако в начале нескольких томов названия даются способом *атэдзи* 当て字/宛字/あてじ, то есть иероглифами, подобранными по их одному чтению, без учета значения:

百人一首比登与俄哆里 (том 2);

百人一首飛登與我丹理 (том 3);

百人一首秘斗豫峨他梨 (том 4);

百人一首飛登与我多利 (том 5);

百人一首斐刀餘雅太喇 (том 6).

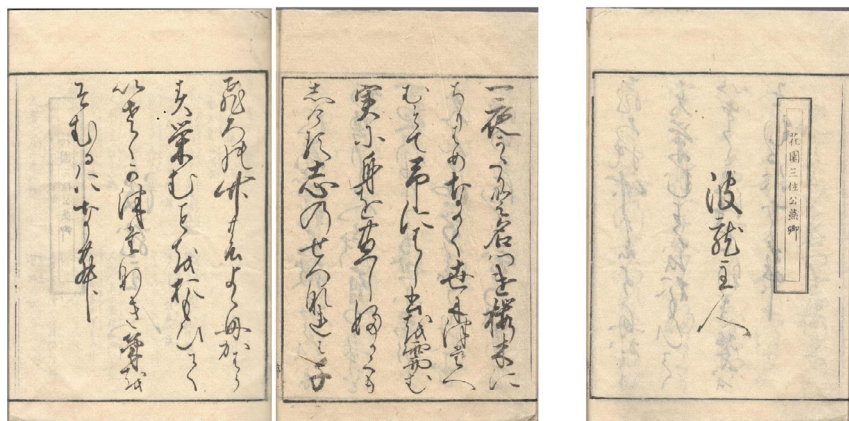
Именно наличие *атэдзи* дает возможность прочесть основное название как «Хякунин иссю хитоёгатари», иначе его следовало бы читать «иссэкива».

Предисловие

Первым текстом данной книги является предисловие. Оно никак не обозначено, сразу начинается текст, однако пагинация страниц имеет слово «предисловие» 序, *дзё*.

Предисловия характерны для старых японских текстов. Это настолько разнообразный, интересный и малоизученный слой словесности, что можно с уверенностью сказать, что его исследование обещает много открытий.

Предисловие бывает авторское или написанное другим человеком. Автор произведения может попросить своего учителя или старшего товарища написать предисловие к его произведению. Часто предисловия заказывают издатели. Предисловий может

Илл. 5. Разворот с текстом предисловия и страница с подписью к предисловию.

быть несколько. В изданиях классики обычно оставляют предыдущие предисловия и получается, что со следующими изданиями количество предисловий множится. Предисловия часто помогают датировать книгу в том случае, когда в выходных данных нет даты издания. У предисловий много разных функций.

Особым типом предисловий в японских ксилографических книгах являются предисловия, записанные рукой их авторов. Это означает, что перебеленная рукопись 版下, *хансита* (та, с которой вырезается доска) записывается самим автором предисловия. Предисловие к «Хякунин иссю моногатари» – как раз такое, оно сохраняет каллиграфию автора (Илл. 5). Предисловие записано очень крупным почерком (всего пять строк на странице, тогда как в основном тексте двенадцать строк); иероглифы не снабжаются подсказкой для прочтения; заканчивается предисловие подписью автора, которая частично забрана в рамку. Это не только предназначенный для чтения текст, но и украшение книги.

В случае «Хякунин иссю хитоёгатари» предисловие было заказано представителю аристократического рода Ханадзono, заказчиком выступало издательство.

Рамка, которая использована в подписи к предисловию, не столь частый элемент в ксилографах периода Токугава. Подобные предисловия (заказанные аристократам или чиновникам, известным своими

литературными и каллиграфическими талантами, и оформленные именем в картуше и псевдонимом) относятся к тем элементам книги, которые указывают на особенности определенных изданий, в данном случае – книг жанра *ёмихон* или близких к этому жанру произведений, выпущенных в районе Камигата (Киото–Осака) [Iikura 2009].

Текст предисловия достаточно краток, однако выполняет функцию ознакомления читателя с книгой, здесь есть имя автора текста – Одзаки Масаёси (на обложке есть только название книги) и краткая информация о том, что это комментарий к «*Хякунин иссю*», рассказывающий в первую очередь о поэтах.

Илл. 6. Первая страница оглавления к тому 4 с «внутренним» названием произведения *найдай*.

Оглавление

Следующим текстом первого тома книги является оглавление к этому тому, перед которым стоит название произведения и слово *мокуроку* 目録. Все последующие тома книги начинаются с оглавления к данному тому (Илл. 6). Как и предисловие, это привычный для современного читателя элемент книги. В книгах эпохи Токугава это тоже обычный элемент. Оглавление может относиться к каждой части текста или быть общим для всего текста. Особенностью оглавлений этого времени является отсутствие отсылки к номеру страницы.

Оглавление «*Хякунин иссю хитоёгатари*» интересно тем, что оно дает читателю ту информацию, которой нет в тексте книги. Как уже было показано, текст «рассказов» – сплошной, он не делится на отдельные эпизоды. А между тем, «*Хякунин иссю хитоёгатари*» – книга, дающая представление о множестве поэтических легенд, которые потом составили корпус огромного легендарного материала о поэтах. Последующая литература о поэтах часто использует названия легенд, которые приводит Одзаки Масаёси,

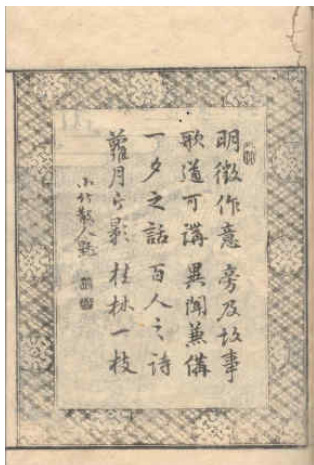
однако в самом произведении начало следующей истории приходится искать, и оглавление – единственная возможность вычлениить в тексте эти отдельные эпизоды.

Эпиграф

Следующим элементом книги *«Хякунин иссю хитоёгатари»* является каллиграфически написанное стихотворение на китайском языке, снабженное именем автора и печатями, и помещенное в декоративную рамку. Этот элемент ксилографической книги называется 題字/題辭, *дайdzi*.

Дайdzi – это каллиграфическая надпись. Это может быть отдельный иероглиф или ряд иероглифов, не составляющих текст. Либо это относительно небольшой (помещающийся на одной странице) текст на китайском или японском языке, имеющий какое-то отношение к основному тексту или к его автору. Такаги Гэн пишет: «Первоначально так украшались рукописные книги, что же касается ксилографических книг, то особенно часто такой элемент есть в тех изданиях, для которых особенно важна связь с почерком (письмом от

руки): альбомах по каллиграфии, сборниках китайских стихотворений, – в поздний период Токугава элемент использовался в книгах художественной литературы *гэсаку*» [Inoue et al. 1999, p. 364–365]. Накано Мицутоси говорит, что в ксилографических изданиях элемент стал использоваться только в XVIII в. [Nakano 1995, p. 229]. Для этого элемента особенно важно имя каллиграфа.

Илл. 7. Эпиграф.
Стихотворение
на китайском языке
в декоративной рамке

В случае *«Хякунин иссю хитоёгатари»* эпиграфом является стихотворение на китайском языке известного интеллектуала Синодзаки Сё-тику (1781–1851) (Илл. 7). Стихотворение написано специально для данного издания. Оно описывает книгу и в поэтической форме употребляет один из псевдонимов автора. В поздних изданиях книги этот элемент

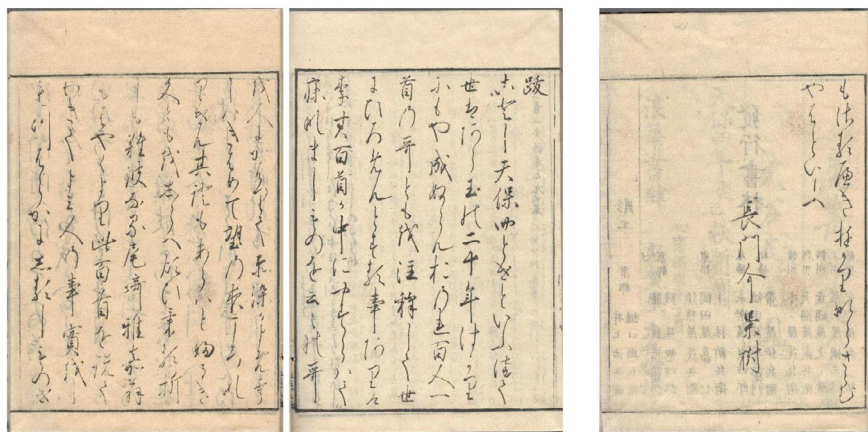
всегда сохраняет каллиграфию автора. В издании 1893–1895 гг. рамка была заменена на наборную, но в последующих изданиях стихотворение публикуется в первоначальной рамке.

Послесловие

Послесловие озаглавлено словом 跋, *бацу*. У слова *бацу* много синонимов, среди них 書後, *сёго*, 後書, *атогаки*, 後序, *ко:дзё* и др. По функции послесловие и предисловие похожи.

В старых японских книгах, как и предисловие, послесловие часто сохраняет каллиграфию его автора [Inoue et al., 1999, p. 464]. Именно такое послесловие у книги «Хякунин иссю хитоёгатари» (Илл. 8). Автор этого послесловия – человек с самым громким именем из всех, кто участвовал в создании книги, это Кагава Кагэки (1768–1843) – основатель поэтического направления «Кэйэнха».

Небольшое по объему послесловие Кагава Кагэки рассказывает о том, как появились текст и книга «Хякунин иссю хитоёгатари». Оно приводит сведения не только о произведении, но также дает ценные сведения относительно книгоиздания этого периода. Так, Кагава Кагэки отмечает, что сочинение Одзаки Масаёси издано в том виде, «как было в рукописи» [Торопыгина 2024, с. 183–185].

Илл. 8. Послесловие. Разворот и подпись

Колофон

В рукописных и старопечатных книгах колофон – это текст на последней странице, содержащий название книги, сведения о ее авторе, месте и времени переписки (или печатания), писце (или типографе) и др. Для получения информации о книге колофон – самый важный структурный элемент. Колофоны появились еще в старых рукописных книгах, правда, не являясь обязательным элементом книги. В. Н. Горегляд пишет о рукописных книгах: «В колофонах указываются место и время переписки, фамилия, имя, прозвище или звание (либо все вместе) переписчика, инициатора копирования памятника, протограф. Встречаются колофоны краткие, включающие лишь дату переписки, но бывают и весьма пространные» [Горегляд 1988, с. 260]. Дэвид Чиббетт приводит целый ряд примеров колофонов в старых ксилографических, а также наборных книгах к. XVI – н. XVII вв. [Chibbett 1977].

За два века ксилографической книги в период Токугава колофоны значительно изменились. Матти Форрер считает, что «...колофоны являются важным источником информации (даже их отсутствие часто бывает чрезвычайно значимым) < ... > Любое незначительное изменение в колофоне может содержать ключ к разгадке истории публикации книги, и возможностей для этого особенно много в случае ксилографии» [Forrer 1985, p. 44].

Первые токугавские колофоны были, как правило, очень простыми и представляли собой сведения об издании: 刊記, *канки*, – выходные данные, включавшие дату издания книги, адрес и имя издателя. Однако уже эти первые колофоны задали некоторые параметры, которые постоянно присутствуют в колофонах в дальнейшем. Так, дата приводится с большой точностью: год по девизу правления и по шестидесятилетнему циклу, сезон года, иногда даже месяц и день. Точно и подробно указывается адрес издательства. «Поскольку большинство издателей в ранние дни коммерческого книгоиздания были также продавцами своих книг, любое указание издателя с адресом в конце книги изначально должно было служить указанием, где можно было купить книгу» [Ibid., p. 42].

Постепенно в колофоне появляются и другие сведения, например, имена автора текста и иллюстратора. Закрепление правила давать эти имена в колофоне относится к периоду реформ годов

Кё:хо: (1716–1736), точнее – к 1722 г. Один из пяти пунктов предписаний издательствам говорил о том, что в книгах следует давать колофон (было употреблено слово 奥書, *окусё*) с именами издателя и автора [Konta 1977, p. 74]. С этого времени наличие выходных данных становится обязательным.

Со временем колофон расширился, кроме собственно сведений об издании он стал включать дополнительную информацию, чаще всего это списки книг, которые выпущены данным издательством или планируются к выпуску, то есть колофон стал включать в себя рекламу.

Если первые колофоны занимали небольшую часть страницы после текста, то в дальнейшем они стали занимать страницу, две или даже несколько страниц, часто переходя и на обратную сторону задней обложки.

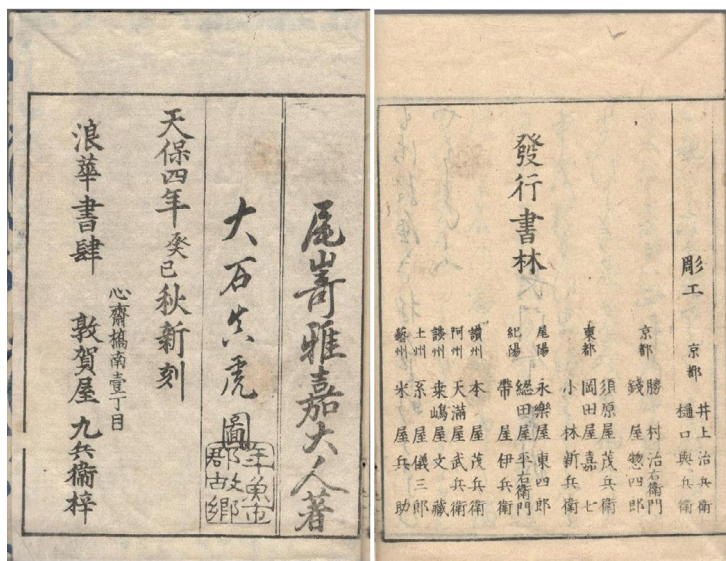
Колофон книги «Хякунин иссю хитоёгатари» занимает последний разворот книги, где левая страница – это *ато-микаэси*, то есть внутренняя сторона задней обложки (Илл. 9).

Левая страница разворота отпечатана более крупными знаками, что сразу привлекает внимание. Именно на этой странице приведены основные данные об издании. Рамка разделена на несколько частей вертикальными линиями.

Первое справа – имя автора Одзаки Масаёси Дайдзин, оно обозначено знаком «автора» 著, *тё* (произведение, сочинение). Следующее – имя художника Ооиси Матора, после его имени стоит иероглиф 圖 (図) *дзу* (рисунки). Под именем – печать художника: 年魚市郡故郷 (*Аютигун кокё:*).

Запись в следующей, левой части, начинается с даты: *Тэмпо: ённэн мидзунотоми аки*. Червертый год Тэмпо: – это дата по девизу правления. *Мидзунотоми* – Водяная Змея, 30-й год шестидесятилетнего цикла. Более точно время здесь определяется словом «осень».

Синкоку 新刻 означает «новое издание». Кигоси Сюнсуэк в главе, посвященной колофонам ксилографических изданий, в книге «Строение книги и культура: как смотреть и наслаждаться старыми и новыми книгами», уделяет внимание вопросу о том, что к датам, которые даны в колофонах книг, нужно относиться с вниманием, поскольку дата может ввести в заблуждение [Hon katachi... 2024, p. 95–112]. Дело в том, что доски, с которых печатали текст ксилографических изданий, сохранялись очень долго, тираж допечатывали по мере необходимости, так что невозможно с уверенностью сказать, что тот

Илл. 9. Последняя страница книжного блока и ато-микаэси.
Колофон.

экземпляр книги, который обсуждается в данной публикации, действительно был напечатан в 1833 г.

Последняя запись посвящена издательству. Это книжная лавка в Нанива (Осака) Цуругая Кюбээ. Перед названием более мелкими иероглифами записан адрес: *Синсайбаси минами иттёмэ*.

Иероглиф 梓, *си/адзуса*, который стоит после наименования лавки, в своем первом значении обозначает катапыу (это дерево может достигать высоты в 30 м и ширины ствола в 2 м). В китайском языке слово может означать столяров, резчиков по дереву, как глагол – столярничать, резать по дереву, гравировать. Оно употребляется во многих, относящихся к ксилографии сочетаниях [Флуг 1959, с. 29]. В той позиции, в которой иероглиф употреблен здесь, он может быть синонимом слово *ханги*, то есть печатного блока, а вся запись означает, что «печатные доски и право на дальнейшее издание книги принадлежат лавке Цуругая Кюбээ из Нанива, располагающейся по адресу: первый квартал к югу от моста Синсайбаси».

Издательское право 板株, *ита-кабу*, в это время определялось тем, в чьих руках находились доски для производства книги. Особен-

ностью издательского права *ита-кабу* является то, что оно бессрочное, в то же время доски являются предметом купли-продажи, то есть право на издание может перейти к другому издателю в случае покупки блоков.

Информация на предыдущей странице разворота также относится к выходным данным. Справа выделены два имени, обозначенные как 彫工 – *тё:ко:* (гравёр, резчик). Это резчики из Киото Иноуэ Дзихээ и Хигути Ёхээ, выполнившие доски для печати. Далее следуют 13 имен, обозначенные как 發行書林, *хакко: сёрин*, то есть книжные магазины, участвовавшие в издании. К сожалению, по колофону невозможно понять, какова была доля участия того или иного книжного магазина. Имена участников проекта организованы географически (это обычный способ подачи имен подобного списка).

Итак, в издании книги участвовали: Кацумура Дзиэмон, Дзэния Сосиро (Кё:то); Сухарая Мохээ, Окадая Касити и Кобаяси Симбээ (То:то [Эдо]); Эйракуя То:сиро: (Хиё: [Нагоя]); Касэдая Хэйэмон, Обия Ихээ (Киё: [Вакаяма]); Хонъя Мохээ (Сансю: [Сануки]); Тэм-мая Бухээ (Асю: [Ава]); Куvasимая Бундзо: (Дансю: [Авадзи])⁷; Итоя Гисабуро: (Досю: [Тоса]); Ёнэя Хэйсукэ (Гэйсю: [Аки]).

Всех издателей удастся найти по базам данных старых книг (исключение – Куvasимая Бундзо:), некоторые, как, например, Эйракуя То:сиро: или Сухарая Мохээ – очень известные издатели. Как видим, в этом списке присутствуют не только издатели из центров книгоиздания (Киото, Осака, Эдо, Нагоя, Вакаяма), но и провинциальные, что говорит в пользу разветвленной сети книготорговли в это время.

Выводы

Особенностью японской ксилографической книги является отсутствие двух совершенно одинаковых экземпляров, что связано с тем, что ксилографическая книга делается полностью вручную. Рассмотренная книга «*Хякунин иссю хитоёгатари*» сохранилась в большом количестве копий, которые имеют один и тот же колофон, то есть один и тот же год издания. Однако есть книги в разных

⁷ Имя не удалось найти в базах данных старых книг. Первый иероглиф прочитан как 来 на сайте: <https://codh.rois.ac.jp/pmjt/book/200020086/>.

обложках; экземпляры, где название дано не на наклейке *дайсэн*, а написано прямо на обложке; книги, где *микаэси* (обратная сторона верхней обложки) является титульным листом. По своей конструкции ксилографическая книга периода Токугава принципиально не отличается от более ранних или синхронных рукописных или старопечатных наборных книг. Однако, превратившись в массовый товар, книга подвергается определенной стандартизации. Так, вместо большого разнообразия разных брошюровок, большинство книг брошюруются одним и тем же способом – *фукуротодзи*, такая брошюровка характерна и для «*Хякунин иссю хитоёгатари*».

«*Хякунин иссю хитоёгатари*» – многотомное иллюстрированное издание, в книге имеются предисловие, оглавление каждого тома, эпиграф, послесловие, подробные выходные данные.

Колофон книги показывает ту эволюцию, которую прошел этот книжный элемент за два века. Выходные данные включают не только имена издателя (обладателя издательского права), автора текста и художника, но и список книжных магазинов из разных частей страны, которые участвуют в распространении издания (а возможно каким-то образом участвовали и в издании), а также имена гравёров, вырезавших книжные блоки.

Наличие авторской рукописи текста «*Хякунин иссю хитоёгатари*» в сочетании с послесловием, которое дает информацию об истории издания, позволяет понять роль разных участников издательского процесса в производстве книги. Общий дизайн книги – детище автора текста, однако иллюстрации практически не используют наброски, данные в рукописи. Одинакового размера иероглифы, которыми написаны имена автора текста и художника в колофоне, показывают их равнозначность в процессе создания книги. В то же время имена резчиков даны более мелкими иероглифами, их роль явно воспринимается как менее значимая по сравнению с автором и художником, и, таким образом, колофон демонстрирует иерархию участников производства книги.

В записи текста «*Хякунин иссю хитоёгатари*» интенсивно используются подсказки для чтения (*фуригана*), что говорит о том, что книга была рассчитана на достаточно широкий круг читателей, в том числе и не самых образованных.

Огромное значение для японской ксилографической книги имеет каллиграфия. В «*Хякунин иссю хитоёгатари*» представлен почерк

авторов всех текстов, включенных в издание: основного текста, предисловия, эпиграфа, послесловия. Высокой художественной ценностью обладают иллюстрации, помещенные в книгу.

Библиографический список

Горегляд В. Н. (1988) *Рукописная книга в культуре Японии. Рукописная книга в культуре Востока*. Книга вторая. – Москва: Наука. С. 223–270.

Завадская Е. В. (1986) *Японское искусство книги (VII–XIX вв.)*. – Москва: Книга.

Петрова О. П., Горегляд В. Н. (1963) *Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг*. Выпуск 1. – Москва: Восточная литература.

Сто стихотворений ста поэтов. Старинный сборник японской поэзии VII–XIII вв. (1994) / Перевод В. С. Сановича. – Санкт-Петербург: Шар.

Флуг, К. К. (1959). *История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв.* – Москва, Ленинград: Издательство АН СССР.

Штейнберг, З. (2020). *История книгоиздания в Европе. Пять веков от первого печатного станка до современных технологий* / Пер. с англ. Т. М. Шуликовой. – Москва: Центрполиграф.

References

Chibbett, D. G. (1977). *The History of Japanese Printing and Book Illustration*. Tokyo, New York: Kodansha International.

Flug, K. K. (1959). *Istoriya kitaiskoi pechatnoi knigi sunskoi epokhi X–XIII vv.* [The History of Chinese Printed Books of the Song Dynasty, 10th–13th centuries]. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of USSR's Publishing House. (In Russian).

Forrer, M. (1985). *Eirakuya Toshirō, Publisher at Nagoya: A Contribution to the History of Publishing in 19th Century Japan*. Amsterdam: J.C. Gieben.

Genette, G. (1997). *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Trans. by J. Lewin. Cambridge: Cambridge University Press.

Goreglyad, V. N. (1988). *Rukopisnaya kniga v kul'ture Yaponii* [Handwritten Book in Japanese Culture]. In *Rukopisnaya kniga v kul'ture*

Vostoka [Handwritten Book in the Culture of the East], Vol. 2 (pp. 223–270). Moscow: Nauka. (In Russian).

Hon katachi to bunka: kotenseki, kindai bunken no mikata, tanoshimikata. (2024). [Books: Form and Culture – Ways of Looking at and Enjoying Old and Modern Books]. Tōkyō: Benseisha. (In Japanese).

Iikura, Y. (2009). Ranshōki ehon yomihon ni okeru kuge, chika kanjin no jobun [Prefaces by Aristocrats and Local Officials in the Early Period of Illustrated *Yomihon* Books]. *Edo Bungaku*, 40, 51–60. (In Japanese).

Inoue, M., et al. (Eds.). (1999). *Nihon kotenseki shoshigaku jiten* [Bibliological Dictionary of Old Japanese Books]. Tōkyō: Iwanami. (In Japanese).

Konta, Y. (1977). *Edo no hon'ya san. Kinsei bunka shi no sokumen* [Edo Publishing Houses in the Aspect of the History of Modern Time Culture]. Tōkyō: Nihon hōsō shuppan. (In Japanese).

Kornicki, P. (1998). *The Book in Japan. A Cultural History. From the Beginning to the Nineteenth Century*. Leiden, Boston, Köln: Brill.

Moretti, L., Satō, Y. (Eds.). (2024). *Graphic Narratives. From Early Modern Japan: The World of Kusazoshi*. Leiden, Boston: Brill.

Nakano, M. (1995). *Edo no hanpon: shoshigaku dangi* [Woodblock Printed Books of the Edo Period: A Bibliological Approach]. Tōkyō: Iwanami. (In Japanese).

Ozaki, M. (1833). *Hyakunin isshu hitoyogatari* [Evening Stories About *Hyakunin Isshu*]. Vols. 1–9. Ōsaka: Tsurugaya Kyūbee. (In Japanese).

Ozaki, M. (1893–1895). *Hyakunin isshu hitoyogatari: hyōchu* [Evening Stories About *Hyakunin Isshu* With Commentary]. Ed. by Takeda Tokimasa. Nagoya: Kyōdō shuppansha. (In Japanese). Retrieved from <https://dl.ndl.go.jp/pid/874043>; <https://dl.ndl.go.jp/pid/874044>; <https://dl.ndl.go.jp/pid/874045>

Ozaki, M. (1972). *Hyakunin isshu hitoyogatari* [Evening Stories About *Hyakunin Isshu*]. Vols. 1–2. Ed. by Furukawa Hisashi. Tōkyō: Iwanami. (In Japanese).

Ozaki, M. (1993). *Hyakunin isshu hitoyogatari: Ozaki Masayoshi jihitsu kōhon* [Evening Stories About *Hyakunin Isshu*: Author's Manuscript by Ozaki Masayoshi]. Kyōto: Rinsen. (In Japanese).

Petrova, O. P., Goreglyad, V. N. (1963). *Opisanie yaponskikh rukopisei, ksilografov i staropechatnykh knig* [Description of Japanese Manuscripts, Woodblock Prints and Early Printed Books]. Issue 1. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).

Steinberg, S. H. (2020) *Istoriya knigoizdaniya v Evrope. Pyat' vekov ot pervogo pechatnogo stanka do sovremennykh tekhnologii* [Five Hundred Years of Printing]. Trans. by T. Shulikova. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).

Sto stihotvorenii sta poetov. Starinnyi izbornik yaponskoi poezii VII–XIII vv. (1994). [*Hyakunin Isshu. An Ancient Collection of Japanese Poetry From the 7th to the 13th Centuries*]. Trans. by V. S. Sanovich. Saint Petersburg: Shar. (In Russian).

Takagi, G. (2021). *Edo yomihon no miru zōhon ishiki* [Understanding the Structure of a Book Through Yomihon Books]. Retrieved from <https://fumikura.net/paper/eiriY.html> (In Japanese).

Toropygina, M. V. (1998). *Descriptive Catalogue of Japanese Books in Saint Petersburg University. A Catalogue of the Arisugawa Collection*. Tokyo: Benseisha.

Zavadskaya, E. V. (1986). *Yaponskoe iskusstvo knigi (VII–XIX veka)* [Japanese Book Art (VIIth–XIXth Centuries)]. Moscow: Kniga. (In Russian).

Образ Голландии в произведениях Фукудзава Юкити

А. Б. Шарова

Аннотация

История японо-голландских отношений началась в 1600 г., когда корабль «De Liefde» достиг берегов Японии. В 1609 г. после аудиенции у сёгуна Токугава Иэясу голландцам удалось получить официальный документ, согласно которому корабли Голландской Ост-Индской компании отныне могли приплывать в Японию. В эпоху Эдо в период самоизоляции Голландия оставалась единственной западной страной, с которой Япония поддерживала торговые отношения. Голландские купцы проживали на искусственном острове Дэдзима в бухте Нагасаки. По началу торговля шла хорошо, однако уже в 1743 г. торговое представительство в Дэдзима впервые понесло убыток.

Постепенно мощь Великобритании, а затем и Соединенных Штатов возрастала, Голландия же, наоборот, ослабевала. Однако это поразительным образом совпало с увеличением влияния Голландии на японскую культуру, быт, язык. В эпоху Эдо эта страна стала для Японии своеобразным «окном в Европу». Существует мнение, что, если бы влияние Голландии в годы политики *сакоку* на Японию было меньшим, то начавшийся в период Мэйдзи процесс модернизации проходил бы значительно труднее.

Великому японскому просветителю эпохи Мэйдзи Фукудзава Юкити (1835–1901) удалось побывать в Голландии в рамках миссии Такэноути в 1862 г. Вероятно, что при написании глав о Голландии в географических сочинениях «Все страны мира» (1869 г.) и «Положении дел на Западе» (1866–1869 гг.), он опирался в том числе и на собственный опыт знакомства с этой страной. Фукудзава причислял Голландию к развитым и просвещенным странам. Однако, по его мнению, Японии следовало идти в ногу со временем и ориентироваться на более передовые страны, такие как США и Великобритания.

Ключевые слова: Фукудзава Юкити, Голландия, японо-голландские отношения, «Все страны мира», «Положение дел на Западе», эпоха Мэйдзи.

Автор

Шарова Анна Борисовна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: anchyk90@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1072-9041

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Image of Holland in the Works of Fukuzawa Yukichi

A. B. Sharova

Abstract

The history of Japanese-Dutch relations began in 1600, when a ship called *De Liefde* reached the shores of Japan. In 1609, after an audience with the founder of the Tokugawa dynasty, Shogun Tokugawa Ieyasu, the Dutch managed to obtain an official document according to which the ships of the Dutch East India Company could henceforth sail to Japan. In the Edo era, during the period of self-isolation, Holland remained the only Western country with which Japan maintained trade relations. Dutch merchants lived on the tiny artificial island of Dejima in Nagasaki Bay. At first, trade was going well, but, as early as in 1743, the trade mission in Dejima suffered its first loss.

The power of Great Britain and the United States grew, while Holland, on the contrary, lost its influence. However, the gradual deterioration in the field of trade coincided strikingly with the increase in the influence that Holland had on Japanese culture, life, and language. In the Edo period, Holland became a kind of a “window to Europe” for Japan. There is an opinion that, if Holland’s influence on Japan had been weaker during this period, the modernization process in Japan at the beginning of the Meiji era would have been much more difficult.

The great Japanese educator of the Meiji period Fukuzawa Yukichi (1835–1901) managed to visit Holland as part of the Takenouchi mission (1862). It is likely that, when writing the chapters about Holland in his geographical works “All the Countries of the World” (1869) and “The State of Affairs in the West” (1866–1869), he relied, among other things, on his own experience of getting to know this country. Fukuzawa classified Holland as a developed and enlightened country. However, in his opinion, Japan should keep up with the times and focus on more advanced countries, such as the United States and Great Britain.

Keywords: Fukuzawa Yukichi, Holland, Japanese-Dutch relations, “All the Countries of the World”, “The State of Affairs in the West”, Meiji Period.

Author

Sharova Anna B., Junior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Russia, 103031, Moscow, Rozhdestvenka St., 12.

E-mail: anchyk90@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1072-9041

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Являясь островной страной, Япония на протяжении долгого времени имела отношения лишь с соседними странами. И так исторически сложилось, что первые контакты с европейцами произошли в Японии лишь в середине XVI в. Страна была открыта для контактов с европейцами в течение почти ста лет, начиная с 1542 г. [Кин 1972, с. 5]. Первыми иностранцами, ступившими на японскую землю, были португальские купцы и монахи-иезуиты. Главной особенностью деятельности иезуитов являлась адаптация к местной культуре и подготовка будущих священнослужителей из коренного населения. Как результат – к началу XVII в. в христианскую религию было обращено порядка 250 тысяч японцев [Кужель 2019, с. 323]. Португальские купцы, в свою очередь, поставляли в Японию огнестрельное оружие: ввиду длительного периода междоусобных войн оно пользовалось большим спросом у японских князей-даймё. Помимо этого, португальцы везли в Японию китайский шелк и китайские ткани [Лещенко 2010, с. 224].

Испанцы начали торговать с Японией с 1584 г. Установление торговых отношений Японии с Голландией произошло в 1609 г., а с Англией – в 1613 г. В отличие от Португалии и Испании, Голландия и Англия были в большей степени заинтересованы в торговле, чем в распространении христианской религии [Кудояров 2013, с. 54].

В этот период наука и культура португальцев, а впоследствии и испанцев, оказала большое влияние на японскую культуру. Она получила название 南蛮文化, *намбан бунка*, «культура южных варваров». «Южные варвары» привнесли европейские достижения в такие сферы, как астрономия, медицина, кораблестроение, разведка месторождений серебра [Numata 1964, p. 236]. Интерес к Западу был настолько велик,

что некоторым японцам даже удалось совершить поездки в Европу. Так, под руководством Алессандро Валиньяно (1539–1606), в 1582–1590 гг. было организовано первое японское посольство в Европу: четверо юношей из знатных родов острова Кюсю в сопровождении монахов-иезуитов должны были получить аудиенцию у Папы Римского и посетить ряд европейских стран. Предполагалось, что по возвращении на родину молодые люди расскажут своим соотечественникам о благах, которые несет христианская цивилизация [Кужель 2019, с. 323–324].

По возвращении из поездки японцы были приняты во дворце военным правителем страны Тоётоми Хидэёси 豊臣秀吉 (1537–1598). По всей видимости, Хидэёси придавал большое значение этой поездке. Молодые люди исполнили для него песни на португальском и итальянском, а также сыграли на виоле да гамба, мандолине, лютне и флейте [Кужель 2019, с. 337]. Среди ценных «сувениров», привезенных японцами на родину из путешествия по Европе, стал печатный станок, с помощью которого была организована первая в Японии типография с подвижным металлическим шрифтом [Там же, с. 336]. Но хотя изначально Хидэёси был настроен положительно по отношению к христианской религии и деятельности миссионеров, однако после его походов на Кюсю в 1586–1597 гг. для борьбы с местными *даймё*, многие из которых к тому моменту приняли христианство, он изменил свое мнение. Хидэёси посчитал, что европейцы слишком сильно вмешиваются во внутреннюю политику Японии [Лещенко 2010, с. 225]. Власти боялись усиления позиций христиан и повторения в Японии сценария Филиппин [Кин 1972, с. 5]. В 1587 г. Хидэёси издал указ о необходимости изгнать миссионеров.

Тем не менее, уже во время правления сёгунов Токугава, в 1613 г., *даймё* Датэ Масамунэ 伊達政宗 (1567–1636) отправил своего вассала, самурая Хасэкура Цунэнага 支倉常長 (1571–1622) с дипломатической миссией в Европу¹. Следующую миссию в Европу японцы осуществят только спустя 200 с лишним лет, в 1862 г.

¹ По одной из версий, таким образом Датэ Масамунэ хотел заручиться поддержкой католической Европы в борьбе с кланом Токугава. В Европе Хасэкура Цунэнага даже был крещен под именем Филипп Франциск Хасэкура. Миссия растянулась на семь лет. Однако в это время в Японии было запрещено христианство, поэтому можно говорить о том, что своей цели – налаживания дипломатических, торговых, культурных связей с католической Европой – эта миссия вряд ли достигла. Подробнее см.: [Corradini 1990].

В 1614 г. был издан закон о запрете христианства в Японии и высылке священнослужителей [Кужель 2019, с. 338–339]. Однако сопротивление продолжалось. Ключевой точкой стало восстание в княжестве Симабара на Кюсю. В восстании приняло участие большое количество крестьян, многие из которых были христианами, и *ронины*. Восстание началось 17 декабря 1637 г. Спустя некоторое время повстанцы укрылись в замке Хара в провинции Хидзэн. На подавление восстания было брошено более 125 тысяч человек. Кроме того, *сёгунату* оказали помощь голландцы. Они атаковали со своего корабля замок, в котором укрылись повстанцы [Matsui 2018, p. 142]. Вероятно, в память об оказанной услуге сёгунат разрешил голландцам остаться в Японии и продолжить торговлю, хотя они тоже являлись христианами (протестантами).

Финальной точкой борьбы с христианством стало закрытие Японии от внешнего мира и переход в состояние 鎖国, *сакоку*, «страны на замке». Единственной европейской страной, с которой до середины XIX в. Япония продолжала поддерживать торговые отношения, была Голландия, ставшая для Японии на этот период в каком-то смысле «окном в Европу». Таким образом, голландцам удалось вытеснить из Японии португальцев, своих торговых врагов [Boxer 1951, p. 383]. Англичане же вскоре ушли сами, решив, что торговля с Японией не приносит им должной выгоды [Кин 1972, с. 6].

История японо-голландских отношений

Обращаясь к истории японо-голландских отношений, необходимо сказать, что они начались в 1600 г., когда корабль под названием “De Liefde” («Щедрость»), единственный из пяти кораблей, вышедших из Роттердама, достиг берегов Японии. Голландцев привлекала возможность перепродавать азиатские товары в Лиссабон. В связи с этим было основано множество торговых компаний, в том числе Роттердамская компания, которой и принадлежали “De Liefde” и потерпевшие крушение другие четыре корабля. Кроме того, в 1602 г. была создана Голландская Ост-Индская компания. До 1799 г. все официально прибывшие в Японию голландские корабли были подготовлены именно компаниями [Matsui 2018, p. 139–140].

В Японии в это время шел процесс объединения. Страна была заинтересована в появлении новых торговых партнеров помимо

Португалии, поэтому власти позволили голландским и британским кораблям бросить якорь у берегов Японии [Ibid., p. 139]. В 1609 г. два голландских корабля прибыли в порт Хирадо на Кюсю, после чего представители этой страны были удостоены аудиенции у основателя династии Токугава Токугава Иэясу 徳川家康 (1543–1616). В результате этой встречи голландцам удалось получить официальный документ, согласно которому корабли Голландской Ост-Индской компании отныне могли приплывать в Японию. Кроме того, шести сотрудникам компании было дозволено остаться в Хирадо для открытия торгового представительства [Ibid., p. 140].

В 1619 г. голландцы основали свое торговое представительство в Батавии, ныне Джакарте, а в 1642 г. – на Формозе (Тайване). Это открыло возможность для обмена главным образом китайского текстиля и шелка-сырца, а также оленьей и шагреновой кожи, специй, лаковых изделий из Юго-восточной Азии на японское серебро, а позднее и золото [Ibid., p. 144]. С середины XVIII в. главным экспортным товаром Японии стала медь [Ibid., p. 146]. Другими словами, голландцев в Японии интересовала прежде всего не готовая продукция, а природные ископаемые. Япония играла большую роль для Голландии в плане внешней торговли: в XVII в. более половины своей прибыли Голландская Ост-Индская компания получала за счет торговли с Японией [Doolan 2000, p. 37].

В 1641 г., стараясь одновременно прервать контакты голландцев с местными жителями и поставить деятельность иностранцев под контроль, сёгунат принял решение переместить всех подданных этой страны на крохотный искусственный остров Дэдзима в бухте Нагасаки, который изначально строился для португальцев. Кроме того, голландцы должны были каждый год (позднее – раз в четыре года) являться ко двору сёгуна, преподносить ему подарки и рассказывать обо всем, что происходило за пределами Японии [Matsui 2018, p. 143]. Подобные доклады назывались 風説書, *фусэцугаки*, зачастую они не совсем соответствовали действительности и были призваны обелить Голландию и/или придать ей больший вес по сравнению с другими странами. Порой информация оказывалась уже запоздавшей. Так, о революционных событиях в США (1775–1783) и во Франции (1789–1799), а также о наполеоновском вторжении в Голландию японцам было сообщено с некоторой задержкой, с целью скрыть фактическое положение голландцев на Дэдзима: дела находились не на пике

расцвета, и власти Дэдзима были вынуждены фрахтовать американские корабли [Jansen 1984, p. 542].

В связи с ухудшением общественно-политической ситуации в Голландии, постепенно приходила в упадок и Голландская Ост-Индская компания. Так, в 1743 г. торговое представительство в Дэдзима впервые осталось в убытке [Doolan 2000, p. 38].

Как это ни парадоксально, явное ухудшение в области торговли поразительным образом совпало с увеличением влияния, которое Голландия оказывала на японскую культуру, быт, язык. Например, целый ряд слов, привычный сейчас японскому уху, пришел в японский язык именно из голландского: пиво (ビール), стекло (ガラス), линза (レンズ) [Ibid., p. 39].

Изучение голландского языка началось в г. Нагасаки во второй половине XVII в., и к 1670 гг. появились первые профессиональные переводчики. До этого японцы общались с голландцами на португальском, который был «лингва франка» на Востоке [Кин 1972, с. 14]. Тем не менее, стоит отметить почти полную бессистемность в изучении японцами голландского языка: не хватало учебников, словарей, учителей. Голландцы часто давали японцам весьма нелицеприятные характеристики: «Из-за лени или из-за тупости знает лишь минимальное количество голландских слов, хотя изучал язык несколько лет...» [Кин 1972, с. 14].

Неприязнь, скорее всего, была взаимной. Японцы называли голландцев 紅毛, *комо*, «красноволосыми». В эпоху Токугава волосы считались одним из маркеров для определения понятий «свой–чужой», мужская и женская прически были четко регламентированы, и любое несоответствие общепринятой норме сразу выводило человека за рамки «своих» [Atkins 2017, pp. 56–57]. Кроме того, данное определение призвано было подчеркнуть демоническую сущность голландцев [Кин 1972, с. 20]. Ходили слухи, что у голландцев нет ступней, отчего они носят обувь на каблуке, что они поднимают ногу, как собаки, когда справляют нужду; рассказывали и про их сексуальную ненасытность [Doolan 2000, p. 39].

Однако японцев отталкивала не только внешность голландцев. Уже тот факт, что они были несведущи в китайской науке, давал право некоторым японцам причислять голландцев к разряду животных. Тем не менее, подчас японцам приходилось признать, что «даже животные иногда бывают удивительно искусны» [Кин 1972, с. 20].

Так, художник Сиба Кокан 司馬交換 (1747–1810) на вопрос, почему голландцы, которых причисляют к животным, в некоторых областях научного знания превосходят японцев, сухо отвечал: «Вероятно, люди не так умны, как животные» [Doolan 2000, p. 39].

Несмотря на непрезентабельную, по мнению японцев, внешность голландцев, в эпоху Токугава именно они стали проводниками европейских знаний в Японию. И, как замечает Дональд Кин (1922–2019), «...если бы информация о Западе шла по другим каналам, через более отсталые государства, такие как Испания или Португалия, японцам вряд ли бы удалось много узнать о достижениях современной науки» [Кин 1972, с. 13]. Постепенное накопление европейских знаний в период Эдо привело к формированию так называемой «голландской науки» 蘭学, *рангаку*.

Знакомство с западной наукой позволило части японцев, в первую очередь интеллектуалам, еще дальше отойти от классического знания, где Китай был центром этой картины мира, и посмотреть шире китайских постулатов [Jansen 1984, pp. 549–550]. По мнению Л. Д. Гришелевой, имели место три этапа проникновения западной науки в Японию в эпоху Токугава. Первый этап пришелся на XVII – первую треть XVIII в. Однако в этот период, ввиду жестких запретов на европейские книги религиозного и научного содержания, в том числе в переводе на китайский язык, вкупе с недостатком переводчиков, получение западных знаний представлялось крайне сложным и ограниченным.

Во время правления восьмого сёгуна династии Токугава, Ёсимунэ 徳川吉宗 (в 1716–1745 гг.), запрет на ввоз западных книг на языке оригинала и в переводе на китайский был смягчен. Вероятно, это стало отправной точкой для второго этапа проникновения европейских знаний в Японию в середине XVIII – начале XIX вв. В 1740 г. сёгунат поручил двум японским исследователям, Норо Годзё и Аоки Конъё, заняться изучением голландского языка. В результате Норо составил «Японское описание голландской ботаники», а Аоки – «Краткое описание голландской письменности» [Гришелева 1986, с. 126.]. Таким образом, в этот период западная наука стала частью интеллектуальной культуры эпохи Эдо. И, как результат, именно в конце XVIII в. западная наука стала называться не 蛮学, *бангаку*, «варварской наукой», а *рангаку*, что может свидетельствовать об уважительном отношении к этой области знания [Кин 1972, с. 28].

В большей степени японцев интересовало изучение прикладных наук: медицины, астрономии, географии. Среди членов голландской миссии на Дэдзима всегда был один или два врача, от которых японцы могли наиболее полно узнать о достижениях западной техники и медицины. Первыми реципиентами западных знаний становились переводчики [Numata 1964, p. 237]. Не последнюю роль сыграли и прямые контакты с выдающимися учеными, врачами голландской фактории – Энгельбертом Кемпфером (1651–1716), Карлом Петром Тунбергом (1743–1828) и Филиппом Францем фон Зибольдом (1796–1866).

Кроме этого, японцев очень привлекала европейская масляная живопись с ее игрой светотени и понятием перспективы. Среди успешных художников – «первооткрывателей» западного искусства в эпоху Токугава можно назвать изобретателя, фармацевта и писателя, автора повести «Похождение весельчака Сидокэна» Хирага Гэннай и художника и гравёра Сиба Кокан. Сиба писал: «В европейском искусстве разделение солнечного света на свет и тень демонстрируют неравномерность, даль и близость, глубину и плоскость. Картина, как я уже говорил, не может быть хорошей до тех пор, пока она не ставит своей целью реалистичность изображаемого» [Tamon 1964, pp. 392–393].

К третьему этапу проникновения западных знаний в Японию можно отнести последние три десятилетия перед открытием страны. По мнению Л. Д. Гришелевой, в это время западная наука вышла за пределы чисто прикладного знания и стала оказывать значительное влияние на общественно-политическую мысль и медицину. Так, государственный деятель Мацудайра Саданобу 松平定信 (1759–1829) еще в конце XVIII в. отмечал, что западные книги могут быть полезны, но также способны нанести большой вред, если попадут не в те руки: «Варвары преуспели в науках, их труды по истории и географии могут принести немалую пользу, также как их военное снаряжение и медицина – способы лечения внутренних болезней и хирургия. Тем не менее их книги способны возбуждать праздное любопытство, или же содержать вредоносные идеи. Исходя из этого может показаться разумным вообще запретить голландские книги, однако простым запретом не удастся помешать читать эти книги. Кроме того, некоторые книги могут принести пользу. Поэтому нельзя допустить, чтобы голландские книги и прочие иностранные вещи попадали в большом

количестве в руки людей безответственных; желательно, чтобы эти книги хранились в правительственных библиотеках» (цит. по: [Кин 1972, с. 81]).

С конца XVIII – начала XIX вв. рамки понятия *рангаку*, базирующегося в первую очередь на переводческой деятельности, значительно расширились до возникновения так называемой «науки о Западе» 洋学, *ёгаку* [Jansen 1984, p. 545]. Помимо западной медицины, японцы проявляли интерес к ботанике, астрономии, достижениям европейской техники, западным общественно-политическим идеям [Лещенко 2010, с. 225]. При этом отмечался не только интерес к западной науке как к источнику просвещения, но и как к способу понять Запад, чтобы оценить опасность, которую он в себе несет [Jansen 1984, p. 547–548]. Ближе к концу эпохи Токугава «наука о Западе» становится частью 実学, *дзигугаку*, «практической науки» [Ibid., p. 550]. В первую очередь сюда относились такие области знания, как медицина и военное дело, в частности, его оборонный аспект. А ближе к 1850-м гг. изучение западной медицины и вовсе стало составной частью курса обучения будущих врачей в Японии [Ibid., p. 551].

Первая в Японии школа голландского языка появилась в 1789 г. и получила название «Сирандо» (芝蘭堂). В период с 1789 по 1826 гг. в ней обучалось 94 ученика [Кин 1972, с. 33]. По большей части ученики школы интересовались достижениями западной медицины, поэтому голландский язык носил скорее прикладной характер. Впоследствии такие школы получили распространение по всей стране. Так что к концу эпохи Токугава изучение голландского языка и западных наук прочно вошло в обиход японцев. Более того, в те годы помимо голландского языка на Дэдзима можно было познакомиться с основами французского, русского и английского языков. По мнению японцев того периода, эти три языка, использующие горизонтальное письмо слева направо, казались родственными [Jansen 2009, p. 266].

Среди учеников одной из таких школ, руководимой специалистом по западным наукам Огата Коан, оказался будущий просветитель, писатель и переводчик, первый президент Токийской Академии наук Фукудзава Юкити, чьи обширные знания о других странах мира и особенностях западной цивилизации оказали большое влияние на становление новой Японии в эпоху Мэйдзи. Кстати говоря, его первым иностранным языком также стал голландский, и уже

впоследствии на его основе он с относительной легкостью смог овладеть английским языком, что позволило ему быть в курсе всех происходивших в мире основных событий. Фукудзава писал: «Япония заключила международные договоры, и теперь будет востребован английский. Если интересуешься Западом, без английского не обойтись. Поэтому у меня не оставалось выбора: надо учить английский» [Мещеряков 2025, с. 179].

В XIX в. ситуация на международной арене начала стремительно меняться. В результате Опиумной войны (1839–1842) Великобритания заставила Китай открыть пять портов для международной торговли и уступить ей Гонконг. Участь оказаться «следующей» отчетливо нависла над Японией. Однако оба официальных предупреждения об опасности и необходимости открыть порты, предоставленные голландцами², не иначе как ввиду долгих дружеских взаимоотношений с Японией, не были восприняты японцами всерьез.

В 1853 г. эскадра коммодора Перри заставила Японию открыть свои порты. Первые контакты между американцами и японцами осуществлялись посредством голландских переводчиков, однако быстро стало понятно, что необходимо осваивать другие языки для более успешной коммуникации.

Первое консульство Нидерландов было открыто в Йокогама в 1859 г., за ним последовало создание дипломатических миссий в Токио и Кобэ. Голландцы поставили японцам первый пароход, обучали их кораблестроению и ремонту судов, голландские специалисты помогали японцам в разработке ирригационных каналов. Японцы, в частности, будущие государственные деятели периода Мэйдзи – Ниси Аманэ, Цуда Мамити, Утида Масао – отправлялись на обучение в Голландию, славящуюся морским делом. Фукудзава Юкити тоже довелось там побывать.

Тем не менее, роль Голландии как мощной страны, крупной торговой империи, единственного посредника между Японией и Западом неуклонно снижалась. Японский дипломат и ученый-«западник» Мацуки Коан (1832–1893), посетив Голландию в 1862 г., писал: «Я должен честно сказать, что даже поразительно, насколько страна маленькая и незначительная». И добавлял: «Во всем, если сравнивать

² См. официальный сайт Королевства Нидерландов: <https://www.netherlandsandyou.nl/your-country-and-the-netherlands/japan/and-the-netherlands/dutch-japanese-relations>.

Голландию с Англией, Францией и Германией, она лишь одна сотая от того, чем являются эти страны» [Jansen 1984, p. 553].

В свою очередь Фукудзава, владея голландским языком, столкнулся в Йокогаме в 1859 г. с тем, что не понимал, о чем говорят иностранцы и не мог прочесть ни одной вывески. Это привело его к осознанию того, что голландский язык отнюдь не является первостепенным и что необходимо срочно осваивать английский. Другими словами, по мнению Фукудзавы, будущее в целом было отнюдь не за Голландией.

Образ Голландии в произведениях Фукудзавы Юкити

О структуре работ Фукудзавы Юкити «Все страны мира» и «Положение дел на Западе» мы ранее писали в статьях, посвященных образам России и США в его сочинениях [Шарова 2023; Шарова 2024].

Описание Голландии помещено в третьем томе «Всех стран мира» (世界國盡, «Сэкай куни дзукуси») наряду с описаниями других европейских стран, и занимает, с учетом иллюстраций и скорописного текста внизу страницы, немногим более двух страниц. Фукудзава сообщает о численности населения Голландии – три миллиона шестьсот тысяч человек – а также пишет, что страна разделена на множество маленьких клочков земли [Fukuzawa 1869, p. 25]. Другими словами, делается намек на значительную изрезанность рельефа, но, возможно, также на наличие частных владений, и косвенно на рациональность в использовании имеющейся земли под сельскохозяйственные нужды. При этом Фукудзава отмечает полное отсутствие гор и наличие рек в низменных долинах, умелое использование голландцами большого количества воды, которая могла бы доставлять неудобство, искусность в строительстве насыпей и организации водоемов [Ibid., p. 25–26]. Голландцы очень усердны в полевых работах, и, хотя продукции с земли собирается немного, однако ее поставляют во все страны, она служит средством торгового обмена, и это, видимо, способствует тому, что одежда голландцев богата, а пища – изобильна [Ibid., p. 26].

Фукудзава подчеркивает высокую культуру голландцев, указывая, что «все жители прилежны в искусствах и науках» [Ibid.]. К слову, другой известный японский ученый-«западник» и писатель Утида Масао в своей географической энциклопедии «Краткое описание

земли под небесным сводом» также высоко оценивает образованность жителей Голландии, рассказывая о наличии школ, университетов, библиотек, картинных галерей, и даже акцентируя внимание на нескольких живописных полотнах местных художников. Кроме того, по мнению Фукудзава, сильной стороной Голландии является флот [Ibid.]. Это также отмечал и Утида, проживший в Голландии несколько лет и обучавшийся там кораблестроению.

Фукудзава сообщает, что столицей страны является Гаага, и восхищается красотой центра города. Видимо, подобное было характерно не для всех крупных европейских городов середины XIX в., раз автор отдельно обратил внимание читателей на этот факт. Можно привести в пример воспоминания членов миссии Такэноути (1862–1863) – японского посольства в Европу, основной целью которого было основательное знакомство с устройством Франции и Великобритании, посещение Мальты, Голландии, Пруссии, Португалии, а также столицы Российской империи Санкт-Петербурга [Ковальчук 2010, с. 297]. Один из членов миссии, Сибата Такэнака, в письме на родину заявлял, что Лондон «оказался достаточно грязным и задымленным городом», а его соотечественник и переводчик миссии признавался, что «не ожидал увидеть на улице европейской столицы столько пьяных и попрошайек» [Ковальчук 2010, с. 298].

Миссии Такэноути в Голландии был оказан самый теплый прием: гостей встречали японскими флагами и приветствиями на японском языке, а после члены миссии получили аудиенцию у короля. На протяжении всей эпохи Токугава Голландия прочно ассоциировалась у японцев с Западом. Вероятно поэтому, как отмечает А. Н. Мещеряков, «в своих речах Такэноути (глава миссии. – А. Ш.) подчеркивал, что он будто бы вернулся на свою вторую родину» [Мещеряков 2009, с. 114]. Фукудзава тоже был среди членов миссии – и это был его второй приезд на Запад [Там же, с. 112]. Поэтому описание Голландии он скорее всего составлял, опираясь не только на справочную литературу, но и на собственное восприятие этой страны.

Помимо Гааги Фукудзава также упоминает портовый город Амстердам, который является «главным процветающим местом обмена и торговли». После текста читателю также предлагается иллюстрация, на которой изображен королевский дворец и подписано «Вид на Амстердам» [Fukuzawa 1869, p. 25].

Вслед за Голландией Фукудзава в своей работе переходит к краткому описанию Бельгии. Он сообщает, что раньше эта страна являлась частью Голландии, поэтому нравы там мало отличаются от голландских. Фукудзава пишет также, что Бельгия географически раздроблена еще больше, чем Голландия, но «по сравнению с Голландией, земля у нее лучше, поэтому народ все силы вкладывает в сельское хозяйство, и нет ни клочка простаивающей земли» [Ibid., p. 26]. Японский просветитель особо отмечает, что бельгийцам вообще свойственно без усталости трудиться, и это является залогом богатства и силы страны [Ibid., p. 27]. Автор говорит, что на территории страны есть залежи железа и каменного угля – о наличии природных ископаемых в Голландии не сообщается. И в целом, по мнению Фукудзава, Бельгия страна хоть и маленькая, но напоминает Англию [Ibid., p. 26].

В сборнике «Положение дел на Западе» (西洋事情, «Сэйё дзи-дзё») описание Голландии помещено во второй том, сразу после США и перед Великобританией, о которой идет речь в третьем томе. Однако объемы текстов явно непропорциональные: США занимает сорок три разворота, тогда как Голландии – всего девять. Поскольку в первом томе даются общие сведения по общественно-политическому устройству стран Запада, а описание стран начинается со второго тома, получается, что Голландии отводится весьма почетное второе место и первое место среди стран Европы. Вероятно, это потому, что Голландия была знакома и исторически близка Японии. По характерной для этого сочинения Фукудзава схеме описание Голландии разбито на следующие пункты: история, политика, военно-морские силы, товарно-денежные отношения.

Фукудзава указывает, что с 1500-х по 1700-е гг. в Голландии процветала торговля [Fukuzawa 1866, p. 46], что по времени частично совпадает с успешной деятельностью Голландской Ост-Индской компании в целом и в Японии в частности. Все это оказалось возможным благодаря неукоснительному соблюдению голландцами законов – как на своей территории, та и в заморских владениях [Ibid., p. 47]. По словам Фукудзава, военно-морская мощь Голландии по-прежнему продолжает восхищать: хоть и весьма кратко, по сравнению, например, с Англией и Францией, он упоминает значительное количество судов, в том числе оснащенных пушками, а также численность морских и сухопутных войск [Ibid., p. 50].

Любопытно, что, подробно расписывая годовой доход Голландии, а также расходы на армию, флот и т. д., Фукудзава указывает суммы в долларах, тогда как в случае Англии это фунт, Франции – франк, России – рубль. Возможно, такое решение было принято автором для облегчения подсчетов читателями – ведь описание Голландии располагалось сразу после США и предполагало сравнение.

Фукудзава характеризует Голландию как страну, в которой отчетливо проявляется верховенство закона. Он указывает на наличие там конституционной монархии, когда есть не только правитель, но и ограничивающий его власть выборный орган. Фукудзава подчеркивает, что правитель не является неподсудным: «Если монарх виновен, то его можно наказать, как и всех» [Ibid., p. 47]. Показательно, что при описании России Фукудзава, напротив, подчеркивает, что власть правителя носит здесь неограниченный характер, а значит, страну нельзя в полной мере причислить к государствам западной модели.

В последующих своих трудах Фукудзава будет развивать эту тему, в итоге придя к мысли о том, что власть правителя не должна быть неограниченной. В качестве примера грамотной реализации этого тезиса он приводил Великобританию, где в рамках одной управленческой системы существуют как монарх, так и парламент. Для Японии второй половины XIX в. эта идея могла показаться новаторской и даже радикальной, и на практике она была реализована только после окончания Второй мировой войны.

По мнению Фукудзава, Голландия – высококультурная страна с хорошо образованным населением, ведь она изначально была в центре европейского просвещения [Ibid., p. 49]. Фукудзава пишет, что на 1851 г. в Голландии насчитывалось три тысячи двести девяносто пять младших школ, которые посещало 361 015 детей. По словам Фукудзава, население страны составляло 3 767 661 человек, из которых детей от пяти до пятнадцати лет – примерно семьсот тысяч. Другими словами, больше половины детей по всей стране ходят в школы [Ibid., p. 49]. Кроме того, в трех самых процветающих университетах Голландии – в Лейдене, Утрехте и Гронингене – суммарно обучаются 1019 человек [Ibid., p. 50].

Заключение

В эпоху Токугава единственной европейской страной, с которой Япония продолжала поддерживать торговые отношения, была Голландия. В этот период Голландия стала для Японии своего рода идеальным мостиком на Запад, важным источником получения информации о внешнем мире, страной «слишком маленькой, чтобы быть угрожающей, и достаточно центральной, чтобы служить каналом для европейских знаний, большинство из которых быстро переводились на голландский» [Jansen 1984, p. 542]. Значение голландско-японских взаимоотношений трудно переоценить: быстрая перестройка Японии в конце эпохи Эдо – начале эпохи Мэйдзи оказалась возможной во многом благодаря почве, подготовленной голландским влиянием.

После реставрации Мэйдзи Япония встала на капиталистический путь развития и взяла курс на промышленный прогресс. С этого момента прежние показатели в области образования, культуры, искусства оказались недостаточны и уступили место другим ориентирам. Это изменило положение Голландии в общем рейтинге государств, выдвинув на первый план Великобританию, США, Францию, Германию. И тем не менее, в цивилизационном отношении Голландия являлась для Японии отправной точкой в приобщении к западной цивилизации и вестернизации страны.

Библиографический список

Гришелева Л. Д. (1986). *Формирование японской национальной культуры*. – Москва: Наука.

Кин Д. (1972). *Японцы открывают Европу. 1720–1830*. – Москва: Наука.

Ковальчук М. К. (2010). Знакомство с Европой. Миссия Такэноути в Великобританию. *Ежегодник Японии*. Т. 39. С. 293–308.

Кудояров Н. В. (2013). Японо-голландские отношения в эпоху Эдо (1603–1868). *Вестник СПбГУ*. Серия 13. Вып. 3. С. 54–61.

Кужель Ю. Л. (2019). Связи Японии с европейским католическим миром (к. XVI – н. XVII вв.). *Ежегодник Японии*. Т. 48. С. 321–343.

Лещенко Н. Ф. (2010). *Япония в эпоху Токугава*. – Москва: Крафт+.

Мещеряков А. Н. (2009). *Император Мэйдзи и его Япония*. – Москва: Наталис.

Мещеряков А. Н. (2025). *Жизнь и автобиография Фукудзава Юкити: путь из страны самураев в страну японцев*. – Москва: Лингвистика.

Шарова А. Б. (2023). Образ России в произведениях Фукудзава Юкити и его современников. *Ежегодник Япония*. № 52. С. 212–228.

Шарова А. Б. (2024). Образ США в произведениях Фукудзава Юкити. *Ежегодник Япония*. № 53. С. 265–281.

References

Atkins, E. T. (2017). *A History of Popular Culture in Japan. From the Seventeenth Century to the Present*. London: Bloomsbury Academic.

Boxer, C. R. (1951). *The Christian Century in Japan, 1549–1650*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press.

Corradini, P. (1990). Some Problems Concerning Hasekura Tsunenaga's Embassy to the Pope. In *Rethinking Japan: Social sciences, Ideology & Thought*, ed. by Adriana Boscaro, Franco Gatti, Massimo Raveri (pp. 21–25). UK: Psychology Press.

Doolan, P. (2000). The Dutch in Japan. *History Today*, 36–42.

Fukuzawa, Y. (1866). *Seiyō Jijyō* [Things Western], Vol. 2. Tokyo: Shōkodō. (In Japanese).

Fukuzawa, Y. (1869). *Sekai kuni dzukushi* [All the Countries of the World, for Children Written in Verse], Vol. 3. Tokyo: Keio gijuku jōhan. (In Japanese).

Grishelyova, L. D. (1986). *Formirovanie japonskoi natsuinai'noi kul'tury* [Formation of the Japanese National Culture]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Jansen, M. B. (1984). Rangaku and Westernization. *Modern Asian Studies*, 18 (4), 541–553.

Jansen, M. B. (2009). *The Making of Modern Japan*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Keane, D. (1972). *Yapontsy otkryvayut Evropu. 1720–1830* [The Japanese Discover Europe. 1720–1830]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Kovalchuk, M. K. (2010). *Znakomstvo s Evropoi. Missiya Takenouchi* [Acquaintance with Europe. Takenouchi Mission to Great Britain]. *Yearbook Japan*, 293–308. (In Russian).

Kudoyarov, N. V. (2013). Yaponogollandskie otnosheniya v period Edo (1603–1868) [Japanese-Dutch Relations in the Edo Period (1603–1868)]. *Vestnik SPbGU*, Series 13, 3, 54–61. (In Russian).

Kuzhel, Yu. L. (2019). Svyazi Yaponii s evropeiskim katolicheskim mirom (konets XVI – nachalo XVII v.) [Japan's Relations with the European Catholic World (late 16th – early 17th century)]. *Yearbook Japan*, 48, 321–343. (In Russian).

Leshenko, N. F. (2010). *Yaponiya v period Tokugawa* [Japan in the Tokugawa Period]. Moscow: Craft+. (In Russian).

Matsui, Y. (2018). Japanese-Dutch Relations in the Tokugawa Period. *Transactions of the Japan Academy*, 72, 139–154.

Meshcheryakov, A. N. (2009). *Imperator Meidzi i ego Yaponiya* [Emperor Meiji and His Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. (2025). Zhizn' i avtobiografiya Fukudzava Yukiti: put' iz strany samurayev v stranu yapontsev [The Life and Autobiography of Fukuzawa Yukichi: The Path From the Land of the Samurai to the Land of the Japanese]. Moskva: Lingvistika. (In Russian).

Numata, J. (1964). The Acceptance of Western Culture in Japan. General Observations. *Monumenta Nipponica*, 19 (3/4), 235–242.

Sharova, A. B. (2023). Obraz Rossii v proizvedeniyakh Fukudzava Yukiti i yego sovremennikov [The Image of Russia in the Works of Fukuzawa Yukichi and His Contemporaries]. *Yearbook Japan*, 52, 212–228. (In Russian).

Sharova, A. B. (2024). Obraz SShA v proizvedeniyakh Fukudzava Yukiti [The Image of the USA in the Works of Fukuzawa Yukichi]. *Yearbook Japan*, 53, 265–281. (In Russian).

Tamon, M. (1964). The Influence of Western Culture on Japanese Art. *Monumenta Nipponica*, 19, 3/4, 380–401.

Семантический метод изучения Корана Идзуцу Тосихико: критика и наследие

Л. Ш. Кулиева

Аннотация

Идзуцу Тосихико (1914–1993) – выдающийся японский ученый-исламовед, чье научное наследие охватывает коранистику, философию, теологию, суфизм, историю и культурологию. В статье прослеживается его путь от изучения арабского языка до становления исламоведом мирового уровня. Основное внимание уделяется «ядру» его научной деятельности – методологическому вкладу в изучение семантики Корана. Центральным объектом исследования является разработанный Идзуцу оригинальный семантический метод, основанный на трудах западных лингвистов (В. фон Гумбольдт, Б. Л. Уорф, Й. Л. Вайсгербер, Э. Сепир). Идзуцу предложил новые перспективы анализа Корана через изучение и погружение в его «языковую картину мира» (*Weltanschauung*).

В работе детально рассматривается метод Идзуцу, изложенный в его основополагающих трудах “*God and Man in the Koran*” (1964 г.) и “*Ethico-Religious Concepts in the Qur’an*” (1966 г., переиздание 2002) и включающий: анализ динамических «семантических полей» коранической лексики (таких как *куфр*, *ислам*, *иман*) в доисламском контексте и их эволюции в ходе Откровения; исследование исторической трансформации значений ключевых этико-религиозных терминов; изучение связи между языковыми структурами и формированием уникального религиозного мировоззрения Корана.

Также представлена критика методологии Идзуцу: позитивная – от Абд ар-Рахмана Хилали и Самира Рашвани (Университет Алеппо); негативная – от Сейеда Хамидреза Миразими (Тегеранский университет), Афрасиаба Салехи и Мохалада Наджи Камиля (Университет Ти-Кар, Ирак). В конце приводятся примеры современного применения метода Идзуцу на примере анализа терминов *истива* и *саффа*.

Ключевые слова: японское исламоведение, Идзутсу Тосихико, семантика Корана, семантические поля, сравнительное религиоведение, история исламской мысли.

Автор

Кулиева Лейла Шахин кызы, лаборант-исследователь, сотрудник Центра японских исследований ИВ РАН: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: krono1903@mail.ru

ORCID: 0009-0009-5523-1280

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Izutsu Toshihiko's Semantic Method of Qur'anic Studies: Criticism and Legacy

L. S. Kulieva

Abstract

Toshihiko Izutsu (1914–1993) was an eminent Japanese scholar of Islamic studies whose academic legacy in the field encompasses Qur'anic studies, philosophy, theology, Sufism, history, and cultural studies. The article traces his intellectual trajectory from studying Arabic to his emergence as a world-class Islamicist. Its primary focus is the core of his scholarly contribution – his methodological innovations in Qur'anic semantics. Central to this examination is the original semantic method developed by Izutsu, grounded in the works of Western linguists (W. von Humboldt, B. L. Whorf, J. L. Weisgerber, E. Sapir). Professor Izutsu proposed novel perspectives for analyzing the Qur'an through the study and immersion into its “linguistic worldview” (Weltanschauung). The work provides a detailed analysis of Izutsu's method as expounded in his seminal works *God and Man in the Koran* (1964) and *Ethico-Religious Concepts in the Qur'an* (1966, new edition 2002), encompassing the analysis of dynamic “semantic fields” within Qur'anic vocabulary (e.g., *kufīr*, *islām*, *īmān*) in their pre-Islamic context and their evolution during the Revelation; the investigation of the historical transformation of key ethico-religious terms' meanings; and the study of the intrinsic connection between linguistic structures and the formation of the unique religious worldview of Qur'an. Criticism of Izutsu's methodology is also presented, including positive critique from Abd al-Rahman Hilali and Samir Rashwani (University of Aleppo),

alongside negative critique from Seyyed Hamidreza Mirazimi (School of Islam and Islamic Thought, University of Tehran), Afrasiyab Salehi, and Mohalad Naji Kamil (University of Thi-Qar, Iraq). The study concludes with examples of the contemporary application of Izutsu's method to the analysis of the Qur'anic terms *istiwā* and *saff*.

Keywords: Japanese Islamic studies, Izutsu Toshihiko, Qur'anic semantics, semantic fields, comparative religion, history of Islamic thought.

Author

Kulieva Leyla Shahin kzy, Research Assistant, Associate, Institute of Oriental Studies of RAS: 12 Rozhdestvenka St., Moscow, Russian Federation, 107031.

E-mail: krono1903@mail.ru

ORCID: 0009-0009-5523-1280

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Идзуцу Тосихико считается одним из наиболее влиятельных мыслителей в истории исламоведения XX в., новатором в области методологии. Несмотря на происхождение из буддистской семьи, он выбрал путь изучения арабского языка и постижения Корана. Обучившись языку сначала у имама А. Г. Ибрагимова, а потом и у его последователя М. Я. Бигеева, Идзуцу первым в Японии переводит Коран с арабского языка на японский. Его перевод по сей день считается эталонным. Параллельно исламским исследованиям Идзуцу увлекался теорией поэзии, особенно работами Нисиваки Дзюндзабуро – профессора литературного факультета Университета Кэйо. В 1954 г. Идзуцу получил звание профессора литературного факультета и начал преподавать курс «Введение в лингвистику», который ранее вел Нисиваки. В 1960 г. Идзуцу посетил Институт исламских исследований Макгилла, где в дальнейшем получил должность. Идзуцу участвует в конференциях «Эранос», а в 1970-х гг. переезжает в Иран, где занимает должность профессора в Шахском институте изучения философии.

Главная научная инновация Идзуцу заключается в переносе на почву коранических исследований теорий, разработанных ведущими

западными лингвистами и философами языка, такими как Вильгельм фон Гумбольдт, Бенджамин Ли Уорф, Йохан Лео Вайсгербер и Эдвард Сепир. Этот синтез позволил Идзуцу разработать оригинальный семантический метод анализа Корана. Суть этого метода изложена в его трудах *“God and Man in the Koran”* (1964 г.) и *“Ethico-Religious Concepts in the Qur'an”* (1966 г., переиздание 2002), она состоит в концептуализации Корана как целостной и динамичной «языковой картины мира» (*Weltanschauung*). В отличие от традиционных подходов, Идзуцу предложил рассматривать священный текст как систему взаимосвязанных «семантических полей», где значение ключевых этико-религиозных понятий формируется, уточняется и трансформируется на протяжении всего Откровения. Его подход включает тщательную реконструкцию доисламского семантического контекста терминов, далее прослеживается эволюция их значений в процессе ниспослания Корана (*вахи*), демонстрирующая, как Откровение радикально переосмысливало существовавшие понятия. Наконец, метод выявляет связи между структурой языка Корана и формированием уникального религиозного мировоззрения, присущего именно этому священному тексту. Таким образом, Идзуцу показал, что Коран не просто передает божественные истины, но активно создает **новый** язык для их выражения.

Однако, будучи новаторским, семантический подход Идзуцу не избежал критики со стороны научного сообщества. Мы рассмотрим как позитивные оценки (Абд ар-Рахман Хилали, Самир Рашвани), так и конструктивную критику (Сейед Хамидреза Миразими, Афрасиаб Салехи и Мохалад Наджи Камиль). Мы ставим перед собой задачу проанализировать теоретические основы и ключевые компоненты метода Идзуцу, включая концепцию семантических полей, анализ эволюции значений терминов и роль языковой картины мира. Кроме того, статья демонстрирует потенциал и жизненность метода Идзуцу в современной науке через анализ его применения к конкретным кораническим терминам, таким как *истива* и *сафф*.

Биография и основные идеи Идзуцу

Идзуцу Тосихико 井筒俊彦 родился в 1914 г. в Ёцуя (Токио) и был старшим сыном в семье [Wakamatsu 2014, p. 3]. Его отец Сё:таро,

будучи богатым бизнесменом и каллиграфом, активно практиковал дзэн-буддизм, поэтому молодой Идзуцу воспитывался в духе этого учения, включая практику коанов. Однако для Тосихико дзэн не был привлекателен. В школьные годы он начал увлекаться исламом и арабским языком, что вскоре привело к встрече с Абдурашидом Гумеровичем Ибрагимовым (1857–1944) – имамом татарского происхождения, переехавшим в Японию в начале 1930-х гг. Среди мусульман, и не только в Японии, Ибрагимов был значительной фигурой: помимо роли имама он также выполнял функции *кади* (судьи), получив образование в Медине, Мекке и Стамбуле. Благодаря знанию японского языка он стал первым имамом в построенной по его инициативе токийской Соборной мечети¹. Изначально имам отклонял просьбы Идзуцу о встрече, но в конце концов согласился, хотя и отказался учить его арабскому. Во время следующей беседы Абдурашид показал ему англоязычную биографию Пророка, после чего произнёс: *Hādhā l-kitābu jā'a min Amrikā. Afahimta?* («Эта книга пришла из Америки. Понимаешь ли ты меня?») [Wakamatsu 2014, p. 50]. Молодой ученый был настолько восхищен звучанием классического арабского языка, что имам, заметив его рвение, согласился обучать его – но при одном условии: Идзуцу должен глубоко изучить ислам. Спустя два года после этой судьбоносной встречи он настолько погрузился в мир исламской мысли, что Абдурашид назвал его «прирожденным мусульманином» [Ibid., p. 51].

Однако имам не был единственным наставником Идзуцу. Через него молодой ученый познакомился со своим вторым учителем – Мусой Ярулловичем Бигеевым (1873–1949). Этот богослов получил образование в бухарских медресе, где изучал теологию матуридизма и ханафитское право; позже он служил имамом в Соборной мечети Санкт-Петербурга [Ibid., p. 53]. Методика Бигеева как преподавателя арабского языка была уникальна: он сочетал классические религиозные тексты (Коран и «Сахих» Муслима – один из шести канонических суннитских сборников хадисов) с доисламской арабской поэзией эпохи джахилии и фундаментальными лингвистическими трудами. Среди последних особое место занимал трактат

¹ См.: Абдурашид Ибрагимов (1857–1944) как основатель политического движения российских мусульман: <https://idmedina.ru/ramazan/?7116>.

«аль-Китаб» – новаторское произведение по арабской грамматике, созданное Сибавейхи (Абу Бишр Амр ибн Усман аль-Басри, 760–797) [Albayrak 2012, p. 74]. Однако вскоре Муса Бигеев покинул Японию и переехал в Каир, где скончался в 1949 г. – через четыре года после окончания Второй мировой войны. Несмотря на относительно непродолжительный период общения, он оказал глубокое влияние на Идзуцу, заслужив его искреннее уважение – молодой ученый обращался к нему как к «профессору Мусе». Свидетельством этой особой связи стало небольшое эссе, которое Идзуцу написал на японском языке в память о наставнике за десять лет до собственной смерти [Wakamatsu 2014, p. 52].

Следует подчеркнуть разносторонность Идзуцу как исследователя. Владение множеством языков позволяло ему работать с текстами мусульманских авторов из различных культурных ареалов. Его исламоведческие интересы охватывали широчайший спектр направлений: от коранистики и философии до теологии и суфизма, от истории до культурологии. Параллельно с исламскими исследованиями Идзуцу увлекался теорией поэзии, особенно работами Нисиваки Дзюндзабуро: 西脇順三郎 (1894–1982) – профессора литературного факультета Университета Кэйо. Это увлечение побудило Идзуцу в 1931 г. поступить на подготовительные курсы этого университета. Первоначально он выбрал экономический факультет (следуя семейной традицией), но вскоре перевелся на английское отделение литературного факультета, где его наставником стал Нисиваки. После окончания университета Идзуцу остался работать ассистентом профессора. Его выдающиеся лингвистические способности были отмечены назначением на должность директора языковой школы при кампусе Кэйо. Параллельно он вел исследовательскую работу в Институте языка Кэйо (позже реорганизованном в Институт культурных и лингвистических исследований), основанном Нисиваки и его коллегами в 1942 г. В 1954 г. Идзуцу получил звание профессора литературного факультета и начал преподавать курс «Введение в лингвистику», который ранее вел его учитель². За два года до этого, в 1952 г., он женился на Тоёко 豊子 (1925–2017), выпускнице литературного факультета Токийского университета, впоследствии

² Toshihiko Izutsu: The Genius That Bridged East & West: <https://www.keio.ac.jp/en/keio-times/features/2021/4/>.

известной исследовательнице эстетики и писательнице, которая, подобно мужу, публиковала работы на английском языке³.

В 1957–1958 гг. Идзуцу осуществил первый прямой перевод Корана с арабского языка на японский. Этот перевод, опубликованный издательством «Иванами бунко», получил широкое признание благодаря своей лингвистической точности [Ramugari 2021, p. 1]. Первый перевод Корана на японский язык был выполнен Сакамото Кэнъити 坂本健一 (1874–1930) в 1920 г. и основывался на английском переводе Джона Медоуза Родуэлла, священнослужителя и исламоведа [Krämer 2014, p. 625]. Позже, в 1938 г., Такахаси Горо: 高橋五郎 (1856–1935) и Арига Бумпатиро: 有賀文八郎 (1868–1946) представили свою версию перевода [Кулиева 2024, с. 250]. Среди переводов с других языков наиболее известен вариант Окава Сюмэй 大川周明 (1886–1957), опубликованный в 1950 г. Сюмэй опирался на китайский, английский и немецкий переводы, но не на арабский оригинал. Сегодня его версия считается устаревшей [Nishida & Kimura 2023, p. 4]. Наиболее актуальный перевод осуществила Японская мусульманская ассоциация (Japan Muslim Association) в 1983 г. на основе работы 1972 г. Мита Рёити 三田了一 (Умар, 1892–1983) [Kamada & Kobayashi 2002, p. 9]. Сам Идзуцу исходил из идеи, что адекватная передача идентичного значения на разных языках невозможна, поскольку этико-религиозные термины каждого языка являются неотъемлемой частью уникального языкового конструирования реальности, различающегося от культуры к культуре [Izutsu 1966, p. 4]. В качестве примера Идзуцу приводит перевод арабского выражения *Аллах рахман* («Аллах Милостивый», на японский как *ками ва дзихибукай* (神は慈悲深い, «Бог милосерден»). Хотя такой перевод формально корректен, Идзуцу предупреждает об опасности механического отождествления слова «Аллах» с *ками*, а «рахман» – с *дзихибукай*. По его мнению, эти термины несут принципиально разные смысловые нагрузки, обусловленные историко-культурным контекстом и ситуативным употреблением [Sawai 2010, p. 101]. Тем самым Идзуцу спорил с Джоном Лэддом, утверждавшим, что одно и то же предложение может быть полноценно выражено на разных языках [Izutsu 1966, p. 12].

После завершения перевода Корана в 1958 г. Идзуцу получил докторскую степень, но несмотря на успешную академическую карьеру

³ 二人のタタール人: <https://www.keio-up.co.jp/kup/sp/izutsu/doc/x7y5.html>.

в Японии, в 1959 г. он принял решение отправиться за границу. Он получил престижный грант от Фонда Рокфеллера, который финансировал его исследования в течение двух лет (1959–1961). Идзуцу посетил Ливан, Сирию и Египет, что ознаменовало его первый непосредственный контакт с исламским миром Ближнего Востока. Особое значение имела встреча Идзуцу с немецким лингвистом Йоханом Лео Вайсгербером (1899–1985); его теория языкового релятивизма и концепция «языкового промежуточного мира» (*sprachliche Zwischenwelt*) оказали глубокое влияние на методологию Идзуцу. Как будет подробно показано ниже, Идзуцу творчески адаптировал вайсгерберовский подход к содержательному анализу ключевых исламских терминов, развив оригинальную методику семантического исследования сакрального текста [Khalil 2023, p. 537–538; Muzaqqi 2016, p. 47].

В 1960 г. Идзуцу посетил Институт исламских исследований Макгилла, основанный менее чем десятилетием ранее Уилфредом К. Смитом (1916–2000), канадским ученым в областях сравнительного религиоведения и изучения ислама. Этот период ознаменовался созданием важнейших трудов Идзуцу – *“God and Man in the Koran”* (1964 г.) *“The Concept of Belief in Islamic Theology”* (1965 г.) и *“Ethico-Religious Concepts in the Qur'an”* (1966 г., переиздание 2002). В 1962 г. он занял должность приглашенного профессора в институте Макгилла, а семь лет спустя получил должность профессора [Khalil 2023, p. 538]. С 1967 г. Идзуцу стал постоянным участником конференций «Эранос», где представил цикл докладов, позже вошедших в работы *“The Structure of the Ethical Terms in the Koran”* (1967 г.), *“The Interior and Exterior in Zen Buddhism”* (1968 г.), *“Between Image and No-Image”* (1971 г.). В 1969 г., оставив должность в Университете Кэйо, Идзуцу полностью сосредоточился на работе в институте Макгилла, где опубликовал работы *“Language and Magic”* (1971 г.) и *“Sufism and Taoism”* (1983 г., завершена в 1976 г.)⁴. С открытием Тегеранского отделения Института исламских исследований Макгилла в 1970-х гг. Идзуцу переехал в Иран, где занял должность профессора в Шахском институте изучения философии (Иранская академия философии) под руководством Сейида Хоссейна Насра. После Исламской революции 1979 г. Идзуцу был вынужден вернуться в Японию, где написал десять

⁴ Toshihiko Izutsu: The Genius That Bridged East & West: <https://www.keio.ac.jp/en/keio-times/features/2021/4/>.

книг на японском языке – по меньшей мере половина из них посвящена исламу. 7 января 1993 г. Идзуцу Тосихико скончался, оставив после себя значительное наследие в области исламоведения, сравнительной философии и лингвистики [Khalil 2023, p. 546–547].

После смерти Идзуцу Тосихико его супруга Тоёко передала университету их семейную библиотеку (свыше 15 000 томов) и резиденцию, которая в 1999 г. была преобразована в публичную библиотеку-музей. Коллекция отражает широкие интеллектуальные интересы Идзуцу: философия языка и семантика, исламская мысль, суфизм, восточные традиции (дзэн, даосизм, конфуцианство), западная философия (от Античности до Средневековья). Собрание объединяет тексты на 15 языках, демонстрируя уникальный межкультурный подход Идзуцу к изучению философии и религии [Hirao 2004]. Он объединил сравнительную философию и лингвистический анализ [Nakamura 2009, p. 153], следуя в своих интерпретациях строгой семантической методологии. Также он внес значительный вклад в изучение мистицизма, в том числе и исламского [Izutsu 1971, p. 65; Izutsu, 1994, p. 66–68; Inoue 2024, p. 3–5]. Траектория, определяющая работу Идзуцу, в итоге сводится к формулированию нового типа «восточной философии» 東洋哲, *то.ё: тэцугаку*, основанной на серии строгих филологических, сравнительных исследований ключевых терминов различных философских традиций Ближнего, Среднего и Дальнего Востока [Nakamura 2009, p. 148; Krummel 2019, p. 549–550].

Методология Идзуцу: семантический анализ Корана

Коран – священное писание ислама, представляющее собой, согласно мусульманской традиции, божественное откровение, ниспосланное пророку Мухаммаду через ангела Джибриля (Гавриила) в период с 610 по 632 г. После смерти пророка текст был кодифицирован в единую рукопись из 114 сур (глав), расположенных в порядке убывания длины (кроме первой); первая сура (глава) Корана – *аль-Фатиха* (Открывающая) – содержит семь аятов (стихов) и играет ключевую роль в мусульманской молитве. Каждая сура (кроме 9-й) начинается с *басмалы* – фразы «Бисмилляхир-Рахманир-Рахим» (Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного). Говоря о месте пророка в Коране, стоит отметить, что Мухаммад стоит в самом конце длинной череды пророков, начавшейся с Ибрагима, он же Авраам.

Писание включает в себя истории Нуха (Ной), Мусы (Моисей) и Исы (Иисус). Иудеи и христиане также считаются «людьми Книги»; мусульмане принимают многие учения иудейской Торы и христианской Библии.

Определим значение основных терминов, которые будут встречаться далее. Согласно Идзуцу Тосихико, **семантика** – это «аналитическое исследование ключевых терминов языка с целью концептуального понимания мировоззрения людей, которые используют этот язык не только как инструмент для речи и мышления, но и для интерпретации мира» [Nur 2024, p. 623]. **Семантическое поле** – это группа слов, объединенных общим смыслом и семантическим признаком. К примеру, в Коране есть слово *куфр* («неверие»), это самый тяжкий грех в исламе, охватывает другие негативные понятия, связанные с неверием, заблуждением и нарушением законов ислама, такие как *фасик*, *далал* («заблуждение»), *зулм* («несправедливость»), *исьян* («непослушание»), *такдхиб* («отрицание веры»). Эти термины образуют иерархию грехов в коранической картине мира. **Weltanschauung** – немецкий термин, обозначающий «мировоззрение». «Язык Корана – не просто коммуникация, а система “концептуальных линз”, через которые мусульманин видит мир» [Izutsu 1966, p. 17].

Работая над Кораном и разрабатывая свой семантический метод, Идзуцу в первую очередь опирается на работы своих западных коллег. В философии языка и семантики существует теория, которая считает, что каждый язык содержит «Weltanschauung», что побуждает носителей одного языка смотреть на мир иначе, чем носители другого. Согласно этой теории, реальность лингвистически сконструирована. Раннее формирование этой теории, которая позже стала известна как «гипотеза лингвистической относительности», обычно приписывают Вильгельму фон Гумбольдту (1767–1835) [Miller 1968, p. 10]. Главный постулат его лингвистической философии заключается в том, что мировоззрение одного народа существенно отличается от мировоззрения другого народа из-за различия во «внутренней структуре» языков. Согласно Гумбольдту, язык – это «замкнутый круг», покинуть который можно только через освоение другого языка [Schlesinger 1991, p. 14]. Одним из самых видных сторонников Гумбольдта является уже упомянутый Й. Л. Вайсгербер (1899–1985), ведущий представитель неогумбольдианства.

Его семантическая концепция связана с семантическими полями, где главная идея заключается в невозможности корректного определения слова без работы с другими словами, входящими в одно с ним поле. Значение слова определяется его связями с другими терминами в рамках общего поля [Miller 1968, p. 54].

Для демонстрации лингвистической относительности рассмотрим семантическое поле временных интервалов в пределах суток в русском и немецком. Например, есть семантическое поле обозначений временных интервалов в пределах суток: «утро», «день», «вечер», «ночь», каждое слово занимает свое место. В немецком языке разделение следующее: утро – *Morgen*, предполуденное время – *Vormittag*, послеполуденное время – *Nachmittag*, вечер – *Abend*, ночь – *Nacht*. Можно видеть, что немецкий язык имеет более дробную категоризацию дневного времени. В ситуации, когда в русском было бы употреблено «утро», носители немецкого языка скорее бы употребили бы *Vormittag*. По мнению Вайсгербера, любое суждение, которое человек способен вынести, во многом зависит от типа категорий, имеющихся в его родном языке. Он пришел к выводу, что носители разных языков живут в разных «языковых картинах мира» (ЯКМ) [Даниленко 2009, с. 5]. ЯКМ выполняет роль когнитивного посредника между объективной реальностью и человеческим сознанием. Разные языки имеют разные ЯКМ, что влияет на способ восприятия и понимания мира носителями этих языков. К примеру, в русском языке есть отдельные слова «синий» и «голубой», в английском оба эти цвета обозначены одним словом *blue*.

Гипотезу лингвистической относительности продвигали и в США. Эдвард Сепир (1884–1936) излагает ее следующим образом: «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых привычек группы. Никакие два языка не могут быть достаточно похожими, чтобы считать их отражениями одной и той же социальной реальности. Миры, в которых живут разные общества, – это абсолютно разные миры [Sapir 1963, p. 162]. Бенджамин Ли Уорф (1897–1941) развил это утверждение Сепира и назвал его «новым принципом относительности» (гипотеза Сепира–Уорфа). В своей концепции Уорф утверждал, что грамматические и семантические категории языка не просто выражают мысль, но активно формируют когнитивные процессы говорящего. Как следствие, носители структурно различных языков испытывают трудности во взаимопонимании

при обсуждении концептов, не имеющих эквивалентов в их языковых системах. «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Whorf 1956, p. 213–214].

Работая в рамках концепции «Weltanschauung» В. фон Гумбольдта, Идзуцу Тосихико формулирует свою семантическую герменевтику. Она представляет собой синтез семантических теорий, разработанных Вайсгербером, Сепиром и Уорфом. По мнению Идзуцу, мировоззрение и система мышления людей закодированы в их языке, а значит, каждое слово отражает частицу мировоззрения носителя того или иного языка. Он утверждает, что существуют ключевые слова, которые воплощают значительную часть мировоззрения носителя языка, а у этих слов есть семантически зависимые слова. Иначе говоря, в лексике каждого народа прослеживается определенная иерархия, и задача семантиста – выявить, какую роль эти слова играют в формировании коллективного мировоззрения. Идзуцу отмечал, что основная сложность в работе семантиста – построить модель, отражающую семантическую иерархию слов в мировоззрении. Такая модель и представляет собой семантическое поле. Согласно Идзуцу, в основе центрального семантического поля, включающего ключевые аспекты мировоззрения, лежат более узкие семантические поля [Izutsu 1964, p. 17–18]. Своё исследование он структурирует по трем периодам: докоранический (до ниспослания Корана), коранический (период Откровения Корана) и послекоранический (после завершения Откровения, особенно в эпоху Аббасидов). При работе с кораническими терминами он рассматривает их через призму разных эпох [Izutsu 1964, p. 36]. Еще одним важным аспектом его работы является разграничение **базового** и **реляционного** значений слова. Базовое значение – это инвариантный смысл слова, сохраняющийся во всех контекстах его употребления. Реляционное значение – контекстуально обусловленные значения, возникающие в зависимости от позиции слова в высказывании и его связи с другими элементами текста [Izutsu 1964, p. 11].

Опираясь на эту теорию, Идзуцу исследует кораническое мировоззрение. В качестве инструмента анализа он использует «ключевые слова» – семантические доминанты, которые, в отличие от обычной

лексики Корана, формируют его базовую концептуальную структуру. Эти слова, по Идзуцу, определяют способ осмысления реальности в исламской традиции. Среди наиболее значимых примеров: *Аллах*, *ислам* («покорность»), *иман* («вера»), *кафир* («неверный»), *наби* («пророк»), *расул* («посланник») и *вахи* («Откровение») [Izutsu 1964, p. 3–4]. Каждое из этих ключевых понятий Корана существует не изолированно, а в сложной системе взаимосвязей. Их конкретные значения и семантическая структура формируются через сеть концептуальных отношений, создавая комплексную систему понятийных ассоциаций. Таковую взаимосвязанную систему понятий, закрепленную в культурной лексике определенного исторического периода, Идзуцу определяет термином «Weltanschauung». Среди ключевых слов ученый выделяет особую категорию – «фокус-слово». Это центральный элемент семантического поля, выполняющий организующую функцию, он выступает смысловым ядром, вокруг которого группируются другие ключевые слова, определяет их реляционные значения, а также демаркирует границы конкретного семантического поля, отличая его от других. Но согласно Идзуцу, не все слова в рамках поля вносят одинаковый вклад в его структуру, поскольку одно и то же слово может относиться к нескольким полям [Izutsu 1964, p. 17–18]. Он также считает важным отметить преемственность коранической терминологии. Идзуцу утверждает, что все ключевые термины, формирующие кораническое мировоззрение, были известны в доисламскую эпоху (период джахилии) и существовали в арабском литературном дискурсе, хотя и с иной семантической нагрузкой [Izutsu 1964, p. 39, 85].

Идзуцу демонстрирует действие предложенной теории через анализ семантического поля, формируемого фокус-словом *иман* («вера»). Это понятие организует вокруг себя связанную лексическую систему, включающую: *амана* («верить»), и *му'мин* («верующий»); см. Схему 1 [Izutsu 1964, p. 22, 27]. Также это слово формирует два поля: положительное и отрицательное. В положительном поле такие слова как *Аллах*, *шукр* («благодарность»), *ислам* («покорность»), *ташдик* («подтверждение веры»). В отрицательном: *куфр* («неверие», «отрицание истины»), *такдхиб* («отрицание веры»), *исьян* («мятеж»), *нифак* («лицемерие»). Центральное фокус-слово (*иман*) выполняет унифицирующую функцию, задавая общее концептуальное ядро. Периферийные элементы (*ислам*, *куфр* и др.)

осуществляют дифференциацию, конкретизируя различные аспекты основного понятия. Каждое такое поле представляет собой концептуальную подсистему в рамках более обширной коранической лексики. Вся концептуальная система Корана складывается из множества подобных взаимосвязанных подсистем. Сложность заключается в том, что элементы могут одновременно принадлежать к разным семантическим полям, фокус-слово одного поля может выступать периферийным элементом другого и наоборот [Izutsu 1964, p. 22–23].

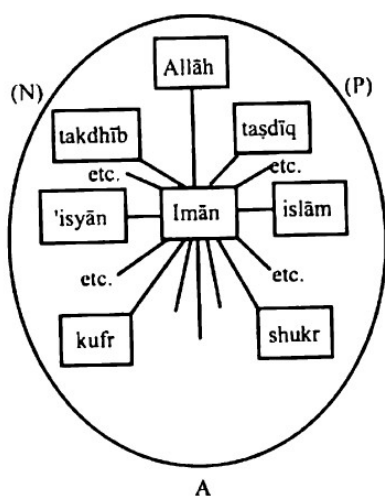

Схема 1. Слово *иман*
в качестве фокус-слова

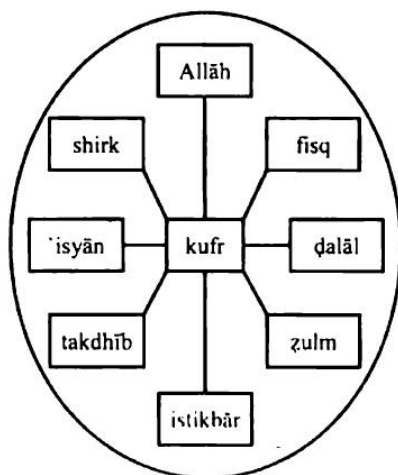

Схема 2. Слово *куфр*
в качестве фокус-слова

Как показано на Схеме 2, семантическое поле слова *куфр* (неверие) включает следующие ключевые элементы: Аллах, ширк («многобожие»), *фаск* («грехопадение»), *далал*, *зулм*, *такдхиб*, *исьян*. Часть этих терминов (например, *такдхиб*, *исьян*) одновременно входят в семантическое поле *иман*, демонстрируя взаимосвязанность концептуальных систем Корана [Izutsu 1964, p. 25].

В Коране обычные слова могут приобретать новые смыслы. К примеру, у слова *китаб* есть базовое значение – «книга». В кораническом контексте *китаб* обретает и реляционные значения такие

как: Священный текст (Божественное Откровение) и предвечное знание Аллаха. Таким образом, в данном случае слово *китаб*, как только оно вводится в кораническую систему, оказывается в тесной связи с такими важными терминами, как *Аллах*, где Он источник Откровения, *вахи* («Откровение»), механизм передачи, *танзыл* (ниспослание Божественных слов), процесс передачи, *наби* (пророк) получатель Откровения, *расул* (посланник), передатчиком, *ахль* (люди; в конкретном сочетании *ахль аль-Китаб* – люди Писания, то есть христиане, иудеи) [Izutsu 1964, p. 11–12].

Есть и другой пример, на котором Идзуцу показывает как реляционное значение слова может меняться в зависимости от времени. Например, слово *малаика* (ангелы), или, в единственном числе, *малак* (ангел), сохраняет свое базовое значение, но приобретает различные и даже противоречивые реляционные значения в арабской лексике периода джахилии и в коранической лексике. В арабской лексике периода джахилии это слово обозначает сверхъестественное существо. Это значение перешло и полностью вошло в кораническую лексику. Однако, когда это слово появилось в семантическом поле иерархии бытия политеизма в доисламскую эпоху, где Аллах занимал высшее положение, а джинны, демоны и другие божества рассматривались как заступники или посредники между верховным Богом и людьми, ангелы воспринимались как дочери Бога, достойные почитания, и поэтому им присваивали статус божеств и поклонялись. Но когда они были введены в коранический монотеизм, оказавшись в семантическом поле Аллаха, *ширка*, *расула*, *малаика* уже не могли сохранять и поддерживать такой доисламский политеистический реляционный смысл. Напротив, они приобрели новые «реляционные значения» [Izutsu 1964, p. 8–10].

В контексте Корана ангелы являются верными бесполоыми слугами Аллаха, которых Он направляет людям в качестве Своих посланников, помощников верующим и кары для неверных⁵. Само слово *Аллах* меняет значение при переходе из периода в период. В доисламский период слово *Илах* использовалось для обозначения племенных богов, а *Аллах* (с определённым артиклем *аль-*) означало верховное божество (например, в Мекке), которое соседствовало

⁵ Сура 8. Аль-Анфаль | Трофеи : <https://quran-online.ru/8/saadi> .

с другими божествами, к примеру Аль-Узза и Аль-Лат. В Коране *Аллах* становится уникальным именем, лишенным языческих ассоциаций. Это не просто «бог», а единственный Творец, трансцендентный и несравнимый, чьи атрибуты радикально отличаются от языческих представлений [Izutsu 2002, р. 39–42]. Происходит разрыв прежних семантических связей (ангелы – не богини), отрицаются языческие коннотации. Ангелы теперь подчинены Аллаху, а сам Аллах вне иерархии.

Итак, Идзуцу Тосихико разработал уникальный метод анализа коранического текста, основанный на взаимосвязи семантики и герменевтики. Его подход позволяет реконструировать мировоззренческую систему ислама через системное изучение языка, где слова рассматриваются не изолированно, а как элементы взаимосвязанных семантических полей. Каждое поле структурируется вокруг ключевых слов (таких как *иман*, *куфр*, *ислам*), образующих смысловое ядро и способных пересекаться – например, слово *такдхиб* («отрицание») принадлежит одновременно полям *иман* и *куфр*. Центральное место в этом анализе занимают фокус-слова – *Аллах*, *иман*, *ислам* и *вахи*, которые не просто обозначают отдельные понятия, но организуют вокруг себя целые системы значений, формируя концептуальный каркас текста. Идзуцу особо подчеркивает динамику смысловых трансформаций: коранические термины радикально меняют значение при переходе от доисламского контекста (джахилии) к исламскому. Так, *кафир* эволюционирует от «неблагодарного» к «отвергающему истину»; *малаика* трансформируются из богинь в бесполой слуг; а понимание Аллаха сдвигается от верховного божества местного пантеона к абсолютно единому Творцу.

Важным аспектом метода является выявление иерархии внутри семантических полей: фокус-слова (например, *иман*) определяют структуру поля, тогда как периферийные термины (например, *ташдик* – «подтверждение веры») конкретизируют его. При этом концепт *Аллах* занимает центральное положение, подчиняя себе все остальные элементы. Идзуцу в своем фундаментальном тезисе утверждает, что язык отражает мировоззрение: анализируя семантические структуры Корана, можно реконструировать учение ислама. Наконец, метод различает базовое и реляционное значения. Эта дихотомия демонстрирует, как Коран создает свою собственную теологическую систему.

Критика метода и наследие

Как и любой серьезный научный метод, семантический подход Идзуцу подвергался критике, а также использовался в работах других исследователей. Помимо разбора критических замечаний мы рассмотрим два примера исследований, основанных на его методе.

Доктор Мохалад Наджи Камиль, лингвист из иракского университета Ти-Кар, выделил несколько слабых мест в методе Идзуцу. Во-первых, он обратил внимание на отсутствие четких критериев отбора ключевых слов, что создает проблему систематизации. Поскольку выбор терминов остается на усмотрение исследователя и зависит от субъективных предпочтений, даже исследования с одинаковой тематикой могут привести к разным результатам. Это затрудняет выработку единого подхода в семантических исследованиях. Во-вторых, Идзуцу не предложил конкретного метода для объединения ключевых слов в семантические поля, что позволяет исследователям формировать их произвольно. В результате одно и то же слово может порождать различные семантические поля в зависимости от интерпретации. Кроме того, Идзуцу связывал относительное значение слов с культурным контекстом, что перекликается с гипотезой лингвистической относительности. Хотя этот подход открывает новые перспективы для анализа, он также усиливает субъективность метода, поскольку культурные интерпретации могут варьироваться. Отсутствие четких критериев для выбора ключевых слов делает анализ субъективным [Kamil 2025, p. 5].

Сейед Хамидреза Миразими (Школа ислама и исламской мысли, Тегеранский университет) и его коллега Афрасиаб Салехи выдвинули два ключевых возражения против подхода Идзуцу к семантическому анализу Корана. Первое замечание заключается в том, что Идзуцу часто сводил многогранные термины к одному-двум доминирующим значениям, игнорируя их семантическое разнообразие. Профессор Миразими предлагает дополнить подход Идзуцу, учитывая, что слова в рамках одной концептуальной системы могут передавать множество смыслов в зависимости от контекста, сохраняя при этом свое основное значение. Игнорирование этого ведет к потере части смыслов текста и риску навязывания интерпретаций исследователем. Он дает пример со словом *sidd* («соответствие») и показывает, как Идзуцу под влиянием иудео-христианской традиции сузил его значение

до «верность завету с Богом». Такое упрощение исключает другие возможные значения («истинность», «честность», «соответствие действительности»), что обедняет анализ. Второе замечание состоит в том, что Идзуцу игнорирует культурно-исторический контекст ниспослания Откровения, а также пророческих хадисов и толкований семьи Пророка (*Ахль аль-Байт*, люди Дома). Это привело к отрыву терминов от их реального употребления в раннеисламской традиции и отсутствию учета шиитской герменевтической традиции. Далее Миразими выделяет следующие проблемные моменты: во-первых, Идзуцу игнорирует различия в восприятии Корана среди *мухаджиров* (мекканских сподвижников Пророка), *ансаров* (мединских сподвижников Пророка) и др., которые жили в эпоху Откровения и лучше других знали его смыслы; во-вторых, отказывается от использования хадисов (особенно от непорочных имамов в традиции шиизма), которые являются ключом к правильному толкованию Корана; в-третьих, опирается только на «язык Корана» без учета внешних факторов (причин ниспослания аятов, культурного контекста и духовных толкований).

Как следствие Миразими отмечает возможное искажение смыслов Корана из-за субъективных интерпретаций и потерю глубоких духовных и исторических аспектов Откровения. Таким образом, для точного семантического анализа Корана необходимо учитывать: контекст ниспослания (исторический, культурный, причины откровения аятов), пророческие хадисы и толкования непорочных, которые обладают высшим авторитетом в понимании Корана. Третье замечание: Идзуцу анализирует значения слов в разных контекстах, но не формулирует системных правил, по которым контекст предложения влияет на смысл понятий. Он изучает употребление терминов в различных аятах, но не раскрывает, как именно структура предложения, синтаксис или стилистика Корана формируют значение слова. Это приводит к недостаточной методологической строгости – выводы о смысле концептов могут казаться интуитивными, а не научно обоснованными.

Критики также отмечают, что метод Идзуцу сталкивается с серьезной проблемой при анализе многозначности коранических терминов. В священных текстах, включая Коран, одни и те же понятия часто приобретают различные, а порой и кажущиеся противоречивыми смыслы в разных контекстах. Например, одно слово может

нести совершенно разные оттенки значений в различных аятах. Однако Идзуцу не разработал четкого метода для анализа подобных случаев, хотя именно его концептуальный подход по идее должен был объяснять, каким образом одно понятие может органично сочетать внешне конфликтующие значения. Этот недостаток делает его анализ особенно уязвимым при работе со священными текстами, где смысловая многогранность терминов является не случайностью, а важной особенностью. В результате метод Идзуцу оказывается недостаточно системным: с одной стороны, в нем отсутствуют строгие правила, позволяющие определить, как именно контекст предложения влияет на семантику слова, а с другой – он не предлагает убедительного способа согласования различных значений одного и того же концепта в рамках единой смысловой системы. Как следствие, анализ остается фрагментарным и не дает целостного понимания лексической структуры Корана. [Mirazimi, Salehi 2021, p. 6–9]

Среди исследователей встречаются и положительные оценки метода Идзуцу. Абд ар-Рахман Хилали высоко оценивает вклад японского ученого, отмечая, что его подход ознаменовал «качественный сдвиг в современных исследованиях Корана, где семантический анализ как методология был особенно востребован». Хилали подчеркивает достоинства работы *“God and Man in Qur'an”*, восхищаясь ясностью изложения и доступным стилем Идзуцу – качеством, которое сразу отметили арабские переводчики его трудов. По мнению исследователя, академическая строгость и точность работ Идзуцу во многом обусловлены двумя ключевыми факторами: его блестящим владением арабским языком и принципиальным отказом от анализа коранических концепций через призму других языков. Такой подход, считает Хилали, позволил Идзуцу сохранить аутентичность семантического анализа и избежать смысловых искажений, неизбежных при межязыковом посредничестве. Эта оценка показывает, что несмотря на имеющиеся методологические ограничения подход Идзуцу остается значимым для современной коранистики, предлагая ценные инструменты для семантического исследования священного текста.

Сирийский исследователь Самир Рашвани, преподаватель факультета шариата Университета Алеппо, представляет вторую значимую положительную оценку работ Идзуцу. Его позиция особенно ценна как голос современной арабо-мусульманской академической традиции. Рашвани подчеркивает, что сила подхода Идзуцу заключается

в его способности раскрыть самодостаточность коранического текста – его уникальное видение человечества и мироздания, которое не сводится ни к доисламскому арабскому мировоззрению (Яхлия), ни к иудео-христианскому влиянию. Этот вывод основан на тщательном анализе семантических трансформаций, которые Коран произвел в арабском языке, переосмысливая ключевые понятия и наполняя их новым содержанием. По мнению Рашвани, работы Идзуцу превосходят многие арабские лингвистические исследования Корана конца XX в., которые часто страдали от двух ключевых проблем: насильственного приспособления коранического текста к современным лингвистическим теориям и идеологической ангажированности, искажавшей как понимание Корана, так и сами лингвистические методы. Таким образом, Рашвани видит в методе Идзуцу образец научной объективности, свободной от предвзятости. Это особенно важно для новой волны мусульманских исследователей (к ним относится и сам Рашвани), которые стремятся сочетать глубокое уважение к сакральности Корана и открытость к современным научным методологиям (при условии их корректного и непредвзятого применения) [Al-Akouh 2012, p. 6–10].

Есть и исследования с использованием метода Идзуцу. Мухамад Нур Алиф из Индонезийского государственного исламского университета Раден Интан Лампунг выбрал данный метод благодаря его способности охватывать как основные, так и реляционные значения термина. Прослеживается использование термина в лингвистико-исторической перспективе: докоранический, коранический и послекоранический периоды. В своей работе, используя метод Идзуцу, исследователь анализирует слово *истива*. Оно восходит к корню *савийа*, который имеет следующие значения: *истакама* («прямой»), *истакарра* («размещенный»), *'ала* («возвышенный»), *ша'ида* (восходящий), *тасава* («равный»), *тамма* («совершенный»), *надлийя* («зрелый»), *тавалла* («господин»), *малака* («господствовать») и *кашада* («навстречу»). *Истива*, связанное с атрибутами Аллаха, встречается в Коране девять раз. Базовое значение слова *истива* – «высокий, восходящий, пребывающий». Реляционное значение меняется в зависимости от положения в структуре предложения. Автор вывел несколько реляционных значений в сурах Аль-Касас (ат-тамам, «совершенство»), Худ (*ат-тамаккун ва аль-истикрар*, «закрепление»), Аль-Фатх (*аль-истикама ва*

аль-и'тидаль, «твердость и непоколебимость»), Аль-Бакара (*кашд аш-шафи'*, «воля Аллаха»), Фатыр (*аль-му'арадла ва аль-мукабала*, «неравные»). Докораническое значение *истива* – «истаула» («овладеть»), в Коране *истива* соотносится с Аллахом и выражает Его величие и возвышенность. В посткоранический период *истива* появляется в *тафсир* («разъяснение, толкование»). Есть классический *тафсир* (650–1250 гг.), средневековый *тафсир* (1250–1800) и современный *тафсир* (с 1800 г. по настоящее время). В рамках классического толкования есть два варианта: *иртафа'а* («возвышаться»), *истикарра* («оседать»). В средневековом варианте *истива* приобрело значение *джарийан аль-умур аль-мустакирр* («стабильное течение дел на Небе и Земле по воле Аллаха»), а в современном трактуется как *мульк Алла (власть Аллаха)* [Nur 2024, p. 3–8].

Еще один термин, *сафф*, который имеет базовое значение *тасвия* («выравнивание, расставление в ряд»). Реляционное значение было зафиксировано в сурах Аль-Кахф (*саффаан лакад*, рабы Аллаха предстанут перед Ним «выстроенными рядами»), Ас-Сафф (*юкатулуна фи сабилихи саффаан*, сражаются на пути Его «в боевом построении»), Ас-Саффат (*ас-саффати саффаан*, клянусь «выстроившимися рядами» [ангелов]), Ан-Нур (*ат-тайру саффатин*, птицы, летящие в строю, символ упорядоченности мироздания). В докоранический период слово *сафф* имело значение *иситава фи аль-сяйи* (, «полное равенство, одинаковость»). В коранический период *сафф* в основном имеет значение *назм* («ряд, строй») и *низам* («общий порядок»). В посткоранический период появляется значение *танзим* («организация»). Это понятие считалось новаторским, так как подразумевало сознательное создание упорядоченных структур (например, суфийские братства *тарикат*) [Nugroho, Meliasani 2025, p. 3–11].

Самые свежие исследования, используя метод Идзуцу Тосихико, выявляют базовые и реляционные значения терминов, прослеживают их семантическую эволюцию в трех исторических периодах, а также раскрывают связь между их лингвистической формой и теологическим содержанием.

Заключение

Труды Идзуцу Тосихико ознаменовали принципиально новый этап в изучении исламской мысли. Интегрировав достижения западной

лингвистической философии (В. фон Гумбольдт, Уорф, Вайсгербер) в коранистику, ученый разработал оригинальную семантико-герменевтическую методологию. Он рассматривал Коран как систему взаимосвязанных семантических полей, где ключевые термины и фокус-слова формируют иерархические структуры значений. Идзуцу доказал, что кораническая картина мира (*Weltanschauung*) реконструируется через анализ трансформации смыслов: сопоставляя доисламские значения слов с их переосмыслением в Откровении, он выявил механизмы формирования исламского мировоззрения. Несмотря на критику отдельных аспектов его подхода (спорные интерпретации, невнимательность к социальному контексту), методология Идзуцу сохраняет свою ценность, а ее применение в современной науке продолжает поднимать ранее не освещенные аспекты изучения Священного писания.

Библиографический список

Даниленко В. П. (2009). Языковая картина мира в теории Л. Вайсгербера. *Филология и человек*. № 1. С. 7–17.

Кулиева Л. Ш. (2024). «Религия пустынь»: ислам в Японии с XIX в. до наших дней. *Ежегодник Японии*. Т. 53. С. 243–264.

References

Al-Akoub, E. (2012). Izutsu's Study of the Qur'an from an Arab Perspective. *Journal of Qur'anic Studies*, 14, 107–130.

Albayrak, I. (2012). The Reception of Toshihiko Izutsu's Qur'anic Studies in the Muslim World: With Special Reference to Turkish Qur'anic Scholarship. *Journal of Qur'anic Studies*, 14 (1), 73–106.

Danilenko, V. P. (2009). Yazykovaya kartina mira v teorii L. Vaisgerbera [Linguistic Worldview in the Theory of Weisgerber L.]. *Filologiya i chelovek*, 1, 7–17. (In Russian).

Hirao, K. (2004). *Izutsu Toshihiko bunko mokuroku wakansho yōsho no bu kō* [Toshihiko Izutsu Library Catalog: Japanese, Chinese, and Western Books Sections]. Tokyo: Keio University Library. (In Japanese).

Inoue, T. (2024). *Kindai Nippon niokeru Isura-Mu shinpi shugi e no manazashi* [A Look at Islamic Mysticism in Contemporary Japan]. Tokyo: Mineruba. (In Japanese).

Izutsu, T. (1964). *God and Man in the Koran*. Tokyo: Keio Institute of Cultural and Linguistics Studies.

Izutsu, T. (2002). *Ethico-Religious Concepts in the Qur'an*. Montreal: McGill University Press.

Izutsu, T. (1971). *The Concept and Reality of Existence*. Tokyo: Keio Institute of Cultural and Linguistic Studies.

Izutsu, T. (1994). *Creation and the Timeless Order of Things: Essays in Islamic Mystical Philosophy*. Ashland: White Cloud Press.

Kamada, S. & Kobayashi, H. (2002). Islamic Studies – Toward the Depth of a Civilization. *Orient*, 56 (1), 45–67.

Kamil, M. N. (2025). A Review Study: Critique and Review of Izutsu's Qur'anic Semantic Methodology. *Manar Elsharq Journal for Literature and Language Studies*, 3 (1), 36–42.

Krämer, H. M. (2014). Pan-Asianism's religious undercurrents: The reception of Islam and translation of the Qur'ān in twentieth century Japan. *The Journal of Asian Studies*, 73 (3), 619–640.

Khalil, A. (2023). Remembering Toshihiko Izutsu: Linguist, Islamicist, Philosopher in the Islamic Thought and the Art of Translation. *Brill. Islamic History and Civilization*, 202, 528–550.

Krummel, J. W. M. (2019). Comparative Philosophy in Japan: Nakamura Hajime and Izutsu Toshihiko. *The Oxford Handbook of Japanese Philosophy* (pp. 543–562). NYC: Oxford University Press.

Kulieva, L. Sh. (2024). “Religiya pustyn’”: islam v Yaponii s XIX v. do nashikh dnei [“Desert Religion”. Islam in Japan From the 19th Century to the Present Day]. *Yearbook Japan*, 53, 243–264. (In Russian).

Miller, R. L. (1968). *The Linguistic Relativity Principle and Humboldtian Ethnolinguistics: A History and Appraisal*. The Hague: Mouton.

Mirazimi, S., Salehi, A. (2021). Quranic lexical semantics of Izutsu and ‘Allāmah ṭabātābā’ī: a comparative appraisal. *Miscelánea de Estudios Árabes y Hebraicos Sección Árabe-Islam*, 72, 117–131.

Muzaqqi, M. (2016). Semantic Approaches in Islamic Studies; The Review of Toshihiko Izutsu's Thought. *Pedagogik; Jurnal Pendidikan*, 4, 45–53.

Nakamura, K. (2009). The Significance of Toshihiko Izutsu's Legacy for Comparative Religion. *Intellectual Discourse*, 17 (2), 147–158.

Nishida, K, Kimura, F. (2023). In Her Words: A New Translation of the Quran Into Japanese (Interview). *International Quarterly for Asian Studies (IQAS)*, 54 (4), 355–361.

Nugroho, K., Meliasani, R. A. (2025). The Meaning of Shaffa in the Qur'an: Semantic Analysis Based on Toshihiko Izutsu's Thought. *AL-AFKAR: Journal for Islamic Studies*, 8, 845–864.

Nur, A. M. (2024). Al-Qur'an Semantic Study: The Word Istiwa' Perspective of Toshihiko Izutsu. *ARRUS Journal of Social Sciences and Humanities*, 4 (5), 622–630.

Pamugari, A. (2021). Semantic Approach on Toshihiko Izutsu's Translation of Surah Al-Alaq (96:1–19): Comparison of 3 Qur'an in Japanese Translation. *IZUMI*, 10 (2), 389–397.

Sapir, E. (1963) The Status of Linguistics as a Science. In *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality* (pp. 160–167). Berkeley: University of California Press.

Sawai, M. (2010). Izutsu's Hermeneutical Perspectives of the Qur'anic Interpretation. In *Japanese Contribution of Islamic Studies: The Legacy of Toshihiko Izutsu Interpreted* (pp. 99–110). Kuala Lumpur: IIUM Press.

Schlesinger, I. M. (1991). The Wax and Wane of Whorfian Views. In *The Influence of Language on Culture and Thought: Essays in Honor of Joshua A. Fishman's Sixty-Fifth Birthday* (pp. 7–45). Berlin: Mouton de Gruyter.

Wakamatsu, E. (2014). *Toshihiko Izutsu and the Philosophy of Word: In Search of the Spiritual Orient*. Tokyo: Keio University Press.

Whorf, B. L. (1956). *Language, Thought, and Reality: Selected Writings*. Ed. by John B. Carroll. Cambridge, MA: MIT Press.

Хайку как форма и эксперимент в русскоязычном творчестве на рубеже XX–XXI вв.

Е. А. Рагозина, С. А. Родин

Аннотация

Популярность *хайку* и обращение к написанию русскоязычных трехстиший, а также рефлексия по поводу определения границ и формальных критериев принадлежности текстов к этой категории нашли отражение в работах «мастеров хайку», придерживавшихся строгих канонов исходной традиции, и поэтов, обращавшихся к ней с целью творческого эксперимента или же допускавших ее вольную интерпретацию. На рубеже XX–XXI вв. первой печатной площадкой, предоставлявшей место для *хайку*, написанных в любом из этих ключей, стал альманах «Тритон», публикация которого продолжалась на протяжении четырех выпусков. Эта особенность делает его репрезентативным источником для анализа восприятия *хайку* русскоязычными авторами.

В статье основное внимание уделяется тем поэтам, печатавшимся на страницах альманаха, которые допускали возможность вольной интерпретации поэтической традиции *хайку*, ее доместикации или же задействования с иными целями творческого преобразования. Помимо авторских *хайку* также рассматриваются произведения, помещенные составителями альманаха в раздел «По соседству с хайку», в которых русскоязычные трехстишия вписаны в контекст *хайбун* и *ута-моногатари*, анализируются особенности рассматриваемых текстов и их отношение к исходной традиции.

Ключевые слова: поэзия хайку, русскоязычные хайку, альманах «Тритон», поэтический эксперимент.

Авторы

Рагозина Евгения Александровна, студентка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, 105066, Старая Басманная ул., 21/4.

E-mail: ragozina.zhenia02@mail.ru

Родин Степан Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, 105066, Старая Басманная ул., 21/4.

E-mail: stephiroth@yandex.ru

ORCID 0000-0002-0054-2227

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Haiku* as Form and Experiment in the Russian-Language Poetry of the Late 20th – Early 21st Centuries**

E. A. Ragozina, S. F. Rodin

Abstract

The popularity of *haiku* and its composition by authors in the Russian language, as well as reflection on the definition of boundaries and formal criteria for belonging to this category of texts formed the frame for poetry of “haiku masters,” or *haijin*, who adhered to the strict canons of the original tradition, and poets who applied it for the purpose of creative experimentation, or allowed its free interpretation. At the turn of the 20th and 21st centuries, the first printed platform that provided space for *haiku* written in any of these keys was the almanac *Triton*, the publication of which continued over four issues. This feature makes it a representative source for the analysis of the perception of *haiku* by Russian-speaking authors.

This paper focuses on those poets published on its pages who allowed the possibility of free interpretation of the poetic tradition of *haiku*, its domestication, or use for other purposes of creative transformation. In addition to the original *haiku*, the works included by the almanac’s compilers in the section called “At *Haiku*’s Neighborhood” are also considered, in which Russian-language three-line poems are inscribed in the context of *haibun* and *uta-monogatari*. The paper analyzes the features of these works and their relationship to the original tradition.

Keywords: *haiku* poetry, Russian-language *haiku*, almanac *Triton*, poetical experiment.

Authors

Ragozina Evgeniya A., student, HSE University, 21/4, Staraya Basmannaya st., Moscow, Russian Federation, 105066.

E-mail: ragozina.zhenia02@mail.ru

Rodin Stepan A., PhD in History, Associate Professor, HSE University, 21/4, Staraya Basmannaya St., Moscow, Russian Federation, 105066.

E-mail: stephiroth@yandex.ru

ORCID 0000-0002-0054-2227

Conflict of interests

The authors declare the absence of the conflict of interests.

Введение

В России второй половины 1990-х – начала 2000-х гг. интерес к Японии находил различные формы проявления, от увлечения современной массовой культурой и приобщение к ней через анимацию, продолжающую пользоваться устойчивым спросом зрителей по настоящее время, до постепенной деэкзотизации и доместикации элементов японской культуры питания в повседневности больших городов. С увеличением количества публикаций переводов произведений японской словесности повышалась степень осведомленности читателей о ее многообразии. Привлечению более пристального внимания к ее отдельным формам и жанрам, а также стимулированию текстопорождения на русском языке в стилистике японской традиции способствовала реализация ряда культурных инициатив, в частности, проведение в 1998 г. Всероссийского конкурса *хайку*. Его инициатором выступило Посольство Японии, а роль главного информационного партнера исполнило издание «Аргументы и факты».

Мероприятие стало показательным сразу в нескольких аспектах. Оно продемонстрировало широту масштаба увлечения *хайку*, охватывавшего разные регионы России и затронувшего участников из различных возрастных категорий и сфер занятости, подавляющее большинство которых не относилось к числу профессиональных литераторов. Также конкурс, предполагавший необходимость отбора материала, спровоцировал рефлексию по поводу как русскоязычных трехстиший, так и их взаимоотношений с японской традицией, а работы, обозначенные профессиональным жюри в качестве удачных, составили основу первого выпуска первого печатного периодического издания на русском языке, посвященного *хайку*. Им стал альманах «Тритон», выпускавшийся с 2000 по 2003 гг. издательством «АРГО-РИСК». За подготовку всех четырех номеров альманаха отвечал глава издательства – поэт, литературовед и литературный

критик Д. В. Кузьмин. В редакционной статье, предвещающей основное содержание первого выпуска альманаха, он кратко очертил бытование *хайку* в русскоязычном пространстве, перечислил ряд источников вдохновения и подражания для авторов, отметил рост «оригинального русского *хайку*», указал на значительную роль, которую сыграл в деле популяризации *хайку* специализированный сетевой журнал «Лягушатник»¹ поэта и журналиста А. В. Андреева, посвященный трехстишиям, а также упомянул о внимании к ним со стороны поэтических журналов. Популярность и востребованность *хайку*, в свою очередь, конвертировалась в появление специализированного печатного издания, цель которого была обозначена Д. В. Кузьминым следующим образом: «“Тритон” призван показать явление *хайку* во всей его широте» [Тритон... 2000, с. 4].

Альманах, согласно первоначальному замыслу, должен был стать площадкой для репрезентации многообразия подходов к сочинению *хайку* на русском языке, в той или иной степени ориентирующихся на японскую традицию. Помимо авторских стихов в «Тритоне» также были заявлены публикации переводов *хайку* с японского и западных языков, аналитические материалы, произведения смежных форм и жанров.

Таким образом, первое специализированное печатное периодическое издание, посвященное русскоязычным *хайку*, в теории объединяло под одной обложкой тексты любителей и профессиональных литераторов, демонстрировало образцы стихотворений – как строго придерживавшихся формальных особенностей японского стихосложения, так и вольно их интерпретировавших, а также позволяло вписать русские *хайку* в более широкий литературный и культурный контекст через публикацию переводов и эссе. Несмотря на всю масштабность задач и популярность *хайку*, было выпущено всего четыре номера «Тритона». Тон редакционного материала первого выпуска оптимистичен, однако в нем отсутствуют указания на предполагаемую периодичность выхода новых номеров. В разделе второго номера, содержащем информацию для потенциальных авторов и читателей, сказано: «“Тритон” будет выходить два раза в год». Аналогичный раздел третьего номера сообщает: «“Тритон” будет выходить не реже одного раза в год», тогда как следующий за ним выпуск стал прощальным. Альманах тем не менее стал заметным явлением

¹ Журнал «Лягушатник»: <https://haiku.ru/frog/>

в мире русскоязычных *хайку*, с одной стороны, суммировав разнообразный опыт обращения к поэзии японских трехстиший, с другой – наметив векторы дальнейшего развития творческих объединений и сообществ, равно как и отдельных авторов, публиковавшихся на его страницах. В рамках данной статьи предпринимается попытка обращения к материалам альманаха «Тритон» с целью рассмотрения произведений русскоязычных поэтов, писавших *хайку*, выявления особенностей их подхода к интерпретации исходной японской традиции и общему отношению к ней.

Хайку как пространство для эксперимента

Обращение к формату *хайку*, стихотворения небольшого объема со строгой формальной и образной структурой, в случае с профессиональными литераторами, публиковавшимися на страницах «Тритона», могло быть обусловлено не столько интересом к именно японской традиции, сколько потребностью в эксперименте в рамках заданной формы. В этом плане русскоязычные *хайку* ряда поэтов альманаха, на наш взгляд, уместно рассматривать в качестве разновидности комбинаторной поэзии, популярной в годы его публикации. Так, в 2002 г. вышла первая в своем роде «Антология русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии» [Лукомников, Федин 2002], авторский коллектив которой частично пересекается с поэтами первого альманаха русскоязычных трехстиший. Палиндромы не позиционировались как произведения, обладающие особой поэтической ценностью, но представлялись как эксперименты по работе с условностями и ограничениями.

Попытка сочинения *хайку* с соблюдением формальных особенностей, характерных для исходной традиции, также может служить целям обогащения поэтического инструментария и внесения разнообразия, при этом не закрепляясь в качестве постоянного характерного элемента творчества авторов. Интерес к японским трехстишиям, помимо популярности конкурса русскоязычных *хайку* и появления альманаха, также находил отражение в сетевом творчестве, особенно актуальном с учетом развития русскоязычного сегмента Интернета. Так, в 1997 г. на базе сайта haiku.ru был создан веб-журнал «Лягушатник», который не только способствовал формированию сообщества «хайdziнов» и его популяризации, но также послужил площадкой для публикации

произведений таких впоследствии признанных «мастеров хайку», как Марина Хаген, Владимир Герцик и Михаил Бару, печатавшихся в «Тритоне». Один из редакторов и составителей альманаха, Алексей Андреев, создал на базе haiku.ru «поэтическую игру» под названием «Ренгуру», представляющую собой вариацию на тему бесконечной цепочки *рэнга*, не предъявляющую к участникам строгих формальных требований кроме соблюдения количества строк [Андреев 1999]. Подобный подход не предполагал решения поэтических сверхзадач, однако позволял, заимствуя некоторые внешние особенности японской поэзии, разнообразить процесс текстопорождения. Начиная с 2000-х гг. количество подобных сайтов стало возрастать. Также постепенно стали появляться отдельные сайты поэтических групп и объединений, сформированных по принципу близости восприятия исходной традиции, тогда как в рамках «Тритона», в составлении которого принимали участие литераторы с разным пониманием *хайку*, японоведы и переводчики (В. П. Мазурик, Т. Л. Соколова-Делюсина, А. Т. Замилов) и поэты-любители, были представлены разнообразные подходы к ее осмыслению. Редактор альманаха Д. В. Кузьмин писал: «Под обложкой “Тритона” найдется место разным концепциям русского хайку, разным поэтикам, так или иначе сохраняющим ориентацию на первоисточник – бессмертные творения Басё и Иссы. Напротив, хотелось бы держаться подальше от эпигонства, от бездумного копирования классических образов, от непереманных хризантем, цикад и лягушек: поэтика хайку потому и животворна, что ей поддается материал любой культуры и эпохи, в том числе и нашей...» [Тритон... 2000, с. 4].

Таким образом, в альманахе печатались *хайку*, сложенные по разным принципам, которые могли в рамках поэтических объединений приобретать характер непреодолимых противоречий. Для иллюстрации обратимся к нескольким примерам русскоязычных *хайку* авторов, чьи тексты воспринимались поэтическим сообществом в качестве прецедентных, а потому показательных в плане выбора стратегии задействия исходной японской традиции в рамках собственного творчества. Говоря о линии авторов, обращающихся к форме *хайку* опосредованно, нужно упомянуть влияние на них ярких представителей этой же поэтической сцены, тексты которых оказали воздействие на формирование не только представления о русскоязычном *хайку* в конце XX в., но и повлияли на поэтический дискурс уже российской поэзии [Воронцова 2016, с. 7–14, 19–20].

Каратэ люблю
Больше, чем стихи, теперь
Только подойди!

В этом трехстишии Елены Шварц, одной из наиболее ярких представительниц ленинградского андеграунда 1970–80-х гг. [Шварц 1997, с. 61], соблюден формальный принцип метрики *хайку* – количество слогов распределено в строфе по схеме 5–7–5. Трехстишие Владимира Герцика, признанного «мастера хайку», оказавшего в свою очередь влияние на другую линию авторов, придерживающихся устойчивых формальной и образной структур трехстиший, не только следует этим ограничениям, но также содержит другие элементы исходной традиции [Тритон... 2000, с. 25]:

Монастырь в горах.
На развалинах белый
Шиповник. Пчела.

Герцик приводит в первой строфе указание места, важное для *хайку*, а также добавляет 切れ字 *кирэджи*², выраженное точкой. Подход, которого придерживалась Шварц, принципиально иной, постмодернистский, не предполагающий глубокого погружения в традицию. В 2002 г. был опубликован сборник ее произведений под названием «Восточный ветер», в котором были представлены девять «хокку», написанных в период с 1980 по 1996 г. Почти все они сгруппированы по небольшим циклам: «Два хокку на тему Поста», «Три хокку на тему хакари» и «Три хокку на тему каратэ». Показательно, что в этих произведениях, с одной стороны, фигурируют отсылки к расхожим представлениям о японской культуре, с другой – форма хайку используется в связи с религиозными мотивами и темой Поста [Шварц 1997, с. 61]:

Фигу супу я
Показала: выкуси!
Что? Съел? Пост у нас.

² В оригинальных японских *хайку* – разграничительное слово или частица, которое служит маркером «разреза» *хайку* в отношении 5:12 или, наоборот, 12:5, определяя тем самым к какой смысловой части будет относиться вторая строка. В европейском письме из-за отсутствия таких слов чаще всего выражается знаками препинания – точкой или тире.

Приближаться к Богу,
Как праведника кожа
К кости, – день за днем.

Если первый текст скорее шуточный и напоминает по духу 川柳 *сэнрю*³, то второй очень близок в целом к поэтике Шварц, к типичным для нее образным рядам. Вероятно, в силу значимости задействованных образов нарушается и силлабический принцип – здесь во всех строках по семь слогов. Финальный «хокку» из собрания Шварц выбивается из ряда предыдущих: во-первых, он не входит в цикл, во-вторых, не имеет подтемы, но имеет заголовок: «Последнее хокку» [Там же, с. 62]:

На темной улице
Злой одинокий фонарь
Погаснет вот-вот.

Из всех «хокку» Шварц данный текст наиболее близок к традиционной форме *хайку*: в нем есть указание места, а общее настроение сродно поэтике 寂, *саби* («умиротворение», «одиночество»), но при этом нарушается формальный принцип чередования слогов – в первой строчке их шесть. Это может быть обусловлено совмещением в пределах одного текста как ориентации на *хайку*, так и опоры на европейскую литературную традицию, в частности, терцин, нередко выступавших в качестве составных элементов классических поэтических сочинений более крупной формы. В двух из рассматриваемых случаев Шварц создает «цепные строфы», напоминающие терцины. В «Трех хокку на тему харакири» трижды повторяется строка «харакири – ты», при этом слово «харакири» каждый раз наделяется новыми семантическими оттенками [Там же, с. 61].

Харакири – ты
Птицей в животе кричишь:
Выпусти меня!

³ Сатирико-юмористический жанр, сформировавшийся в эпоху Эдо; стихи *сэнрю* имеют форму *хайку*.

Харакири – ты
В темноте растешь дитем.
Скоро. Ой-ой-ой!

Умер самурай.
Пляшешь весело над ним,
Харакири – ты.

В первом и втором «хокку» харакири наделяется свойствами лирического субъекта, обладающего детским семантическим ореолом. За счет этого создается антитеза в восприятии образа живота в японской традиции как вместилища души и в европейской – как места зарождения новой жизни, что в масштабах творчества Шварц укладывается в общую антиномию жизни и смерти. В третьем «хокку» мини-цикла «харакири» трансформируется в собирательный образ смерти, отсылающий к традициям европейской площадной культуры и «плясок смерти» *Danse Macabre*, что наполняет пространство хайку инокультурным и нетипичным для исходной традиции содержанием. Творчество Шварц, профессиональной поэтессы и очень влиятельной в поэтических кругах того времени фигуры, обладающей ярко выраженным собственным стилем письма, иллюстративно в плане сочетания в пределах одного *хайку* элементов разных традиций на нескольких уровнях. Творчество хайдзинов, или «мастеров *хайку*», в противоположность этому подходу, склоняется к текстопорождению в рамках, заданных ориентацией на аутентичность образной и символической системы японских трехстиший. Подход Шварц оказался близок многим на тот момент активно пишущим поэтам, значимым для истории русскоязычного *хайку* и альманаха «Тритон», а также участвовавшим в дискуссиях по поводу причин и последствий обращения к японским трехстишиям в русскоязычном поэтическом сообществе.

В этом контексте интерес представляет фигура Виктора Кривулина, поддерживавшего общение со Шварц и устраивавшего поэтические собрания, в том числе с чтением *хайку*. Летом 2000 г. в его доме собрались поэты, входившие в объединение ЛИТО (Литературное объединение, близкое к кругу поэтов ленинградского андеграунда), среди которых был хайдзин Михаил Бару, входивший в состав авторов «Тритона». Основной темой их разговора стали японские трехстишия.

На сохранившейся видеозаписи⁴ звучат в том числе авторские *хайку*. Интерес Кривулина к ним был, вероятно, вызван как влиянием фигуры Дмитрия Пригова, в 1999 г. посетившего Японию, так и общей модой на *хайку* и экспериментальную поэзию, пик которой пришелся на конец 1990-х – начало 2000-х гг. В 2000 г. Кривулин написал несколько текстов, посвященных Японии и Китаю («Японский переводчик», «Война в старой столице» и др.) [Кривулин 2001, с. 14–15, 26], а также обратился к написанию русскоязычных трехстиший. Его *хайку*, прочитанное на встрече ЛИТО летом 2000 г., звучало так:

Нынче всё иными глазами
То ли раньше были слепыми
То ли теперь ослепли⁵.

Помимо чтения собственного *хайку* Кривулин также рассказал о своем знакомстве с трехстишиями: «Первое *хайку*, которое я слышал... Его написал приятель Венички Ерофеева и его собутыльник Авдюшев, ныне спившийся, и оно звучало так:

Ветер осенние листья метет
Я сегодня
Ленина в гробу увидел...»⁶.

Это свидетельствует о некоторой степени распространенности и востребованности подобной формы в позднесоветских интеллигентских кругах, а также передачи с ее помощью политического или пародийно-юмористического подтекста, что близко традиции *сэнрю*. Для обоих текстов, озвученных Кривулиным, характерно обращение к фразеологическому корпусу, что впоследствии окажется типичным для русскоязычных *хайку*. У Кривулина появляется фразеологизм «смотреть другими глазами», а у Авдюшева в строке «Ленина в гробу увидел» возникает прием деидиоматизации. Аналогичные примеры можно наблюдать, например, в *хайку* Виталия Чипиженко:

⁴ Поэты ЛИТО в гостях у В. Кривулина в п. Комарово, 2000 г.: <https://rutube.ru/video/8a892c5eda4dfbd4a0ff319b12cf565a/?r=plemwd>

⁵ Текст приводится без знаков препинания в соответствии с принципом японской записи; авторскую пунктуацию восстановить невозможно.

⁶ Приводится также без авторской пунктуации.

Одинокая муха
В куске янтаря
Влипла в историю⁷.

С одной стороны, подобное словоупотребление близко к задействию омонимии в исходной японской традиции, однако для русскоязычных *хайку* также характерна деидиоматизация с акцентом на просторечные выражения. Несмотря на фрагментарное присутствие *хайку* в творчестве Шварц и Кривулина, их влияние на поэтическое сообщество является общепризнанным, тексты – во многом прецедентными, а сформировавшиеся вокруг них группы авторов были активными участниками литературного процесса в рассматриваемый период. До раскола внутри сообщества, показателем чего стало, в частности, закрытие альманаха «Тритон», в рамках этих групп были представлены как авторы, относившиеся к «мастерам *хайку*», так и поэты, обращавшиеся к японской традиции с целью творческого эксперимента и предлагавшие свое видение японской формы в русскоязычном контексте.

Одним из показательных примеров подобных попыток переосмысления японских *хайку* стал жанр «Хокку плюс», предложенный Олегом Поповым и Владимиром Белобровым в начале 2000 г. В его рамках предлагалось, взяв за основу переводы японских классических *хайку*, выполненных В. Н. Марковой, дописать к ним четвертую строку. Поэты предварили собственные «хокку плюс» манифестом под названием «Недосказанность – это когда нечего сказать», демонстрирующим далекий от восхищения взгляд на *хайку*. В силу его иллюстративности позволим себе привести его текст полностью:

«Нам всегда казалось странным, что весь мир так восхищается разными недоделанными вещами, принимая недоделанность за какие-то изыски. Мы не знаем от кого это пошло, но все как обезьяны и попугаи повторяют друг за другом подобные глупые восторги. Восхищаются недорисованными картинами (абстракционисты и тому подобное), недоделанными театральными постановками без декораций и костюмов (не помним фамилий), музыкой без мелодии (Битлосы), книгами без сюжета

⁷ Мещеряков А. Н. Слово о взгляде и взгляд на слова. Текст неопубликованной рукописи, 2010 г.

(Джойс и прочая чепуха), кино без экшена и секса (Тарковский, Антониони, Годар, Гавны). У нас хватило силы духа понять, что мы не пойдем кривым путем! У нас достаточно сил, чтобы шагать прямо! У нас хватает ума, чтобы не восхищаться чепухой и массовой недоделанной культурой. Мы не только сами добросовестно доделываем все свое, но также считаем своим моральным долгом исправлять то, что недоделали до нас другие. Долгое время принято было восхищаться недописанными японскими трехстишиями, так называемыми хокку или хайку. Наконец мы нашли время, чтобы поработать над этим делом и доделать то, что поленились доделать японцы. Хорошо, конечно, японцы делают аппаратуру, но со стихами у них явная некондиция. Что бы вы сказали, если бы японцы, например, недоделали бы к вашему музыкальному центру ручку настройки или крышку двухкассетника, недоделали бы вилку в сеть или звукоснимающую головку? А?...»⁸

Текст наполнен ироническими интонациями, как на уровне лексики, так и на уровне аналогии между стихотворной формой и музыкальной аппаратурой, доводящей описываемую картину до абсурда. Однако, несмотря на апелляцию к привычной для русской культуры четырехстрочной форме, авторы не упоминают важность рифмы, и в части представленных ими текстов она игнорируется. Примерами тому служат следующие «хокку плюс»:

Вешние ливни.
Каким полноводным вдруг стал
Ров вокруг замка –
По-шейку в некоторых местах!

Со свечою в руке
Человек гуляет по саду –
Провожает весну.
На спине – ружье, за поясом – граната.

В других произведениях рифмы представлены, однако или неточные, например, «чаще–ящик», «звучит–харчи», или глагольные, вроде

⁸ Владимир Белобров, Олег Попов и Древнеяпонские поэты. Палка с резиновой нахлобучкой. 2000 г.: <http://www.belobrovpopov.ru>.

«взмывают–ныряют», «резвятся–заниматься». Четвертые строки подобных произведений также нередко нарочито выбиваются из общего тона исходного произведения и содержат анахронизмы, что определяет общий настрой итогового текста как несерьезный:

Водяные птицы
Кольшутся на волнах
Рядом с луною
Американский летит космонавт.

Помимо анахронизмов, данный эффект достигается также с помощью обращения к несвойственной хайку тематике и помещения в текст ярко маркированных русскоязычных выражений («как хочется воблы и пива»; «эх, мамочки, ё-моё!»). Кроме того, Попов и Белобров не пытаются приблизить последнюю строку к метрике исходного текста – чаще всего у них выходит стих в 9–12 слогов. Вслед за ними идея «хокку плюс» получает развитие в творчестве поэта Германа Лукомникова. Часть данных произведений размещена в альманахе «Тритон» под общим заглавием «Басё + Лукомников = хокку плюс». Комбинаторный подход к сочинительству здесь подчеркивается приданием заголовку формата математической формулы. В более полном объеме «хокку плюс» его авторства было размещено на сайте «Вавилон»⁹, а также в авторском сборнике «Бабочки полет, или хокку плюс» с иллюстрациями А. Флитман [Лукомников 2001].

Общий несерьезный тон *хайку*, характерный для поэтики Лукомникова, дополнительно усиливается стилистически сниженным предупреждением к стихотворениям, размещенным на сайте «Вавилон»: «Идея Владимира Белоброва и Олега Попова (см. *ихнюю* “Палку с резиновой нахлобучкой”»». Примерно треть текстов «хокку плюс» Лукомникова содержит нецензурную лексику, усиливающую смеховой эффект, или снабжается парадоксальными завершающими строками, вносящими в пространство текста инородные или даже инопланетные объекты. Примером тому – произведение, основанное на хайку Басё [Тритон... 2001, с. 108]:

⁹ Проект «Вавилон»: <https://www.vavilon.ru>.

Бросил на миг
Обмолачивать рис крестьянин.
Глядит на луну...
(ОН – ИНОПЛАНЕТЯНИН.)

Чаще всего у Лукомникова четвертая строка, которая, согласно идеям Попова и Белоброва, должна логически завершить текст, скорее комментирует его, превращая соавтора исходного *хайку* в стороннего наблюдателя. Другой прием, использованный в его «хокку плюс», заключается в совмещении японского *хайку* с реалиями русской культуры:

Важно ступает
Цапля по свежему жнивю.
Осень в деревне.
РАСЧЕШУ-КА КОНЯГЕ ГРИВУ.

Вместе с хозяином дома
Слушаю молча вечерний звон.
Падают листья ивы.
ДИН, ПОНИМАЕШЬ, ДОН...

Грузный колокол.
А на самом его краю
Дремлет бабочка.
БАЮ-БАЮШКИ-БАЮ...¹⁰

Звон колокола, как и образ коня в целом – привычные образные структуры для русской традиции, в которых читатель будет способен обнаружить отсылки к огромному количеству привычных и знакомых образов и произведений, начиная князем Олегом, продолжая тройками Гоголя и Некрасова, и заканчивая песней «Выйду ночью в поле с конем»; последнее стихотворение и вовсе заканчивается строчкой из русской колыбельной песни. Дорабатывая заимствованную идею и еще сильнее приближая ее к русской традиции, Лукомников также на регулярной основе задействует в своих «хокку плюс» рифму.

¹⁰ Японские поэты + Герман Лукомников. «Вавилон»: <https://www.vavilon.ru/bgl/hok.html>

Учитывая специфику структуры переводов японских стихотворений, выполненных В. Н. Марковой и взятых за отправную точку для «хокку плюс», создание строгого силлабо-тонического четверостишия не представлялось возможным, однако это не мешало использовать перекрестную рифму между второй и четвертой строками:

Луна сквозь дымку...
Лягушки пруд замутили.
Где вода? Где небо?
НЕТ, НЕ ЛЮБЛЮ РЕПТИЛИЙ.*

*<Неточность нарочитая, рифмы ради. – Г.Л.>

Подобная ремарка встречается единожды, но она при всей своей несерьезности указывает на важность рифмы для Лукомникова при дописывании четвертой строки: рифма становится важнее фактической точности. Сближение японского исходного текста с русскоязычной поэтической традицией в его творчестве приводит к появлению текстов, превращающих *хайку* в аналог современных частушек, в пользу чего свидетельствуют следующие положения. Во-первых, рифма в них является обязательной. Все частушки написаны четырехстопным хореем, где чередуются женская и мужская рифмы (ЖМЖМ), а рифмовка в подавляющем большинстве случаев перекрестная (обязательно рифмуются вторая и четвертая строки, первая и третья реже), попарная встречается редко (но если и встречается, то обязательно рифмуются третья и четвертая строки, но не первая и вторая) [Зырянов 1974].

Таким образом, для частушки оказывается особо важной рифмованная четвертая строка с мужской рифмой. У Лукомникова же четвертая строка всегда зарифмована, причем в большинстве случаев именно со второй. Вывод о мужских или женских окончаниях сделать нельзя, в его произведениях они встречаются в примерно равной пропорции. Во-вторых, «хокку плюс» с русским народным жанром словесности сближает тематика и пафос текстов. У Лукомникова больше трети стихотворений содержат нецензурную лексику, а также часто встречаются просторечные обороты, что вполне соотносится с народной и низовой культурой, частью которой являются частушки. На общее восприятие его стихотворений, однако, оказывал

существенное влияние и формат их публикации. Если сетевые версии «хокку плюс», равно как их публикации на страницах «Тритона», не оставляют простора для иной их интерпретации кроме как несерьезных и шуточных, то в сборнике «Бабочки полет...», где они снабжены далекими от карикатурного характера изображениями, их репрезентация выглядит уже иначе. Вдобавок на его страницах оригинальные японские *хайку* и дописанные к ним Лукомниковым четвертые строки разделены иллюстрацией, помещенной в центр страницы, а также подписаны имена авторов, что позволяет воспринимать исходный текст и последнюю строку, превращающую их в «хокку плюс», как два самостоятельных текста. Таким образом, даже заведомо шуточные произведения, будучи представленными в другом свете, способны предложить иной подход к их восприятию.

«По соседству с хайку»

Материалы, публиковавшиеся в «Тритоне», не ограничивались хайку, но также включали опыты авторов в смежных жанрах и формах, как и «хокку плюс» Лукомникова, размещавшиеся в разделе «По соседству с хайку». Среди публикаций, в оригинальной манере интерпретировавших исходные тексты японской словесности, следует выделить произведения Михаила Бару и Златы Фельдман¹¹, обозначенные как «хайбун» [Тритон... 2002, с. 124–133], а также «Регионал-моногатари» авторства поэта Айвенго [Там же, с. 124–130], написанное с ориентацией на жанр *ута-моногатари*. Наиболее вероятным источником вдохновения для сочинения русскоязычных *хайбун* являлось классическое произведение Мацуо Басё, путевой дневник «По тропинкам Севера», доступный читателям в переводе В. Н. Марковой (стихи) и Н. И. Фельдман (проза).

Хайбун Бару и Фельдман также сочетают дорожные заметки и фиксируют эмоции и образы в *хайку*, совмещают бытовые и пейзажные зарисовки с указанием признаков сезонности и погодных условий, но при этом, отталкиваясь от исходного текста японской традиции, по-своему переосмысливают ее. В «Тритоне» *хайбун* Бару, состоящий из семи эпизодов, включающих прозаическую часть и поэтическое завершение в виде *хайку*, публикуется без их выделения в отдельные

¹¹ Предположительно, псевдоним Марины Хаген. На портале «Полутона» (polutona.ru) часть вышеприведенных текстов публикуется под ее именем.

пронумерованные главки, что позволяет считать его как единый связанный текст. Влияние японской традиции в нем проявляется не только в форме, но также на уровне системы образов, построенной на природных объектах и явлениях. Вдобавок регулярно применяемая в нем парцелляция лишает его намеков на сюжетный характер повествования, которое сводится к фиксации отдельных состояний и впечатлений («Развиднелось. Пригрело. Совсем чуть-чуть. Солнце присело ненадолго. Соблюдает обычай»). Внимание к деталям, состояниям и впечатлениям приводит к появлению в *хайбун* специфических и ярко маркированных объектов и ситуаций: лирический герой отправляется на рыбалку, сидя на пеньке, с аппетитом поедает «рижские шпроты, краковскую колбасу и пару местных соленых огурчиков», запивая это пивом «Сибирская корона», после чего возвращается к любованию природой, обнаруживая сходство окружающего его пейзажа с «картинкой на больших коробках шоколадных конфет фабрики “Красный Октябрь”». Данные особенности позволяют характеризовать *хайбун* Бару как синтетический текст, на разных уровнях ориентирующийся на японскую традицию *хайбун*, однако переосмысливающий ее с учетом инокультурной действительности и русскоязычной литературной традиции, о чем, в частности, может свидетельствовать его заключительный фрагмент [Тритон... 2003, с. 129]:

«Не грести, не рулить, но лежать, беззаботно валяться в дрейфе.
Чтобы всё мимо и мимо, не причаливая, не приставая, не требуя принять
концы. Не сообщать ни координат, ни порта приписки, ни номера телефона,
ни семейного положения. Гудеть в трубу нечленораздельное и пускать
дым колечками. Не помнить дат убытия и прибытия. Помнить ничего...
Не получается.

весеннее море желаний
по теплым и ласковым волнам
к тебе я на нерест плыву...»

Хайбун Златы Фельдман иначе интерпретирует исходную традицию. В тексте отсутствуют заглавные буквы, что, вероятно, служит отсылкой к невозможности разделения восточного письма на регистры. В нем содержатся указание на время года, приводится описание пейзажа и погодных условий, однако его отличительной чертой

является смена оптики: повествование в отдельных фрагментах ведется от лица ребенка («некоторые взрослые думают, что лужи нужны, чтобы пачкать обувь, хотя сами туфли в них моют, а вообще-то лужи, чтобы не зажмуриваясь смотреть на солнце в яркий день, и ломать хрустящую корочку, и чтобы кораблики...»). *Хайку*, завершающие прозаические фрагменты, как правило, абстрактны и не имеют, в отличие от стихотворений в *хайбун* Бару, апелляций к русской идентичности [Там же, с. 131–132]:

со вчерашним дождем
разминулись
срезанные цветы

жара
воробьи купаются
в пыли

Прозаические фрагменты, однако, не просто содержат упоминание реалий российской действительности, но и проводят контраст между ними и природой. Например, лирической героине хайбун Фельдман «пришлось гаишникам объяснения давать, что да как. ну я честно сказала, что пропускала стрекозу, которая пролетала мало того, что на красный свет, еще с превышением скорости и без номерных знаков...» [Там же, 132]. Полет фантазии, однако, моментально прерывается замечанием: «и вы знаете, что он [гаишник] ответил: где, говорит, вы в городе стрекозу видели. и действительно...» [Там же], – что постулирует невозможность нахождения в воображаемой действительности японской словесности.

Другим примером задействования японской словесности в качестве отправной точки для собственного переосмысления служит произведение «Регионал-моноготари» Айвенго [Тритон... 2002, с. 124–130]. Его главным ориентиром выступил жанр *ута-моноготари*, знакомый русскоязычному читателю по произведениям «*Исэ-моноготари*» (пер. Н. И. Конрада) и «*Ямато-моноготари*» (пер. Л. М. Ермаковой) [Исэ моноготари 1979; Ямато моноготари 1982], уже попадавшим в поле зрения литераторов и даже становившимся объектами пародирования. В интерпретации Айвенго нарушаются некоторые принципы исходных текстов японской традиции, однако в целом его «Регионал-моноготари» выглядит на удивление

композиционно последовательным для поэта, известного своим отходом от конвенциональности и поэтическими перформансами. В «Тритоне» представлены девять небольших новелл¹², каждая из которых содержит *хайку*, что уже отличает «Регионал-моноготари» от японских *ута-моноготари*, для которых в силу особенностей исторического развития словесности было возможно только использование *танка*. Эксперимент с инкорпорированием в его структуру *хайку* был призван сосредоточить внимание читателя на конкретном моменте, представленном в новеллах. Их прозаическая часть написана верлибром, а отдельные использованные приемы, в частности, инверсия и пояснительные ремарки в скобках, стилизуют их под переводы произведений японской классической литературы. Отсутствие знаков препинания и заглавных букв, в свою очередь, визуально сближает тексты Айвенго с восточным письмом. В «Регионал-моноготари» вольная интерпретация формульности *ута-моноготари* дополняется оригинальным содержанием. Айвенго на разных уровнях обращается к интертекстам. В его произведении есть аллюзии и на Н. А. Некрасова («Отец-то он рубит || а я отвожу»), и на киноленту «Тени исчезают в полдень» («Полдень || тени куда-то крадутся || и исчезают»), а его восьмой фрагмент построен на отсылках к произведениям А. П. Чехова, в частности, пьесам «Чайка» и «Вишневый сад». Доместикация исходного жанра японской словесности происходит также через использование народных сюжетов. Так, в седьмом фрагменте приводится примета, связанная с икотой, а в десятом обыгрывается сказка про медведя на липовой ноге.

Заключение

Популярность *хайку* и обращение к написанию русскоязычных трехстиший, а также рефлексия по поводу определения границ и формальных критериев принадлежности текстов к этой категории развилась в два основных направления: «мастеров *хайку*», придерживав-

¹² Однако в антологии «Русские стихи 1950–2000 гг.» представлены десять новелл, озаглавленные как «Регионал-моноготари. Свиток первый» [Русские стихи... 2010, с. 790–793].

шихся строгих канонов исходной традиции, и поэтов, обращавшихся к ней с целью творческого эксперимента или же допускавших ее вольную интерпретацию. На рубеже XX–XXI вв. первой печатной площадкой, предоставлявшей место для произведений, написанных в любом из этих ключей, стал альманах «Тритон», публикация которого продолжалась на протяжении четырех выпусков. Эта особенность делает его репрезентативным источником для анализа восприятия *хайку* русскоязычными авторами. В данной статье были рассмотрены попытки оригинальной интерпретации *хайку* и других жанров японской словесности, оказавшихся в поле зрения поэтов-экспериментаторов. При многообразии подходов частотными приемами становились обыгрывание формульности японской поэзии, использование просторечной лексики и элементов смеховой культуры, а также совмещение японской стилистики с российскими реалиями. Завершение публикации альманаха продемонстрировало несовместимость подобного восприятия *хайку* со следованием исходной традиции, которого придерживались «хайдзин», и далее эти направления продолжили свое развитие на разных площадках – как сетевых, так и печатных.

Библиографический список

- Андреев А. В. (1999) История русских хайку: первые сто лет. *Арион*. № 2.: <https://www.arion.ru/mcontent.php?year=1999&number=23&idx=280>
- Лукомников Г., Федин С. (сост.) (2002) *Антология русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии*. – Москва: Гелиос АРВ
- Воронцова К. В. (2016) *Пространство – Время – Андрогин... Модели пространства в поэзии Елены Шварц*. – Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Зырянов В. И. (1974) *Поэтика русской частушки*. – Пермь: Книжная типография.
- Изэ моногатари (1979) / Пер. Н. И. Конрада – Москва: Наука.
- Кривулин В. Б. (2001) *Стихи после стихов*. – Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц».
- Лукомников Г. Г. (2001) *Бабочки полет, или Хокку плюс*. Москва – Санкт-Петербург: Красный матрос.
- Русские стихи 1950–2000 гг. (2010). Антология (первое приближение). В 2 т. Том 2. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. – Москва: Летний сад.

Тритон: Российский альманах поэзии хайку (2000). – Москва: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna.

Тритон: Российский альманах поэзии хайку (2001). Вып. 2. – Москва: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna.

Тритон: Российский альманах поэзии хайку (2002). Вып. 3. – Москва: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna.

Тритон: Российский альманах поэзии хайку (2003). Вып. 4. – Москва: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna.

Шварц Е. А. (1997). *Западно-восточный ветер*. Стихотворения. – Санкт-Петербург: Пушкинский фонд.

Ямато моногатари (1982) / Пер. Л. М. Ермаковой – Москва: Наука.

References

Andreyev, A. V. (1999). Istoriya russkikh khaiku: pervye sto let [History of Russian Haiku: The First Hundred Years]. *Arion*, 2. (In Russian). Retrieved from <https://www.arion.ru/mcontent.php?year=1999&number=23&idx=280>

Ise Monogatari [Tales of Ise] (1979). Transl. by N. I. Konrad. Moscow: Nauka

Krivulin, V. B. (2001). *Stikhi posle stikhov* [Poems After Poems]. Saint Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr “Blits”. (In Russian).

Lukomnikov, G. G. (2001). *Babochki polet, ili Khokku plyus* [Butterflies’ Flight, or Haiku Plus]. Moscow – Saint Petersburg: Krasnyi matros. (In Russian).

Lukomnikov, G., Fedin, S. (Eds.). (2002). *Antologiya russkogo palindroma, kombinatornoi i rukopisnoi poezii* [Anthology of Russian Palindrome, Combinatorial, and Manuscript Poetry]. Consultant D. Avaliani. Moscow: Gelios ARV. (In Russian).

Russkiye stikhi 1950–2000 godov. (2010). [Russian Poems of the 1950–2000s]. Anthology. Eds. I. Akhmet’yev, G. Lukomnikov, V. Orlov, A. Uritsky. Moscow: Letnii sad. (In Russian).

Shvarts, Ye. A. (1997). *Zapadno-vostochnyi veter. Stikhotvoreniya* [West-East Wind. Poems]. Saint Petersburg: Pushkinskii fond. (In Russian).

Triton: Rossiiskii al'manakh poezii khaiku [Triton: Russian Almanac of Haiku Poetry]. (2000). Moscow: АРГО-РИСК; Tver: Kolonna. (In Russian).

Triton: Rossiiskii al'manakh poezii khaiku [Triton: Russian Almanac of Haiku Poetry]. (2001). Issue 2. Moscow: АРГО-РИСК; Tver: Kolonna. (In Russian).

Triton: Rossiiskii al'manakh poezii khaiku [Triton: Russian Almanac of Haiku Poetry]. (2002). Issue 3. Moscow: ARGO-RISK; Tver: Kolonna. (In Russian).

Triton: Rossiiskii al'manakh poezii khaiku [Triton: Russian Almanac of Haiku Poetry]. (2003). Issue 4. Moscow: ARGO-RISK; Tver: Kolonna. (In Russian).

Vorontsova, K. V. (2016). *Prostranstvo – Vremya – Androgin... Modeli prostranstva v poezii Yeleny Shvarts* [Space – Time – Androgyne ... Models of Space in the Poetry of Elena Schwartz]. Krakov: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. (In Russian).

Yamato Monogatari [Tales of Yamato] (1982). Transl. by L. M. Yermakova. Moscow: Nauka

Zyryanov, V. I. (1974). *Poetika russkoi chastushki* [Poetics of Russian Chastushka]. Perm: Knizhnaya tipografiya. (In Russian).

**Карма, энергия и устойчивость:
этико-религиозные аспекты
«зеленой политики»
на примере японской новой религии
*Сэйтё-но Иэ***

А. Г. Шехтер, О. Б. Рамеев

Аннотация

В статье анализируется соотношение между религиозной этикой новой японской религии *Сэйтё-но Иэ* и современными принципами «зеленой повестки», включая концепцию устойчивого развития. Исследование опирается на сопоставление ключевых доктринальных положений *Сэйтё-но Иэ* с нормативной рамкой экологической политики Японии, в частности – с реализацией Целей устойчивого развития (ЦУР), стратегией «Зеленой трансформации» (GX), а также рядом национальных инициатив в области озеленения и декарбонизации. Показано, что движение *Сэйтё-но Иэ* предлагает оригинальную форму экологической этики, встраивая проблематику устойчивости в структуру религиозного мышления и концепцию кармы, а потому не просто резонирует с официальной «зеленой повесткой», но и углубляет ее духовно-нравственное содержание.

Особое внимание уделяется критике индустриального образа жизни, ископаемой энергетики и атомных электростанций. Объекты этой критики в учении *Сэйтё-но Иэ* рассматриваются как формы индивидуальной и коллективной дурной кармы. Эти представления подкреплены понятием, связывающим загрязнение природы с духовной деградацией, которое основывается на божественном откровении основателя религии Танигути Масахару под названием «Божественное откровение о зажигателях семи светильников». Там можно отыскать фразу «Благодарите мириады вещей неба и земли!», которая и стала доктринальным обоснованием поддержки инициативы по сохранению окружающей среды.

В статье подробно рассмотрены духовные практики, архитектурные инициативы («Офис в лесу») и продвижение вегетарианства как этической и экологической нормы, вносящие вклад в формирование особой экологической религиозности. Подчеркивается, что концепция межпоколенческой справедливости в учении Танигуты Масанобу получает особую религиозную глубину благодаря доктрине перерождений, согласно которой человек, причиняющий вред окружающей среде, потенциально обрекает на страдание самого себя в будущей жизни.

На материале полевого исследования и текстов вероучения показано, что *Сэйтё:-но Иэ* может быть интерпретирована как форма глубинного экологизма в духе Э. Добсона, в которой ценность природы и необходимость ее охраны имеют не утилитарное, а онтологическое и этическое основание. Статья делает вклад в осмысление роли религии в расширении горизонтов экологического мышления.

Ключевые слова: устойчивое развитие, «зеленая политика», *Сэйтё:-но Иэ*, религия и экология, карма, Япония, новые религиозные движения, энергетическая этика.

Авторы

Шехтер Александр Геннадьевич, младший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, 107031, ул. Рождественка, д. 12

E-mail: Jaller23rus@gmail.com

ORCID: 0009-0008-4934-0483

Рамеев Оскар Батуевич, младший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, 117418, Нахимовский проспект, д. 51/21.

E-mail: mr.rameev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4623-6508

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Karma, Energy, and Sustainability: Ethical and Religious Aspects of Green Politics in the Japanese New Religion of *Seichō-no Ie*

A. G. Shechter, O. B. Rameev

Abstract

The article analyses relations between the religious ethics of the new Japanese religion *Seichō-no Ie* and contemporary principles of the Green Agenda, including the concept of sustainable development. The study is based on a comparison of key doctrinal statements of *Seichō-no Ie* with the normative framework of Japan's environmental policy, in particular the implementation of the Sustainable Development Goals (SDGs), the Green Transformation (GX) strategy, and a number of national greening and decarbonization initiatives. It is shown that the *Seichō-no Ie* movement offers an original form of environmental ethics, embedding sustainability in the structure of religious thinking and the concept of karma, and, therefore, not only resonates with the official "green agenda," but also deepens its spiritual and moral content.

Particular attention is paid to the criticism of industrial lifestyles, fossil energy, and nuclear power plants, which, in the teachings of *Seichō-no Ie*, are seen as a form of bad individual and collective karma. These views are underpinned by a notion linking the pollution of nature to spiritual degradation. It is based on a divine revelation by the founder of the religion, Taniguchi Masaharu, entitled "Divine Messages on the Lighter of the Seven Golden Candlesticks." There, one can find the phrase "Be grateful to everything in the Universe!," which has become the doctrinal rationale for supporting the environmental cause.

The article elaborates on spiritual practices, architectural initiatives ("Office in the Forest"), and the promotion of vegetarianism as an ethical and environmental norm, which contribute to the formation of a specific environmental religiosity. It is emphasized that the concept of intergenerational justice in the teachings of Taniguchi Masanobu is given a special religious depth by the doctrine of rebirths, according to which a person who harms the environment potentially condemns themselves to suffering in a future life.

On the basis of field research and texts of the doctrine, it is shown that *Seichō-no Ie* can be interpreted as a form of deep environmentalism, in regards with E. Dobson's green theory, in which the value of nature and the need to protect it have not utilitarian but ontological and ethical grounds. The article contributes to the understanding of the role of religion in expanding the horizons of environmental thought.

Keywords: sustainable development, environmental policy, *Seichō-no Ie*, religion and ecology, karma, Japan, new religious movements, energy ethics.

Authors

Shechter Alexander G., Junior Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS

12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031.

E-mail: Jaller23rus@gmail.com

ORCID: 0009-0008-4934-0483

Rameev Oskar B., Junior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS

51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, 117418.

E-mail: mr.rameev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4623-6508

Conflict of interests

The authors declare the absence of the conflict of interests.

Введение

«Зеленая политика» как сфера политико-идеологического дискурса формировалась под воздействием комплексных социально-экономических и философских процессов, начавшихся приблизительно с эпохи индустриализации. Представляется, что основания экологической повестки были заложены в рамках реакции на стремительное преобразование традиционного уклада жизни, сопровождавшее промышленную революцию. В этот период формируется критический отклик на индустриализацию и деградацию природного ландшафта: представители философии романтизма, в особенности англоязычной традиции, У. Вордсворт, Г. Торо и Дж. Рёскин, утверждали ценность природы как самостоятельной сферы бытия, противопоставляя ее нарастающему чувству отчужденности «нового» индустриального общества [Dobson 2007, p. 21]. Эти идеи заложили культурно-философский фундамент для последующего развития экологической проблематики.

Тем не менее вплоть до середины XX в. экологические вопросы оставались преимущественно на периферии политического дискурса. Усиление внимания к ним стало возможным лишь в результате

накопления эмпирических свидетельств пагубного влияния индустриализации. Так, важным этапом институционализации экологической проблематики стала публикация в 1962 г. книги Рейчел Карсон «Безмолвная весна», которая вызвала общественный резонанс и поставила под сомнение легитимность индустриального агропромышленного комплекса [Карсон 1965]. В ряде стран, включая Японию, экологические катастрофы способствовали формированию нормативных механизмов регулирования и политизации вопросов охраны окружающей среды [Kasahara 2009].

Концептуализация и институциональное оформление «зеленой повестки» происходит уже в третьей четверти XX в., вместе с публикацией доклада «Пределы роста» в 1972 г. На основе математического моделирования исследователи показали риски, к которым может привести рост промышленности, экономики и населения [Meadows et al. 1972, p. 124]. С этих пор «зеленая политика» перестает быть исключительно морально-философским нарративом и начинает претендовать на роль полноценного компонента политической парадигмы. Становление соответствующих государственных и международных институтов, а также развитие правового регулирования в области охраны окружающей среды ознаменовали переход к фазе политической институционализации «зеленой повестки».

Значительный вклад в формирование содержательной базы «зеленой политики» внесла концепция «этики земли» Леопольда Олдо, содержащая тезис о моральной ответственности человека за состояние экосистем [Олдо 1983, с. 112]. Также в теоретико-идеологическом плане важное место принадлежит работе Эндрю Добсона, который предлагает различать два направления в экологической проблематике: «энвайронментализм», направленный на минимизацию вреда в рамках существующей системы, и «экологизм», предполагающий радикальную трансформацию отношений между человеком, обществом и природой. Добсон подчеркивает, что устойчивый общественный порядок невозможен без критического пересмотра базовых категорий современной политической экономики, включая модели производства, потребления и роста [Dobson 2007, p. 256].

Эволюция «зеленой политики» представляет собой постепенный переход от культурно-философской реакции на индустриальную перестройку общества к оформленному направлению политической мысли и государственной деятельности. При этом на протяжении

всего этого перехода сохраняется напряженность между двумя концептуальными полюсами – антропоцентрическим и экоцентрическим. Первый трактует природу как ресурс, подчиненный целям человека и государства, второй настаивает на признании ценности природной среды и необходимости согласования общественного развития с экологическими ограничениями.

Религиозные учения также выстраивают собственное понимание отношений между человеком и природой, занимая ту или иную позицию в рамках этих полюсов. К примеру, как активную поддержку (группы в рамках пресвитерианства, а также «прогрессивных церквей»), так и противодействие (в основном группы внутри консервативных евангеликов и харизматов) идеям зеленой политики можно обнаружить у различных протестантских деноминаций в США. Обоснование их позиций может иметь разные корни – богословие может переплетаться с их ориентацией на левые или правые политические движения и определять их отношение к устойчивому развитию.

Устойчивое развитие в Японии

Рассмотрим особенности японского подхода к реализации «зеленой политики» и устойчивого развития. Уже к началу 1970-х гг. в Японии сформировалась правовая база: на фоне тяжелых индустриальных загрязнений и резонансных инцидентов (вспомним Минамату – один из самых известных экологических кризисов в Японии, когда в результате промышленного сброса ртути в прибрежные воды тысячи людей пострадали от тяжелого отравления) в 1967 г. был принят *Основной закон о борьбе с загрязнением окружающей среды*¹, а в 1971 г. было создано Агентство по охране окружающей среды. Энергетический кризис 1973 г. выявил уязвимость экономики и стимулировал курс на сокращение потребления энергии. Япония резко повысила энергоэффективность экономики в 1970–80-х гг., превратив вынужденные меры в долгосрочную стратегию, снизив зависимость от топлива и смягчив экологические нагрузки. Эти предпосылки подготовили почву для включения экологической (в дальнейшем – и устойчивой) повестки в национальную политику.

¹ 平成5年版環境白書 *Хэйсэй гонэнбан Канкё: хакусё* [Белая книга по окружающей среде]: <https://www.env.go.jp/policy/hakusyo/h05/9198.html>

Начиная с 1990-х гг. Япония активно институционализирует принципы устойчивого развития на государственном уровне. В 1992 г. страна присоединилась к глобальной Повестке XXI на Саммите Земли, а в 1993 г. изменила свою нормативную базу: вместо закона 1967 г. был единогласно принят новый *Основной экологический закон*, который провозгласил стратегический курс на «создание общества устойчивого развития с низкой экологической нагрузкой» и закрепил ответственность всех акторов, от властей до граждан, за охрану окружающей среды². На его основе уже в 1994 г. был разработан первый *Основной план по окружающей среде*, задавший долгосрочные ориентиры экологической политики и призванный вовлечь в эти усилия все секторы общества.

Ключевыми институциональными вехами стали также повышение статуса природоохранного ведомства до уровня министерства (в 2001 г.) и принятие специальных законов в этих областях. В частности, после подписания Рамочной конвенции ООН по климату (РКИК ООН) Япония проявила лидерство на Киотской конференции 1997 г., где был согласован Киотский протокол. В развитие этих обязательств правительство Японии приняло *Закон о продвижении мер против глобального потепления* 1998 г.³, определивший ответственность центральных и местных властей, бизнеса и граждан за сокращение выбросов. На основе этого закона был разработан государственный *План достижения целей Киотского протокола*, призванный обеспечить выполнение количественных обязательств по снижению парниковых газов⁴. Благодаря сочетанию внутренней модернизации и активной внешней экологической дипломатии Япония к началу 2000-х гг. зарекомендовала себя как один из мировых лидеров «зеленого» развития.

После принятия ООН Повестки–2030 японское правительство оперативно интегрировало Цели устойчивого развития (Sustainable Development Goals, SDGs) в национальную стратегию. В мае 2016 г.

² 環境基本法, *Канкё: кихон хо*: [Основной закон об окружающей среде]: <https://laws.e-gov.go.jp/law/405AC0000000091>

³ 地球温暖化対策の推進に関する法律, *Тикю: онданка тайсаку но суйсин никансуру хо:рицу* [Закон о продвижении мер против глобального потепления]: <https://laws.e-gov.go.jp/law/410AC0000000117>

⁴ 京都議定書目標達成計画, *Кё:то гитэйсё мокухё: тассэй кэйкаку* [План по достижению целей Киотского протокола]: <https://www.env.go.jp/content/900447426.pdf>

была учреждена межведомственная Штаб-квартира по продвижению ЦУР во главе с Премьер-министром, в состав которой вошли все министры. Этот орган обеспечил координацию между министерствами и определил единый курс по реализации Повестки–2030. При Штаб-квартире были созданы консультационные круглые столы с участием НПО, бизнеса и академического сообщества, через которые власть привлекала широкий спектр мнений при адаптации ЦУР к национальным реалиям. Результатом этой работы стало утверждение в декабре 2016 г. *Основных принципов реализации ЦУР* – стратегического документа, оформившего видение Японии в сфере устойчивого развития⁵. В *Основных принципах* провозглашена цель стать мировым лидером в реализации интегрированного прогресса устойчивого развития в экономической, социальной и экологической сферах. Именно так ЦУР были официально встроены в парадигму национального развития как один из основных ориентиров государственной политики.

Новейшим же этапом развития «зеленой политики» Японии стала стратегия «Зеленой трансформации» (GX) – комплексный курс на технологическую и экономическую трансформацию в целях декарбонизации. В 2020 г. Япония официально взяла на себя повышенные климатические обязательства: к 2030 г. сократить выбросы парниковых газов на 46% (от уровня 2013 г.) и достичь *углеродной нейтральности* к 2050 г.⁶ Для выполнения этих амбициозных целей был предложен подход GX, означающий, по определению правительства, коренную перестройку всей промышленно-энергетической базы страны с переходом от ископаемого топлива к чистой энергии⁷. Фактически GX подразумевает пересмотр послевоенной индустриальной модели Японии и переориентацию ее на рельсы устойчивого развития. Стратегия носит ярко выраженный технико-экономический характер: она нацелена на стимулирование инноваций, масштабную модернизацию энергосектора и создание новых «зеленых» рынков при одновремен-

⁵ 持続可能な開発目標(SDGs)実施指針, *Дзидзёку канона кайхацу мокухё: (SDGs) дзисси сусин* [Руководство по реализации ЦУР]: <https://www.env.go.jp/content/900529215.pdf>

⁶ エネルギー基本計画, *Энэруги: кихон кэйкаку* [Стратегический энергетический план]: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/pdf/20211022_01.pdf

⁷ GX (グリーントランスフォーメーション)とは GX (*гури:н торансуфо:мэ:сён*) *то ва* [Что такое «зеленая трансформация» GX?]: <https://www.ntt.com/bizon/glossary/e-g/green-transformation.html>

ном обеспечении энергетической безопасности и экономического роста. По задумке, парадигма GX должна не только снизить выбросы, но и дать импульс промышленности – превратить декарбонизацию в двигатель экономического роста и укрепления конкурентоспособности Японии на глобальных рынках.

Для реализации GX выстроена разветвленная государственная программа. Под руководством Премьер-министра в 2022 г. создан Совет по реализации GX, который разработал базовую политику и дорожную карту на ближайшее десятилетие. Согласно этим планам, правительство намерено задействовать комплекс мер: от введения углеродного ценообразования (включая систему торговли квотами на выбросы парниковых газов для предприятий) до масштабных инвестиций в чистую энергетику. Япония планирует в течение 2020-х гг. мобилизовать свыше 150 трлн иен (около 1,1 трлн долл.) «зеленых» инвестиций за счет партнерства государства и бизнеса⁸. Для этого государство пойдет на беспрецедентные финансовые шаги, включая выпуск целевых «облигаций трансформации» на сумму до 20 трлн иен, обеспеченных будущими доходами от углеродного налога. Средства направляются на развитие возобновляемой энергетики, водородных технологий, «зеленого» водорода и аммиака, повышение энергоэффективности, а также на возобновление атомной энергетики как безуглеродного источника. Стратегия GX интегрируется с другими национальными планами – 7-м Стратегическим энергетическим планом, новым Планом мер против глобального потепления и т. д., формируя единый курс на декарбонизацию экономики.

При этом, несмотря на определенную успешность государственной «зеленой политики», ее преобладающе технократический характер влечет за собой некоторые ограничения. Акцент на нормативно-технических решениях и экономических стимулах порой оставляет в тени культурные, этические и духовные аспекты устойчивого развития. В японском обществе с его богатыми традициями взаимоотношений с природой (синтоистские и буддийские взгляды на окружающий мир и др.) вопросы экологической культуры и ценностей играют не менее важную роль, чем законы и инвестиции. Однако представляется, что действующая «зеленая повестка» пока недостаточно интегрирует эти

⁸ GX実現に向けた方針GX *дзицугэн нимукэта хо:син* [Политика по реализации GX]: https://www.meti.go.jp/press/2022/02/20230210002/20230210002_1.pdf

нематериальные измерения: ценностные установки, мировоззренческие мотивы, вовлечение местных сообществ на уровне образа жизни. Подобный разрыв означает, что рассмотрение одной лишь государственной стратегии и уровня развития технологий может быть недостаточно для достижения подлинного понимания данного процесса. Именно в этом контексте все более заметной становится роль религиозных и общественных институтов, способных привнести этические ориентиры и глубокую мотивацию в «зеленую повестку».

Сегодня экологическая повестка в Японии уже не ограничивается уровнем официальных стратегий и международных соглашений: она становится частью публичных дискуссий и влияет на повседневный выбор отдельных граждан. Участие в программах по снижению бытовых отходов, переход на источники возобновляемой энергии, критика атомной энергетики, этические и экологические доводы в пользу вегетарианства – все это примеры того, как экологические установки получают практическое выражение. Хотя эти практики пока не стали массовыми, они демонстрируют, что вопросы экологии становятся предметом моральных суждений и личной ответственности. В этом смысле в современном японском обществе есть запрос не только на технологические или административные решения, но и на ценностную рамку, в которой такие решения могли бы осмысляться.

На этом фоне религиозные традиции и организации Японии стремятся участвовать в продвижении идей устойчивого развития, дополняя усилия государства своим духовно-культурным потенциалом. Риторiku в поддержку «зеленой повестки» можно наблюдать у представителей разных японских деноминаций, к примеру – традиционных буддийских школ, таких как Риндзай-дзэн⁹, Дзёдо-Син¹⁰, Сингон¹¹ и некоторых других. Осмысление устойчивого развития в религиозной сфере можно обнаружить не только у них, но и у новых религиозных движений (далее – НРД).

Возникает справедливое подозрение – не является ли апелляция к экологической тематике со стороны религиозных организаций лишь способом встроиться в мейнстрим и сохранить актуальность? Ответ на такой вопрос кроется в конкретном анализе каждой из конфессий.

⁹ См.: <https://www.myoshinji.or.jp/1137/1140/sdgs>

¹⁰ См.: <https://tsukijihongwanji.jp/info/sdgs/>

¹¹ См.: <https://chisan.or.jp/shinpukuji/center/workshop/forum/密教と環境—密教は地球環境問題にどう向き合う/>

В случае с рассматриваемой в этой статье новой религией *Сэйтё-но Иэ* обращение к экологической проблематике имеет как политические, так и теологические причины – при этом не всякий раз очевидно, какая из них преобладает. Несомненно, во всяком случае то, что позиция *Сэйтё-но Иэ* в интерпретациях проблем современной зеленой повестки всякий раз взывает к вероучительным положениям, что отдаляет идею устойчивости от ее сугубо политического характера и приближает ее к этическому императиву.

Вероучение *Сэйтё-но Иэ*

Новые религии, известные по-японски как *синсю:кё*: 新宗教 или *синко:сю:кё*: 新興宗教¹² – это религиозные движения, которые были образованы и продолжают образовываться с XIX в. по наши дни. Многие из них еще более синкретичны чем традиционные японские религии: НРД вобрала в себя не только верования синтоизма, японского буддизма, конфуцианства и даосизма, но и элементы религий, не бытовавших в Японии до XIX в. В эпоху Мэйдзи в стране стали распространяться авраамические религии, западная философия, а также наука – все это не могло не повлиять на японскую религиозность.

Интересующей нас *Сэйтё-но Иэ* предшествовало *Оомото-кё*: 大本教 («Учение Великого начала», основано в 1892 г.), опиравшееся в своей доктрине как на буддизм и интерпретации синтоизма в духе Кокугаку¹³, так и на многие западные идеи: перенниализм¹⁴, интернационализм и даже некоторые иудео-христианские верования. Поначалу *Оомото-кё*: представляла собой генотеистическую религию¹⁵ преимущественно на синтоистских народных началах, позже стала вбирать в себя идеи западного происхождения и очень сильно

¹² Термин *синко:сю:кё*: нередко считается представителями новых религий пейоративным.

¹³ Кокугаку 国学 – интеллектуальное движение эпохи Эдо (1603–1868), адепты которого занимались филологическим анализом памятников японской древности. Многие из приверженцев Кокугаку пытались преобразовать синтоистские верования в единую религиозную систему, схожую с буддизмом или конфуцианством.

¹⁴ Идея, согласно которой все религии мира (или почти все) имеют единое происхождение, которое их роднит.

¹⁵ Генотеизм – позиция, при которой признаётся существование множества богов, но один из них почитается как главный.

расширилась за счет прозелитической кампании, основу которой составляло издание вероучительных журналов.

Танигути Масахару 谷口雅春 (1893–1985), основавший в 1930 г. новую религию *Сэйтё:-но Иэ* 生長の家 («Дом роста»), долгое время был помощником главного редактора журнала Оомото, а также стенографировал откровения главы *Оомото-кё:*. В 1922 г. Танигути покинул Оомото после того как эта секта пережила репрессии со стороны государства.

13 декабря 1929 г. Масахару Танигути, погруженный в глубокие раздумья, впервые услышал божественный голос, который, согласно традиционному нарративу секты, поведал ему основы будущего вероучения *Сэйтё:-но Иэ*. Согласно этой доктрине, восприятие людей, как правило, затуманено иллюзиями феноменального мира 現象, *гэнсё:*, которые мешают субъекту видеть всеблагу действительность, истинное бытие 実相, *дзиссо:*. Истинное бытие тесно связано с монотеистическим Богом, который обладает свойством «совершенности» – 完全性 *кандзэнсэй*. Всякого рода страдания, болезни и неудачи мыслятся как искажения феноменального мира, а не часть единственно существующего истинного бытия. Целью адепта *Сэйтё:-но Иэ* является духовное очищение своего восприятия, которое приближает к постижению истинного облика всего сущего.

Сэйтё:-но Иэ является синкретической религией, состоящей из буддийских, синтоистских (в интерпретации Кокугаку), а также христианских элементов в духе идей западных новых религий Нового Мышления (New Thought). Количество адептов *Сэйтё:-но Иэ*, по официальным данным секты, около миллиона человек по всему миру (ок. 350 тыс. в Японии, ок. 690 тыс за рубежом¹⁶).

Наиболее доктринально важными практиками *Сэйтё:-но Иэ* выступают¹⁷: 1) медитация, именуемая «созерцанием и помышлением Бога» *синсо:кан* 神想観, проводимая индивидуально либо в группах в храме; 2) чтение вероучительной литературы, а также особых сутр *сэйкё:* 聖教, написанных лидерами движения; 3) деяния любви – альтруистические акты помощи ближнему. Все три практики, согласно доктрине *Сэйтё:-но Иэ*, очищают восприятие человека от призраков феноменального мира и приближают его к истинному облику бытия.

¹⁶ См.: <https://www.jp.seicho-no-ie.org/about/outline/>

¹⁷ Информация получена в ходе полевого исследования, проведенного весной–летом 2024 г.

Учение этой религии также заявляет об особой творительной способности слов и мыслей, от чего деяния любви нередко могут выражаться в молитве, словах поддержки и восхищения, именуемых «словами любви» 愛語, *аиго*, а сутры или книги, как принято говорить, содержат в себе «добрые слова» よき言葉, *ёки котоба*, тоже благим образом воздействующие на действительность.

***Сэйтё-но Иэ* и политика**

Политическую позицию *Сэйтё-но Иэ* в XX в. принято мыслить как проправительственную и ультраправую. Реакционный сентимент, тем не менее, прослеживался в действиях Танигути Масахару весьма непоследовательно – известно, что Танигути критиковал власти за репрессирование различных японских новых религий, а также выступал против распевания японских военных песен. Некоторые из них, в частности, «*Уми Юкаба*» – Танигути считал слишком пораженческими [Светлов 1989 с. 109]. «*Уми Юкаба*», основанная на стихе раннесредневекового поэта Отомо Якамоти (?–785), эталонно соответствовала духу довоенной и военной японской пропаганды – восхваляла «правильную» смерть героя. «Если поплывем по морю, // Пусть вода поглотит наши трупы. // Если отправимся в горы, // Пусть трава покроет наши трупы. // Умрем подле государя, // Не оглядываясь назад».

«Герой» той эпохи ценился не столько за его прижизненные поступки, сколько за благородную смерть во имя государства и государя. При этом тактическая оправданность и эффективность таких суицидальных «подвигов» уходила в японской пропаганде на второй план [Мещеряков 2020, с. 292]. Танигути, выступая с позиций позитивного мышления (позаимствованного из различных New Thought движений), не мог в открытую восхвалять суицидальный героизм – действительно рабочим лозунгом, соответствующим вероучению *Сэйтё-но Иэ*, можно было выдвинуть лишь позитивный «Верная победа японской армии!» *Ко:гун хиссё* 皇軍必勝. Во время Второй мировой войны именно под этим слоганом Танигути занял уверенную промилитаристскую позицию и проводил кампанию по сбору пожертвований на нужды японской армии. За свою пропагандистскую деятельность он подвергся тюремному заключению при оккупации Японии союзными войсками [Комаровский 2002, с. 299].

После поражения Японии во Второй мировой войне правые настроения в *Сэйтё:-но Иэ* не угасали вплоть до начала XXI в. Адепты *Сэйтё:-но Иэ* были известны как отрицатели военных преступлений Японии и сторонники пересмотра девятой статьи конституции, а также были сторонниками антиабортного движения. Кроме того, была основана политическая ассоциация «Сэйтё:-но Иэ сэйд-зирэнго:» 生長の家政治連合, формально просуществовавшая с 1964 по 1995 гг. (в действительности свою деятельность она прекратила в 1983 г.), являвшаяся выразителем политических воззрений организации. Ассоциация выступала за активную поддержку либерально-демократической партии Японии и сотрудничала с религиозными политическими ассоциациями со схожими воззрениями.

Однако в XXI в. пресса заговорила о превращении *Сэйтё:-но Иэ* в «либеральное религиозное объединение» リベラル教団, *рибэрару кё:дан*¹⁸. Политический поворот принято связывать с именем нынешнего лидера организации – Танигути Масанобу 谷口雅宣 (р. 1951), внука Танигути Масахару. Отцом Масанобу был зять Масахару, Танигути Сэйтё: 谷口清超 (1919–2008). Любопытно, что еще Сэйтё:, вовсе не отказываясь от праворадикальных взглядов, проявлял особый интерес к идеям «зеленой политики» – поощрял использование солнечных панелей для вырабатывания энергии, а в качестве транспорта рекомендовал пользоваться электромобилями. Однако полный уход с правой стороны политического спектра совершил Масанобу, что привело к расколу в организации. Часть верующих, несогласная с новым политическим курсом, отделилась от *Сэйтё:-но Иэ* и образовала несколько фундаменталистских организаций, именуемых зонтичным термином «Основное течение *Сэйтё:-но Иэ*» (生長の家本流運動, *Сэйтё:-но Иэ хонрю:ундо:*) и выступающих за возвращение к старой, ортодоксальной интерпретации трудов Танигути Масахару.

Танигути Масанобу выступает за сохранение девятой статьи японской конституции, а также является активным сторонником движения по сохранению окружающей среды. Для обоснования своих позиций он прибегает к идеям вероучения, основы которого заложены его дедом. В отличие от Масахару, Масанобу не заявляет об особом пророческом даре или мистическом опыте – в сущности он занимается свободной герменевтикой трудов основателя

¹⁸ См.: <https://diamond.jp/articles/-/308932>.

секты, с помощью которой выводит актуальные для современного *Сэйтё-но Иэ* положения.

Следует думать, что деятельность нынешнего лидера движения во многом направлена на некоторое оправдание *Сэйтё-но Иэ* и апеллирует к умеренной и левой аудитории, многие представители которой помнят ультраправое прошлое секты. В активном обращении Танигути Масанобу к вопросам экологической повестки можно усмотреть некоторую попытку этой апологии. Однако даже если посчитать поддержку экологического движения «дипломатическим» ходом, нельзя отрицать весьма глубокую вероучительную интерпретацию «зеленой повестки». Масанобу трудно назвать лишь приспособленцем поскольку он напрямую отсылает к трудам предыдущих лидеров *Сэйтё-но Иэ* (в особенности к трудам основателя движения), в которых содержатся идеи правого толка, не вполне уместные для современной доктрины этой религии. Тем не менее, положения из этих работ используются аккуратно и выборочно, что позволяет сделать вывод о своего рода политической прагматичности его подхода. Иначе говоря, в этой риторике наблюдается синтез как религиозного, так и политического, в которой необязательно преобладание одного над другим.

Учение о карме и перерождении в *Сэйтё-но Иэ*

Костяком апологии современной «зеленой политики» в доктрине *Сэйтё-но Иэ* служат буддийские по происхождению учения о карме и перерождении, перенятые еще основателем движения. В своих первых крупных трудах Танигути Масахару как минимум упоминает концепцию перерождений. В первом томе сборника «Сэймэй-но Дзиссо:» (生命の実相, «Истинный облик живительной силы») он описывает идею особых помощников на пути духовного роста людей и именует их «спасителями», «мессиями» 救い主, *сукуинуси*. Поскольку путь адепта *Сэйтё-но Иэ* связан с избеганием страданий, Танигути Масахару считает, что в религиозном подвижничестве нет смысла страдать «с чистого листа». Спасители уже испытали множество мук, тем самым проложив другим людям путь к безболезненному духовному росту, и отказываться от их помощи попросту неразумно. В их список входят будда Амида, прошедший несколько перерождений в суровой аскезе [Taniguchi 1952, p. 10–14]. Впрочем, в трудах основателя *Сэйтё-но Иэ* основное внимание уделено не вопросам посмертного

существования, а посюсторонним проблемам, и подробностям перерождения и идеям кармы там уделяется не очень много места.

Следует признать, что интерпретация кармы и перерождения в *Сэйтё:-но Иэ* имеет расхождения с традиционной буддийской мыслью. В отличие от буддизма, отрицающего существование неделимого Я, души или индивидуальности, *Сэйтё:-но Иэ* проповедует существование бессмертной души (также именуемой «живительной силой» 生命, *сэймэй*, иногда эти знаки читаются как *тамаси*), вечно хранящей в себе индивидуальность [Ibid., p. 9–10]. Именно душа или живительная сила подвержена перерождениям. Поскольку душа человека бессмертна, его физическое рождение лишь знаменует обретение новой плоти, но не начало новой жизни. Согласно «закону родства» 親和の法則, *синва но хо:соку*, живительная сила или душа при выборе нового плотского облика стремится к семьям со схожей духовной «вибрацией» 振動, *синдо:*, и чаще всего перерождается в той же семье и стране, что и в предыдущей жизни. Допускается, что живительная сила может переродиться и в другой стране – такой человек, по мнению Танигути Масанобу, будет тянуться к путешествиям или к жизни за границей [Taniguchi 2012, p. 218–219].

Уже с младенчества человек несет кармический груз предыдущих перерождений, которые с высокой вероятностью были прожиты им в телах его предков. Из этого следует, что всякие деяния предков могут отягощать или же облегчать существование в этой жизни. Слово *карма*, переводящееся с санскрита как «деятельность», а также бытующее в японском языке в записи 業, *го:*, с таким же значением, чаще всего воспринимаются в контексте буддийского учения о воздаянии за благие или злые дела. В традиционном японском буддизме считается, что воздаяние может наступить как в этой, так и в последующих жизнях, оно влияет на характер будущего перерождения (см. перевод отрывка из трактата Кукая в настоящем выпуске Ежегодника). Издревле существует концепция трех видов кармической деятельности 三業, *санго:*, которая также оказывается включенной в учение *Сэйтё:-но Иэ*. Согласно ей, деяния тела 身業, *синго:*, уст 口業, *куго:*, и помышления 意業, *иго:*, формируют кармический груз субъекта и определяют последующее воздаяние, которое может быть благим, дурным или нейтральным [Nakamura et al. 2023, p. 389].

Любопытно, что в рамках учения *Сэйтё:-но Иэ*, по всей видимости, решается давний вопрос об источнике кармического закона. Идея

кармы была представлена не только в буддизме, но и в других древних индийских учениях, в том числе признававших богов и могших объяснить кармическое воздаяние через божественный промысел. Для подобного бога в индийском буддизме не находилось места. В учении *Сэйтё-но Иэ*, признающем существование единого Бога, движущей силой воздаяния является не сколько сам Бог, сколько разум всякого субъекта. Бог в *Сэйтё-но Иэ* является совершенно благом, тогда как мучения и болезни относятся к иллюзиям феноменального мира, источником которого является сознание человека. С похожих позиций выступал один из основателей индийской буддийской школы йогачары Васубандху, согласно которому как сами деяния, так и воздаяние за них исходили из разума всякого человека [Buswell 2004, p. 415].

Ископаемое топливо и атомная энергия как источники дурной кармы

Попробуем сопоставить теоретические основания современной «зеленой повестки» и учения *Сэйтё-но Иэ*, найти их точки соприкосновения и взаимного влияния. Танигути Масанобу в своих работах с тревогой заявляет: человечество накапливает дурную карму путем всех трех видов деяний еще со времен промышленной революции, давшей начало интенсивной добыче ископаемого топлива, активное использование которого вредит окружающей среде. Здесь прослеживается сходство с экологической повесткой в осмыслении промышленной революции как поворотного момента – ее критику мы также находим и у английских романтиков, упомянутых ранее. Один из постулатов *Сэйтё-но Иэ*, полученный Танигути Масахару в одном из откровений, гласит: «Благодарите мириады вещей неба и земли!» (天地の万物に感謝せよ, *Тэнти но банбуцу ни канся сэё*)¹⁹. Именно на него обращают внимание адепты *Сэйтё-но Иэ* в доктринальном обосновании своей поддержки «зеленой политики».

Итак, деяния, наносящие вред «мириадам вещей неба и земли», становятся дурной кармой 悪業, *акуго*:. Неприемлемым считается и использование энергии атома, несущее, по мнению Танигути Масанобу, множество рисков для окружающей среды: возможное

¹⁹ Орывок из одного из наиболее часто цитируемых откровений *Сэйтё-но Иэ* – «Божественного откровения о зажигателях семи светильников» (七つの燈臺の點燈者の神示, *Нанацу-но то:дай-но тэнто:ся-но синдзи*).

повторение аварии на АЭС Фукусима–1, распространение радиоактивных отходов, проблемы с ядерным разоружением. Атом, как видит Танигути, не может быть сугубо «мирным»: «Знаете ли вы, как началось использование силы атома? Этому нас учили на уроках истории, не так ли? Человечество впервые применило силу атома в Хиросиме и Нагасаки. Вот она – неизменная истина. В чем же наивысшая цель этой силы атома? Убийство человека и разорение цивилизации – вот в чем» [Taniguchi 2012, pp. 224–225]²⁰.

Разного рода апологетика и содействие использованию ископаемого топлива и атомных электростанций рассматривается через призму вышеупомянутой концепции трех видов кармической деятельности *санго*: Помышления в духе «Как же мы можем прекратить использование топлива и энергии атома, мы ведь современные люди и только благодаря им живем так прекрасно!» или «В Китае и в Америке добывают энергию так же, поэтому и нам дозволено!» попадают в категорию вредных помышлений *уго*: Являясь дурной кармой сами по себе, эти помышления, распространяемые в обществе, порождают дурные деяния тела *синго*: – люди стремятся воплотить свои помышления в реальность и, скажем, восстанавливают в Японии работу атомных электростанций, люди снова начинают на них работать, что делается главным источником пропитания их семей²¹. Эти работники, считает Танигути, один за другим заговарят: «Вернуться к другим источникам энергии мы уже не можем!» – это и будут дурные деяния уст *куго*: [Taniguchi 2012, p. 220–221].

Танигути Масанобу подчеркивает, что такого рода карма – это злодеяния не просто конкретного индивида, а всего человечества. Она оказывает влияние как в этом перерождении, так и в будущем – на жизнь наших потомков, кем мы и члены нашей семьи имеем шанс

²⁰ Тут стоит отметить, что заявление Масанобу не вполне фактически верно, поскольку первый контролируемый реактор (Chicago Pile–1) был сконструирован и задействован на три года раньше атомных бомбардировок – в 1942 г. [Hewlett, Anderson 1962, p. 54]. Это был экспериментальный реактор, хоть и построенный в рамках проекта «Манхэттен».

²¹ Примечательно, что подобный сценарий получил подтверждение в действительности: с начала 2020-х гг. Япония фактически стала активизировать использование атомной энергии. В 2022 г. было объявлено о курсе на «перезапуск» ядерного сектора, обосновывалось это необходимостью укрепления энергетической безопасности, сокращения зависимости от импорта ископаемого топлива и достижения целей декарбонизации. На данный момент атомная энергетика вновь заняла одно из центральных мест в долгосрочной энергетической стратегии страны, что подтверждает актуальность критики Танигути.

переродиться. Глобальное потепление и иные экологические бедствия объявляются воздаянием человечеству в целом. Социальный смысл этой доктрины резонирует с идеей межпоколенческой ответственности, которую Танигути отображает через вероучительную призму. Согласно распространенным положениям «зеленой концепции» и теории устойчивого развития, нынешнее поколение несет моральное обязательство не подрывать возможности будущих поколений удовлетворять их основные потребности. В рамках теории устойчивого развития этот принцип закреплён, в частности, в докладе комиссии Брундтланд 1987 г. и ряде международных соглашений, включая Повестку дня на XXI век и Цели устойчивого развития (ЦУР). «Устойчивое развитие является развитием, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но которое не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [Евтеев, Перелет 1989, с. 59].

В учении *Сэйтё-но Иэ* данная идея получает религиозно-нравственное измерение. Танигути Масанобу, интерпретируя экологические вызовы сквозь кармическую оптику, утверждает, что действия современного человека, сопряженные с разрушением природы – будь то использование атомной энергии, вырубка лесов или загрязнение почвы, – создают не только индивидуальные, но и коллективные кармические последствия, которые лягут на будущие поколения. Он приходит к выводу, что каждый человек несет ответственность за свои деяния в отношении окружающей среды, поскольку, согласно учению *Сэйтё-но Иэ*, велика вероятность того, что в будущем рождении он сам воплотится в собственном роду или по крайней мере в пределах той же самой страны. В этом свете экологическое разрушение перестает быть далекой проблемой, с которой столкнутся другие люди из будущих поколений, а становится следствием, которое с высокой вероятностью настигнет самого деятеля в его следующем воплощении. Следовательно, концепция межпоколенческой ответственности в учении *Сэйтё-но Иэ* обретает не только этико-религиозное, но и глубоко персонализированное измерение: забота об окружающей среде – это забота о самом себе в завтрашнем мире. Экологическое поведение здесь оценивается не только через призму рациональной устойчивости, но и через сакральную этику кармической взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, в которой причиненный ущерб возвращается не метафорически, а буквально.

Лидер *Сэйтё:-но Иэ* предлагает лишь один выход: «Итак, раз накопление плохой кармы в самом деле происходит, то нам следует в кратчайшие сроки прекратить это накопление, заместить плохую карму благой» [Taniguchi 2012, p. 223]. Иначе говоря, всякого рода поддержка идей «зеленой политики», а также использование ветряков, солнечных панелей и других возобновляемых источников энергии способно накопить благоую карму в этом перерождении, которая передастся потомкам.

Танигути Масанобу оказался не голословен – в 2003 г. под его руководством было решено перенести главный храм *Сэйтё:-но Иэ*, ранее находившийся в центре Токио в районе Харадзюку, в горы префектуры Яманаси. Уже тогда предполагалось, что новый храм будет построен сообразно идеям «зеленой политики»: энергия там будет полностью возобновляемой, к храму будут допускаться лишь электромобили, а лес будет расчищен с наименьшим вредом для окружающей среды. Назван этот головной храм «Офисом в лесу» 森の中のオフィス, *мори но нака но офису* ²². Он в самом деле на первый взгляд не напоминает религиозное учреждение. Множество его элементов сделаны из дерева, а крыши заполняют солнечные панели. Ныне храм энергетически самодостаточен и полностью прекратил сотрудничество с японскими энергетическими компаниями.

Здесь следует отметить еще одно примечательное пересечение между практикой *Сэйтё:-но Иэ* и государственной экологической политикой Японии – ориентир на стандарты энергоэффективности зданий. Так, строительство «Офиса в лесу» предвосхищает внедрение в стране стандартов ZEH (Net Zero Energy House) и ZEB (Net Zero Energy Building), предусматривающих создание зданий с нулевым (или близким к нулю) энергопотреблением за счет использования возобновляемых источников энергии и повышенной теплоизоляции. Эти стандарты стали частью государственной стратегии по декарбонизации строительного сектора. С 2025 г. в Японии вводится обязательное строительство по стандарту ZEH для всех новых индивидуальных жилых домов, а в 2030 г. аналогичное требование распространится и на все новые нежилые здания по стандарту ZEB²³. Иначе говоря, современная позиция *Сэйтё:-но Иэ* не только

²² См.: https://youtu.be/DXhnyM6KRJ0?si=TE9lbPQOVSBJK_Xj

²³ См.: https://www.enecho.meti.go.jp/category/saving_and_new/saving/general/housing/index03.html

не противоречит экологическим приоритетам японского государства, но и иногда их опережает.

Любопытно, что в процессе создания нового головного храма был преобразован и старый. На месте прежней штаб-квартиры в Харадзюку теперь находится небольшой парк, именуемый «Лесом жизни» いのちの樹林, *иноти но дзюрин*. В оставшихся зданиях прежнего храма располагается зал для медитации вместе с небольшой каменной пагодой внутри храма, именуемой «Пагодой сияния» 光明の塔, *ко:мё:-но то:* (словом *ко:мё:* в *Сэйтё:-но Иэ* обозначают расширяющийся свет их учения). Немногочисленные сотрудники предлагают посмотреть видеоматериалы, посвященные строительству нового головного храма, а также флоре и фауне «Леса жизни». Имея редкую для центра Токио флору и фауну, это место позиционирует себя как «зеленый уголок» в «бетонных джунглях» столицы страны. Здесь прослеживается пересечение с приоритетами японской государственной и муниципальной политики по озеленению городов. Особенно это видно в контексте борьбы с эффектом «теплового острова»²⁴ и продвижения городской устойчивости. Префектура Токио реализует инициативы по увеличению зеленых насаждений, в том числе создание «зеленых островков» и «зеленых крыш»²⁵. Пример «Леса жизни» – частный, но репрезентативный вклад в выполнение этих стратегий, особенно в условиях плотной городской застройки. Это вновь демонстрирует потенциальную синергию между инициативой *Сэйтё:-но Иэ* и государственной экологической повесткой.

Вегетарианская диета

Сэйтё:-но Иэ под предводительством Танигути Масанобу выступило с настоятельной рекомендацией по обращению к вегетарианской диете. Призывы к неупотреблению мяса в пищу встречаются еще в работах основателя секты, Танигути Масахару, однако в нынешнее

²⁴ Повышение температуры в городах по сравнению с окружающими сельскими районами. Он возникает из-за накопления тепла в бетоне, асфальте и других городских материалах, а также недостатка зеленых насаждений. Дополнительное тепло выделяется транспортными средствами, кондиционерами и промышленными производствами. Это приводит к перегреву, росту энергопотребления и ухудшению здоровья горожан.

²⁵ См.: <https://www.env.go.jp/content/900399463.pdf>.

время эти идеи стали приобретать новые интерпретации в духе «зеленой политики».

Основатель выступал во многом с вероучительных позиций, навешанных буддизмом, – он прямо говорил о карме и о буддийской заповеди ахимса (不殺生, *фуссэсё*), запрещающей убивать любое живое существо. Употребление мяса в пищу, требующее убоя скота, несло воздаяние сообразно самому деянию. Убийства, как говорит Танигути Масахару, кармически влекут за собой новые убийства, непременно распространяющиеся на мир людей. Из этого он заключает: пока люди будут убивать животных и всячески оправдывать мясную диету, войны не прекратятся [Taniguchi 2008, p. 168].

Танигути Масанобу во многом разделяет мнение своего деда, но добавляет собственную, следует отметить, во многом более прагматичную и светскую интерпретацию. Согласно ей, рост городов и спрос городского населения на мясные продукты требуют обширных пастбищ. Леса, играющие ключевую роль в поглощении углекислого газа, вырубаются ради расчистки территории, что усиливает парниковый эффект, а значит, влечет за собой потенциальное повышение уровня моря и постепенное затопление прибрежных зон, сокращение площади суши. Все это, как считает лидер *Сэйтё:-но Иэ*, может привести к усугублению территориальных конфликтов, которые приводят к новым войнам.

Возвращаясь к кармической интерпретации, Масанобу добавляет: «Существует мнение, что мясной диетой мы наносим вред лишь животным, но в конце концов она оказывается связана со страданием людей. Так происходит вечное движение кармы. В действие вступает закон духа-разума²⁶ “Кто живет грабежом, того и разграбят”» [Taniguchi 2012, p. 236].

Однако, в отличие от буддийского учения, доктрина *Сэйтё:-но Иэ* с момента ее появления не рассматривала немясную диету как необходимое условие добродетели [Taniguchi 2012, p. 230–231]. Даже сейчас, несмотря на активное продвижение вегетарианской диеты, отказ от мясной пищи носит во многом рекомендательный, но не обязательный характер. Сейчас вегетарианская диета в *Сэйтё:-но Иэ* именуется «безмясной диетой» ノーミート料理, *но:ми:то рё:ри*.

²⁶ Законы духа-разума 心の法則, *кокоро-но хо:соку*, – объекты познания любого адепта *Сэйтё:-но Иэ*; их, постижение, как считается, гарантирует верующему избавление от страданий и обретение контроля над собственной судьбой.

Высказывания Танигути Масанобу, созвучны идеям «зеленой повестки», согласно которым промышленное животноводство само по себе оказывает значительное негативное влияние на окружающую среду [Scoones 2023]. Коровы и свиньи причисляются к крупнейшим источникам метана – мощного парникового газа, усиливающего глобальное потепление. Скотоводство требует огромного количества воды и кормов, для производства которых также используются сельхозугодья, полученные за счет вырубки лесов. Кроме того, сточные воды и отходы ферм загрязняют почву и водоемы, нарушая экосистемы и способствуя утрате биоразнообразия. Несмотря на вероучительные интерпретации поднимаемых Масанобу вопросов, можно заметить еще одно совпадение со вполне секулярной «зеленой повесткой».

Кроме того, лидер *Сэйтё-но Иэ* подчеркивает плохое обращение с животными, которое, по его мнению, возникает из желания наиболее эффективно выращивать скот – многие загоны очень тесны и не похожи на естественную среду обитания животных, что может вызывать у них болезни. Выращивание и убой скота современными методами, а также употребление мяса в пищу – все это вновь рассматривается как деяния, влекущие за собой неблагоприятное кармическое воздаяние, ведь все они не выполняют постулат «Благодарения мириад вещей неба и земли» [Taniguchi 2012, p. 232].

Наиболее кармически вредными видами мяса, согласно проведенному нами интервью со священнослужителем Абэ Кадзусигэ весной 2024 г., являются свинина и говядина. Во время интервью Абэ нарисовал небольшую таблицу, где указал, что на 1 кг говядины приходится 13 кг корма, на 1 кг свинины – 8 кг корма. Наименее вредной оказалась курятина – на 1 кг курятины приходится, по мнению Абэ, лишь 2 кг корма. На вопрос «Употребляет ли сам Танигути Масанобу мясо в пищу?» священнослужитель ответил: «Ну, только если курицу...». Подразумевается, что корм для животных можно было бы использовать в качестве еды для людей в регионах, где не хватает продовольствия. Тезис на первый взгляд кажется убедительным, но на практике он представляется упрощенным. Большинство кормов изначально непригодны для человеческого потребления из-за своей грубой структуры, низкой пищевой ценности или необходимости сложной переработки. Кроме того, адаптация таких продуктов под диету человека потребовала бы значительных технологических и экономических усилий, сопряженных с экологическими последствиями.

Между тем, Танигути Масанобу признает, что отказ от мяса должен быть поэтапным, поскольку моментальное разрушение всей мясной промышленности влечет за собой множество жертв: люди останутся без зарплат и профессий. Поэтому адепту *Сэйтё:-но Иэ* настоятельно не рекомендуется бежать к ближайшую мясную лавку и устраивать там апокалиптическую проповедь о дурной карме, которую своей деятельностью производит мясник [Ibid., p. 233].

Продвижение вегетарианской диеты помимо проповедей происходит в *Сэйтё:-но Иэ* и в журналах, выпускаемых сектой. В изданиях, нацеленных на женскую аудиторию, таких как «Сирохато» (白鳩, «Белый голубь»), можно обнаружить рецепты различных вегетарианских блюд. Кроме того, в некоторых храмах *Сэйтё:-но Иэ* как правило раз в месяц работает «открытая столовая» オープン食堂, *о:пун сёкудо:*, где любого посетителя кормят вегетарианским обедом.

Заключение

Сэйтё:-но Иэ исходит из позиции субъективного идеализма, согласно которому весь мир является проявлением нашего духа-разума *ма кооро* 心. Именно поэтому все глобальные экологические проблемы – это совместная проекция духов-разумов всех людей, и карма в этом контексте также становится общей. Радикальная смена образа жизни на более благожелательный в отношении окружающей среды является духовным преобразованием людей, влекущем за собой появление благой действительности, где все вышеописанные проблемы в будущем окажутся решены.

Коллективный подход достижения истинного бытия, направленный на мобилизацию сил ради решения общей проблемы решительно опровергает интерпретацию онтологии *Сэйтё:-но Иэ* в духе марксистского «опиума для народа». Автор единственной русскоязычной научной работы XX в., посвященной *Сэйтё:-но Иэ*, Г. Е. Светлов, интерпретировал идею истинного бытия как «идеологию утверждения status quo». Поскольку вся неблагая действительность объявляется частью феноменального мира, являющегося по определению иллюзорным, «*Сэйтё:-но Иэ* призывает человека примириться со своим положением, сколь бы тяжело оно ни было, и отказаться от борьбы за его улучшение» [Светлов 1989, с. 105]. Однако в интерпретациях Танигути Масанобу нет места такому эскапизму. Он прямо

заявляет, что для решения глобальных проблем не хватает одной лишь молитвы или надежды на улучшение обстоятельств – необходимы решительные действия и радикальный пересмотр образа жизни каждого человека [Taniguchi 2012, p. 236]. Это коррелирует с идеями отцов-основателей экологического дискурса, в частности, английскими романтиками. Так, Гэнри Дэвид Торо в своем трактате «Уолден, или жизнь в лесу» постулирует идею о природе (=окружающей среде) как о пространстве, стимулирующем делать экологический выбор [Thoreau 1899].

Современная позиция *Сэйтё-но Иэ*, как она раскрывается в речах Танигути Масанобу, архитектуре религиозных объектов, проповедях и экологической практике, демонстрирует концептуальное родство с тем направлением «зеленой мысли», которое Э. Добсон определяет как экологизм. В отличие от энвайронментализма, предполагающего решение экологических проблем посредством корректировок в пределах существующего социально-экономического порядка, учение *Сэйтё-но Иэ* предлагает трансформацию самого мировоззрения человека. Идея сакральной взаимосвязи всех форм жизни, добровольное самоограничение в потреблении, отказ от использования энергии, генерируемой АЭС и ископаемыми ресурсами, – все это указывает на стремление к глубинной ценностной перестройке.

Религиозная доктрина *Сэйтё-но Иэ* по своей сути эквивалентна экологизму как радикальной идеологии устойчивости. В ней окружающая среда перестает быть фоном человеческой жизни или ресурсом для развития, а осмысливается как равноправная часть единого космического и духовного порядка, нарушение которого влечет моральные и кармические последствия. Это сближает позицию *Сэйтё-но Иэ* с наиболее последовательными формами «зеленой» политической мысли и подчеркивает значимость духовного измерения в формировании экологической ответственности – измерения, об особой важности которого говорит Э. Добсон.

Библиографический список

- Евтеев С. А., Перелет Р. А. (ред.) (1989). Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / предисл. Г. Харлем Брундтланд – Москва: Прогресс.
- Карсон Р. (1965). Безмолвная весна. – Москва: Прогресс.
- Комаровский, Г. Е. (2002). Государственный синто. *Синто: Путь японских богов*. В 2 т. Т. 1. – Санкт-Петербург: Гиперион. С. 261–311.
- Мещеряков А. Н. (2020) Образ «героя» в Японии во время Второй мировой войны. *Ежегодник Японии*. Т. 49. С. 274–298.
- Олдо Л. (1983). Календарь песчаного графства / пер. с англ. И. Г. Гуровой. – Москва: Мир.
- Светлов Г. Е. (1989) «Истинное бытие» и шовинизм: «Дух Ямато» в прошлом и настоящем. – Москва: Наука.

References

- Buswell, R. E., Jr. (Ed.). (2004). *Encyclopedia of Buddhism*. New York: Macmillan.
- Dobson, A. (2007). *Green Political Thought*. London: Routledge.
- Evtéev, S. A., & Perelet, R. A. (Eds.). (1989). *Nashe obshchee budushchee: doklad Mezhdunarodnoi komissii po okruzhayushchei srede i razvitiyu (MKOSR)* [Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development (WCED)]. Moscow: Progress. (In Russian).
- Hewlett, R. G., Anderson, O. E. (1962). *The new world, 1939–1946: A History of the United States Atomic Energy Commission*. University Park: The Pennsylvania State University Press.
- Karson, R. (1965). *Bezmolvnyaya vesna* [Silent Spring]. Moscow: Progress. (In Russian).
- Kasahara, M. (2009). Ondanka taisaku to taiki osen taisaku [Measures Against Global Warming and Air Pollution]. *Taiki Kankyō Gakkai-shi*, 44 (6), 400. (In Japanese).
- Komarovskii, G. E. (2002). Gosudarstvennoe sinto [State Shinto]. *Sinto: Put' yaponskikh bogov* [Shinto: The Path of Japanese Gods]. Vol. 1. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Meadows, D. H., Meadows, D. L., Randers, J., & Behrens, W. W. III. (1972). *Limits to Growth*. New York: Universe Books.

Meshcheryakov, A. N. (2020). Obraz «geroya» v Yaponii vo vremya Vtoroi mirovoi voyny [The Image of the “Hero” in Japan During World War II]. *Yearbook Japan*, 49, 274–298. (In Russian).

Nakamura, H. et al. (Eds.). (2023). *Bukkyō jiten* [Encyclopedia of Buddhism]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Oldo, L. (1983). *Kalendar’ peschanogo graffstva* [A Sand County Almanac]. Transl. by I. G. Gurova. 2nd edition. Moscow: Mir. (In Russian).

Scoones, I. (2023). Livestock, Methane, and Climate Change: The Politics of Global Assessments. *WIREs Climate Change*, 14 (1). <https://doi.org/10.1002/wcc.797>

Svetlov, G. E. (1989). “Istinnoe bytie” i shovinizm: “Dukh Yamato” v proshlom i nastoyashchem [“True Image” and Chauvinism: “The Spirit of Yamato” in the Past and Present]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Taniguchi, M. (1952). *Seimei no jissō. Aizōban* [The Truth of Life. Collector’s edition]. Vol. 1. Tokyo: Kōmyōsha. (In Japanese).

Taniguchi, M. (2008). *Shinpan kōfuku seikatsuron* [New Edition: Theory of the Happy Life]. Tokyo: Nihonkyōbunsha. (In Japanese).

Taniguchi, M. (2012). *Seichō no ie tte donna oshie?* [What Kind of Teaching is *Seichō no ie?*]. Tokyo: Nihonkyōbunsha. (In Japanese).

Thoreau, H. D. (1899) *Walden; or, Life in the Woods*. New York: T. Y. Crowell & Company.

Комаки Курихара: актриса, сохранившая верность Москве и русской культуре (к 80-летию юбилею)

Е. Л. Катасонова

Аннотация

Статья написана в связи с 80-летием известной японской актрисы и общественного деятеля Курихара Комаки, кавалера российского Ордена Дружбы народов, которая на протяжении уже более 50 лет вносит большой вклад в движение за дружбу и развитие культурных связей между Японией и Россией. Большую известность на родине и у нас в стране принесло ей участие в таких совместных фильмах, как «Москва, любовь моя», «Мелодии белой ночи», «Экипаж», «Шаг» и др., а также в большом числе спектаклей, поставленных на основе произведений русских классиков, в которых Курихара выступила в качестве режиссера и исполнительницы главных ролей. В последние годы она возглавляет оргкомитет по проведению Фестиваля русской культуры в Японии, который в условиях резкого ухудшения политических отношений между нашими странами и блокады русской культуры в мире остается действенным каналом для поддержания двусторонних общественных контактов и поиска путей к нормализации межгосударственного сотрудничества.

Ключевые слова: Япония, Россия, русская культура, Курихара Комаки, А. Митта, С. Соловьев, «Москва, любовь моя», «Мелодии белой ночи», «Шаг», Фестиваль русской культуры, культура отмены.

Автор: Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института Востоковедения РАН Москва, 131031, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: [katasonova@rambler.ru](mailto:katsonova@rambler.ru)

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Komaki Kurirara: the Actress who Remained Loyal to Moscow and Russian Culture (For the 80th Anniversary of the Actress)

E. L. Katasonova

Abstract

The article is written on the occasion of the 80th anniversary of a famous Japanese actress and public figure Kurihara Komaki, a knight of the Russian Order of Friendship of the Peoples, who, for more than 50 years, has contributed greatly to the movement for friendship and development of cultural ties between Russia and Japan. Her participation in such co-production films as *Moscow, My Love*, *Melodies of the White Night*, *Crew*, *Step*, and others, as well as in a large number of performances based on Russian classics, in which Kurihara acted as director and performer of the main roles, brought her great fame in her homeland and in our country. In recent years, she has chaired the organizing committee of the Russian Culture Festival in Japan, which, in the context of a sharp deterioration of political relations between our countries and the blockade of Russian culture in the world, remains an effective channel for maintaining bilateral public contacts and finding ways to normalize inter-state cooperation.

Keywords: Japan, Russia, Russian culture, Kurihara Komaki, A. Mitta, S. Solovyov, «Moscow, My love», «Melodies of the White Night», «Step», Festival of Russian culture, cancel culture.

Author: *Katasonova Elena L.*, Doctor of Sciences (History), Head of the Center of Japanese Studies, Insitiute of Oriental Studies of RAS:

12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 103031

E-mail: katasonova@rambler.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение. Немного из прошлого

Мы познакомились с Курихара Комаки очень давно – в октябре 1973 г. в японском Посольстве в Калашном переулке на большом и представительном приеме в честь приезда высокой японской делегации во главе с премьер-министром Танака Какуэй. Это был редкий

случай в истории двусторонних отношений, когда японские гости такого уровня посещали нашу страну. И это было хорошим знаком: обе стороны стремились к расширению взаимного сотрудничества, для которого вырисовывались неплохие перспективы.

В тот вечер в старинном особняке собралось очень много гостей – политиков, общественных деятелей, артистов, журналистов, лица которых были знакомы по газетам и телевидению. И я, полная чувств смятения и радости, испытывала, наверное такие же ощущения, что и Наташа Ростова на первом своем балу. Недавняя выпускница Института стран Азии и Африки, я тогда только что приступила к работе в Обществе дружбы СССР–Япония, это был первый прием в моей жизни, тем более по такому поводу. Не зная лично никого из присутствующих, я боялась с кем-то заговорить, и мне не оставалось ничего другого как держаться поближе к своим коллегам, которые тем временем знакомились и увлеченно общались с членами японской делегации.

И вдруг совершенно неожиданно кто-то из японцев подвел меня к Курихара Комаки, которая выглядела как королева этого вечера – изящная и обворожительная, в длинном белом вечернем платье, похожая на героиню волшебных сказок. Она оказалась известной японской актрисой, которая приехала в СССР сниматься в советско-японском фильме. Мы познакомились и общались почти весь вечер попеременно на русском и на японском. С нами многие фотографировались, шутили, и все было интересно и весело. А когда пришло время прощаться, мы пообещали друг другу встретиться еще раз, хотя, как мне кажется, ни она, ни я не придали этим словам особого значения. А это стало началом нашего долгого дружеского общения.

О времени и детских мечтах

Она родилась 14 марта 1945 г. в творческой японской семье, где знали и почитали мировую культуру, а русскую особенно. Отец был драматургом, мать – актрисой, и уже только своим происхождением Комаки была призвана служить искусству. Шли последние самые трудные месяцы Тихоокеанской войны, когда Япония еще отчаянно, но уже практически безнадежно продолжала сражаться в той многолетней бойне, которую по существу сама и развязала внезапным нападением на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор в 1941 г.

Но самое страшное японцев еще ждало впереди – им еще предстояло испытать смертоносные ядерные бомбардировки городов Хиросима и Нагасаки в августе 1945 г. и пленение почти миллионной Квантунской армии советскими войсками. А потом настало 2 сентября, вошедшее в историю как День капитуляции Японии, что было зафиксировано в специальном Акте, подписанном представителями союзных держав на борту американского линкора «Миссури», ставшего символом военно-морской мощи США.

С этого момента Япония переходила на оккупационное положение и под прямое управление со стороны Вашингтона, откуда американцы руководили созданием нового современного государства по своим образцам начиная с политического устройства и экономической модели и кончая насаждением новых моральных, духовных и культурных ценностей. Оккупация Япония союзническими, а по существу американскими войсками под командованием генерала Д. Макартура растянулась на долгие семь лет, в течение которых японское общество претерпело тотальную американизацию всех сторон жизни. Японские кинотеатры были заполнены продукцией Голливуда, из многочисленных баров и пивных, появившихся словно по взмаху волшебной палочки, полились звуки джаза и американская речь, а молодые японки, словно забыв о столь любимых их бабушками и мамами кимоно, переоделись в европейские платья, фасоны которых черпали из американских журналов мод. Дело дошло до того, что в 1960-е гг. кумир миллионов японцев Чарли Чаплин, посетив Японию, с недовольством заявил о том, что «там слишком уж много кока-колы»¹, имея в виду – американского.

Конечно же, японцы начали осваивать американские новинки еще задолго до начала войны, увлекшись фильмами, прославлявшими незнакомую для японцев роскошную жизнь на Западе, откровенными для того времени любовными сценами и непременным «хэппи-эндом». Полюбилась и анимация Диснея, особенно его «Белоснежка и семь гномов». Рассказывают, что еще в разгар Тихоокеанской войны в Японии был организован закрытый просмотр этой ленты для местной элиты. И все зрители были не только восхищены художественными достоинствами увиденного, но и приведены в некое замешательство из-за неожиданного осознания огромного технологического

¹ Музыкальная жизнь. № 17. 02.09.1987. С. 3.

отставания отечественной киноиндустрии от американской. И это потрясшее их открытие невольно навевало нерадостную мысль о том, что Японии вряд ли удастся победить в войне столь высокоразвитую страну, где даже анимация достигла такого непревзойденного уровня. И это предсказание оказалось пророческим.

А вот с приобщением японцев к русской культуре дело обстояло иным образом. Если Америка сразу же после войны начала тщательно насаждать и культивировать в Японии образцы своей так называемой поп-культуры, то Россия предстала прежде всего в образах своей нетленной классики. Все началось еще в 1880-х гг. с первых переводов на японский язык произведений Пушкина, Тургенева, Гоголя и др. Ну а затем настал черед современных на то время писателей – Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, творчество которых не только познакомило японцев с загадочной русской душой, но и заложило основы для формирования нового театрального искусства западного типа – *сингэки*. Символом новой японской драмы стала постановка романа Толстого «Воскресение», осуществленная на сцене уже тогда популярной труппы «Гэйдзюцудза». А прозвучавшая в ней песня Катюши в исполнении одной из первых актрис токийской театральной сцены Мацуи Сумако (1886–1919) навсегда вошла в анналы японского театра. Не зря Комаки Курихара так долго мечтала воплотить ее образ на сцене.

Но еще больше, чем драматическое искусство Курихару еще с детских лет привлекал балет, причем, именно русский балет, настоящий бум которого всколыхнул Японию в 1920-е гг. Исторически сложилось так, что знакомство с этим искусством жителей Страны восходящего солнца произошло еще в 1912 г. благодаря приезду итальянского балетмейстера Джованно Роси в Токио по приглашению Императорского театра «Тэйкоку гэкидзё», где он стал преподавать классический танец, что продлилось в общей сложности около трех лет. Увлечение же русским балетом буквально накрыло Японию после триумфальных выступлений прославленной русской балерины Анны Павловой, посетившей эту страну в рамках своего мирового турне в 1922 г. Именно тогда возник огромный интерес японцев к классической хореографии, появились первые частные школы, где работали преимущественно русские эмигранты либо приглашенные из Советского Союза солисты Большого театра.

Одним из них был А. А. Варламов – заслуженный артист РСФСР, долгие годы выступавший на главной сцене страны, а потом занявшийся педагогической деятельностью. Он-то и стал одним из любимых наставников Курихары в частной школе русского балета в Токио, где она не только училась танцу, но и знакомилась с русской культурой, литературой и театром и сохранила этот интерес на всю свою жизнь. Ей даже довелось танцевать в кордебалете, когда в Японии гастролировали артисты Большого театра. Но в 1963 г. учеба заканчивалась, а далее перед начинающей балериной вставала дилемма: что делать дальше? Ведь в ее стране еще долгие годы отсутствовали балетные труппы, на сценах театров не шли балетные спектакли, да и японская балетная школа не имела международного признания. Так что эта ситуация заставила ее неожиданно изменить своему увлечению балетом в пользу драмы. И это решение далось ей далеко не легко, но помог буквально фантастический случай.

Потом она не раз вспоминала свою встречу с первым космонавтом СССР Ю. А. Гагариным во время его поездки в Японию в 1962 г., когда ей посчастливилось преподнести ему цветы и даже немного поговорить с этим «неземным» человеком. А суть его напутствий, высказанных тогда 17-летней девушке, заключалась в том, что надо всегда и во всем следовать своей мечте и не отступать ни перед какими сложностями. «Я исполнил свою мечту и полетел в космос, – сказал он. – Тебе надо усердно работать и когда-нибудь ты станешь балериной»².

Балет, драма и кино

Ее мечтой тогда все еще был балет, и от нее девушка не отказалась даже тогда, когда поступила в театральное училище при драматическом театре «Хайюдза», где ставили пьесы европейских авторов. А в 1966 г. вошла в его труппу. Ее талант был замечен и оценен профессионалами еще в начале ее театральной карьеры. В 1968 г. недавняя студентка получает одну из первых своих наград – премию Ассоциации режиссеров Японии за роль Ирины в телеспектакле по чеховской пьесе «Три сестры». И это стало для начинающей актрисы бессрочным пропуском в мир чеховской драмы, в котором она прожила всю свою сценическую жизнь.

² Басова О. Как сложилась судьба японской актрисы советского кинематографа – Комаки Курихара: <https://zen.ru/a/Y1kH-YvIOj5sBSUp>.

Тогда же состоялся и ее дебют в кино, после успеха которого она начинает много сниматься в кино- и телефильмах разных жанров, в том числе в криминальных драмах: «Сага о Магоити» («Сирикураэ Магоити», 1969 г.), «Мы умираем просто так» («Иноти бо фуру», 1971 г.), «Волки» («Сюсё иваи», 1971 г.) и др., снятых талантливыми режиссерами, получившими в дальнейшем большую известность. Один из фильмов – мелодрама «Любовь и смерть» («*Ai to shi*», 1971 г.) режиссера Накамура Нобору – непонятно какими путями попал в советский прокат и сделал актрису известной не только в Японии, но и в нашей стране. Сюжет картины строился вокруг любовного треугольника, все коллизии внутри которого разрешает внезапная смерть героини во время взрыва в лаборатории. И все кончается тем, что оба молодых человека, преодолев возникшую между ними из-за девушки вражду, каждый по своему с большой грустью вспоминают о своей любви к ней.

Такие фильмы в те годы японская киноиндустрия буквально штамповала на потребу публики. Да и среди советских зрителей было немало любителей японских мелодрам, которые, смахивая с глаз слезу, сопереживали героям из столь загадочной и малознакомой Японии. А если к трогательному сюжету добавить еще красиво отснятые незнакомые пейзажи, нетипичные для нас молодые лица героев, да еще и мелодичную и хорошо запоминающую музыку, то кассовый сбор нашим кинотеатрам был обеспечен. Достаточно вспомнить невероятный успех в советском прокате японской музыкальной мелодрамы «Сезон любви» («*Koi-no kisetsu*», 1969 г.), полюбившейся советской публике благодаря ставшей невероятно популярной в СССР песни в исполнении группы «The Peanuts», которую продолжают петь и в наши дни.

И тем не менее следует признать, что японское кино долгие годы все-таки оставалось «камерным направлением для узкого круга любителей» [Стоногина 2004, с. 239]. Среди десятков звездных имен японских кинематографистов вряд ли кто-то из наших зрителей мог назвать иную фамилию, нежели Куросава Акира или в лучшем случае его любимого актера Мифунэ Тосиро, долгие годы работавшего с ним, как говорится, «в одной упряжке». Как отмечал известный киновед Н. Клейман в частной беседе: «Было представление, что Куросава – одинокий гений: как гора Фудзи – также стоит Куросава, а больше никого и нет. Мы никогда не знали даже имен Идзикава

(Исикава. – Е. К.) или Кобаяси. Не только простые зрители – и специалисты не знали. Все поменялось только в 1980-е годы, в перестройку» [Там же, с. 240].

«Первой ласточкой» грядущих перемен стала Курихара Комаки, быстро ставшая самой популярной японской актрисой в СССР и в какой-то момент потеснившая даже Куросаву в пристрастиях советских людей. Впервые она посетила Москву в 1973 г., где на восьмом Московском международном кинофестивале был представлен фильм с ее участием «Ресторан Синобугава» («*Синобугава*», 1972 г.). Это была очередная мелодрама, рассказывающая о жизни двух глубоко несчастных молодых людей, обреченных никогда не быть вместе. Он – студент, весь в предчувствии скорой смерти из-за генетической болезни, унесшей из жизни еще в молодые годы почти всех членов его семьи. А она – официантка, работает в ресторане и тоже страдает от воспоминаний о своем тяжелом детстве. Из-за постоянной нужды и других трудных жизненных обстоятельств она вынуждена жить с нелюбимым, но хорошо обеспеченным человеком. Картина была снята режиссером-классиком японского кино Кумаи Кэй по повести писателя Миуры Тэцуо «Река терпения» («*Синобугава*», 1960 г.), переведенной нашим выдающимся японоведом Т. П. Григорьевой, и стала лауреатом престижнейших японских кинопремий. А исполнительница главной роли Курихара была признана в Японии лучшей актрисой года. Поэтому нет ничего удивительного в том, что фильм сразу же попал в число номинантов на главный приз за лучшую режиссуру на ММКФ.

В конечном итоге Москва тогда так и не порадовала японских кинематографистов наградами, зато наполнила их души незабываемыми впечатлениями о столице, советских людях. Курихара впервые увидела своими глазами и Красную площадь, и башни московских высоток, и переулки старого Арбата, хорошо знакомые ей по видовым открыткам, и конечно же, главную свою мечту – Большой театр, на сцене которого она в своем воображении столько раз танцевала и Одетту, и Одилию. И именно тогда у молодой актрисы возникла идея создать фильм о японской девушке из Хиросимы, приехавшей учиться в СССР. Своей мечтой она сразу же поделилась с коллегами из крупнейшей кинокомпании «Тозэй». И дело закрутилось. Почти сразу же родилось название будущей картины – «Москва, любовь моя» («*Мосукува вага аи*», 1974 г.). А дальше эту идею подхватили

и развили советские сценаристы – известный драматург Эдвард Радзинский и Александр Митта, ставший режиссером картины в содружестве со своим японским коллегой Ёсида Кэндзи. Причем сценарий писали специально под Курихару.

Как и сама актриса, героиня ленты родилась в 1945 г. и с детства мечтала о балете. Но дальше сюжет обрастал новыми поворотными моментами, связанными с появлением русского возлюбленного молодой японки – скульптора Володи, на роль которого идеально подошел голубоглазый красавец Олег Видов, и пробуждающимися в них чувствами чистой романтической любви, над которой нависла трагическая тень Хиросимы. А второй главный лейтмотив картины – это Москва во всем ее великолепии, которую открывает для себя героиня во время прогулок с любимым, а вместе с ней и мы.

Еще одна важная художественная деталь фильма – это сцены из прославленных балетов, которые исполняла сама актриса на сцене Большого театра. Конечно, ей стоило огромного труда восстановить свою некогда отличную балетную форму, но рядом с ней вновь был ее любимый учитель Варламов, который вселял в нее уверенность и помогал овладеть мастерством. А параллельно с этим Курихара не покладая рук учила русский язык, даже в мыслях не допуская возможность озвучки своих реплик другой актрисой, что не раз предлагали ей. В итоге она справилась и с этой непростой задачей и стала неплохо говорить по-русски. Митта впоследствии не раз вспоминал, как все поражались тогда трудолюбием и работоспособностью актрисы, проводящей за занятиями и репетициями по 14 часов в сутки.

Съемки шли полным ходом, фильм постепенно подходил к своему трагическому финалу, когда все прекрасное – и мечты, и надежды, и личное счастье героев – разрушает неизлечимая болезнь девушки, лейкемия, последствие атомного взрыва над Хиросимой, от которого пострадала ее мать. И тут уже не в первый раз в творчестве актрисы включается трагическая тема любви и смерти, которая никогда и никогда не может оставить равнодушным. К сожалению, на этой печальной ноте фильм заканчивается, но оставляет после просмотра добрые и светлые воспоминания о красивой, грустной и целомудренной истории любви, не знающей государственных границ.

Важно отметить, что вначале картина имела коммерческие цели и была ориентирована на массового японского зрителя. И ее создатели, сделав все для этого, в полной мере достигли своей цели:

японские кинозалы с большим восторгом рукоплескали и своей прекрасной соотечественнице, и всем создателям фильма. Но и в Советском Союзе ленту ждал не меньший успех: ее посмотрели тогда более 30 млн человек. И для большей части из них Курихара стала тем человеком, благодаря кому они в середине 1970-х гг. узнали много нового о культуре и народе Страны восходящего солнца, которая долгие годы оставалась для них чем-то загадочным и неизвестным. Одним словом, «Москва, любовь моя» стала абсолютным хитом как в СССР, так и в Японии, сделавшим Курихару звездой не только японского, но и советского экрана.

Продолжение творческих контактов с советскими кинематографистами

Но триумф Курихары в 1974 г. не ограничился только этой работой. В том же году у себя на родине она снялась еще в одном фильме Кумаи Кэя, ставшим этапным моментом в ее творчестве. Это военно-историческая драма «Публичный дом № 8» («*Сандакан Хатибан сёкан бонкё*»), демонстрировавшаяся у нас под названием «Тоска по родине». Фильм был отмечен двумя премиями Берлинского кинофестиваля и даже номинирован на «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке, а также получил престижные японские награды. Все это работало на популярность актрисы не только у себя в стране, но и за рубежом, в том числе в СССР. На Курихару посыпались предложения о съемках не только от японских, но и от советских режиссеров, среди которых право первенства буквально завоевал молодой и талантливый кинематографист Сергей Соловьев, а его японскими партнерами стали режиссер Нисимура Киёси и кинокомпания «Тохо». Речь идет о фильме с поэтическим названием «Мелодии белой ночи» («*Бякуя-но сирабэ*», 1976 г.), рассказывающем о любви и несостоявшемся человеческом счастье двух героев – японской пианистки (Курихара Комаки), приехавшей в Ленинград, чтобы полностью погрузиться в мир столь любимой ею русской культуры, и талантливого русского композитора (Юрий Соломин), так и не посмеявшего переступить через свои моральные принципы.

По своей теме, жанру, сюжету, обилию музыки и по многим другим моментам этот фильм во многом напоминал ленту Митты. Здесь также присутствуют отзвуки трагедии Хиросимы, жертвой которой

на сей раз стал муж героини, и постоянное соприкосновение событий с миром русской культуры. В фильме каждый кадр буквально берет за живое – и волшебные белые ночи, и огромные гроздья майской сирени в каплях дождя, и туман над Финским заливом, и старинная деревянная дача как напоминание о прежней жизни, и удивительные по красоте архитектурные шедевры Ленинграда, и завораживающие виды Киото. А еще – потрясающая по своей эмоциональности музыка композитора Исаака Шварца, передающая муки и радости любви, сомнений и душевных метаний героев, которые так и не позволили себе навсегда остаться вместе. Так что фильм в итоге получился, талантливым, чрезвычайно красивым и очень трогательным, хоть и не совсем «соловьевским», как заметили тогда некоторые критики, привыкшие к любви С. Соловьева к различным необычным экспериментам и его неумейной фантазии.

Да и сам режиссер признавался впоследствии, что на сей раз ему так и не удалось воплотить в жизнь все свои задумки, а их было много. Помешали строгие регламентации, в том числе финансовые, которых педантично заставляла придерживаться японская сторона. Но на это мало кто тогда обратил внимание. Точно так же мало кто задумывался тогда еще над одной загадкой – резко возросшей популярностью советско-японских совместных фильмов в 1970-е гг. А секрет был прост. И его также раскрыл сам автор фильма в одном из своих интервью: «Решение о съемках картины было принято в начале 1970-х гг. Надо понимать, что после недолгой оттепели снова наступит зима, и мир, в том числе Япония, уже были охвачены антисоветской волной. И вот тогда появилась новая идея, суть которой сводилась к следующему: “Не надо углубляться в политические дискуссии, надо заняться налаживанием общественных и культурных связей, просто человеческого общения”. Мы – те, кто эту точку поддерживал, исходили из простой и ясной логики – все люди на Земле одинаковы. Небо для всех едино, солнце светит всем, и нет никаких изначально неразрешимых и страшных противоречий между нами, нет и не может быть. Сейчас это звучит довольно наивно, но тогда это было живым и полезным делом, давшим начало многим мощным инициативам»³.

Примечательно, что по годам выхода советско-японских совместных фильмов можно проследить чуть ли не все основные этапы

³ Вокруг ТВ: https://www.vokrug.tv/product/show/melodii_beloi_nochi/

развития отношений между нашими странами. 1970-е гг. совпали с периодом рязрядки международной напряженности. И Курихара стала олицетворением этого времени, как и совместные фильмы с ее участием. Казалось, что теперь она уже обеспечила себе постоянную «прописку» в советском кинематографе. Ее часто приглашали на крупные кинофестивали в качестве то почетной гостьи, то члена жюри, на открытие выставок или просто на мероприятия, связанные с Японией. Так, в 2006 г. она возглавила жюри четвертого Международного фестиваля кинематографических дебютов «Дух огня» в Ханты-Мансийске, на котором была отмечена премией «Золотая тайга» за вклад в киноискусство. В 2013 г. на девятом Международном кинофестивале стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Меридианы Тихого» во Владивостоке Курихара получила специальный приз Губернатора Приморского края.

Во время одного из таких приездов Курихару Комаки по дороге буквально перехватил на несколько часов ее старинный друг – режиссер А. Митта. Узнав о том, что его любимая японская актриса будет проездом в Москве, он сразу же придумал для нее маленькую роль в своем фильме «Экипаж» (1979 г.), съемки которого как раз в это время были в полном разгаре. В этой картине советские летчики в иностранном аэропорту наблюдают за драмой вокруг захвата лайнера террористами. Одна из пассажирок выносит ребенка, отдает его спасателям, после чего возвращается на борт, где остался ее муж. У сегодняшних российских зрительниц этот эпизод вряд ли всплывет в памяти, впрочем, и сам этот замечательный фильм во многом подзабылся по прошествии стольких лет. Да и куда большей популярностью пользуется в наши дни его римейк, снятый режиссером Н. Лебедевым с использованием достижений современных технологий. Тогда же, в 1979 г., фильм Митты, ставший первой советской лентой в жанре фильма катастроф, вызвал бурю человеческих переживаний, в том числе благодаря эпизоду, где небольшую роль заложницы неожиданно для всех сыграла Курихара Комаки – любимица советской публики. Причем сыграла совершенно бесплатно. Это был ее подарок советским друзьям, которых, по словам актрисы, она приобрела много, особенно среди наших деятелей кино во время съемок в СССР и участия в российских фестивалях. В их числе были Владимир Высоцкий, Олег Табаков и др., а параллельно с этим Курихара также снималась в фильмах с участием немецких,

британских и китайских кинематографистов. Всего она сыграла более тридцати ролей.

После необычной истории со съемками фильма «Экипаж» прошло почти десять лет, и вот однажды утром Комаки получает долгожданный вызов на очередные съемки, и опять от А. Митты, который тогда приступал к работе над картиной «Шаг» (1988 г.), события которой происходили в Японии в 1959 г. Она рассказывала об эпидемии полиомиелита в этой стране и о том, как для спасения японских детей была применена советская вакцина. Комаки досталась роль японки, которая, потеряв одного сына, едет в СССР, чтобы любой ценой добыть вакцину для второго. Помочь ей пытается доктор Сергей Гусев (актер Леонид Филатов). Для достижения своей непростой цели этим людям приходится пробиваться через политические преграды, бюрократию и равнодушные чиновников обеих стран. Накал эмоций в фильме запредельный... Но в России подобные темы уже были неинтересны широкой публике. Шел 1988 г., многое изменивший в нашей стране. Теперь котирировалось больше всего то, что долгие годы было под запретом, – боевики, эротика и т. п. Так что серьезная и важная картина Митты не получила тогда должного внимания со стороны зрителей и вполне заслуженных наград со стороны профессионалов. А потом началась Перестройка, повлекшая за собой и кризисные явления в советском кино.

Возвращение в театр

Тем временем и сама Курихара стала все больше отходить от кинематографа, и от японского тоже, сосредоточив все свое внимание на театре. В разные годы на сцене «Хайюдза» она была задействована в пьесах Шекспира, Шиллера, Шоу, Чехова, Горького и др. Здесь она сыграла таких героинь, как Джульетта, Дездемона, леди Макбет, Мария Стюарт, Элиза Дулитл, Нина Заречная, Раневская, Васса Железнова и др.

Одновременно с этим, пользуясь своими широкими связями в театральных кругах Москвы, она стала приглашать для постановок на японских площадках самых известных режиссеров и актеров, среди которых были А. Эфрос, С. Юрский, О. Табаков и др. Настоящей легендой театральной истории стала ее Раневская в спектакле «Вишневый сад», который поставил в Токио в 1981 г. на сцене театра

«Тоэн» Анатолий Эфрос. Позже в одном из интервью Эфрос назвал Комаки «звездой, которую любят все в Японии», но которая «совершенно не избалована». По его словам, она обладает «особой внутренней грацией, тактом, вкусом и умом»⁴. В 1986 г. Курихара работала с Сергеем Юрским, который поставил в «Хайюдза» спектакль по пьесе С. Алешина «Тема с вариациями» о сложных отношениях между двумя мужчинами и женщиной. В театре Моссовета в Москве этот спектакль был специально поставлен для Р. Плятта и М. Тереховой, а здесь в главной роли выступила Курихара, а сама пьеса здесь стала называться «О любви».

В последние несколько лет в Японии все активнее говорят о закрытии театра «Хайюдза» из-за плохого состояния его помещений и отсутствия средств на ремонт. Не исключая, что основная причина кроется в другом – в политике отмены русского искусства, которое всегда составляло основу репертуарной политики его труппы. Но тогда, когда современная советская драматургия еще приветствовалась в этой стране, Курихара прямо заявила на одной из репетиций: «Наше обращение к советской драматургии отражает возрастающий интерес в Японии к советской культуре вообще. Ближе узнать, глубже понять друг друга – это можно поставить эпиграфом к будущей премьере»⁵.

Следуя этой своей философии, в середине 2000-х гг. Курихара, словно предвидя нынешние смутные времена, вместе со своим младшим братом создает собственный театр антрепризы, в котором показывают в основном русскую классику и прежде всего ею столь любимого Чехова, а также советскую драматургию и особенно те спектакли, что с особым успехом идут в российских театрах. И здесь она взяла на себя все возможные и невозможные функции вплоть до художника по костюмам, в чем также проявила большой талант. Конечно же, за репертуар тоже отвечает она. Один из громких проектов театра последних лет – новый спектакль по пьесе «Вишневый сад» в постановке ее брата (2017 г.). В нем актриса вновь сыграла Раневскую.

Ее труппа с русским репертуаром исколесила всю Японию, и везде японских артистов ждал большой успех, который во многом был

⁴ ИТАР ТАСС: <https://tass.ru/encyclopedia/person/kurihara-komaki>

⁵ Агафонов С. Вечная тема понятна всем. *Известия*. 17.01.1996: <https://sergeyursky.memorial/%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0-%D0%B2-%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D0%BE/>

объясним огромной популярностью у себя в стране самой Курихары. Так случилось, что даже я, работая в те годы в Японии в маленьком городке Цуруока, что в префектуре Ямагата, однажды оказалась на одном из таких спектаклей, проходивших в местном доме культуры. А потом по обыкновению был небольшой фуршет, на котором мы с Комаки снова встретились впервые за много лет, и я узнала много нового о ее жизни.

А ее жизнь уже тогда была расписана буквально по минутам, ведь вместе с напряженной гастрольной деятельностью на протяжении многих лет Комаки вела большую общественную работу. Она до сих пор является Послом доброй воли ЮНЕСКО по делам детей, занимаясь программами помощи детям Юго-Восточной Азии; входит в руководство Японо-китайской ассоциации культурного обмена, время от времени посещая Китай с миссией доброй воли. Но конечно же, основное поле ее деятельности – это движение за дружбу и культурные обмены с нашей страной. Не зря ее порой величают «культурным послом» Японии в России или России в Японии – с какой стороны посмотреть. Ведь какие бы ветра не дули в политике, Курихара Комаки никогда не предавала свою любовь к России и к друзьям, находившимся здесь, как и не отказывалась от русской культуры. Ее любят и высоко чтят в нашей стране.

Как в Москве отмечали 30-летие фильма «Москва, любовь моя»

В этом мне довелось убедиться в начале сентября 2004 г., когда известный русский танцовщик Андрис Лиэпа при поддержке созданного им международного фонда Мариса Лиэпы готовился отпраздновать в Москве 30-летие легендарного фильма о Москве, пригласив на торжество главных его героев – Курихару Комаки и Олега Видова, который уже тогда жил и работал в США. Она ответила согласием, он – отказом, сославшись на какие-то сложные обстоятельства. И этим, конечно же, всех огорчил, особенно Комаки. Она же обещала приехать и сдержала слово.

Я встречала ее тогда в еще старом международном аэропорту Шереметьево–2, и, признаюсь, не сразу узнала в большом потоке приехавших в Москву японцев – худая, слегка постаревшая, усталая, в черных очках и с волосами, спрятанными под берет, что защищало ее

от любопытных глаз. Из Шереметьево мы отправились прямо в гостиницу «Метрополь», и по дороге Комаки буквально оживала и молодела на глазах, любуясь из окна машины так хорошо знакомыми ей пейзажами. А потом, немного отдохнув, она решила прогуляться по Москве, сразу же направившись к своему любимому Большому театру. Завидев японскую знаменитость, москвичи махали ей рукой, посылали воздушные поцелуи, а те, кто был за рулем, громко приветствовали протяжными гудками.

Большой театр должен был открыть свои двери ровно через день большим гала-концертом с участием российских и японских артистов по случаю юбилея легендарной картины, а заодно планировали отметить и долгожданную встречу с любимой актрисой, и очередную годовщину Москвы в преддверии дня города. Но накануне случилась трагедия в Беслане, в связи с чем в стране был объявлен траур, и организаторы мероприятия до последнего момента не знали, состоится ли намеченное празднование в эти траурные дни. В конечном итоге только трагический финал фильма уберег гала-концерт от отмены, но у всех выступавших тогда с приветствиями на лицах была неподдельная печаль, говорить было трудно. И все ждали Курихару, и она эффектно появилась на сцене как бы прямо «из фильма» и произнесла искреннюю речь, в которой наряду с Чеховым и Достоевским упоминались бесланские события. Говоря о Беслане, Комаки искренне разрыдалась. На этом закончилась торжественная часть, и после перерыва на сцене царил классический балет.

Все было красиво, достойно и искренне. Было много цветов. И центром этого праздничного действа оказалась смущенная и растроганная Курихара, буквально не успевавшая отвечать на все приветствия и объятия. Каждый хотел не только пожать ей руку, но и пригласить на дружеский ужин, показать новый спектакль или просто поболтать в непринужденной обстановке.

Удачливее всех, как всегда, оказался С. Соловьев, который буквально выкрал нашу гостью и взял под свою опеку на целых два дня. И это было прекрасное время с обильной русской трапезой на даче, веселыми шутками и буквально непрерываемыми искрометными рассказами за столом, на что был способен, наверное, только Сергей Александрович. Все это напоминало атмосферу чеховских пьес: и прекрасный фруктовый сад, и старинная посуда, и настоящий дореволюционный клавесин. Но все это приятное времяпрепровождение неожиданно,

а может быть, вполне логично, подвело нас к обсуждению очень важной и серьезной темы. Соловьев намеревался вновь снимать Курихару в своем кино и даже придумал для этого захватывающий сюжет, а вернее, отыскал для этого подлинную историю, которая долгие годы оставалась под грифом «секретно».

Еще одна трагическая история любви

Речь шла о звезде японского экрана 1920-х – 1930-х гг. Окада Ёсико и ее печальной любовной истории, связанной с японским литератором Сугимото Рёкити – переводчиком романа Н. Островского «Как закалялась сталь» и других произведений советской литературы на японский язык. Он был коммунистом и много рассказывал своей любимой о счастливой жизни в Советском Союзе, куда они решили вместе бежать, оказавшись 3 января 1938 г. вблизи государственной границы, разделявшей южную и северную части Сахалина. Конечно же, эта поездка была специально инициирована актрисой под видом новогодних гастролей с концертами для расквартированных там частей японской армии. Наивные люди, они стремились в Москву и мечтали увидеться со Сталиным и поработать вместе с Мейерхольдом. Но своим побегом они лишь дали еще один серьезный повод для обвинения прославленного мастера в шпионаже в пользу Японии, которое уже готовилось против него органами НКВД. В итоге – расстрел. И та же участь после года допросов и пыток ждала ее возлюбленного. Ну а сама Окада на десять долгих лет была отправлена в сталинский Вятлаг. Однако это всего лишь первая и самая трагическая часть ее истории.

Вторая часть была куда более жизнеутверждающей: работа диктором на «Голосе России» Всесоюзного радио, учеба в ГИТИСе (класс Н. Охлопкова), который она окончила в возрасте 57 лет, после этого служба в театре им. Маяковского в качестве актрисы, а затем и режиссера, съемки совместного советско-японского фильма «До свидания, мальчики!», и наконец, ведение первых телемостов между Москвой и Токио в годы Перестройки, когда актрисе уже исполнилось 74 года. Правда, и это еще не все. Оказавшись на родине после долгого забвения, актриса успела сняться сразу в нескольких фильмах, заставивших вновь заговорить о ней в Японии. Но она предпочла вернуться в Москву.

Мне посчастливилось однажды встретиться с этой легендарной женщиной на Московском кинофестивале. Тогда я практически не знала ничего о ней, только то что это – в прошлом известная актриса. Меня привлекло ее лицо, спокойное, еще красивое, с явным чувством достоинства, аристократизма, а еще буквально удивило, как просто она была одета – скромная кофточка с юбкой и легкий газовый платочек на голове, повязанный на манер наших бабушек. Сидя рядом с ней на балконе уже несуществующего сейчас зала «Зарядье», мы смотрели внеконкурсную картину о японском мире кино 1920-х гг. Сюжет ленты был во многом списан с ее звездной жизни. Нетрудно представить себе что творилось в душе этой бывшей знаменитости, но она ничем не выдала своих чувств и не проронила ни слова. А уж ей было о чем рассказать, ведь ее судьба – это поистине головокружительная смесь искусства и политики, личных драм и мировых трагедий, будто хорошо выстроенная сценаристом в захватывающий сюжет.

А теперь после разговора с Соловьевым я смотрела на Комаки и понимала, как она идеально подходила для этой роли, несмотря на то что никогда ничего подобного пока еще не было в ее обширной фильмографии. И дело здесь не в прекрасных внешних данных актрисы – ее изяществе и тонкой восточной красоте, но и в прочном внутреннем стержне, что помогал и помогает ей по сей день преодолевать все те непростые обстоятельства, которые постоянно подбрасывает ей судьба. Она и сама понимала это и буквально горела желанием как можно скорее приступить к съемкам картины. Но у С. Соловьева на тот момент еще оставался незаконченным многосерийный фильм «Анна Каренина» с Татьяной Друбич в главной роли, работе над которым он посвятил многие годы своей жизни. Так что надо было ждать. И это ожидание в силу разных обстоятельств буквально превратилось в вечность, пока не прервалось неожиданной смертью режиссера в 2021 г. Для Курихары, конечно, это было огромным ударом.

Культура выше политики

А на следующий год ее ждало еще одно серьезное испытание. На волне мощного движения за отмену русской культуры, охватившего ведущие страны мира в связи с началом СВО, под угрозой закрытия

властями Японии оказался Фестиваль российской культуры, бесменным заместителем председателя оргкомитета которого, а по-существу его «основным мотором», являлась Курихара с первого дня его создания в 2006 г. Это было то, к чему она, собственно, и стремилась многие годы, ведь теперь японская аудитория получила возможность ежегодно знакомиться с российским театром, музыкой, цирком и другим искусством. И японцы уже начали привыкать к тому, что в начале очередного русского сезона они могут познакомиться с музыкальными шедеврами русского искусства, а в канун Нового года – насладиться прославленными балетами «Лебединое озеро» или «Щелкунчик» в исполнении ведущих солистов российских театров. И все, как казалось, развивалось по восходящей, но тут наступают трудные времена: происходит смена политического курса японского руководства и, более того, неожиданно трагически погибает бывший премьер Абэ Синдзо, взявший на себя обязанности лидера оргкомитета фестиваля в 2020 г.

Дело в том, что по сложившейся традиции, одобренной официальным Токио, оргкомитет всегда возглавлял один из бывших премьеров японского правительства – политических тяжеловесов, первым из которых стал Мори Ёсиро. И сам этот факт свидетельствовал о том, какое значение в Японии придавали широкой манифестации русской культуры. За прошедшие годы фестиваль охватил все 47 японских префектур, в его рамках выступило свыше 11 тыс. российских артистов, а зрительская аудитория на сегодняшний день уже превысила 23 млн. человек⁶.

В том, что фестиваль и сегодня по-прежнему успешно проводится, главная заслуга принадлежит Курихаре, которая в самый трудный и ответственный момент взяла на себя руководство этим сложным, но так необходимым народам двух стран проектом. Многие причастные к этим событиям деятели культуры признают, что она просто спасла его, поскольку именно этот ее шаг помог сохранить фестиваль. Как и планировалось, его очередной 17-й сезон открылся 29 августа 2022 г. А накануне Курихара и ее соратники обратились к японской и мировой общественности, деятелям культуры, политикам с открытым письмом, выступив за отмену

⁶ Фестиваль российской культуры в Японии с 2006 г. посетили 23 млн. человек. ИТАР ТАСС. 28.07.2023: <https://tass.ru/kultura/18388313>

отмены русской культуры и открыто заявив о том, что культура выше политики⁷. И надо сказать, на этот призыв откликнулись во многих странах.

В одном из интервью прошлого года перед открытием 19-го праздника русской культуры Курихара так обозначила свою позицию: «Каждый год замечательные артисты из России поражают японскую публику своим глубоким артистизмом. Я считаю, что важно продолжать проводить фестиваль, не слишком беспокоясь о масштабе проекта. Я также верю, что людям нужно искусство в трудные времена». И далее: «Музыка, балет, кино, театр: уважение японцев к русскому искусству остается неизменным, какова бы ни была ситуация. Для того, чтобы россияне поверили в нас у нас нет другого выбора, кроме, как верить в себя, что мы дружелюбны и сильны, что мы можем влиять на японские СМИ»⁸.

И действительно, оргкомитет представил в тот год чуть ли не самую интересную и насыщенную программу. Каждый год фестиваль приурочен к какому-нибудь очередному важному событию в русской культуре. В 2024 г. выступления артистов были посвящены юбилеям сразу трех деятелей русской культуры: А. С. Пушкина, М. П. Мусоргского и Н. А. Римского-Корсакова. Их произведения прозвучали со сцены во время церемонии открытия в исполнении русских и японских артистов, а потом исполнялись в течение всего года на специально посвященных им концертах. В конце мая в рамках фестиваля состоялись гастроли труппы МХТ им. А. П. Чехова, приуроченные к 125-летию тетра и 120-летию со дня смерти Чехова. Они познакомили японских зрителей со знаменитой постановкой повести «Дуэль». А вслед за этим началось празднование в Японии 100-летия киностудии «Мосфильм», в связи с чем японцы узнали много нового о российском кино.

В этом году фестиваль выглядит и вовсе особенным. Это его 20-й по счету юбилейный сезон, его открытие совпало с юбилеем Курихары Комаки, которая в этом году выступила уже в качестве председателя оргкомитета с японской стороны. И время для этого было

⁷ Швыдкой М. (2022). Отмена отмены: культура выше политики, считают знаменитые японцы накануне 17-го Фестиваля российской культуры. *RGRU* 14.06.2022: <https://rg.ru/2022/06/14/otmena-otmeny.html>

⁸ Актриса Курихара считает важным сохранить фестиваль культуры РФ в Японии в любом масштабе. *ИТАР ТАСС*. 22.04.2024.: <https://tass.ru/kultura/20610689>

выбрано самое красивое: начало цветения сакуры. И это не может не вселять самых светлых и радужных надежд на то, что «культура победит хаос мира»⁹. Эти слова взяты из интервью Михаила Швыдкого – сопредседателя оргкомитета фестиваля с российской стороны. Ему же принадлежит и следующая мысль: «Фестиваль русской культуры, так же как и Японская осень в России, были символом сохранения гуманитарных связей, необходимость в которых острее всего ощущалась в пору осложнения политических контактов»¹⁰.

К большому сожалению, в наши дни российско-японские отношения близки к градусу замерзания, но остается надежда, что культура станет основой для их возрождения. Во всяком случае, так уже не однажды случалось в нашей совместной истории.

Вместо заключения

В этом году Курихара Комаки исполнилось 80 лет. И тут невольно приходит на память известная реплика К. С. Станиславского: «Не верю!», которая, думаю, необычайно уместна в данном случае. Разговор о возрасте никак не касается этой моложавой и по-прежнему обаятельной женщины, находящейся в прекрасной форме и полной творческих сил. В 2009 г. актриса была награждена российским Орденом Дружбы «за большой вклад в развитие дружественных отношений и укрепление культурных связей между Российской Федерацией и Японией». Боюсь ошибиться, но, по-моему, она – единственная женщина среди японских обладателей этой высокой российской награды и, безусловно, заслужила ее за все, что она сделала для наших народов в те годы. Ну а сегодня слова президентского указа приобретают особый смысл в связи с той самоотверженной работой, которую проводит Курихара по продвижению русской культуры в Японии в исключительно сложных условиях, когда культурные связи стали чуть ли не единственным каналом нашего двустороннего общения.

⁹ Швыдкой М. (2025). История XX века не раз доказывала, что культура не предохраняет целые народы от погружения в бездну варварства. *ПСМД*. 22.04.2025: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/istoriya-khkh-veka-ne-raz-dokazyvala-chto-kultura-ne-predokhranyaet-tselye-narody-ot-pogruzheniya-v-/?sphrase_id=219518443

¹⁰ Швыдкой М. (2022). Отмена отмены...: <https://rg.ru/2022/06/14/otmena-otmeny.html>

А что с ее творчеством? – спросите вы и, наверное, удивитесь тому, что ее театр продолжает работать, что она по-прежнему выходит на сцену и сама ставит спектакли. Одной из последних ее работ стала инсценировка романа Л. Н.Толстого «Анна Каренина», и главная роль, конечно же, принадлежит ей. А другой ее любимый моноспектакль посвящен Эдит Пиаф. Вот уже несколько лет актриса выходит на сцену, повествуя о нелегкой судьбе легенды французской песни. Осенью этого года вся ее труппа планирует вновь отправиться на гастроли по району Тохоку. И, наверное, опять они заедут в столь близкий моему сердцу город Цуруока, где мы с ней когда-то случайно встретились. Так что творческая жизнь Комаки не останавливается ни на минуту.

Последний раз мы с ней виделись в конце сентября этого года. А когда я уже приступила к написанию этой статьи, не стало выдающегося российского режиссера А. Митты – большого друга и, можно сказать, творческого соратника Курихары, который снял ее в трех своих фильмах. И я подумала, что, наверное, об этом надо поскорее сообщить Комаки, но потом долго не решалась на это, боясь огорчить ее столь нерадостным известием. И все-таки, по моей просьбе, наш общий знакомый, находящийся сейчас в Токио, дозвонился до нее и сразу понял, что она уже знала о случившемся. Российские журналисты целый день звонили ей из Москвы с просьбами об интервью по этому печальному поводу. И она с душевной болью и грустью отвечала на их вопросы, все больше погружаясь в ту удивительную атмосферу 1970-х гг., когда снимался фильм «Москва, любовь моя». Этому замечательному фильму в прошлом году исполнилось уже полвека.

Сегодня Курихара Комаки уже не столь частый гость нашей столицы, но всегда желанный. И она по-прежнему любит Москву, которая подарила ей так много добрых друзей и встречу с русской культурой, которая всегда ассоциируется у нее с самой Россией.

Библиографический список

Катасонова Е. Л. (2020). *Новое японское кино. В споре с классикой экрана*. – Москва: ИВ РАН.

Стоногина Ю. Б. (2004). Культурные связи России и Японии в постсоветский период. *Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии*. – Москва: ИВ РАН. С. 236–256.

References

Katasonova, E. L. (2020). *Novoe yaponskoe kino: v spore s klassikoi ekrana* [New Japanese Cinema: In Dispute With Classics of the Screen]. Moscow: Insitiute of Oriental Studies, RAS. (In Russian).

Stonogina, Yu. B. (2004). Kul'turnyye svyazi Rossii i Yaponii v postsovetiskii period [Cultural Ties Between Russia and Japan in the Post-Soviet Period]. In *Rossiya i Yaponiya: sosedii v novom tysyacheletii* [Russia and Japan: Neighbors in the New Millennium] (pp. 236–256). Moscow: Insitiute of Oriental Studies, RAS. (In Russian).

Ежегодник Японии 2025. Т. 54. С. 290–322

Yearbook Japan 2025. Vol. 54, pp. 290–322

DOI: 10.55105/2687-1440-2025-54-290-322

Кукай о многообразии живых существ: разделы из «Трактата о десяти ступенях разума тайной мандалы»

Перевод и примечания М. В. Оськина

Аннотация

Во втором свитке «Трактата о десяти ступенях разума тайной мандалы», компендиума буддийской философии, Кукай (774–835) обсуждает низшую из стадий духовного совершенства, выделяя отсутствие у находящихся на ней существ любых правильных взглядов и стремления к благу в качестве главенствующего свойства их разума. Большая часть свитка отводится вопросам космологии, в том числе различным классам обитателей мира, образ жизни которых основывается на неблагих путях деяний, в результате которых страдание ощущается особенно остро.

Ключевые слова: «Десять ступеней разума», буддийская космология, классификация существ

Автор

Оськин Максим Викторович, студент магистратуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, 105066, Старая Басманная ул., 21/4.

E-mail: o.maksim2001@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Kukai on the Diversity of Living Beings (Sections from the *Treatise on Ten Stages of Mind of Secret Mandala*)

Translation and Notes by M. V. Os'kin

Abstract

In the second scroll of his *Treatise on Ten Stages of Mind of Secret Mandala*, a Buddhist philosophy compendium, Kukai discusses the lowest level of spiritual progress highlighting the absence of right seeing and inclination towards the wholesome among the beings of this stage as the dominating trait of their mind. The scroll is largely concerned with the cosmological issues including the various classes of living beings whose way of life is based on unwholesome courses of action, as a result of which the sense of suffering is particularly heightened.

Keywords: Ten Stages of Mind, Buddhist cosmology, classification of living beings.

Author

Os'kin Maksim V., HSE University, 21/4, Staraya Basmannaya st., Moscow, Russian Federation, 105066.

E-mail: o.maksim2001@yandex.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

«Трактат о десяти ступенях разума тайной мандалы» (祕密漫荼羅十住心論 кит. *Ми ми маньтуло ши чжу синь лунь*, яп. *Химицу мандара дзюдзюсинрон*) является последним и самым длинным сочинением Кукай 空海, составленным в 830 г. по велению императора Дзюнна 淳和. «Десять ступеней» представляют собой подробный тематический компендиум, в значительной степени имеющий формат антологии буддийской литературы, в которой описаны различные учения и соответствующие им ступени духовного совершенства.

Начало первого свитка Кукай уделяет предисловию, в котором излагает замысел своего сочинения, а также вопросам буддийской космологии [Оськин 2025]. После этого он поднимает тему видов живых существ, располагающихся на низшей ступени разума.

Давая характеристику «обычным людям и животным», Кукай проводит главную мысль: такие существа не знают природы реальности, не могут покинуть круга перерождений, творят зло и по этой причине нередко впадают в состояние *иччхантики* – того, кто отсек «корни благого» (*kuśalamūla*) и стремится исключительно к сансарическому существованию, а также оскорбляет буддизм махаяны и клеветает на него [Brown 1991, p. 70]. Кукай подтверждает свою позицию цитатой из «*Махавайрочана-сутры*», одного из главных текстов буддийской тантры, где также говорится об отсутствии правильного видения природы реальности как источнике привязанности к «самости» и, следовательно, к материальному существованию.

Подобный взгляд не является сугубо тантрическим и мог бы быть проиллюстрирован цитатой из другого текста, но именно «*Махавайрочана-сутра*» выбрана для цитирования из-за ее важности внутри восточноазиатской тантрической традиции. Апелляция к авторитету продолжается цитатой из важного «Комментария на Махавайрочана-абхисамбодхи-сутру» (кит. 大毘盧遮那成佛經疏 «*Да Пилучжэна чэн фо цзин шу*»), составленного Шубхакарасимхой (кит. 善無畏 Шань Увэй) и Исином 一行, причем внутри этой цитаты содержится еще одна цитата – из приписываемой Нагарджуне «*Махапраджняпарамитопадеша*» (кит. 大智度論 «*Да чжи ду лунь*»). В процитированном отрывке говорится о том, что Будда начинает объяснение видов разума с низшего, чем Кукай обосновывает свою концепцию десяти ступеней, а вложенная цитата еще раз повторяет положение о неправильном взгляде на мир. Приведя цитату, Кукай перефразирует тезис о ложности идеи «я» (*ātman*) и о необходимости добиваться правильного видения реальности, чем люди не занимаются, предпочитая искать лишь блага материального мира и тем самым уподобляясь животным.

Ведя такое существование, люди совершают десять неблагих деяний (*akuśalakarmapatha*, 惡業, кит. э е, яп. *акугэ:*) и испытывают закономерные неblaгие последствия в виде разного рода страданий в одном из пяти видов рождений (*gati*, 趣, кит. *цуй*, яп. *сю*). Из названных пяти видов «голодные духи», *преты*, «узники ада», *нараки*, и животные относятся к трем неблагим (*durgati*, 三趣, кит. *сань цуй*, яп. *сансю*), а люди и боги традиционно считаются двумя благи́ми (*sugati*, 二趣, кит. *эр цуй*, яп. *нисю*), однако Кукай характеризует последние два как виды рождения со смешанными кармическими

свойствами, в которых совершаются и благие, и неблагие деяния с соответствующими последствиями.

Основываясь на двух значимых сочинениях поздней сарваствивады «*Абхидхармакошабхашье*» и «*Ньяянусаре*», Кукай выделяет пять видов живых существ и двадцать мест обитаний Сферы желаний. Кукай называет шесть характеристик сферы живых существ: ее элементы могут быть кармически благими, загрязненными (*kliṣṭa*, 染 *жит. жань*, *яп. сэн*), то есть подверженными притоку ментальных аффектов (*kleśa*) и, следовательно, неблагими, а также неопределенными (*avyākṛta*, 無記 *жит. у цзи*, *яп. муки*), то есть такими, чье кармическое следствие невозможно охарактеризовать как благое или неблагое. Помимо деления по кармическим свойствам Кукай разделяет сферу существования на мир живых существ, мир неодушевленный (*asattvākhya*, 無情, *жит. у цин*, *яп. мудзё*) и промежуточное состояние между перерождениями (*antarābhava*, 中有, *жит. чжун ю*, *яп. тю:ю:*). Далее Кукай характеризует формы существования как беспрепятственно-неопределенные (*anivṛtāvyākṛta*, 無覆無記, *жит. у фу у цзи*, *яп. муфуку муки*). Это утверждение повторяет позицию школы сарваствивада, согласно которой форма существования является созреванием (*vipāka*) плода кармы, которое сарваствивада рассматривает как беспрепятственно-неопределенное, то есть не препятствующее продвижению к духовной цели и не дающее кармического плода [Рудой, Островская 2001, с. 78; Dhammajoti 2015, p. 47].

Далее Кукай описывает виды живых существ в том порядке, в каком они рассмотрены в изобилующей космологическими деталями «*Саддхарма-смиртьюпаствхана-сутре*», начиная с обитателей ада. Цитируя «*Ньяянусару*», Кукай приводит стандартный список шестнадцати адов, после чего, цитируя главу из «*Саддхарма-смиртьюпаствхана-сутры*», описывает причины перерождения в каждом из восьми горячих адов, но опускает перечисленные в сутре сто двадцать восемь малых адов.

Следующими обсуждаются *преты*. Кукай приводит цитаты, согласно которым *преты* обитают в царстве Ямы, правителя ада, которое расположено за опоясывающей мир горной цепью Чакравадой или под южным континентом Джамбудвипой. Под *претами* Кукай понимает не только голодных духов, страдающих из-за былой скупости, но и таких персонажей индийской мифологии, как *якиши*, *ракишасы* и *кумбханды*. Затем Кукай перечисляет причины, которые, согласно «*Саддхарма-*

смритьюнапастхана-сутре», приводят к рождению среди восьми категорий *прет* (всего в сутре говорится о тридцати шести категориях).

Наконец, Кукай переходит к описанию животных. В буддизме животным даются разные оценки: они могут проявлять веру в Будду, совершать благие деяния (что нередко используется в джатаках для того, чтобы подчеркнуть, сколь далекими от Дхармы могут быть люди); подробнее см.: [Ohnuma 2017].

Однако, согласно стандартной точке зрения, животные постоянно испытывают всевозможные мучения и не способны к духовному совершенствованию. В «*Саддхарма-смритьюнапастхана-сутре*» акцентируется именно это свойство жизней животных, и таким же образом акценты расставляет Кукай. В сутре животные классифицируются по особенностям их поведения, способу рождения, питанию и месту обитания, приводится перечень деяний, приводящих к рождению среди животных той или иной категории. Кукай приводит классификации по поведению и способу рождения. Затем Кукай дает описания *нагов* и *асур*, которые здесь также относятся к категории животных. Полулюди-полузмеи *наги* обитают в подводном городе и делятся на следующих Дхарме и не следующих ей. Обе группы оказывают на мир воздействие в виде метеорологических явлений, приносящих пользу или вред. Чье влияние берет верх, зависит от того, насколько следуют Дхарме люди. *Асуры*, причисляемые к животным, обитают в подводных городах и делятся на четыре вида. Раху, один из их царей, постоянно, но с переменным успехом, ведет борьбу с богами, ход ее, как и в случае с *нагами*, зависит от того, как люди следуют Дхарме. Борьбу Раху с богами сутра и Кукай представляют как причину солнечного и лунного затмений: люди считают такие явления знамениями, но с буддийской точки зрения затмения таковыми не являются. После этого Кукай перечисляет причины перерождения среди четырех видов *асур*.

Богов Кукай пропускает, так как описание этого вида рождения, а также поклонения богам приводится в третьем свитке трактата, и переходит к людям. Характеристика людей заключается в двух аспектах: неблагие деяния и виды неправильных представлений. Описание неблагих деяний является неатрибутированной цитатой из «Жемчужной рощи сада Дхармы» (кит. 法苑珠林 «*Фа юань чжу линь*»), китайской буддийской энциклопедии, составленной Даоши 道世 в 660-е гг. Длинной в сто цзюаней, «Роща» освещает множество тем, связанных с буддийским учением, ритуалом и жизнью сангхи, буддийской общины,

приводя цитаты, в том числе из ныне утраченных текстов [Teiser 1985]. Цитируемый Кукаем пассаж дает обзор стандартного перечня десяти неблагих деяний по одной схеме: Даоши описывает последствия каждого деяния и иллюстрирует его цитатой из посвященной пути бодхисаттвы и его десяти ступеням «*Дашабхумика-сутры*». В трех случаях цитируется история встречи ученика Будды Маудгальяны с *премами* из «*Сутры разнообразного собрания*» (кит. 雜藏經 «*Цза цзан цзин*»), а затем объясняются причины получения тех или иных кармических плодов. Даоши при этом не просто перечисляет десять неблагих деяний, а выстраивает из них причинную цепь: совершение одного вида деяний приводит к совершению следующего.

Годы жизни Кукая, как и последующие несколько веков, были временем распространения буддизма среди представителей всех слоев японского общества. Содержащиеся в первом свитке систематизации дают представление о том, какого рода картина мира складывалась в умах японцев указанного периода благодаря значительному влиянию буддизма на их мировоззрение.

Перевод выполнен с оригинального текста на классическом китайском языке по версии издания ТСД 77, № 2425, 304a5 – 313c27.

Сокращения

ТСД – *Тайсё: синсю: дайдо:кё*: [Большое собрание сутр, заново составленное в годы Тайсё:]. <https://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/index.html>

Библиографический список

Оськин М. В. (2025). Тракта́т Кука́я «Де́сять ступе́ней созна́ния»: уче́ние об устройстве мира. *Вопросы Философии*. № 10. С. 146–162.

Рудой В. И., Островская Е. П. (2001). *Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы, или Абхидхармакоша. Раздел III. Лока-нирдеша, или Учение о мире. Раздел IV. Карма-нирдеша, или Учение о карме*. Москва: Ладомир.

References

Os'kin, M.V. (2025). Traktat Kukaya «Desyat' stupenei soznaniya»: uchenie ob ustroistve mira [Kukai's treatise "Ten stages of mind": exposition of cosmology]. *Voprosy filosofii*, 10 (2025), 146–162 (In Russian).

Rudoï, V. I. & Ostrovskaya, E. P. (2001). *Vasubandhu. Entsiklopedia Abhidharmy, ili Abhidharmakosha. Razdel III. Loka-nirdesha, ili Uchenie o mire. Razdel IV. Karma-nirdesha, ili Uchenia or karme.* [Vasubandhu. Encyclopedia of Abhidharma or Abhidharmakośa. Part III. Karma-nirdeśa or Exposition of karma. Part IV. Loka-nirdeśa or Exposition of the world]. Moscow: Ladomir. (In Russian).

Brown, E. B. (1991). *The Buddha Nature: A Study of the Tathāgatagarbha and Ālayavijñāna.* Delhi: Motilal Banarsidass.

Dhammajoti, K. L. (2015). *Sarvāstivāda Abhidharma.* Hong Kong: The Buddha-Dharma Centre of Hong Kong.

Ohnuma, R. (2017). *Unfortunate Destiny: Animals in the Indian Buddhist Imagination.* Oxford: Oxford University Press.

Teiser, S. F. (1985). T'ang Buddhist Encyclopedias: An Introduction to Fa-yüan chu-lin and Chu-ching yao-chi. *Tang Studies*, 3, 109–128.

Десять ступеней разума тайной мандалы Кукай

Свиток первый. Ступень разума обычных людей и животных [Виды живых существ]

...Далее объясняю пять видов существования. Пять видов живых существ распространены по трем сферам. В «Ньяянусаре» сказано: «Нараки и остальные – все четыре низших вида существования». Принадлежащие к богам называются шестью видами богов Сферы Желаний. Мир-вместилище и живые существа вместе называются Сферой Желаний. Эта сфера желаний «всего имеет двадцать местопребываний. Адов, континентов и иного – двадцать. Восемь великих адов называются разными адами». Здесь же и четыре великих континента [Оськин 2025]. «В эти двадцать входят шесть богов Сферы Желаний, преты и животные, они составляют двадцать местопребываний... Таким образом, сфера живых существ простирается от неба Паранирмитавашавартин до ада Авичи, а с миром-вместилищем доходит до круга ветра. Это все входит в состав Сферы Желаний¹».

В трех сферах есть пять видов живых существ. Четыре формы существования присутствуют только в Сфере Желаний. В каждой

¹ ТСД 29, № 1562, 456a25 – b8.

из трех сфер есть боги. Отчего становятся этими пятью, каковы их тела и названия? Ранее указанные *нараки*, животные, *преты*, а также люди и боги называются пятью видами существования. Благая, загрязненная, неопределенная, живая, неживая и промежуточная – все это природы сфер. Формы существования всего лишь принадлежат к беспрепятственно неопределенным. Это относится только к живым существам и не относится к промежуточному существованию. Что касается разбора пяти названий, то '*нара*' означает «человек», а '*ка*' означает «творить неблагое»². Люди, совершающие много неблагого, падут в ады, область *нарак*. От этого и произошло название '*нарака*'. Название «животные» ранее передавалось [знаками] 'выращивать' и 'жить'³. У этого вида существ по большей части тела расположены горизонтально [относительно земли], также их видов много, и много у них глупости, потому их название передается [знаками] 'сторона' и 'жить'⁴. *Претами* называются те, кто всю жизнь любил воровать чужое имущество, был алчным, а также был очень труслив. На вид они худы, истощены, тела их легки, разум беспокоен. Поэтому они называются *претами*. Люди много мыслят. У богов изобильны сияние и силы. Формы существования низших и высших сфер являются причиной загрязненных и благих форм существования. Из разделения при загрязнении происходят десять неблагих деяний. В «*Саддхарма-смритьюпастанга-сутре*» говорится сначала об адах, потом о *претах* и наконец о животных. Полагаясь на этот текст, выстрою последовательность.

Сначала объясню адскую форму существования. Строфы о двадцати великих горячих и холодных адах:

Где находятся ады?
 Кто созерцает собственный разум?
 Дважды восемь великих зол для людей.
 В горячих и холодных адах нет проникновения веры.
Нараки варятся, подобно рыбе и птице.
 В каком году окончится поджаривание?
 Ножи и мечи подобны каплям дождя.
 Нескоро закончатся рассечение и разрезание.

² Этимология слова *нарака* неясна.

³ 畜生

⁴ 傍生

При прегрешениях в трех видах деяний
После смерти во множестве накопятся страдания.
Не должно легкомысленно осуществлять деяния тела и речи,
Действовать, навлекая на себя холод и жар.

Объясняю. Про ады в «Ньянусаре» сказано: «Под Джамбудвипой на глубине двадцати тысяч *йоджан*⁵ находится Авичи... его высота и ширина такие же, как указанные выше, то есть по двадцать тысяч *йоджан* каждая, следовательно, до его дна – сорок тысяч *йоджан*... Остальные семь адов расположена над Авичи... Каковы эти семь: первый – Пратапана, второй – Тапана, третий – Махараурава, четвертый – Раурава, пятый – Сангхата, шестой – Каласутра, седьмой – Санджива⁶... У каждого из восьми адов есть шестнадцать дополнительных... За каждым из так называемых четырех врат есть по четыре дополнительных ада. В связи с тем, что не у всех них названия различаются, указываю лишь их обязательное число⁷.

Холодных адов также восемь... Первый – Арбуда, второй – Нирарбуда, третий – Атата, четвертый – Хахава, пятый – Хухува, шестой – Утпала, седьмой – Падма, восьмой – Махападма. Находящиеся здесь живые существа испытывают ужасный холод. В соответствии с звуками, увечьями и изменениями тел появляются представления об их названиях. Они называются по два, три и три, в таком порядке⁸. Эти холодные ады находятся в самом сокрытом месте за окружающей четыре континента Чакравадой⁹... Часто из-за клеветы на благородные существа навлекают на себя подобный плод страдания. Есть объяснение, что во всех таких случаях пребывают в горячих адах¹⁰... Остальные сторонние ады часто обусловлены двумя или одним особыми действиями. Некоторые находятся вблизи рек, в горах, пустынях, а некоторые находятся в местах под землей¹¹. В трех адах – Авичи,

⁵ От 6 до 16 км.

⁶ ТСД 29, № 1562, 516a26 – b12.

⁷ ТСД 29, № 1562, 516b28–29.

⁸ Арбуда и Нирарбуда названы по холодовой аллергии, Атата, Хахава и Хухува – по голосам мерзнувших, Утпала, Падма и Махападма – по трескающейся в виде лотосов коже *нарак*.

⁹ ТСД 29, № 1562, 517a14–19.

¹⁰ ТСД 29, № 1562, 517a22–23.

¹¹ Пример таких «отдельных» (*prādeśika*) адов см. в «Сангхаракишита-авадане». В Японии некоторые горы, например горы Татэяма в провинции Эттю, стали идентифицироваться как порталы в подобного рода ады.

Пратапане и Тапане – нет надзора стражей ада. В трех – Махараураве, Раураве и Сангхате – стражей ада меньше, так как посланцы Ямараджи время от времени прибывают, обходят и осматривают. Разного рода живые и неживые стражи ада осуществляют надзор, поэтому они карают за грехи живые существа¹²... Во всех адах форме тел [обитателей свойственно] вертикальное [положение]. Вначале речь такая же, как у благородных, затем постепенно изменяется». ¹³ Согласно «Саддхарма-смиртьюнастхана-сутре», все шестнадцать окружающих адов имеют разные названия. Если совершают легкие деяния, то рождаются в дополнительных адах. Если исключительно тяжкие деяния – рождаются в основных. Это лишь краткое объяснение восьми великих адов.

Высказывания о причинах и плодах восьми горячих адов:

- В Сандживу – за убийство добродетельных людей.
- В Каласутру – за многие деяния воровства.
- В Сангхату – за три неблагих деяния тела.
- В Раураву – за убийство, воровство, неверные взгляды и пьянство.
- В Махараураву – за неблагие деяния пяти видов.
- В Тапану – из-за деяний шести видов.
- В Пратапану – из-за деяния семи неблагих.
- В Авичи – из-за пяти непрощаемых грехов.

Объясняю. Про Сандживу в «Саддхарма-смиртьюнастхана-сутре» сказано, что если некто убивает добродетельных людей, принявших обеты и осуществляющих благое, с радостью прибегает к этому, увеличивает деяния, привыкает к ним, доводит до конца, то, когда его жизненные способности уже иссякли, а в разуме не появилось раскаяние, он падет в ад Сандживу. Пятьсот лет Четырех Махараджей¹⁴ там составляют одни сутки. Эти дни складываются в месяцы, они в годы, а срок жизни составляет пятьсот лет. (Берем эти сутки. Тридцать суток составляют месяц, двенадцать месяцев составляют год. Срок жизни – пятьсот лет. Про дальнейшие соседние ады в «Саддхарма-смиртьюнастхана-сутре» указано так же. Измеряемые сутки там такие же.)

¹² ТСД 29, № 1562, 517a25 – b2.

¹³ ТСД 29, № 1562, 517b10–11.

¹⁴ 9 миллионов лет

Что касается ада Каласутра, то если человек убивает живые существа и похищает имущество добродетельного человека, принявшего обеты и осуществляющего благое, с радостью прибегая к этому, увеличивает деяния, украв, сбегает к себе, и если в разуме не появилось раскаяние, то он падет в ад Каласутру. Тысяча лет продолжительности жизни на небе Траястримшп¹⁵ там составляют одни сутки. Эти дни складываются в месяцы, они – в годы, а срок жизни составляет тысячу лет.

Что касается ада Сангхата, то если человек убивает живые существа, ворует и прелюбодействует, с радостью прибегая к этому, увеличивает деяния, привыкая и доводя до конца, и если человек прелюбодействует с женой почитаемого, то падет в ад Сангхату. Две тысячи лет на небе Ямы¹⁶ там составляют одни сутки. Эти дни складываются в месяцы, они – в годы, а срок жизни составляет две тысячи лет.

Что касается ада Раурава, то если человек убивает живые существа, ворует, прелюбодействует и пьянствует, с радостью прибегая к этому, увеличивает деяния, дает алкоголь монахам сангхи, которые приняли обеты, и практикующим сосредоточение, то его разум замутнен и он падет в ад Раураву. Четыре тысячи лет на небе Тушита¹⁷ там составляют одни сутки. Эти дни складываются в месяцы, они – в годы, а срок жизни составляет четыре тысячи лет.

Что касается Махарауравы, то если человек убивает живые существа, ворует, прелюбодействует, пьянствует и лжет, с радостью прибегая к этому, увеличивает деяния, и если правитель и его окружение называют кого-то честным, но в споре двух сторон он не говорит истины, то лишится имущества, утратит жизнь и падет в ад Махараурава. Восемь тысяч лет на небе Нирманарати¹⁸ составляют там одни сутки. Эти дни складываются в месяцы, они – в годы, а срок жизни составляет восемь тысяч лет.

Что касается Тапаны, то если человек совершает тяжкие убийства, ворует, прелюбодействует, пьянствует, лжет и к тому же имеет неверные взгляды, с радостью прибегая к этому, увеличивает деяния, учит других людей не быть щедрыми, не обладать равным восприятием, а также отсутствию последствий благого и неблагого, то падет в ад

¹⁵ 36 миллионов лет

¹⁶ 144 миллиона лет

¹⁷ 576 миллионов лет

¹⁸ 2 миллиарда 304 миллионов лет

Тапана. Шестнадцать тысяч лет на небе Паранирмитавашавартин¹⁹ составляют там одни сутки. Эти дни складываются в месяцы, они – в годы, а срок жизни составляет шестнадцать тысяч лет.

Что касается Пратапаны, то если некто убивает, ворует, прелюбодействует, пьянствует, лжет и к тому же обладает неверными взглядами, часто прибегая к этому, увеличивая деяния, заставляет принадлежащих к соблюдающим обеты и ведущим чистую жизнь молодых людей и хороших монахинь, еще не нарушавших обеты, оступиться и говорит об отсутствии греха и блага, то падет в ад Пратапану. Срок жизни составляет половину промежуточной *кальпы*.

Что касается ада Авичи, то если человек с отягощенным разумом убьет мать, или убьет отца или прольет кровь будды или вызовет раскол в сангхе, или убьет архата, то падет в ад Авичи. В зависимости от содеянных непростительных грехов – от одного до пяти – длительность будет от одного срока до пяти, страдания от однократных до пятикратных. Срок жизни составляет одну промежуточную *кальпу*.

Далее объясняю форму существования *прет*. Строфы о форме существования *прет*:

Будучи жадными, они не делились имуществом.
Это предопределило получение ими голодающих тел.
Соплей и слюны у них не бывает.
Когда они подходят к реке, возгорается пламя.
В прошлые годы они могли придирались к внешности других.
Они крайне истощены и их лица подобны пеплу.
Ныне они холодны и подобны иссохшим деревьям.
Словно летящие листья, они вызывают жалость.
Родственники перестали справляться о них.
В одиночестве рыдают на могилах.
Делясь немногим и отрезая сладкое,
Умиrotворяя, облегчаете их мучения.

Объясняю. Про местопребывание *претов* в «Сутре о Возникновении Мира» сказано: «К югу от Джамбудвипы за Чакравадой находится обитель – дворец Яма-раджи. В ширину он ровно шесть тысяч

¹⁹ 9 миллиардов 216 миллионов лет

йоджан... состоит из семи драгоценностей»²⁰. В саду есть ряды деревьев, их цветы и плоды прекрасны. Многочисленные птицы гармонично поют. Так как это плод неблагого, то в шестой час появляется расплавленная красная бронза. Все дворцы полностью сменяются железными колодками. Раскрывают рот царю и вливают бронзу. Она постепенно прожигает рот и выливается снизу. Он главенствует над всеми *претами* и наказывает грешных людей. В «*Ньяянусаре*» сказано: «Все *преты* изначально обитают в царстве Ямы. Оттуда они распространились в другие места. Прямо под южной частью Джамбудви-пы, на глубине пятисот *йоджан* находится столица Ямы (это имя означает Удерживающий). В ширину она такова же.

Есть три вида *прет*. Они называются: не имеющие средств, с малыми средствами и с многочисленными средствами»²¹. Каждый из трех делится на три, так получается девять видов. *Преты* с большой силой называются *якшами*, *ракшасами* и *кумбхандами*. Богатство и радость, которыми они обладают, такие же, как у богов. Некоторые полагаются на деревья и леса, некоторые полагаются на храмы, некоторые живут в горах и долинах, некоторые обитают в пространстве. *Претам* по большей части свойственно прямохождение. В период начала *кальпы* они все имеют тот же язык, что и благородные. Затем в зависимости от места обитания языки становятся разными.

У *прет* один месяц людей составляет один день. Они складываются в месяцы и года, а срок жизни составляет пятьсот лет. В «*Саддхарма-смритьюпастьхана-сутре*» сказано: «Те, кто в царстве *прет*, живут в пяти сотнях *йоджан* под Джамбудви-пой на пространстве в тридцать шесть тысяч *йоджан*»²². «Существует тридцать шесть видов. Рождение *претой* всегда обусловлено жадностью и завистью. Из-за различных разумов осуществляются различные деяния»²³. Голод и жажда огнем обжигают их тела. Десять их лет для людей составляют одни сутки, а срок жизни составляет пятьсот лет. Далее другим образом кратко объясню восемь видов. (Однако в двух сутрах, в «*Йогачараб-хуми*» и в «*Ньяянусаре*» имеется много различий. Дальнейшее полагается только на «*Саддхарма-смритьюпастьхана-сутру*»).

²⁰ ТСД 1, № 24, 330b9, b12.

²¹ ТСД 29, № 1562, 517b11–14.

²² ТСД 17, № 721, 92a18–19.

²³ ТСД 17, № 721, 92a22–23.

Высказывания о *претах*:

Все тридцать шесть видов *прет*

Рождаются из-за деяний, вызванных жадностью и завистью.

Один месяц для людей составляет один их день.

Дни складываются в их месяцы и годы, а жизнь длится пятьсот лет.

Сучимукхи из жадности и зависти за плату убивали людей.

Ванташины — это женщины, что из-за заблуждений и зависти, ели [чужое].

Пуришахары испытывали чувство жадности и давали другим испорченную еду.

Нирахары несправедливо обходились с людьми, заточали и лишали еды.

Панияхары делали серое вино и не практиковали щедрость.

Нишипраджвалитагатры воровали имущество и подносили его правителям и советникам.

Камарупины следовали развратной дхарме и совершали дарение, будучи нечистыми.

Маракаики называли неверную дхарму высшей истинной.

Объясняю. Что касается *сучимукх*²⁴, то если за плату нанимают людей и посылают их совершить убийство, если муж посылает жену подать милостыню подвижникам, и эта женщина, испытывая чувство жадности, в действительности говорит им, будто у нее ничего нет, то такие люди падут в состояние *сучимукх*. Срок жизни — как указано выше.

Что касается *ванташин*²⁵, то если женщина, обманывая мужа, сама съедает прекрасную пищу, или у некоторых замужних женщин нет различий в разуме, так что у них возникают завистливые мысли и они в одиночку съедают вкусное, то они падут в состояние *ванташин*. Срок жизни — как указано выше.

Что касается *пуришахар*²⁶, то если люди из жадности и зависти дают нечистую пищу подвижникам, а те по неведению съедают ее, то падут в состояния *пуришахар*. Срок жизни — как указано выше.

²⁴ «Со ртом тонким, как игла».

²⁵ «Питающиеся рвотой».

²⁶ «Питающиеся экскрементами».

Что касается *нирахар*²⁷, то если люди из жадности и зависти, полагаясь на свою силу, обманывают добродетельных, заточают их в тюрьмы и лишают еды, то падут в состояния *нирахар*. Срок жизни – как указано выше.

Что касается *панияхар*²⁸, то если люди, продавая алкоголь, добавляют к нему смесь воды и пепла, тем самым обманывая людей, не практикуют щедрость, не осуществляют благого, не принимают правил и, содеяв, не раскаиваются, то падут в состояние *панияхар*. Срок жизни – как указано выше.

Что касается *нишипраджсвалитагatr*²⁹, то если люди из алчности и зависти обманом похищают имущество людей, разрушают города, убивают жителей и причиняют им вред, грабежом заполучают имущество и, преподнося царям и советникам, еще увеличивают злодейства и жестокости, то падут в состояние пылающих *прет*.

Что касается *камарупинов*³⁰, то если мужчины или женщины следовали дхарме разврата, этим путем добывали средства и жертвовали не полю заслуг³¹, жертвовали, не очистив разум, то падут в состояние *камарупинов*. Люди в мире говорят, что это *якши*, следующие желаниям. Срок жизни – как указано выше.

Что касается *маракаиик*³², то если следуют дурному пути, объясняя неверные взгляды и дхармы, называют их высшей истиной и не верят в Лучшую Дхарму, то падут в состояние *маракаиик*. Если монахи ходят или принимают пищу, то [*маракаиики*] в этот момент мешают им неприятными звуками и кошмарными видениями. Срок жизни – как указано выше.

Наконец, объясняю форму существования животных. Строфы о форме существования животных:

Откуда появляются животные?
Их основа – глупость людей.
Не различают черного и белого.

²⁷ «Не имеющие пищи».

²⁸ «Питающиеся напитками», в китайской версии 食水 – «питающиеся водой».

²⁹ «С телами, пылающими ночью», в китайской версии 熾然 – «пылающие».

³⁰ «Меняющие внешность по желанию», в китайской версии 欲色 – «[обладающие] желанной внешностью».

³¹ 福田, то есть не буддийской общине.

³² «Окружение Мары», в китайской версии 魔身 – «[обладающие] телами Мары».

Следуют чувствам и потворствуют телесному.
Не имеют веры в наставления благородных.
Откуда же им знать о страданиях будущих рождений?
Эти недалёковидные безумные дети!
Они – причина появления животных.
Сильные и слабые друг другу служат пищей.
На кого пенять за обман и несправедливость?
Как же мало уже оказавшихся на другой стороне!
Нельзя легкомысленно поступать с духами козлов и баранов.

Объясняю. В «Ньяянусаре» сказано: «Места, населенные животными, называются водой, сушей и воздухом. Проявленные формы живых существ бесконечно различаются. Что до свойств их походки, то мало прямоходящих и много ходящих на четырех конечностях. Изначально обитая в морях, впоследствии они распространяются в пяти формах. Подобные водяным *ракиасам* и *киннарам* принадлежат к животным, но им свойственно прямохождение. Вначале разделяют язык благородных, впоследствии появляются различия»³³.

В «Саддхарма-сморитьюнастхана-сутре» сказано: «...смотрит на животных, и разных видов оказывается три миллиона четыреста тысяч. Благодаря собственной силе разума рождаются на пяти путях. На пяти путях число видов животных самое большое. Разнообразны признаки их внешности, разнообразны их форм. Походка и пища не одинаковы. Сбиваются в стаи и летают все по-разному. Бывают враждебными и дружелюбными, не ладящими и согласными, вместе ходящими, парными и одиночными, сообща живущими и совместно странствующими»³⁴.

Однако в «Саддхарма-сморитьюнастхане», «Ньяянусаре» и «Йогачарабхуми» содержится много определенного. Враждующие, дружелюбные, боязливые, четыре вида рождения, четыре вида поддержания³⁵, перемещение в воде, по земле и воздуху. Причины и последствия действительно разнообразны, трудно полностью их изложить. Также похожие на Нанду [*наги*] хоть и являются животными, но по своей силе превосходят богов. Так как *асуры* с богами

³³ ТСД 29, № 1562, 517b7–11.

³⁴ ТСД 17, № 721, 103b24–28.

³⁵ Catvāra āhārā (四食 кит. *сы ши*, яп. *сисёку*) – пища (*kavalīkāra*), контакт (*sparśa*), намерение (*manahsaṃcetanā*) и сознание (*viññāṇa*), «питающие» тело и разум.

не уживаются и враждуют, поддерживают связи и много льстят, то относятся к трем формам существ – богам, *претам*, животным. Однако в «Саддхарма-смритьюпаствхана-сутре» сказано, что бывает два вида *асур*: *преты* и животные. Так же в шастрах и сутрах они разделяются на три вида. Существуют разного рода животные, *наги* и *асуры*. Из первых, опираясь на «Саддхарма-смритьюпаствхана-сутру», кратко объясню семь разных видов.

Высказывания о животных:

Форм существования животных крайне много.

Формы водных, земных и воздушных не имеют предела.

Что до враждующих, если придерживаются дурной дхармы и злоуюно прекаются,

То ядовитые змеи, вороны и совы друг друга убивают и причиняют вред.

Что до дружелюбных, если с привязанным разумом заключают союзы,

То непременно рождаются мандаринками и голубями.

Что до боязливых, если, применяя силу, грабят и разрушают поселения,

То впоследствии переродятся оленями и будут испытывать много страха.

Что до саморожденных, если выращивают шелкопрядов и убивают насекомых

Или совершают небудийские огненные подношения, то становятся саморожденными.

Что до рожденных из влаги, это те, кто убивает водных насекомых и черепах,

Следуя неверным взглядам, убивает насекомых и подносит богам.

Если три яда³⁶ еще не прекратились, но человек достиг мирских сверхспособностей

И от возникшей ненависти разрушает страны, то рождается из яйца.

Если обладают загрязненным разумом и спаривают коров или лошадей,

Следуют неверным взглядам и неучтивы, то рождаются животными из утробы.

Срок жизни подобных этим видов не определен.

Большая часть перемещается на четырех конечностях, оттого и их название.

³⁶ Triviṣa (三毒 кит. *сань ду*, яп. *сандоку*) – желание (raga), ненависть (dveṣa) и глупость (moha).

Объясняю. Что касается враждующих, то если люди следуют неверным взглядам, заучивают неверную дхарму и ссорятся друг с другом, после они рождаются среди враждебных животных и возвращаются к взаимному убийству и вреду. Называемые ядовитыми змеями, хорьками, лошадьми, а также водяными быками, воронами и совами – их видов крайне много, срок жизни не определен.

Что касается дружелюбных, то если люди по причине рождения и смерти, идя подавать милостыню, тотчас вместе приносят обет в будущих рождениях всегда быть мужем и женой, рождаются из жизни в жизнь утками-мандаринками и голубями, много радуются и привязываются. Их видов крайне много, срок жизни не определен.

Что касается боязливых, то если с радостью творят разбой, бьют в барабан и трубят в раковины, разрушая поселения, играют громкую музыку, что подобна всем ужасам, рождаются оленями, их разум всегда будет пребывать в страхе. Их видов крайне много, срок жизни не определен.

Что касается саморожденных, то если люди выращивают шелкопрядов, убивают их и варят коконы в воде, или когда рождаются бесчисленные насекомые – огненных пучки, а небуддисты сжигают их и преподносят богам, ища блага, то рождаются среди саморожденных животных. Существуют разные виды, этих существ крайне много, срок жизни не определен.

Что касается рожденных из влаги, то если люди следуют неверным взглядам, убивают и наносят вред черепахам, муравьям, крабам, устрицам, лягушкам, небольшим насекомым в прудах и соленой воде, а некоторые из-за ложных взглядов, служа богам, убивают насекомых и приносят в жертву, они появляются среди рожденных из влаги животных. Их видов крайне много, срок жизни не определен.

Что касается причины рождения из яйца, то если люди еще не прекратили желание, ненависть и неведение, но, практикуя дхьяну, достигли мирских сверхспособностей, и, породив в уме своем ненависть и гнев, разрушают страны, то появляются среди рожденных из яйца птиц, орлов и стервятников. Их видов крайне много, срок жизни не определен.

Что касается рожденных из утробы, то если множество живых существ из-за привязанного разума спаривают коров или лошадей, делая так, чтобы те вступали в связь, а некоторые побуждают других людей следовать неверным взглядам и быть неучтивыми, они

появляются среди рожденных из утробы животных. Их видов крайне много, срок жизни не определен.

Далее объясняю форму существования *наг*. (Они также принадлежат к форме существования животных.)

От огня ненависти испытывают форму существования *наги*.

Нельзя увидеть их грозный лик.

Раскаленный песок льется дождем на тела.

Кусающие насекомые скапливаются под чешуей.

Кожа несколько раз сбрасывается.

Ядовитое дыхание многократно становится туманом.

Асуры тянут веревку.

Гаруда машет крыльями неподалеку.

На Джамбудвипе осуществляется неблагое.

Вызываемые несправедливыми бедо многочисленны.

Если среди людей нет зла,

То источник благих *наг* стекает вниз.

Рассечение тела все же можно перенести,

А что уж до слов и звуков оскорбления!

Устрашает воздаяние за ненависть!

Долгое время не уйти от страха.

Объясняю. В «Сутре о Возникновении Мира» сказано, что *наги* и *гаруды* имеют по четыре вида рождений. Они называются рожденьями из яйца, из утробы, из влаги и саморождением. Под водой океана находится дворец правителя нагов Сагары шириной в восемьдесят тысяч *йоджан*, состоящий из семи драгоценностей. Многочисленные птицы в садах, у источников и озер гармонично поет. Во внутреннем море Югандхары (что означает Держащая Пару) находятся дворцы двух великих *наг* – Нанды и Упананды. На севере океана для всех *наг* и *гаруд* растет великое дерево. Оно называется *куташалмали*³⁷ (что означает Собрание Оленей³⁸). Окружность основания этого дерева составляет семь *йоджан*. Оно уходит в землю на двадцать одну *йоджану*, его высота – сто *йоджан*. Всего оно покрывает пятьдесят *йоджан*. На восточной стороне этого дерева находится дворец

³⁷ Хлопковое дерево, *bombax ceiba*.

³⁸ *Kūṭaśālmali* не имеет подобного значения.

рожденных из яйца *наг* и *гаруд*. На южной стороне находится дворец рожденных из утробы *наг* и *гаруд*. На западной стороне находится дворец рожденных из влаги *наг* и *гаруд*. На северной стороне находится дворец саморожденных *наг* и *гаруд*. У всех этих дворцов ширина составляет шестьсот *йоджан*, они украшены множеством драгоценностей.

В «Саддхарма-смиритьюпаствхана-сутре» сказано: «Если много... ненависти и неведения, то рождаются на глубине десяти тысяч *йоджан* в океане... Город, в котором обитают *наги*, называется Бхогавати. Ширина его ровно три тысячи *йоджан*, и в нем множество правителей *наг*... Одни праведные, другие неправедные. Первые защищают мир, последние вредят миру. Во дворцах, служащих местами обитания праведных *наг*, не идет дождь раскаленного песка»³⁹. Сказано, что, если принимают в прошлом рождении небуддийские обеты, осуществляют даяние, но не очищаются и из-за ненависти и гневного разума дают обет родиться *нагой*, но, вспомнив о заслугах, следуют Дхарме, то не имеют страданий от раскаленного песка. «Однако у них змеиные головы... Их имена: Семиголовый, Гаджана-на, Васуки, Таксака, Бхадрака... Из-за благого разума они в соответствии со временем приносят дожди, делая так, чтобы во всем мире пять злаков созревали, были изобилие, радость и спокойствие, и не обрушивают пожары и град. Они верят в Будду, Дхарму и Сангху... На четырех континентах они приносят благодатные дожди»⁴⁰.

«В местах обитания неправедных правителей *наг* постоянно идет дождь раскаленного песка... поджигая дворцы и их окрестности... *наги* погибают... и снова рождаются»⁴¹. Их имена: Праматха, Атопа, Кала и Хулухулу. Если «все множество живых существ не следует благой дхарме, не почитает отца и мать, не уважает подвижников и брахманов, то подобные этим дурные *наги* увеличивают свою силу»⁴². Они приносят четырем континентам неблагоприятные облака и дожди. Пять злаков не созревают, это способно навредить миру. «Если люди Джамбудвипы следуют благой Дхарме, то пять миллионов семьсот тысяч *наг* плывут во множестве потоков»⁴³. С

³⁹ ТСД 17, № 721, 105b13–19.

⁴⁰ ТСД 17, № 721, 105c13–20, 22.

⁴¹ ТСД 17, № 721, 105b13–19.

⁴² ТСД 17, № 721, 106a29 – b1.

⁴³ ТСД 17, № 721, 107a8–9.

опорой на эту сутру кратко объясню два вида. Что касается неправедных правителей *наг*, то если люди «из-за ненависти и гневного разума поджигают монастыри, поселения и города»⁴⁴, то «рождаются в океане... и обладают телами ядовитых *наг*. Ненавидя друг друга и гневаясь... плюются ядом и друг другу вредят»⁴⁵. Их жизни крайне длинны, срок составляет промежуточную *кальпу*. Что касается праведных правителей *наг*, если люди, приняв небуддийские обеты, дают нечистую милостыню, держатся за материальную пищу и дурные обеты, а также разбойничают, то рождаются *нагами*, но, вспомнив о заслуге, следуют Дхарме. Их жизни крайне длинны, срок составляет промежуточную *кальпу*.

В-четвертых, объясняю форму существования *асур*. Стихи об *асурах*:

Если из лстивого и гордого разума осуществляют щедрость,
То по окончании жизни непременно достигнут состояния *асур*.
Их разум желает *амриты*, они грабят Индру.
Индра декламирует сутру и уже вошел в лотос.
Солнечный диск поражает глаза, излучаются четыре сияния.
Когда видят луну, бродят по острову Удая.
Не выносят мечей Четырех Махараджей, подобных дождю.
Поднявшись на небо, падают обратно и часто страдают.
Их тела грубы, они располагаются на горных сидениях.
Природа разума не пряма и привязана к неверному.
Срок жизни составляет восемь тысяч, они не дают обетов выйти.
В темнейшей ночи бесцельно живут и стареют.

Объясняю. В «Сутре о Возникновении Мира» сказано: «К востоку от Сумеру в пяти сотнях *йоджан* за океаном находится страна царя *асур* Вемачитры...»⁴⁶. Ее ширина составляет ровно восемьдесят тысяч *йоджан*. Там есть большое дерево, которое называется Сучитра-патала⁴⁷. Окружность его основания составляет полных семь *йоджан*. Оно уходит в землю на двадцать одну *йоджану*, его высота – сто *йоджан*. Тень от листьев на ветках покрывает пятьдесят *йоджан*.

⁴⁴ ТСД 17, № 721, 105b24–25.

⁴⁵ ТСД 17, № 721, 105b14–15.

⁴⁶ ТСД 1, № 24, 336a10–12.

⁴⁷ Предположительно, *bignonia suaveolens*.

Тамошний дворец весь состоит из семи драгоценностей. В садах на рядах деревьев множество птиц гармонично поет. Здесь также находятся дворцы меньших *асур*. В «*Саддхарма-смритьянастхана-сутре*» сказано: «Враждующие с богами зовутся *асурами*. Вкратце есть два вида... первые – принадлежащие к *претам*, вторые – принадлежащие к животным. Принадлежащие к *претам* – это *преты* Мары, обладают сверхспособностями»⁴⁸. Принадлежащий к животным и живущий в океане «царь *асур* Раху в Сфере Желаний искусен в создании больших и малых магических форм, в соответствии со своим намерением»⁴⁹. Иногда он замышляет увидеть богинь и облачается в разные драгоценные камни. «Они ярко сияют... Его тело подобно горе Сумеру...»⁵⁰. Драгоценности блестят синим, желтым, красным и черным. «В его разуме огромное высокомерие, его называют равным богам»⁵¹... Если на Джамбудвипе не следуют благой Дхарме, не почитают отца и мать, не уважают брахманов и подвижников, поступают, не полагаясь на Дхарму... то силы всех богов уменьшаются⁵²... Если на Джамбудвипе следуют благой Дхарме, почитают отца и мать» и уважают подвижников, «то силы всех богов увеличиваются»⁵³. Тогда Четыре Махараджи⁵⁴ направятся туда, где пребывают *асуры*, и с неба польется дождь мечей. Если не покинувший неба *асура* захочет подняться, то выйдет солнце, тысячи лучей будут слепить глаза, и он не увидит небесных дворцов. «Тогда правой рукой он заслонит солнечный диск. Рука излучает четыре сияния – синее, желтое, красное, черное». На Джамбудвипе наставники с неверными взглядами, не имея представления о деяниях и плодах, ложно говорят о благих и дурных знамениях. Также *асуры* ходят по морю и смотрят на луну, что всегда восходит из-за горы Удая. Желая подняться на небо и рукой коснуться луны, излучают четыре сияния. На Джамбудвипе мастера магических формул с неверными взглядами, не имея представления о деяниях и плодах, ложно говорят о благих и дурных знамениях. Также *асура* воодушевляется, приходит в ярость и оглушительно рычит, подобно

⁴⁸ ТСД 17, № 721, 107a12–14.

⁴⁹ ТСД 17, № 721, 107a17–18.

⁵⁰ ТСД 17, № 721, 107a25, 26.

⁵¹ ТСД 17, № 721, 107a28.

⁵² ТСД 17, № 721, 107b3–6.

⁵³ ТСД 17, № 721, 107b8–10.

⁵⁴ Дхритараштра, Вирудхака, Вирупакша и Вайшравана, принадлежащие к низшему классу богов Сферы Желаний.

грому. Во всех странах сведущие в знаках говорят, что сошел небесный зверь. Ложно говорят о благих и дурных знамениях, предсказывают, хорош или плох будет урожай пяти злаков. Некоторые говорят о том, будут ли у царя беды, счастье или несчастье. Некоторые говорят, что начнется война, и, очищаясь, добиваются счастья. Должно понимать, что на все это способны оказывать влияние благо и неблаго, осуществляемые на Дхамбуддипе.

Опираясь на «*Саддхарма-смритьюпагхана-сутру*», кратко объясню четыре вида. Что до первого вида, то если брахман ставит на первое место мудрость, дает милостыню больным на развилке четырех дорог и, увидев, как дурные люди подожгли ступу, спасет ступу *татхагаты*, при этом не обладая верой и будучи привязанным к состязаниям, он родится среди *асур* Раху. Пятьсот лет людей составляют для них одни сутки, срок жизни – пять тысяч лет. (Тридцать этих дней складываются в месяц, двенадцать месяцев в год. Срок жизни – пятьсот лет. У всех остальных точно так же.)

Что касается второго вида, если люди, «раздавая много пожертвований, подают небуддийским подвижникам, дают нечистую милостыню, дают разного рода еду разным подвижникам, нарушающим заповеди, и не обладают правильными мыслями в разуме, то подобные дарители» родятся среди *асур* Дамакантхи. Шестьсот лет людей составляют для них одни сутки, срок жизни – шесть тысяч лет.

Что касается третьего вида, если люди «в дни сезонных собраний... всячески развлекаются», из этого добывают средства и «дают нечистую милостыню», дают еду больным, нарушающим заповеди, и не обладают правильными мыслями в разуме, то подобные дарители родятся среди *асур* Пушпамалы. Семьсот лет людей составляют для них одни сутки, срок жизни – семь тысяч лет.

Что касается четвертого вида, если люди, приверженные ложным взглядам и не имеющие представления о деяниях и плодах, увидят, что пришел монах, прилежно продвигающийся и соблюдающий обеты, и попросил еды, а они дадут, но скажут такие слова: «Ты низкий человек, какие у тебя могут быть заслуги?» – то родятся среди *асур* Прахасы. Восемьсот лет людей составляют для них одни сутки, срок жизни – восемь тысяч лет.

В-пятых, опишу форму существования людей. В форме существования людей есть два вида деяний. Они называются десятью благами

и неблагими деяниями. Неблагие низвергают в три неблагоприятные формы, благие возносят к трем небесам.

Строфы о десяти неблаги:

Деяния, обуславливающие три пути, – это десять неблаги.

Одно деяние непременно становится причиной пяти видов.

Речь и деяния личности производят неблагое.

Кто знает о множестве страданий в будущих рождениях?

Тело, три речи, четыре мысли – это основа.

Три яда распространяются и заставляют людей утопать.

Зная прошлое, непременно очищайтесь – и сравнивайтесь с мудрыми и благородными.

Добрые сыновья и добрые дочери, будьте терпеливы и осуществляйте милосердие!

Объясняю. В «Дашабхумике» сказано: «Грех убийства живых существ способен заставить пасть на три неблаги пути. Если рождаются среди людей, то получают два плода: первый – короткая жизнь, второй – много болезней». Все десять подобных этому неблагим деяниям дают пять видов последствий.

Во-первых: почему убийство живых существ приводит к адским страданиям? Так как убийство живых существ приносит страдания многим, то, когда тело разрушается и жизнь прекращается, множество адских страданий наступают и режут их. Во-вторых: почему убийство приводит к рождению животным? Так как в убийстве живых существ нет деяния, обладающего милосердием и состраданием, и оно расходится с людскими правилами, то, когда адские грехи исчерпываются, рождаются животным. В-третьих: почему убийство также приводит к рождению *претой*? Так как убийство живых существ непременно связано с жадным разумом и желанием вкуса, то становятся *претами*. В-четвертых: почему из-за убийства рождаются людьми, но с короткой жизнью? Так как убийство вредит жизни существ, то приводит к короткой жизни. В-пятых: почему убийство также приводит к частым болезням? Так как убийство живых существ идет вразрез с надлежащим и множество бед, состязаясь, скапливаются, то оно приводит к частым болезням. Должно понимать, что убийство есть большое страдание.

Также в «Сутре разнообразного собрания» сказано, что когда-то *прета* рассказал Маудгальяне⁵⁵: «У меня всегда на плечах глаза, в груди нос и рот, головы нет. По какой причине?» Маудгальяна ответил: «В прошлой жизни ты всегда был учеником палача. Когда наступало время убивать, у тебя всегда были радостные мысли. Ты связывал людей веревкой и вел их. По этой причине ты получил подобную кару, и вот последствие неблагих деяний. Плод адских страданий будет в последующем рождении». Еще один *прета* рассказал Маудгальяне: «Мое тело всегда подобно комку мяса, нет ни рук, ни ног, ни глаз, ни ушей, ни носа. Всегда оно служит пищей для насекомых и птиц, и страдания из-за греха трудно переносить. По какой причине?». Маудгальяна ответил: «В прошлой жизни ты всегда давал другим лекарство, чтобы произвести выкидыш. По этой причине ты получил подобную кару, и вот последствие. Плод адских страданий будет в последующем рождении».

Также из-за убийства желание причинять вред усиливается. Когда оно усиливается, то, не имея сдержанности, осуществляют воровство. Если в нынешней жизни воруют, не дают, но берут, то, умерев, падут в ад Железная Яма, где долгую *кальпу* будут всячески страдать. Когда страдания прекратятся, то падут в состояние животных. Их тела всегда будут нести тяжести, их будут подгонять и бить, и не будет им отдыха. Пищей им будут лишь вода и трава. В таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то всегда будут слугами. Их будут понуждать и посылать с поручениями, и не будет у них ничего своего. Пока их долг не будет возвращен, они не смогут услышать Дхарму. Происходящая из этого сансара мучений не имеет конца. Должно понимать, что причиной всего этого является воровство. Когда в этой жизни скрывают объяснение, не подносят Трем Драгоценностям ради света, а, напротив, берут свет Трех Драгоценностей и используют, то сами загораются, и, умерев, падут в ады Черное Ухо, Каласутра и Тьма, где долгую *кальпу* будут испытывать всяческие мучения. Когда страдания прекратятся, то падут в состояние вшей и не будут переносить света. В таком состоянии бесчисленны будут рождения

⁵⁵ 目連, кит. Мулянь, яп. Мокурэн, – один из архатов, в буддийской литературе часто выступает как персонаж, путешествующий по сферам разных живых существ, в том числе *прет*.

и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то их форма будет пятнисто-черной, грязной, жирной и нечистой. Они зловонны, грязны, дурны, те, кого презирают и сторонятся люди. Их глаза слепы, они не видят неба и земли. Должно понимать, что причиной является сокрытие света и воровство. Поэтому в «*Дашабхумика-сутре*» сказано: «Грех воровства также способен заставить пасть на три неблагих пути. Если рождаются среди людей, то получают плоды двух видов. Первый – нищета. Второй – вместе добытые средства не достаются самому человеку».

Почему воровство приводит к падению в ад? Так как, воруя, отбирая и похищая чужое имущество, причиняют страдания живым существам, то, умерев, попадают в холодные ады и испытывают там всяческие страдания. Почему воровство приводит к рождению животным? Так как этим не осуществляют нормы людей, то получают тело животных и всегда несут тяжести. Давая мясо людям, возвращают старые долги. Почему это также приводит к падению в состояние *прет*? Так как из-за жадности осуществляют воровство, то, когда кара животного окончится, становятся *претами*. Почему делаются бедными? Так как воровство делает живые существа бедными, то отсюда и бедность. Почему вместе добытые средства не достаются самому человеку? Так как воруют, лишая должностей, то если есть средства, они будут разделены пятью домами и не достанутся самому человеку. Должно понимать, что воровство есть второе большое страдание.

Также в «Сутре разнообразного собрания» сказано, что когда-то *прета* рассказал Маудгальяне: «Бханте, мой живот крайне велик, подобен большому сосуду. Шея, руки и ноги очень тонки, подобно иглам, и невозможно ни пить, ни есть. По какой причине я испытываю подобные страдания?». Маудгальяна ответил: «В прошлой жизни ты был старейшиной поселения. Ты был самоуверен, [занимал] высокое положение, пил и ел, и всецело презирал остальных людей. Отбирал питье и еду и морил голодом множество бедняков. По этой причине получил подобную кару, и вот последствие. Плод адских страданий будет в последующем рождении». Другой *прета* рассказал Маудгальяне: «Всегда у меня подмышками вращаются два раскаленных железных колеса и тело обжигается. По какой причине?». Маудгальяна ответил: «В прошлой жизни ты давал монахам лепешки и утаивал две штуки, зажимая их подмышками. По этой причине получил

подобную кару, и вот последствие. Плод адских страданий будет в последующем рождении».

Также из-за воровства разум неверен, потекает чувствам и испытывает желание. Если сейчас прелюбодействуют, то в нынешней жизни будут опасности и часто будут испытывать страх. О некоторых узнают муж или соседи и в какой-то момент, добиваясь смерти, возьмут ножи и дубины и осуществят кару. Ноги и руки будут отсечены и жизнь оборвана. Умерев, попадут на железные лежанки в аду, некоторые будут обнимать бронзовый столб. *Ракишасы* ада будут жарить их на огне. Когда грех ада исчерпается, родятся животными: петухами, утками, гусями, воробьями, собаками, свиньями, мотыльками. В таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Долгую *кальпу* будут испытывать всяческие страдания. Когда страдания прекратятся, если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то в женских покаях будут прелюбодеяние и раздор, жены и наложницы будут неверны. Если будет благоволимая, то людьми будет отобрана. Постоянно будут в страхе, много будет опасностей и мало спокойствия. Должно знать, что все эти опасности и страдания порождаются из-за прелюбодеяния. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех прелюбодеяния также заставляет пасть на три неблагих пути. Если родятся людьми, то получают плоды двух видов. Первый – неверность жены. Второй – сварливые сородичи». Почему прелюбодеяние приводит к падению в ад? Так как прелюбодеяние, будучи нарушением и неподобающим вторжением, приносит страдания, отсюда адские страдания после окончания жизни.

Почему прелюбодеяние приводит к рождению животным? Так как прелюбодеяние не соответствует принципам людей, отсюда и рождение животным после выхода из ада. Почему прелюбодеяние также приводит к рождению *претой*? Так как прелюбодеяние всегда одинаково с жадностью и привязанностью, то по причине греха жадности и привязанности также становятся *претами*. Почему от прелюбодеяния жена будет неверна? Так как совращали чужих жен, то получаемое ими есть постоянная неверность жены. Почему от прелюбодеяния сородичи сварливы? Так как, прелюбодействуя, отбирали тех, кому благоволили люди, то получают сварливых сородичей. Отсюда и те, кого отбирают люди. Должно знать, что прелюбодеяние есть третье большое страдание. Подобно тому, как в «Сутре разнообразного собрания» сказано, что когда-то *прета*

рассказал Маудгальяне: «Я беру вещи и накрываю ими голову. Также всегда боюсь, что люди придут убить меня. Разум всегда в ужасе, и трудно это вынести. По какой причине?». Маудгальяна ответил: «В прошлой жизни ты прелюбодействовал с [теми, кто обладал] телесной красотой, и постоянно боялся, что люди увидят. Также боялся, что муж схватит, свяжет и забудет тебя до смерти. Также боялся, что чиновник перебьет жителей твоего города. Всегда испытывал страх, и страхи сменяли друг друга. По этой причине ты получил подобный этому грех, и вот следствие неблагих деяний. Плод адских страданий будет в последующем рождении».

Также из-за прелюбодеяния все произносимые слова являются ложными. Если сейчас лгут, принося страдания множеству живых существ, то умерев, падут в ад Плача, где долгую *кальпу* будут испытывать всяческие страдания. Когда страдания исчерпаются, падут в состояние *прет*. В этих страданиях бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то часто будут мучиться от болезней, будут немощными и истощенными, слабыми, измученными, будут испытывать боль. Сами будут страдать от ядов и люди не будут сочувствовать им. Должно знать, что все эти страдания порождаются из-за лжи. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех лжи также заставляет пасть на три неблагих пути. Если родятся людьми, то получают плоды двух видов. Первый – часто быть оклеветанным. Второй – быть обманутым людьми». Почему ложь приводит к падению в ад? Так как ложь неистинна, она заставляет людей сомневаться, и так порождается страдание, потому, умерев, испытывают страдания ада. Почему ложь приводит к рождению животным? Так как ложь и обман расходятся с честностью и верой людей, то отсюда рождение животным после выхода из ада. Почему ложь также приводит к рождению *претой*? Так как ложь всегда одинакова с жадностью и обманом, то по причине греха жадности и обмана также становятся *претами*. Почему из-за лжи часто бывают оклеветаны? Так как ложь не является честной и истинной. Почему из-за лжи бывают обмануты людьми? Так как ложь обманывает людей. Должно знать, что ложь есть четвертое большое страдание.

Также из-за лжи приходят к клевете. Если сейчас их речь не обладает добротой, а оскорбительна и унижительна, неблагая речь беспорядочна, то умерев, падут в ады Вырывания Языка, Расплавленной

Бронзы и Вспашки, где долгую *кальпу* будут испытывать всяческие страдания. Когда страдания исчерпаются, падут в состояние животных и будут питаться нечистотами. Подобно пеликанам, будут лишены языка. В таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то способности языка будут ущербными, дыхание зловонным, они будут немymi и заиками. Зубы не будут очищаться, будут с щербинками и редкими. Пусть и будут у них благие слова, люди не будут доверять. Сами будут страдать от ядов, и люди не будут сочувствовать и вспоминать. Должно знать, что вся грубость и смятение порождаются из-за клеветы. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех клеветы также заставляет пасть на три неблагих пути. Если родятся людьми, то получают плоды двух видов. Первый – скверные сородичи. Второй – неуживчивые сородичи». Почему клевета приводит к падению в ад? Так как клевета разделяет людей с близкими и разделение заставляет страдать, то, умерев, испытывают страдания ада. Почему клевета приводит к рождению животным? Так как клевета есть дело раздора, такое же, как у гиен, то рождаются животными. Почему клеветники также становятся *пре-тами*? Так как клевета также вызывается жадностью, то из-за греха жадности становится *пре-тами*. Почему из-за клеветы люди получают скверных сородичей? Потому что клевета делает так, что у друзей и товарищей появляется неприязнь. Почему от клеветы получают неуживчивых сородичей? Так как клевета разделяет людей с близкими и делает так, что они не уживаются. Должно знать, что клевета есть пятое большое страдание.

Также из-за клеветы слова всегда оскорбительны. Если сейчас оскорбительными словами вызывают раздоры, наносят вред, а еще враждуют друг с другом и убивают множество живых существ, то, умерев, попадают в ад Ножей, где долгую *кальпу* будут испытывать всяческие страдания. Когда страдания исчерпаются, падут в состояние животных. Им будут отрубать ноги и продавать их мочевые пузыри, они будут терять кишки и лишаться бедренных костей, и долгую *кальпу* будут испытывать всяческие страдания. Когда страдания исчерпаются, окажутся здесь, и в таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то четыре конечности будут ущербны, люди эти будут скопцами, без-

ногими, клейменными и безносими, их тела будут увечными. Духи и боги не будут оберегать, люди не будут их замечать. Должно знать, что ущербные живые существа все порождены оскорблениями. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех оскорблений также заставляет пасть на три неблагих пути. Если родятся людьми, то получают плоды двух видов. Первый – постоянное выслушивание неприятных слов. Второй – обращенные к ним слова всегда будут бранными». Почему оскорбления приводят к падению в ад? Так как оскорбления направлены на вред людям, люди, слыша их, испытывают страдания, отсюда падение в ад после окончания жизни. Почему оскорбления приводят к рождению животными? Так как оскорбления поносят людей бранят людей, как животных, то после выхода из ада и становятся животными. Почему из-за оскорбления также становятся *премами*? Из-за жадности оскорбляли, отсюда и становление *премами* после окончания страданий животных. Почему из-за оскорблений часто слышат от людей неприятные слова? Так как, произнося слова, были грубы, то слышимое ими всегда оскорбительно. Почему от оскорблений обращенные к ним слова всегда бранны? Так как, оскорбляя, шли против благого, то обращенные к ним слова всегда приводят к ссорам. Должно понимать, что оскорбление есть шестое большое страдание.

Также из-за оскорблений все слова всегда плавучи, украшены, совершенно бессмысленны и бесполезны. Из-за бессмысленности и бесполезности в нынешней жизни родится высокомерие и, умерев, эти люди падут в ад Связывания, где долгую *кальпу* будут испытывать всяческие страдания. Когда страдания исчерпаются, падут в состояние животных. Они будут помнить лишь о воде и траве и не будут иметь понятия о благодарности и заботе об отце и матери. В таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то родятся на краю земли, не будут знать о верности, сыновней почтительности, человеколюбии, долге, не увидят Три Драгоценности. Если родятся в срединных землях, то будут низкими, невзрачными, горбатыми и будут презираемы людьми. Должно понимать, что высокомерие всегда порождается бессмысленностью, несерьезностью и неумеренностью. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех пустословия также заставляет пасть на три неблагих пути. Если родятся людьми, то получают плоды двух видов. Первый – сказанным ими словам не будут доверять другие люди. Второй – сказанные

слова не будут понятны». Почему пустословие приводит к падению в ад? Если уже слова бессмысленны, то все дела будут вредить другим, отсюда падение в ад после окончания жизни. Почему пустословие приводит к рождению животными? Так как пустословие расходится с принципами людей, то отсюда рождение животными после выхода из ада. Почему от пустословия также становятся *претами*? Если говорят бессмыслицу, значит, есть преграда жадности, и из-за жадности также становятся *претами*. Почему от порождения греха пустословия сказанным словам не будут доверять люди? Так как сказанную бессмыслицу невозможно принять. Почему от пустословия сказанные слова не будут понятны? Когда речь бессмысленна, это всегда из-за неясности, последствие неясности есть непонятность сказанных слов. Должно понимать, что бессмысленная речь есть седьмое большое страдание.

Также из-за бессмыслицы не могут быть честными и уступчивыми, и желания не имеют удовлетворения. Если в нынешней жизни от жадности и желания не осуществляют щедрость, то, умерев, падут в ад Кипящего Навоза, где долгую *кальпу* будут испытывать всяческие страдания. Когда страдания исчерпаются, падут в состояние животных и *прет*. У них не будет одежды и пищи, они будут полагаться на людей. Нечистоты, которые они поедают, им не будут подавать, и их будет не достать. В таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то будут голодать, мерзнуть, будут нагими, бедными и всегда неимущими. Люди не будут им подавать, и неоткуда будет добыть. Пусть и будет у них самая малость, она всегда будет отобрана силой. Им нечем будет защититься от страданий, их тела погибнут, жизнь утратится. Должно понимать, что нещедрость всегда порождается желаниями. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех желания также заставляет пасть на три неблагих пути. Если родятся людьми, то получают плоды двух видов. Первый – много желаний. Второй – отсутствие удовлетворенности». Почему желание приводит к падению в ад? Из-за желаний осуществляются деяния тела и речи и приносятся страдания существам, отсюда и адские страдания после смерти. Почему желание приводит к рождению животными? Так как желание расходится с принципами людей, то, выйдя из ада, рождаются животными, и из-за желания также становятся *претами*. Из-за получения желаемого непременно

возникают алчность и сожаление. Из-за греха алчности и сожаления также становятся *претами*. Почему из-за желания многого хотят? Так как алчность еще больше увеличивает желаемое. Почему от желания отсутствует удовлетворенность? Так как из-за желания стремление к желаемому неудовлетворимо. Должно понимать, что желание есть восьмое большое страдание.

Также из-за желания не исполняют намерений, и оттого гnevаются и порождается ненависть. Если в нынешней жизни испытывают много ненависти, то, умерев, падут в ад Вспахивания Грязи, где в течении *кальпы* будут испытывать множество страдания. Когда страдания исчерпаются, падут в состояние животных и станут ядовитыми змеями, гадюками, тиграми и леопардами, дикими собаками и волками. В таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получат вновь слабое тело человека, то опять будут испытывать много ненависти, их лицо и облик будут уродливыми, они будут ненавистны людям. Не только близкие и друзья не будут подавать им, в действительности глаза будут не рады их видеть. Должно понимать, что гнев и злоба всегда порождаются ненавистью. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех ненависти также заставляет пасть на три неблагих пути. Если родятся людьми, то получают плоды двух видов. Первый – всегда будут искать его силу и слабость. Второй – всегда подвергаться мучению от многих людей». Почему ненависть приводит к падению в ад? Из-за ненависти вредят и приносят страдания существам, поэтому испытывают адские страдания. Почему ненависть приводит к рождению животными? Из-за этой ненависти не могут проявлять милосердие и сострадание, отсюда рождение животными после выхода из ада. Почему ненависть также приводит к рождению *претами*? Из ненависти возникает жадность, из-за греха жадности также становятся *претами*. Почему ненависть приводит к постоянному поиску силы и слабости? Так как из-за ненависти не могу проявлять терпимость, то все ищут их силу и слабость. Почему от ненависти всегда подвергаются мучению от многих людей? Так как из-за этой ненависти причиняли страдания и вредили людям, то люди тоже причиняют страдания и вредят. Должно понимать, что ненависть есть девятое большое страдание.

Также из-за ненависти следуют неверным убеждениям и не верят в правильный путь. Если в нынешней жизни препятствуют людям

в слушании Дхармы и декламировании сутр и сами не собирают пищу, то, умерев, падут в ад Глухоты и Тупости, где в течении долгой *кальпы* будут испытывать всяческие страдания. Услышав голос Трех Драгоценностей и Четырех Истин, не поймут, что это благо, услышав голос убийства, вреда и избиения, не поймут, что это неблаго. В таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с малейшим добром – и получают вновь слабое тело человека, рождаются, находясь в теле человека, то будут глухими и слепыми, не будут слышать, камень и стена не будут различаться, прекрасные слова и благое эхо совершенно не будут осознаваемы ими. Должно понимать, что трудные препятствия слушанию Дхармы всегда порождаются неверными взглядами. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех неверных взглядов также заставляет пасть на три неблагих пути. Если рождаются людьми, то получают плоды двух видов. Первый – рождаются в семьях с неверными взглядами. Второй – их разум лъстив». Почему неверные взгляды приводят к падению в ад? Из-за неверных взглядов обращаются только к неверным путям и придерживаются привычных богов, клеветуют на Будду, Дхарму и Сангху, не почитают Три Драгоценности, отсюда попадание в ад Авичи после окончания жизни. Почему неверные взгляды также приводят к рождению животными? Из-за этих неверных взглядов не имеют представления о правильных принципах, отсюда рождение животными после выхода из ада. Почему неверные взгляды также приводит к рождению *претами*? Из-за этих неверных взглядов, жадного разума и алчной привязанности неверные убеждения не отброшены, а не отбросив неверные убеждения, становятся *претами*. Почему от неверных взглядов рождаются в семьях с неверными взглядами? Так как эти неверные взгляды ложно усвоены, то отсюда и рождение человеком в семье с неверными взглядами. Почему от неверных взглядов разум лъстив? Так как неверные взгляды не являются срединными и правильными, то разум таких людей всегда лъстив. Должно понимать, что неверные взгляды есть десятое большое страдание. Подобных мельчайших неблагих деяний – без числа и без края. Все они ведут к страданиям в аду. Невозможно сосчитать, узнать и затем кратко рассказать. Если кто-то способен отринуть неблагое и совершать благое, то это и есть мой наставник⁵⁶.

⁵⁶ ТСД 53, № 2122, 815b20 – 817c29.

Микава моногатари («Повесть о Микава»): фигура автора, время создания, автограф и списки рукописи (фрагмент свитка II)

Перевод и комментарии С. А. Полхова

Аннотация

В статье рассматривается важный источник по истории периода Сэнгоку и начала эпохи Эдо *Микава моногатари* 三河物語 («Повесть о Микава»), принадлежащий кисти самурая О:кубо Тадатака. О:кубо, род наследственных вассалов Токугава (Мацудайра), сыграл важную роль в возвышении этого дома, исконные владения которого находились в западной части провинции Микава. Тадатака под началом своего брата Тадаё участвовал во многих военных кампаниях и битвах, был лично знаком с военачальниками дома Токугава и самим Токугава Иэясу.

Источниками для *Микава моногатари* послужили как воспоминания Тадатака, бывшего очевидцем многих событий, описанных в его сочинении, так и рассказы, услышанные им от родственников и других служилых людей дома Токугава. Кроме того, он обращался и к разнообразным письменным источникам. Сохранившийся автограф из трех свитков представляет собой финальную версию *Микава моногатари*, тогда как большинство списков-копий, по-видимому, воспроизводят изначальный, незаконченный вариант текста памятника. Несмотря на то, что в колофонах в трех свитках автограф датируется 8-м годом Гэнна (1622 г.), в действительности его рукопись, вероятно, была окончательно дописана позднее – между 1626 и 1632 гг. По-видимому, Тадатака приступил к написанию своего труда после 1615 г. и к 1622 г. подготовил первые его версии.

В *Микава моногатари* излагается история дома Токугава, прославляются деяния Токугава Иэясу, а также рассказывается о подвигах отпрысков клана О:кубо на службе Токугава. По замыслу Тадатака, его труд должен был выполнять как коммеморативную, так и дидактическую функции. В *Микава моногатари* его создатель видел средство поддержания должных связей

между его потомками и сюзеренами из дома Токугава, он призывал своих детей не прекращать верную службу ни при каких обстоятельствах. Можно также отметить, что О:кубо Тадатака адресовал свое произведение не только родственникам, но и самураям из других кланов. В данную публикацию вошел перевод на русский язык фрагмента свитка II *Микава моногатари*, в котором преимущественно рассказывается о войнах Токугава Иэясу с даймё Имагава Удзидзанэ, а также об участии Иэясу в военных походах Ода Нобунага.

Ключевые слова: *Микава моногатари*, О:кубо Тадатака, дом Токугава, Токугава Иэясу, период Сэнгоку, японские исторические источники

Автор: Полхов Святослав Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН:

107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: cjr-ran@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4705-7488

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Mikawa Monogatari (The Tale of Mikawa): Author, the Time of Creation, Autograph, and Manuscript Copies (Fragment of Book II)

Translation, and Notes by S. A. Polkhov

Abstract

The article examines a valuable source on the history of the Sengoku and early Edo periods, *Mikawa Monogatari* 三河物語 (*The Tale of Mikawa*), written by samurai Ōkubo Tadataka. Ōkubo, a family of hereditary vassals of Tokugawa (Matsudaira) house, played an important role in the rise of this house, whose original holdings were located in the western part of Mikawa Province. Tadataka, under the command of his brother Tadayo, participated in many military campaigns and battles, was acquainted with the Tokugawa warlords and Tokugawa Ieyasu himself.

The sources for *Mikawa Monogatari* were both the memoirs of Tadataka, who was an eyewitness to many of the events described in his work, and stories he heard from relatives and other vassals of the Tokugawa clan. In addition, he also turned to various written sources. The surviving three-book autograph represents the final version of *Mikawa Monogatari*, while most of the copies appear to reproduce the original, unfinished version of the text. Although the colophons in three books date the autograph to the 8th year of Genna (1622), in reality, the manuscript was probably completed later, between 1626 and 1632. Apparently, Tadataka began writing his work after 1615 and had prepared the first versions by 1622.

The *Mikawa Monogatari* recounts the history of the Tokugawa dynasty, glorifies the exploits of Tokugawa Ieyasu, and recounts the exploits of the Ōkubo clan's descendants in the service of the Tokugawa. Tadataka intended his work to serve both a commemorative and a didactic function. In *Mikawa Monogatari*, its creator saw a means of maintaining proper ties between his descendants and the overlords of the Tokugawa house, he called on his children not to stop their faithful service under any circumstances. It can also be noted that Ōkubo Tadataka also addressed his work not only to his relatives, but also to samurai from other clans. This publication also includes a translation into Russian of a fragment of the book II of *Mikawa Monogatari*, which primarily tells of the wars of Tokugawa Ieyasu with daimyo Imagawa Ujizane, as well as of Ieyasu's participation in the military campaigns of Oda Nobunaga.

Key words: *Mikawa Monogatari*, Ōkubo Tadataka, Tokugawa house, Tokugawa Ieyasu, Sengoku period, Japanese historical sources.

Author: Polkhov Sviatoslav A., PhD in History, Senior Researcher at the Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS:

12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031

E-mail: cjr-ran@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4705-7488.

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

О:кубо Тадатака 大久保忠教 (1560–1639), сначала носивший имя Тадао 忠雄 и имевший прозвища Хэйсукэ 平助, а затем Хикодзэ-мон 彦左衛門, происходил из рода наследственных вассалов (譜代, *фудай*) дома Мацудайра 松平 (Токугава 徳川). Он родился в год битвы при Окадзама, в эпоху беспрестанных смут и междоусобных войн

между японскими удельными князьями и владельцами, и стал свидетелем политической консолидации страны при Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэасу¹, пройдя вместе со своими братьями через многие сражения и военные кампании на службе дома Токугава.

Сведения о биографии О:кубо Тадатака содержатся в *Микава моногатари*, а также в томе IV генеалогического свода *Кансэй тё:сю: сёкафу* 寛政重修諸家譜 («Пересмотренные родословия всех домов годов Кансэй»)² и некоторых других источниках. Клан О:кубо – ветвь рода Уцуномия, относившегося к дому Северных Фудзивара. О:кубо Тадатака в *Микава моногатари* перечисляет три разряда потомственных вассалов Мацудайра³ – *сан гофудай* 三御譜代: *Андзё: гофудай*, *Яманака гофудай* и *Окадзаки гофудай*. Свой род он относит к *Андзё: гофудай*⁴, наиболее именитым вассалам [Mikawa... 1974, p. 32]. О:кубо служили ещё Мацудайра Нобумицу (XV в., точные даты жизни неизвестны). О:кубо Тадасигэ, дед Тадатака, вместе со

¹ Токугава Иэасу (1543–1616) в течение жизни менял имя, как и другие воины Японии в Средние века. В детские годы он прозывался Такэтиё, затем Мотонобу и Мотоясу, наконец – Иэасу. В 1566 г. поменял фамилию Мацудайра на Токугава. Из соображений удобства в данной публикации он везде именуется Токугава Иэасу или Иэасу.

² Ценнейший исторический источник, своего рода генеалогическая энциклопедия японской элиты эпохи Эдо из 1520 томов, к которым прилагались ещё 20 томов указателей. Создавался на рубеже XVIII–XIX вв. по инициативе Токугава бакуфу. Работу множества выдающихся ученых и чиновников военного правительства координировал Хотта Масаацу 堀田正敦 (1755–1832), занимавший пост *вакадосиёри*. Составление этого грандиозного труда было завершено в 1812 г. Записи предшествующих генеалогических сочинений, таких как, например, *Канъэй сёка кэйдзудэн* 寛永諸家系図伝 (1641–1643), подверглись редактированию и были дополнены информацией из новых источников, в том числе донесений, представленных вассалами сёгуна. В *Кансэй тё:сю: сёкафу* вошли родословные и подробные биографические сведения (в том числе о родственных связях, детях, титулах и должностях, наградах и т. п.) об отпрысках домов даймё, *хатамото*, *гокэнин*, а также некоторых кланов врачей, мастеров чайной церемонии и т. д. Вместе с тем в данную энциклопедию не включены генеалогии ветвей дома Токугава. См.: Yamamoto Takeo. *Kansei chōshū shokafu* // Kokushi daijiten: <https://japanknowledge.com/introduction/keyword.html?i=909>.

³ Дом Мацудайра, делившийся на многочисленные ветви, в эпоху Муромати владел землями на западе провинции Микава (совр. преф. Айти). Линия Андзё: Мацудайра, к которой принадлежал Токугава Иэасу, первоначально не считалась старшей.

⁴ Тадатака причислял к *Андзё: гофудай* наследственных вассалов, служивших главам дома Мацудайра – от Нобумицу до Хиротада [Mikawa... 1974, p. 32]. Танигучи Синко отмечает, что в этот разряд служилых людей входили семь родов – Абэ, Аояма, Исикава, О:кубо, Сакаи, Хонда, Уэмура, ставшие вассалами Токугава в период от годов Буммэй (1469–1487), когда Мацудайра Нобумицу вошел в замок Андзё:, до 1524 г., когда Мацудайра Киёёсу переехал в замок Окадзаки [Taniguchi 2011, p. 50, 51].

своими братьями служил Мацудайра Киёёсу (1511–1535), деду Токугава Иэёсу, а О:кубо Тадакадзу, отец Тадатака, – Мацудайра Хиротада (1526–1549), отцу Иэёсу. О:кубо Тадакадзу (1511–1582) был третьим сыном Тадасигэ [Kansei... 1923, p. 789]. Тадакадзу вместе со старшим братом О:кубо Тадатоси (1499–1581) сыграл ключевую роль в возвращении Хиротада в родовой замок в Окадзаки в 1537 г. после вынужденных скитаний, начавшихся в 1535 г. [Mikawa... 1974, p. 55–56]. В 1555 г. войско дома Имагава и союзные им отряды Мацудайра захватили замок Каниэ в провинции Овари. Во время штурма отличились О:кубо Тадакадзу, его сыновья Тадаё и Тадасукэ, а также один из их родственников; им вместе с еще тремя воинами Мацудайра впоследствии дали почетное прозвище «семь копий Каниэ»⁵ [Kansei... 1923, p. 789; Matsudaira ki 2014, p. 98]. Весь род О:кубо, как неоднократно подчеркивает в *Микава моногатари* Тадатака, сплотившись едино, встал на сторону Токугава Иэёсу в его войне против *Микава Икко: икки* (1563–1564)⁶ и сыграл большую роль в подавлении этого восстания.

О:кубо Тадатака был восьмым сыном Тадакадзу, у него было девять братьев и две сестры. Мать Тадатака происходила из рода Косака 小坂. Мать Тадаё, Тадасукэ и Таданага, его старших братьев, была дочерью правого министра Сандзё:ниси Кинъэда 三条西公条 (1487–1563), сына Внутреннего министра Сандзё:ниси Санэтака 三条西実隆 (1455–1537) [Kansei... 1923, p. 789, 793, 794]⁷.

О:кубо Тадатака начал службу Токугава Иэёсу в 1575 г. в замке Хамамацу [Ibid., p. 847]. В 7-й луне 4-го года Тэнсё: (1576 г.), когда ему было 16 лет, Тадатака последовал в военный поход за старшим братом Тадаё и участвовал в штурме замка Инуи в провинции То:то:ми, добыв голову врага [Mikawa... 1974, p. 131]. В 1581 г. во время штурма замка Такатэндзин в То:то:ми⁸ Тадатака вновь отличился: он ранил мечом вражеского военачальника Окабэ Мотонобу (Наганори, ?–1581), а Хонда Мондо, воин из отряда его старшего брата Тадаё, сразил Окабэ [Ibid., p. 136]. Позднее Тадатака также доблестно

⁵ *Каниэ но ситихон яри* 蟹江の七本槍.

⁶ Выступление приверженцев Истинной школы Чистой земли (ветвь Хонгандзи) против Мацудайра (Токугава) Иэёсу.

⁷ О матерях остальных шести братьев и двух сестёр Тадатака ничего неизвестно.

⁸ Замок Такатэндзин тогда принадлежал дому Такэда, был захвачен после долгой осады.

сражался при штурме замка Ивао в уезде Саку провинции Синано во 2-й луне 11-го года Тэнсё: (1583 г.)⁹ и в 1-й луне 13-го года Тэнсё: (1585 г.) в битве у Аики 相木 в Синано. В 8-й повторной луне того же года Тадатака вместе с братом Тадаё был в войске Токугава, подступившем к Уэда, замку-резиденции Санада Масаюки (уезд Тийсагата провинции Синано). В результате искусной обороны замка Санада Масаюки армия Токугава вынуждена была отступить. Во время отхода О:кубо Тадаё и Тадатака, находясь в арьергарде, сдерживали отряды Санада, преследовавшие войско [Mikawa... 1974, p. 151–153; Kansei... 1923, p. 847].

Тадатака был назначен на должность *ояри бугё*:¹⁰ во время зимней Осацкой кампании в 1614 г. Участвовал и в летней Осацкой кампании в 1615 г.¹¹ Когда в 1613 г. умер Тадаканэ, его племянник, сын О:кубо Тадасукэ, Тадасукэ просил младшего брата стать его наследником и владельцем замка Нумадзу и земель, приносивших доход в 20 тыс. коку риса. Однако Тадатака будто бы отказался, ответив, что не подобает наследовать владения, которые он не получил благодаря своим заслугам [Kansei... 1923, p. 794].

Позднее Тадатака получил земли с доходом в 2 тыс. коку риса в уезде Сайтама провинции Мусаси во владениях О:кубо Тадатика (1553–1628), своего племянника. Тадатика в 1595 г. унаследовал замок Одавара и прилегающие владения в провинции Сагами от отца Тадаё. В 1614 г. по не вполне понятным причинам занимавший высокий

⁹ Замок Ивао защищал О:и Юкиёси, подчинявшийся дому Хо:дзё:. Во время ожесточенного сражения за замок пал Ёда Нобусигэ (1548–1583), один из главных предводителей войска дома Токугава. Несмотря на упорную оборону, Юкиёси принял предложение Сибата Кацутада (1538–1593), военачальника Токугава Иэясу, и оставил крепость.

¹⁰ Во время летней Осацкой кампании двое *ояри бугё*: 御槍奉行, одним из которых был Тадатака, командовали отрядами копейщиков, находясь при двух *охата бугё*: 御旗奉行 («распорядители высочайших стягов»), которые предводительствовали воинами, несшими знамена Токугава Иэясу. Знамена (*охата*) полководца поднимали боевой дух армии и обозначали местонахождение главной его ставки или его местопребывание в тот или иной момент. Впоследствии обе должности превратились в почетные звания.

¹¹ Осака фую-но дзин 大坂冬の陣 – так называемая «зимняя Осацкая кампания», эпизод противостояния Тоётоми Хидэёри, наследника Тоётоми Хидэёси, и Токугава Иэясу, ставшего сёгуном в 1603 г., соперничавших за верховную власть в Японии. Осада зимой 1614 г. хорошо укрепленного Осацкого замка, резиденции Хидэёри, армиями лояльных Иэясу даймё, закончилась перемирием и засыпанием внешнего рва замка. Осака нацу-но дзин 大坂夏の陣 – так называемая «летняя Осацкая кампания» (1615 г.), ее итогом стало падение Осацкого замка и дома Тоётоми, а также самоубийство Хидэёри и его матери Ёдогими.

пост *ро:дзю*: Тадатика, которому прежде благоволил сёгун Хидэтада, внезапно оказался в немилости. Его владения были конфискованы *бакуфу*, а сам он сослан в провинцию О:ми. По принципу коллективной ответственности опала была наложена и на многих отпрысков рода О:кубо. О:кубо Тадатака лишился земель во владениях племянника, но затем его вызвали в Сумпу и пожаловали в уезде Нуката провинции Микава земли с доходом в 1 тыс. коку риса [Kansei... 1923, p. 797, 847].

Лишь в 1625 г. О:кубо Тадамото (1604–1670), внук Тадатика, получил прощение от *бакуфу*. Представители рода О:кубо, которых коснулись репрессии *бакуфу* при жизни Токугава Иэясу, сумели восстановить свое положение и отчасти вернуть утраченные земли во второй половине 1620-х гг. в правление сёгуна Токугава Иэмицу (1604–1651, сёгун с 1623 г.) [Taniguchi 2011, p. 43, 44].

Отношение *бакуфу* к Тадатака также переменилось. В 1626 г. он сопровождал Токугава Иэмицу во время его визита в Киото. В 25-й день 6-й луны 9-го года Канъэй (1632 г.) Тадатака был назначен *охата бугё*:. В 1-й день 7-й луны того же года в его подчинение были переведены один конный *до:син*¹² и 15 пеших (*асигару*) *до:син*. В 20-й день 11-й луны новым знаком милости сёгуна стало дарованное Тадатака разрешение носить одеяние *хо:и* 布衣¹³. В 26-й день 7-й луны 10-го года Канъэй (1633 г.) О:кубо Тадатака получил новое земельное пожалование с доходом в 1 тыс. коку риса в уезде Нуката в Микава. Он умер в 1-й день 2-й луны 16-го года Канъэй (1639 г.) на 80-м году жизни. У Тадатака было пять дочерей и четыре сына, а его наследником стал старший сын Тадана 忠名 [Kansei... 1923, p. 847, 848].

Японский филолог Кю:содзин Хитаку (1909–2012) допускал правдивость сообщений о том, что О:кубо Тадатака до 60 лет будто бы не знал грамоты, а затем стал усердно учиться [Куйсоjin 1970, p. 34]. В то же время Сайки Кадзума (1909–1988) считал, что Тадатака вовсе не был грубым, неотесанным воином, но с давних пор упражнялся на поприще литературы и был начитан. Наконец, он проявляет определенное мастерство, используя стиль устной речи в *Микава моногатари*. Ученый отмечал, что супругой О:кубо Тадакадзу, отца Тадатака, была дочь Правого министра Сандзё:ниси Кинъэда, который в свою

¹² *До:син* 同心 – в эпоху Эдо низкоранговые воины.

¹³ *Хо:и* 布衣 – в эпоху Эдо одноцветное, без узоров платье *каригину*, одеяние воинов.

очередь был старшим сыном Сандзё:ниси Санэтака, известного литератора, поэта и каллиграфа. Кинъэда также проявил себя как способный литератор и поэт. Вероятно, Тадатака должен был получить определенное образование в детские годы [Saiki 1974, p. 642, 643]¹⁴. Со своей стороны, Коикэ Ёсиаки усомнился в достоверности сведений из *Кансэй тё:сю: сёкафу* о том, что жена отца Тадатака была дочерью Сандзё:ниси Кинъэда. Едва ли был брак между девушкой из высококородной аристократической фамилии и провинциальным незнатным воином из Микава был возможен [Koike 2000, p. 43].

Расхожее представление о неграмотности О:кубо Тадатака до 60 лет, возможно, основанное на ремарке из *Кайсю: дзадан* 海舟座談, сочинения периода Мэйдзи, уже давно оспорено. Сохранился оригинал письма О:кубо Тадатака, в котором он рассуждает о содержании одной из «песен об учении Будды» (*сяккё:ка* 釈教歌) на японском языке. Наконец, в *Микава моногатари* содержатся пространные выдержки из средневековой военной повести *Сога моногатари*, цитаты из буддийских сутр, а также критика достоверности *Синтё: ки* 信長記 («Записи о Нобунага») врача и конфуцианского ученого Одзэ Хоан 小瀬甫庵 (1564–1640). Все это свидетельствует об определенном уровне образованности [Kobayashi 1977, p. 2, 3]. Можно согласиться с тем, что, скорее всего, О:кубо Тадатака имел уровень образования, достаточно высокий для воина начала эпохи Эдо. Едва ли склонность к литературному творчеству внезапно обнаружилась у Тадатака на склоне лет. Кроме того, создание столь большого сочинения, содержащего немало аллюзий, явных и скрытых цитат из разных источников (*Сога моногатари*, *Ши цзи*, *Лунь юй* и др.) говорит о начитанности создателя *Микава моногатари*. Наконец, и сам текст памятника написан преимущественно стилем *бунго*. Между тем первая версия *Микава моногатари*, возможно, появилась в 8-м году Гэнна (1622 г.), когда Тадатака было уже 62 года. Для невежественного воина освоить *бунго* в столь позднем возрасте, да еще и за такой короткий срок (примерно за два года) было бы весьма непростой задачей.

В *Микава моногатари*, состоящей из трех книг («свитков», «томов»), главным образом излагается история дома Мацудайра (Токугава) от Мацудайра Тикаудзи до Токугава Иэясу, основателя

¹⁴ Сайки Кадзума высказал предположение, что О:кубо Тадатака был автором еще целого ряда сочинений, однако установить их местонахождение в настоящее время не представляется возможным [Saiki 1974, p. 644].

сёгуната Токугава, при этом подчеркнутое внимание уделено заслугам наследственных вассалов из клана О:кубо в возвышении Мацудайра. Данное произведение также можно рассматривать как наставление автора О:кубо Тадатака своим потомкам.

В земле Микава находились исконные владения дома Мацудайра, которому служил клан О:кубо. Кроме того, в источниках периода Сэнгоку удельных князей могли обозначать не личными именами или фамилиями, а топонимами – названием провинции или уезда, которые составляли главную часть их владений, или же названием их замка-резиденции. Скорее всего, в названии сочинения О:кубо Тадатака провинция Микава является синонимом дома Токугава (Мацудайра), и соответственно его можно трактовать как «Повесть о доме Мацудайра».

Подобно «Записям о князе Нобунага (*Синтё:-ко: ки* 信長公記) кисти О:та Гю:ити 太田牛一 (1527–1613), вассала Ода Нобунага, *Микава моногатари* не тиражировалась ксилографическим способом в эпоху Эдо и копировалась в виде рукописей. Помимо автографа кисти О:кубо Тадатака, озаглавленного *Микава моногатари*, сохранилось более 20 копий, различающихся по объему текста и имеющих другие наименования: *О:кубо Хикодзэмон хикки* 大久保彦左衛門筆記 («Записи О:кубо Хикодзэмон»), *О:кубо Тадатака дзики* 大久保忠教自記 («Собственные записи О:кубо Тадатака»), *Микава ки* 三河記 («Записи о Микава»), *Микава ки тайдзэн* 參河記大全 («Полные записи о Микава») и др. [Mikawa... 1965, p. 232]. В настоящее время различные списки данного памятника хранятся в библиотеке университета Тэнри, библиотеке университета Цукуба, хранилище книг и документов Сонкэйкаку бунко 尊経閣文庫, книгохранилище Хо:са бунко 蓬左文庫¹⁵, библиотеке парламента Японии и др. После Реставрации Мэйдзи появились печатные издания *Микава моногатари* (1890 г., 1898 г., 1912 г., 1943 г.). [Sengoku gunki... 1997, p. 440]. В 1965 г. *Микава моногатари* вновь была издана в «Собрании исторических источников [посвященных Токугава] Изэсу», одном из томов серии публикаций исторических источников периода Сэнгоку. Однако

¹⁵ Хо:са бунко – библиотека (архив), где хранятся ценные документы и книги, расположена в г. Нагоя, преф. Айти. Была основана в 1616 г. даймё из дома Овари Токугава, ветви династии сёгунов Токугава. Сонкэйкаку бунко 尊経閣文庫 – хранилище книг и документов, основанное даймё Маэда, владевшими в эпоху Эдо княжеством Кага. Сейчас располагается в районе Мэгуро, Токио.

в основу изданного текста был положен не автограф, а один из списков, оригинал которого хранится в Библиотеке Кабинета министров (Найкаку бунко) [Mikawa... 1965, p. 232]. Вслед за этим в 1970 г. издательством «Бэнсэйся» в двух томах были опубликованы факсимильное издание рукописи автографа, а также ее текст, набранный типографским шрифтом, вместе с текстологическими исследованиями *Микава моногатари* [Mikawa... 1970]. Наконец, в 1974 г. в 26-м томе серии «Систематическое собрание [источников по] идеологии Японии» (издательство «Иванами») увидело свет новое академическое издание текста *Микава моногатари*, снабженное подробными примечаниями и комментарием, а также содержащее исследования содержания памятника [Mikawa... 1974].

Сам автограф, согласно заветам О:кубо Тадатака, передавался среди его потомков, пока в 1880 г. при посредничестве видных государственных деятелей периода Мэйдзи Кацу Кайсю: (1823–1899) и Ямаока Тэссю: (1836–1888) его не купил дом Токугава. Во время визитов императора Мэйдзи в резиденцию дома Токугава, ему часто показывали рукопись *Микава моногатари* [Kuyūsojin 1970, p. 10]. В 1934 г. рукопись была возвращена дому О:кубо, а в 1938 г. она снова сменила владельца – О:кубо Тоёхико передал ее известному политику, коллекционеру произведений искусства, документов и книг Хосака Дзюндзи 保坂潤治 (1875–1963). В 1940 г. автограф *Микава моногатари* получил официальный статус «важного произведения искусства». Впоследствии рукопись была приобретена Такэмото Тё:дзабуро: 竹本長三郎, главой компании по производству кунжутного масла и поверхностно-активных веществ (сурфактантов)¹⁶ [Saiki 1974, p. 627]. В 1974 г. автографу был присвоен статус «важного культурного достояния» (дзю:ё: бункадзай 重要文化財), в настоящее время он находится в хранилище книг и документов *Хонокуни бунко* 穂久邇文庫 (г. Тоёкава, преф. Айти)¹⁷.

Микава моногатари написана «смешанным» стилем (кандзи кана *мадзири бун*) – иероглифами и знаками азбук *хирагана* и *катакана*¹⁸.

¹⁶ Головной офис компании TAKEMOTO OIL & FAT CO.,LTD расположен в г. Гамагори в преф. Айти.

¹⁷ В этой библиотеке хранится один из списков *Гэндзи моногатари*, датируемый концом эпохи Камакура.

¹⁸ В I и II свитках наряду с иероглифами преимущественно применяется *катакана*, в третьем – в основном *хирагана*.

Автор проставил чтение многих иероглифов с помощью *фуригана*. Данное произведение – интереснейший источник по истории японского языка конца эпохи Муромати – начала эпохи Эдо. В тексте встречается множество старинных, редких и сложных по начертанию знаков, которые автор, скорее всего, находил в словарях, а также нередко даются нестандартные варианты чтения иероглифов. Иероглифические написания одних и тех же слов и топонимов в *Микава моногатари* далеко не всегда унифицированы. Кроме того, отмечается ошибочное использование некоторых графем [Nakada, Hayashi 1970, p. 50; Ōtsuka 1974, p. 651; Utsunomiya 2001, p. 1]. В памятниках эпохи Муромати и начала эпохи Эдо как правило отсутствуют (или встречаются лишь в незначительном количестве) знаки *нигоритэн*, однако в *Микава моногатари* они проставлены практически везде (за исключением «заветов» О:кубо Тадатака потомкам в конце свитка III) [Ōtsuka 1974, p. 650, 651]. Тадатака при написании текста ориентировался на модели старописьменного («книжного») языка *бунго*, однако в различных местах текста (в прямой речи действующих лиц) присутствуют и формы живой устной речи, пишет О:цука [Ibid., p. 655]. Основным для текста *Микава моногатари* с точки зрения лексики и словоупотребления является стиль *бунго*, частично используется и стиль устной речи, соглашается Уцунумия [Utsunomiya 1994, p. 222].

Три свитка («книги», «тома») автографа *Микава моногатари* дошли в трех тетрадах, обернутых в тёмно-синие бумажные обложки, формат бумажного листа рукописей *хансибан* 半紙判, брошюровка *фукуро тодзи*. Первый (70 листов) и второй (36 листов) свитки написаны черными чернилами на бумаге *гампи*¹⁹ с примесью луба шелковицы, третий свиток (99 листов) – на бумаге *гампи*. Рукописи помещены в двойной ящик. В каждой из трех тетрадей красными и черными чернилами проставлены синтаксические знаки, знаки *каэритэн*, *фуригана* и др. (в третьем свитке – только черными чернилами). Первый и второй тома имеют вид «чистовиков». В третьем томе много исправлений, следов соскабливания иероглифов, приписок, он имеет незавершенный, «черновой» вид [Saiki 1974, p. 627]²⁰.

Списки *Микава моногатари* имеют отличия от автографа, одним из которых является текст введения (зачина) в начале первого свитка.

¹⁹ Гамписи 雁皮紙 – бумага из волокон коры викстреми.

²⁰ Подробное палеографическое описание рукописи автографа *Микава моногатари* см.: [Kūyōjin 1970, p. 10–13].

В списках-копиях отсутствуют сложные и редкие иероглифы, а также старинные формы начертания знаков, особенные *атэдзи* 宛字 (графемы, употребленные фонетически), часто встречающиеся в автографе. В копиях соответствующие слова написаны знаками азбуки. Во всех списках повествование обрывается на моменте падения дома Тоётоми, отсутствует вторая половина третьего свитка – рассказ об инциденте *охата кудзурэ* 御旗崩れ, фрагменты текста, в которых Тадатака изливает свои обиды, а также его поучения детям. Почти во всех копиях нет предисловия и послесловия в первом и третьем свитках, а также послесловия во втором свитке. По-видимому, списки-копии отражают черновую, первоначальную версию автографа, однако воспроизводят ее не в точности [Saiki 1974, p. 629, 631]. Кроме того, в более ранних списках *Микава моногатари*, появившихся до автографа, отсутствуют заимствования из *Сога моногатари* и других источников, в частности буддийских сутр, нет и ссылок на *Лунь юй* и *Ши цзи*. Следовательно цитаты и ссылки О:кубо Тадатака включил на финальном этапе работы ради украшения текста [Koike 2000, p. 42].

О:кубо Тадатака в колофонах в конце каждого из трех свитков *Микава моногатари* поставил три даты, которые, вероятно, должны были обозначить время их записи (или же завершения работы над ними). В конце свитков I и II указаны одинаковые даты – 8-й год девиза правления Гэнна (1622 г.), старшего брата Воды и Собаки, 4-я луна, 11-й день, а также под именем автора (О:кубо Хикодзаэмон-но дзё:) стоит личная монограмма (ропись, *као*: 花押) Тадатака [Mikawa... 1974, p. 70, 108]. В конце свитка III вместе с монограммой Тадатака и его именем (О:кубо Хикодзаэмон) также стоит 8-й год девиза правления Гэнна, но без указания циклических знаков, указан другой месяц – 6-я луна, и не обозначен день [Ibid., p. 212]. Таким образом, все три свитка, согласно авторским колофонам, датируются 1622 г.

Вместе с тем в колофоне свитка II фигурируют «нынешний Великий министр его светлость Хидэтада», а также «нынешний сёгун, его светлость Иэмицу» [Mikawa... 1974, p. 108]. Между тем Токугава Иэмицу был назначен императором на должность сёгуна в 27-й день 7-й луны 9-го года Гэнна (1623 г.), а Хидэтада был удостоен поста Великого министра (*Сё:коку* 相国) в 12-й день 9-й луны 3-го года Канъэй (1626 г.) [Saiki 1974, p. 638]. В свитке III упоминается о разжаловании и последующей ссылке в Акита Хонда Масадзуми (1565–1637): его вместе с его отцом Хонда Масанобу (1538–1616)

Тадатака считал виновниками опалы своего племянника О:кубо Тадатака в 1614 г. Тадатака пишет, что Масадзуми препоручили «господину Сатакэ», а усадьба, в которую поместили Масадзуми, была обнесена изгородью и окружена рвом [Mikawa... 1974, p. 211]. Последнее событие, согласно дневнику одного из современников, имело место в повторной 4-й луне 3-го года Канъэй (1626 г.) [Takagi 1970, p. 40, 41]. Все это недвусмысленно говорит о том, что окончательно текст памятника сформировался позднее заявленных Тадатака временных рамок. Вместе с тем данное сочинение, по-видимому, было дописано до смерти Токугава Хидэада в 1632 г. [Ibid., p. 41]. Коикэ склонен считать, что окончательно текст памятника сформировался к середине 8-го года Канъэй (1631 г.), незадолго до смерти Токугава Хидэада в 1-й луне 9-го года Канъэй [Koike 2000, p. 31].

Кю:содзин Хитаку, изучивший рукопись автографа, пришел к выводу, позднее поддержанному и другими учеными, что вышеуказанные датировки в колофонах свитков I и III создатель *Микава моногатари* надписал поверх первоначально поставленных знаков, которые были соскоблены и исправлены. Кроме того, Тадатака стер и поменял в колофонах и свои монограммы. Чтобы воссоздать изначально указанные Тадатака, но затем по не совсем понятной причине соскобленные цифры, Кю:содзин попытался разглядеть и реконструировать едва различимые черты стертых знаков. Кроме того, он обратился к *О:кубо Тадатака дзики*, одной из копий *Микава моногатари*, хранящейся в библиотеке университета Цукуба (бывший Токийский педагогический университет). В данном списке в колофоне свитка I указана совсем иная датировка: 18-й день 7-й луны 2-го года Канъэй (1625 г.), года младшего брата Дерева и Быка. В колофоне свитка II обозначена следующая дата: 28-й день 9-й луны 2-го года Канъэй (1625 г.) [Kuysojin... 1970, p. 30–32]. Между тем *О:кубо Тадатака дзики* из двух свитков, возможно, являются копией версии текста *Микава моногатари*, более ранней, чем дошедший до нас автограф. Следовательно, первые два свитка вначале были датированы 2-м годом Канъэй (1625 г.), и Тадатака позднее переставил знаки в колофоне автографа, указав более раннюю дату – 8-й год Гэнна (1622 г.).

Наконец, свиток III также был создан позднее. Кю:содзин в результате реконструкции соскобленных с листа рукописи автографа знаков определил первоначальную версию даты в колофоне – 10-й день

6-й луны 3-го года Канъэй (1626 г.), года старшего брата Огня и Тигра [Kyūsojin... 1970, p. 33].

Почему О:кубо Тадатака поменял знаки в колофонах и намеренно датировал свитки своего сочинения 8-м годом Гэнна (1622 г.)? В 7-й луне 9-го года Гэнна (1623 г.) новым сёгуном был утверждён Токугава Иэмицу, не причастный к опале, наложенной на род О:кубо в 1614 г. Иэмицу «реабилитировал» впавших в немилость родственников Тадатака и проявлял подчеркнутое уважение к нему самому. Согласно правдоподобному предположению Коикэ, автор *Микава моногатари* хотел показать, что явные и завуалированные упреки в адрес «немилостивых» сюзеренов его клана не адресованы Иэмицу. Соответственно недовольство Тадатака оказывается направленным против Токугава Иэясу и Токугава Хидэтада, а Иэмицу, ставший сёгуном после 8-го года Гэнна, из-под «критики» выведен [Koike 2000, p. 30].

Несмотря на то что в колофонах в автографе Тадатака изначально указал 2-й и 3-й годы Канъэй, а затем заменил их на 8-й год Гэнна во всех трех томах своего труда, скорее всего, первый набросок *Микава моногатари* был составлен к 8-му году Гэнна. Неслучайно именно эта датировка стоит в целой группе копий, в том числе в списке, хранящемся в Хо:са бунко. В период между 1622 г. и 1626 г. О:кубо Тадатака продолжал редактировать, дополнять и совершенствовать текст, вписывая новые цитаты из различных сочинений, насыщая текст редко употреблявшимися иероглифами; он также добавил краткие «послесловия» в конце каждого из томов своего произведения [Saiki 1974, p. 639].

Даже если «черновой вариант» *Микава моногатари* уже был готов в 1622 г., едва ли Тадатака создал его за один год, по-видимому, ему потребовалось для этого более длительное время. Нельзя исключать, что начало работы Тадатака над книгой можно отнести к более раннему периоду – возможно, часть третьего свитка, представляющая собой рассказ Тадатака об инциденте со знаменем Токугава Иэясу во время летней Осацкой кампании, была записана «по горячим следам» уже в 1615 г. Поводом для создания первого наброска *Микава моногатари*, вероятно, состоявшего лишь из двух свитков (многие списки содержат лишь два тома, а не три, как автограф), могла также послужить внезапная опала О:кубо Тадатака в 1614 г. и последовавшие репрессии бакуфу в отношении представителей клана О:кубо.

Таким образом, время создания первоначального варианта *Микава моногатари* можно гипотетически отнести к 1615–1622 гг.

В начале свитка I *Микава моногатари* встречаются длинные и короткие цитаты из военной повести *Сога моногатари* («Повесть о братьях Сога», окончательное складывание текста относят к эпохе Муромати). Фразы из этого памятника также содержатся в свитке III. Высказывалось мнение о том, что Тадатака при цитировании использовал список *Сога моногатари* из храма Бампо:дзи 万法寺 [Nakada, Hayashi, 1970, p. 47]. Сайки Кадзума более осторожен: трудно определить, из какой именно версии «Повести о братьях Сога» Тадатака взял фрагменты текста [Saiki 1974, p. 634]. Яманиси Акира допускает, что автор *Микава моногатари* мог обратиться к ксилографическим изданиям *Сога моногатари*, опубликованным к середине 1620-х гг. и, скорее всего, включил в свое сочинение отрывки из одной из копий, записанной слоговой азбукой (*канабон* 仮名本) [Yamanishi 1976, p. 68, 69].

О:кубо Тадатака во введении к свитку I, послесловиях к свиткам I, II, III завещал рукопись своего труда детям и наказывал не выносить книгу «за ворота» [Mikawa... 1974, p. 13, 70, 71, 108, 109, 212]. Однако, вероятно, еще до окончания работы над текстом «Повести» Тадатака отдавал ее на копирование, о чем могут свидетельствовать сохранившиеся копии, воспроизводящие ранние версии памятника.

Как уже было сказано, в центре внимания автора «Повести» – история рода Токугава (Мацудайра), неотделимая для него от истории преданной службы рода О:кубо. Повествование в основном построено по хронологическому принципу – от более ранних к более поздним событиям, хотя иногда он нарушается. В начале сочинения Тадатака в отрывке, по-видимому, заимствованном из *Сога моногатари*, говорит о том, что Япония берёт начало от божества Куни-но токотати-но микото, родившегося первым после разделения Неба и Земли, упоминает о богах небесных и земных, о государе Дзимму. Далее кратко излагается история родов Тайра и Минамото, отмечается их происхождение от отпрысков династии *тэнно*: [Mikawa... 1974, p. 14–18]. Однако все эти сведения нужны Тадатака для того, чтобы обозначить генеалогическую связь дома Мацудайра с родом Нитта, ветвью Минамото (Сэйва Гэндзи). В *Микава моногатари* император и его двор, как и сёгуны Асикага эпохи Муромати, по большей части остаются вне поля зрения. Тадатака лишь кратко останавли-

вается на изгнании сёгуна Асикага Ёсиаки из Киото в 1573 г. История правления Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси изложена весьма сжато и отрывочно, и скорее служит фоном для описания истории дома Мацудайра и деяний Токугава Иэясу.

Содержание *Микава моногатари* таково:

Свиток I. Рассказ о предках Токугава Иэясу; связь родословной Иэясу с историей рода Минамото (Сэйва Гэндзи); деяния Киёёсу, деда Иэясу и седьмого главы рода Мацудайра, его гибель в походе против Ода Нобухидэ от меча собственного вассала; продолжение войн против Ода Нобухидэ при Хиротада, сыне и преемнике Киёёсу; изгнание Хиротада из замка Окадзаки его дядей Мацудайра Нобусада, бегство Хиротада в землю Исэ и его последующее возвращение в Окадзаки благодаря поддержке рода О:кубо и других вассалов; войны между Ода Нобухидэ и Мацудайра Хиротада; похищение юного Такэтиё (Токугава Иэясу), сына Хиротада, посланного в качестве заложника в княжество Имагава, и его передача Ода Нобухидэ; смерть Мацудайра Хиротада.

Свиток II. Повествование о войне Имагава Ёсимото с Ода Нобухидэ, захват Тайгэн Сэссай, полководцем Имагава, замка Андзё: и пленение Ода Нобухиро, сына Нобухидэ, обмен Нобухиро на Такэтиё (Токугава Иэясу); прохождение обряда *гэмпуку* и первый военный поход Мацудайра Мотоясу (Токугава Иэясу), вассала Имагава Ёсимото; битва при Окэхадзама (победа Ода Нобунага над Имагава Ёсимото), отпадение Мацудайра Мотоясу от дома Имагава и его борьба за подчинение Микава; восстание *Икко:-икки* в Микава и его усмирение Токугава Иэясу; войны Иэясу с Имагава Удзидзанэ, раздел между Такэда Сингэн и Токугава Иэясу удела Имагава, завоевание Иэясу провинции То:то:ми; участие Иэясу в походах Нобунага против домов Адзай и Асакура; изгнание Ода Нобунага сёгуна из Киото, сожжение монастыря Энрякудзи по приказу Нобунага; критика *Синтё: ки* Одзэ Хоан.

Свиток III. Войны Токугава Иэясу с Такэда Сингэн и Такэда Кацуёри, битва при Микатагахара, битва при Нагасино; *сэппуку* Токугава Нобуясу; захват замка Такатэндзин в То:то:ми, завоевание Ода Нобунага и Токугава Иэясу удела Такэда; гибель Ода Нобунага в монастыре Хонно:дзи, возвращение Токугава Иэясу из Сакаи в Микава; завоевание Иэясу провинций Каи и Синано, война с Хо:дзё: Удзинао,

заклучение мира между Иэясу и Удзинао; противостояние Тоётоми (Хасиба) Хидэёси, победа Иэясу в сражении при Комаки-Нагакутэ; признание Иэясу верховной власти Хидэёси, осада замка Одавара и падение дома Хо:дзё.; пожалование Тоётоми Хидэёси нового удела Токугава Иэясу в области Канто.; смерть Тоётоми Хидэцугу; битва при Сэкигахара, зимняя Осакая кампания, описание инцидента *охата кудзурэ* во время летней Осакой кампании; смерть Токугава Иэясу; наставления О:кубо Тадатака детям.

Микава моногатари безусловно нельзя назвать автобиографией О:кубо Тадатака, хотя пространные фрагменты из свитка III носят автобиографический характер. Источники информации, которые привлек Тадатака при создании своего труда, – это прежде всего его собственные воспоминания и, возможно, в отдельных случаях какие-то записи, сделанные через некоторое время после описываемых событий, рассказы, услышанные им от отца и старших братьев, а также от других вассалов Токугава. Тадатака стал опытным воином и со знанием дела описывает сражения, осады замков и военные действия. Однако автор *Микава моногатари* не мог быть очевидцем событий, происходивших до 1575 г., когда он поступил на службу Токугава Иэясу. Кроме того, он обращался к письменным источникам – военным повестям (*Сога моногатари*), хроникам (в частности, к *Мацудайра ки* 松平記, «Записям о Мацудайра», начало XVII в.), цитировал классические китайские памятники и буддийские сутры. Он не вел дневниковые записи подобно О:та Гю:ити, поэтому в *Микава моногатари* гораздо меньше хронологических маркеров, чем в *Синтё:-ко: ки*, а имеющиеся не всегда точны и надежны. В то же время О:кубо Тадатака и его старшие родственники, являясь наследственными вассалами дома Токугава «средней руки», все же были неплохо осведомлены о его внутренних делах, на постоянной основе взаимодействовали с высокопоставленными вассалами дома Токугава, а в некоторых случаях и с самим Токугава Иэясу. Именно поэтому в *Микава моногатари* есть уникальные сведения, не содержащиеся даже в аутентичных документах, письмах и дневниках периода Сэнгоку, обычно считающихся более достоверными источниками. При этом сообщения *Микава моногатари*, разумеется, нуждаются в верификации. Тадатака, как и О:та Гю:ити, стремится убедить читателя, что его труд полностью правдив, а сам он беспристрастен, не выгораживает и не выставляет

в книге в выгодном свете себя и свой клан [Mikawa... 1974, p. 109, 212]. Однако, естественно, как и любой историк, Тадатака был не беспристрастен. Уже в самом отборе материала, в оценках исторических деятелей и различных действующих лиц проявляется его точка зрения наследственного вассала дома Токугава, отчетливо видны его симпатии и антипатии.

Бесспорно, диалоги героев в *Микава моногатари* – это как правило не запись действительно произнесенных ими речей, ведь Тадатака просто не мог присутствовать при тайных совещаниях, семейных беседах и т.п. В большинстве случаев прямая речь в *Микава моногатари* задействуется как литературно-художественный прием для придания большего драматизма повествованию, указывал Сайки Кадзума, отмечая, что *Микава моногатари* – не только исторический источник, но и в определенной мере литературное произведение [Saiki 1974, p. 647]. Однако нельзя исключать того, что в эпизодах, рассказывающих о деяниях самого Тадатака и отпрысков рода О:кубо, в общем виде передается действительное содержание речей или по крайней мере реальное настроение действующих лиц в конкретный момент времени.

История дома Токугава, тесно переплетенная с историей верной службы рода О:кубо, по замыслу О:кубо Тадатака, должна была иметь как коммеморативную, так и дидактическую функции. Тадатака стремился запечатлеть в своем сочинении историю возвышения Токугава (Мацудайра) и славные деяния отпрысков своего рода, сыгравших большую роль в этом возвышении. Потомки Тадатака должны были, читая *Микава моногатари*, помнить о давней и крепкой связи их господ и их рода и продолжать преданную службу своим наследственным повелителям, не отрекаясь от них ни при каких обстоятельствах (Тадатака прямо призывает их к этому [Mikawa... 1974, p. 205]). Тадатака также, возможно, фиксировал в *Микава моногатари* идеальную модель наследственной службы не только для своих потомков, но и для других воинов. Заключительная часть свитка III содержит наставления и поучения Тадатака своим детям.

Наконец, фиксация подвигов и свершений представителей рода О:кубо в *Микава моногатари*, вероятно, должна была стать напоминанием о больших заслугах О:кубо, укором, адресованным дому Токугава, не воздавшему сполна за многолетнюю безупречную службу, способствовать восстановлению прежних позиций О:кубо и воз-

вращению владений, потерянных в результате опалы О:кубо Тадатика в 1614 г. Не исключено, что Тадатака рассчитывал на то, что сёгун Токугава Иэмицу ознакомится с его книгой, хотя неизвестно, оправдались ли его надежды [Taniguchi... 2011, p. 56, 57].

В заключение необходимо отметить, что *Микава моногатари* – ценный и разноплановый источник по политической и военной истории Японии периода Сэнгоку и начала эпохи Эдо, который может быть также использован для изучения духовного мира, мировоззрения, ценностей и норм поведения самураев, и в равной степени для исследования развития японского языка и литературы на рубеже Средневековья и Раннего Нового времени.

Перевод отрывка из свитка II *Микава моногатари* на русский язык осуществлён по комментированному изданию текста автографа *Микава моногатари*, опубликованному в 1974 г. издательством Иванами [Mikawa... 1974, p. 95–109]. Основное содержание данного фрагмента памятника составляет рассказ о войнах Токугава Иэясу с даймё Имагава Удзидзанэ (1538–1614) за земли провинций Микава и То:то:ми, а также об участии Иэясу в военных походах Ода Нобунага.

***Микава моногатари* («Повесть о Микава») Фрагмент свитка II**

После того [его светлость] соблаговолил наложить [свою] руку на восток Микава, замки в Западном уезде²¹ соблаговолил скрытно захватить [ночью], сразив Удоно Нагамоти, соблаговолил взять живыми [в плен] двух [его] детей²².

Меж тем его светлость Такэтиё²³ [Иэясу] соизволил [ранее] оставить в Суруга; [Иэясу] стал врагом [Имагава Удзидзанэ], оттого его светлость Такэтиё поносили: «Убьём сейчас; убьём потом; сегодня;

²¹ Уезд Хои провинции Микава (юго-восток преф. Айти).

²² Речь идёт об Удоно Нагатэру (?–1562), вассале дома Имагава и владельце замка Каминога: в Микава. Нагамоти (?–1557) был его отцом. Дети Нагатэру – Удоно Удзинага (1549–1624) и Удоно Удзигугу [Sengoku jinmei jiten 2006, p. 149]. В данном отрывке говорится о событиях 1562 г. – Иэясу (тогда носивший имя Мацудайра Мотоясу) выдал похвальную грамоту воину Томоно Ёситиро., убившему Нагатэру, датировав её 6-м днём 2-й луны 5-го года Эйроку (1562) [Aichi kenshi 2004, № 189, p. 94].

²³ Нобуясу, старший сын Токугава Иэясу, которому на тот момент было пять лет.

завтра», – но [приходился он] внуком господину Сэкигути Гё:бу-но сё:²⁴ и потому не убили. Однако же Исикава Хо:ки-но kami²⁵ сказал: «Коли малый летами молодой господин будет убит один, никого не будет вместе с ним, и люди подумают, что [ему] должно быть одиноко. Но я явлюсь и буду спутником [его светлости] в [его] последний час». Сказав так, отбыл в Суруга – среди благородных и низкорощенных, верхов и низов не было тех, кто бы не восхищался [Исикава].

Меж тем, когда [из Суруга] передали: «Обменяем заложника на сыновей Удоно Нагамоти», – и верхи, и низы, весь люд безмерно обрадовался; сказав: «Что ж, коль так», – [его светлость Иэясу] соблаговолил обменять [заложников]. Тогда Исикава Хо:ки-но kami сопровождал [молодого господина], [его светлость Такэтиё] прибыл в Окадзаки. И верхи и низы, весь люд, один за другим выходили навстречу, Исикава Хо:ки-но kami сбрил большие усы [в виде] знака «восемь», усадил молодого господина у передней луки седла; [его светлость Такэтиё вместе с Исикава], поднявшийся на Нэндзихара и ехавший [верхом] мимо, выглядел великолепно – «Верно никакое зрелище с этим не сравнится», – глядя [на него], говорили [люди]. «Ну не тупица ли Удзидзанэ. Поменять его светлость Такэтиё на [сыновей] Удоно. Что за болван», – говорил [народ]²⁶. После того [его светлость Иэясу] воевал без [всяких] опасений, напал на [замки] Усикубо и Ёсида, в непрерывных схватках все [его вассалы] бились, не щадя себя. И вот уже взяв замок Нагасава, напротив [замков] Усикубо и Нода в Итаиномия [Иэясу] соблаговолил возвести форт. И [Удзидзанэ] из Суруга в Саваки и Явата возвёл форты, главными замками сделал Ёсида и Усикубо.

Тем временем Удзидзанэ собрал войско [земель] Суруга и То:то:ми, под стягом [Имагава] в Усикубо было около 10 тыс. [воинов]. [С войском] больше 5 тыс. [человек] напали на Итаиномия, с [армией из] примерно 3 тыс. воинов, [его светлость Иэясу] прибыл на подмогу. «Удзидзанэ, коль ты муж, выйди и сразись [со мной]», – сказал [он],

²⁴ Сэкигути Удзихиро (Удзидзуми, Удзинага) – вассал дома Имагава, чья дочь стала женой Токугава Иэясу (Цукияма доно, ?–1579) и матерью Нобуясу.

²⁵ Исикава Кадзумаса (? – 1592), вассал дома Мацудайра (Токугава).

²⁶ Согласно некоторым источникам, матерью Удоно Нагатэру была младшая сестра даймё Имагава Ёсимото, соответственно, сам он доводился Имагава Удзидзанэ двоюродным братом, а двое его сыновей были его племянниками [Honda 2010, p. 33]. Возможно, этим и объясняется «неравный», на первый взгляд, обмен, на который решился Удзидзанэ.

с войском из примерно 3 тыс. [человек] соблаговолил выдвинуться [в район] между Явата и Саваки. Вышел на Хонногахара, соблаговолил прорваться через позиции [армии] Удзидзанэ, смел штурмовавших Итиномия, той ночью соблаговолил разместить ставку в форте. Когда рассвело, [его светлость Иэясу] вышел на прежнюю дорогу и соблаговолил [по ней] двинуться, но Удзидзанэ не смог [с войском на него] пойти. «Отход [войска] из Итиномия», – так называли [это люди], так говорила молва в Микава.

После того напали на Явата, Усикубо, Гои²⁷, на плато к востоку от Гои вступили в битву, сражались ожесточенно, бились [так яростно], что [от клинков] сыпались искры. Когда уже людей Гои вот-вот должны были разгромить, из Окадзаки соблаговолил быстро примчаться верхом его светлость повелитель, и потому, разгромив врага, сразили многих, продвинулись до Явата, пустив огонь, [его светлость Иэясу] отошел назад. Его светлость повелитель, не ведая, что враг вышел [из замка], соблаговолил выступить, чтобы напасть на Саваки, – хорошее стечение обстоятельств. Когда [Иэясу] соизволил напасть на Явата, из Нирэнги, Усикубо, Саваки, Явата к Катасака вышли [враги], завязали сражение. Вскоре [войско] было разгромлено, убили Итакура Дандзэ: и [его] зятя Итакура Мондо. Кроме того, оставили и форт в Явата, и форт в Саваки²⁸.

Меж тем, когда [его светлость] возвел форты напротив Косакаи, Ёсида и Усикубо, Макино Синдзиро:²⁹ из Усикубо [ему] покорился. Кроме того, Ситара³⁰, когда среди людей востока Микава ни один не покорился [его светлости], самым первым среди других явил предан-

²⁷ Гои – уезд Нуката провинции Микава.

²⁸ Итакура Дандзэ: и Мондо – вассалы Имагава Удзидзанэ. Данное событие датируется в *Мацудайра ки* 29-м днём 9-й луны 5-го года Эйроку (1562). Согласно этому источнику, из крепостей Саваки и Явата вышли с войском Итакура Дандзэ: и Мондо, разбили и заставили отступить отряды Мацудайра, а после стали их преследовать. Несмотря на победу, оба военачальника Итакура погибли. После этого силы Имагава оставили форты в Явата и Саваки [Matsudaira ki 2014, p. 106]. Датировка из *Мацудайра ки* подтверждается похвальными грамотами Имагава Удзидзанэ, выданными вассалам за доблесть, проявленную во время битвы у Явата в 29-й день 9-й луны 5-го года Эйроку. Документы, по-видимому, свидетельствуют о поражении Иэясу и чувствительных потерях его армии [Aichi 2004, №250–256, p. 116, 117].

²⁹ Макино Саданари, вассал дома Имагава.

³⁰ Здесь говорится о Ситара Садамити (1534–1596), главе клана Даминэ Суганума из уезда Ситара провинции Микава, который признал власть Иэясу в 4-й луне 4-го года Эйроку (1561 г.) [Kobayashi 2023, p. 90].

ность. Меж тем со всех сторон [были] враги, от Окадзаки было довольно далеко, потому [он] покинул замок-резиденцию, и ведя [за собой] жену и детей, вошел в Окадзаки и стал жить [там]. Среди самураев земли на востоке Микава Ситара был первым, следом за ним [явил] преданность Сайго:. Затем Суганума Симпатиро: из Нода³¹, Сираи из Гэдзё:³² приняли сторону [его светлости Иэясу].

Тем временем Тода Тамба-но kami из Нирэнги вступил в тайные сношения [с его светлостью], и чтобы выкрасть заложника из Нирэнги часто ходил в Ёсида, играл в *сугороку* с управителем замка³³, усыпил [его] бдительность, после этого нагрузил на спину [слуги] большой китайский сундук на ножках, в него поместил всевозможные вещи, и вошел [с ним] в ворота [замка] Ёсида. Сказав: «Стража, осмотрите это. Подозрительных вещей нет», открыл [сундук] и показал [содержимое]. «Нет, не нужно [осматривать]», – ответили [стражники], «Но [потом] снова вернем обратно этот китайский сундук, поэтому соизвольте пропустить. Коли будут [с вашей стороны] подозрения, я буду в [этом] замке, потому соизвольте известить. Приду и покажу [содержимое]», – сказал [Тамба-но kami]. «Этого не нужно. Поняли», – ответили [стражники]. «Извольте хорошенько запомнить сей китайский сундук», – сказал [Тамба-но kami], и, как всегда, сыграл в *сугороку* с управителем замка, пока, шумя, забавлялись, [все] приготовив, поместили туда старую мать, нагрузили [сундук] на спину [слуги] и пошли, [не встретив] никаких препятствий, выкрали [мать]; подав [условленный] знак, оставили [сундук], явился отрок,

³¹ Сайго: – Сайго: Масакацу (?–1562), Суганума Симпатиро: – Суганума Садамицу (1542–1604), владельцы востока Микава. Описанные события произошли в 1561 г. Имагава Удзидзанэ упоминал об измене Садамицу в одной из своих грамот, которая датируется 9-м днём 12-й луны 4-го года Эйроку (1561) [Aichi 2004, № 176, p. 88].

³² В *Мацудайра ки* подчинение клана Сираи из Гэдзё: власти Иэясу датируется 11-м годом Эйроку (1568) [Matsudaira ki 2014, p. 117].

³³ Согласно *Мацудайра ки* («Записи о Мацудайра»), в которых излагается похожий рассказ о похищении Тода Тамба-но kami Сигэсада своей матери, комендантом замка Ёсида был О:хара Сукэёси, вассал Имагава, похищение датируется летом 7-го года Эйроку (1564). Согласно этой версии истории, в сундук положили множество изящных предметов и сладостей, и Тамба-но kami, идя в замок Ёсида, поручил нести его своему старейшему вассалу (*каро*: 家老), который также стал ответственным за вынос сундука с матерью Тамба-но kami из замка, получив при этом расписку от господина (вероятно для беспрепятственного выхода за ворота) [Matsudaira ki 2014, p. 114]. Тода Сигэсада изменил дому Имагава ранее 17-го дня 5-й луны 7-го года Эйроку, эта дата стоит на похвальной грамоте Имагава Удзидзанэ, в которой упомянуто о предательстве Сигэсада [Aichi 2004, №366, p. 187].

неслышно ступая по белому гравию; вскоре [Тамба-но ками], приняв [исход игры], закончил играть в *сугороку*, встал и ушел. Вышел из ворот, [сидя] верхом на коне схватил [алебарду] *нагината*, посадил мать впереди и уехал. Поскольку условился [об этом] заранее, вассалы³⁴ прискакали верхом навстречу. Ёсида и Нирэнги расположены близко друг от друга, и потому все прошло благополучно. Столь искусное похищение заложника – несравненный [подвиг]. После того [он] принял сторону [его светлости], и потому тогда [Иэясу] пожаловал Тода Тамба-но ками [фамилию] Мацудайра, с тех пор он нарекся Мацудайра Тамба-но ками³⁵.

После того [его светлость Иэясу] подступил близко к Ёсида и соблаговолил возвести форт. В форте Кикэндзи [был] Удоно Хатиросабуро:, остальные [командующие]: в форте Касудзука [был] Огасавара Синкуро:³⁶ форт у прохода в Нирэнги тогда удерживал Тамба-но ками. Когда [его светлость Иэясу] напал на Ситадзи³⁷, Хонда Хэйхатироси: и Макино Со:дзиро:³⁸ скрестили копья. Тогда Хатия Хан-но дзё:³⁹ немного опоздал, и потому [ему] сказали: «Хан-но дзё:, [начинается бой] копьями, торопись», – услышав [это], Хатия ответил: «Коли бьются копьями, я буду драться на мече. Досадно, коли скажут, что Хан-но дзё: вторым [скрестил] копье. Копье не принесу», – и не держал [копье]. Тогда подбежал к державшим наготове копья и зарубил двоих, пока третий – Каваи Сё:току целился из аркебузы, ...ударил мечом, Сё:току тоже был известным храбрецом, потому, не отступив, выстрелил и попал Хан-но дзё: в висок, и [тот], отступив оттуда, умер от этой раны...⁴⁰

Тем временем, когда матери [Хан-но дзё:] передали: «Господин Хан-но дзё: сражён [в бою]», – [его] мать поспешно вышла: «Неужто Хан-но дзё: пал [в бою]?». «Боюсь, что так», – ответили [ей]. «Какой

³⁴ *Ро:до*: 郎従.

³⁵ По всей видимости, автор *Микава моногатари* допустил ошибку: Иэясу даровал право носить фамилию Мацудайра не Тода Сигэсада (?–1564), владельцу замка Нирэнги (уезд Ацуми в Микава – совр. г. Тоёхаси, преф. Айти), а его племяннику и преемнику Ясунага (Мацудайра Ясунага, 1562–1633) [Mikawa... 1974, p. 98]. Однако в *Мацудайра ки* также говорится о получении Тода Сигэсада этой привилегии [Matsudaira ki 2014, p. 114].

³⁶ Огасавара Ясумото (1511–1590), вассал дома Имагава из уезда Хадзу провинции Микава, перешел на сторону Иэясу в 1564 г. [Kobayashi 2023, p. 90].

³⁷ Уезд Хо:и провинции Микава.

³⁸ Хонда Тадакацу (1548–1610), вассал Иэясу.

³⁹ Хатия Садацугу (1539–1564), вассал Иэясу.

⁴⁰ Здесь при переводе пропущен небольшой фрагмент текста.

же была [его] смерть?». «Беспримерно [доблестной]». «Вот теперь-то сердце [моё] спокойно. Коль услышала бы, что смерть Хан-но дзё: была недостойной, хоть я долго прожила – верно [всё] было бы напрасно, но [я] рада слышать, что смерть [его] была хороша. Пасть в бою – долг самурая, посему оплакивать [его] нет нужды», – сказала мать [Хан-но дзё:]. «Для женщины [такие слова] – редкость. Поистине, мать Хан-но дзё:», – говорили [люди].

Меж тем [Иэясу] вскоре передали [замок] Ёсида и отступили⁴¹. [Владельцы] Нагасино, Цукудэ, Даминэ⁴² тоже, моля о пощаде, сдались и предстали [перед ним].

Меж тем [его светлость Иэясу] договорился с Такэда Сингэн из Каи, «Иэясу пусть соизволит взять То:то:ми – до реки⁴³, я же возьму Суруга», – договорившись так, соблаговолили выступить в обе земли. [Его светлость Иэясу] с Суганума Дзиро:эмон-но дзё:, Судзуки Ивами, Кондо Нобори – с этими тремя как провожатыми в 11-й год Эйроку⁴⁴, [год] Дракона и старшего брата Земли, в 11-ю луну соблаговолил выступить в То:то:ми.

Тем временем [земля Суруга] была отнята Сингэн у Удзидзанэ, [и тот] изволил бежать в [замок] Какэгава⁴⁵. Когда его светлость

⁴¹ Согласно хронике *То:дай ки*, войско Иэясу подступило к замку Ёсида в 7-м году Эйроку (1564 г.). В 3-й луне 8-го года Эйроку (1565 г.) управитель замка О:хара Сукэеси сдал замок. После этого большая часть востока Микава покорилась Иэясу, пишет хронист [Tōdai ki 1995, p. 5].

⁴² Замком Цукудэ (уезд Ситара, Микава) владел клан Окудайра, замки Нагасино (уезд Ситара, Микава) и Даминэ принадлежали двум ветвям рода Суганума. Три этих клана вместе назывались *Ямага сампо:сю*: 山家三方衆, сам этот термин встречается в тексте *Микава моногатари*. Даминэ Суганума уже в 4-й луне 4-го года Эйроку (1561 г.) перешли на сторону дома Мацудайра, отпав от Имагава, о чем свидетельствует грамота Иэясу, адресованная Суганума Саданао и двум его родственникам, старейшинам Даминэ Суганума, в которой подтверждались права Суганума Садатада (Садаёси, ?–1582) на его исконные владения [Aichi 2004, №105, p. 61, 62]. Затем Даминэ Суганума изменили дому Мацудайра, о чём свидетельствует грамота о «помиловании», выданная Имагава Удзидзанэ Суганума Садатада в 14-й день 1-й луны 5-го года Эйроку (1562) [Aichi 2004, №181, p. 92], но впоследствии вновь приняли сторону Иэясу. Клан Цукудэ Окудайра признал власть Иэясу приблизительно во 2-й луне 7-го года Эйроку (1564 г.), о чём говорит грамота Иэясу о пожаловании земель Окудайра Садаёси, датированная 27-м днём 2-й луны 7-го года Эйроку (1564) [Aichi 2004, №352, p. 180].

⁴³ До реки Оигава в провинции То:то:ми (большая река, текущая с севера на юг по территории преф. Сидзуока).

⁴⁴ 1568 г.

⁴⁵ Уезд Огаса провинции То:то:ми (г. Какэгава, преф. Сидзуока). Удзидзанэ бежал в Какэгава в 12-й день 12-й луны 11-го года Эйроку (1568 г.) после одновременного

повелитель дошел до Инотани, [владелец замка] Футамата быстро [ему] покорился. Призвав Огасавара Синкуро:, [его светлость] Иэясу повелел: «Поскольку [он ваш] родич, ступайте в Мамусидзука⁴⁶, соизвольте привлечь [на мою сторону] Огасавара Ёхати́ро:», – тогда [Синкуро:] почтительно повиновался. После этого [он] пошел в Мамусидзука, Ёхати́ро: же, ведя заложников, шел к Акияма⁴⁷, встретившись [с ним] на дороге, [Ёхати́ро:] спросил: «Откуда и куда вы изволите идти?», – Синкуро: ответил: «Я иду к вам. Вы же, ведя [такое] множество людей, куда изволите следовать?». «Я, представ перед Акияма, намереваюсь передать заложников, [вот и] пришел сюда», – сказал [Ёхати́ро:]. «Коли так, возвращайтесь, обсудим [все меж собой]», – сказал [Синкуро:], и [уговорил его] воротиться назад⁴⁸. «Эта земля перешла под руку [его светлости] Иэясу. И вы не являйтесь к Акияма, а сколь можно скорее предстаньте перед Иэясу. Ради этого сюда и пришел», – сказал Синкуро:. [Ёхати́ро:], сказав: «Как бы то ни было замысел вашей милости вовсе не плох», – сразу же [решил] не являться к Акияма, и в сопровождении Синкуро: предстал перед Иэясу.

Его светлость повелитель соблаговолил раскинуть лагерь в Ириямадзэ, перед Какэгава. Акияма, выйдя из Синано к Атаго в земле То:то:ми, расположился лагерем в селении Мицукэ⁴⁹, старался привлечь [к себе] самураев земли [То:то:ми].

Меж тем от Иэясу передано было [высочайшее] послание. «Определено, что [граница пройдет] по [реке] О:игава, Суруга – владения Сингэн, а То:то:ми до О:игава – мои владения, но Акияма продвинулся, [перейдя через О:игава] – этому нет оправданий. Соблаговолите как можно скорее вернуть назад войско», – отрядил посланца [Иэясу], «Повинуюсь», – сказал [Акияма], отвел [войско] в Яманаси, поднялся на [плато] Сукумодагахара, прошел через долину Кавахара, прошел через Курами и Сайго:, дойдя до [горы] Саёнояма⁵⁰, вышел в Суруга.

вторжения армий домов Такэда и Токугава в его княжество. Такэда Сингэн заранее переманил на свою сторону многих вассалов Имагава в ходе тайных переговоров. В результате Удзидзанэ не смог оказать действенного сопротивления своим врагам.

⁴⁶ Уезд Огаса провинции То:то:ми.

⁴⁷ Акияма Торасигэ (1527–1575), военачальник дома Такэда.

⁴⁸ «[Уговорил] воротиться назад» – дословно «возвратил назад».

⁴⁹ Все три топонима относятся к провинции То:то:ми. Ириямадзэ, Мицукэ – уезд Ивата, Атаго – уезд Ямака.

⁵⁰ Топонимы провинции То:томи: Яманаси – уезд Кооти, Сукумодагахара, Курами, Сайго:, Саёнояма – уезд Огаса.

«Коли Акияма воспротивится, убью [его]», – рёк [Иэясу], но Акияма, не воспротивясь, отступил – недаром Акияма называли [человеком], искушенным в делах.

Меж тем в 11-й год Эйроку, [год] Дракона и старшего брата Земли Удзидзанэ был изгнан Сингэн из Суруга, соблаговолил бежать в Какэгава, [замок] Асахина Биттю:-но ками. Биттю:-но ками принял [Удзидзанэ], хоть и отчаянно оборонялся, [против войска Такэда] было не устоять.

Тем временем посредником Охара Бинго-но ками с давних пор был Огасавара Ёхатио:, и потому, [Охара], доверившись Ёхатио:, ведя жену и детей, бежал в Мамусидзука. Но [Огасавара], не впустив [их в замок], убил его вместе с женой и детьми всех до единого, никто не остался [в живых]. Поистине горестный и ужасный исход. «Какой же будет посмертная участь Огасавара», – изумлялись люди.

Меж тем из младших братьев Куно – Куно Садо, [Куно] Хю:га-но ками, [Куно] Дандзё:, [Куно] Авадзи, Хомма Дзю:эмон-но дзё: сказали: «Ну вот и пришло время выбиться в люди. Став врагами Иэясу, [вместе] с Какэгава⁵¹ стиснем [его] с двух сторон [в клещи], оттуда [ему] никуда не деться. Коли Куно станут врагами, то и самураи в То:то:ми все до единого всадника непременно станут врагами [Иэясу] и обернутся [против него]. Коли будет так, [восстания] *икки* в земле [То:то:ми] поднимутся тут и там. Меж тем, коли Иэсу соизволит зайти далеко вглубь [То:то:ми], окажется в ловушке. Теперь же послушаем главу клана⁵²», – обратились к Куно Сабуро:дзаэмон. «Сказанное всеми [вами] верно, однако коли рассудить – даже единожды изменить Удзидзанэ, покориться Иэясу и натянуть лук против Удзидзанэ – нарушение долга лука и стрел самурая; если же ночами не сомкнуть глаз, краснеть от бесчестья от пересудов молвы, и тотчас же снова предать Иэясу – это будет [низкое] вероломство. И коли люди на миру будут за спиной поносить [нас], зовя двурушниками, пусть и жизнь будет долгой, да что проку. Давайте же искренне явим приязнь к Иэясу», – сказал [Сабуро:дзаэмон] и не дал [своего] согласия, тогда все, встав, сказали: «Хоть и сказали тому, кто является главой клана, что [теперь-то] следует выбиться в люди, [он] не дал никакого согласия. Раз так, заставим главу клана взрезать живот,

⁵¹ Какэгава – Имагава Удзидзанэ.

⁵² *Со:рё:сики* 惣領職.

и поставим [вместо него] младшего брата Авадзи, обложим Иэясу спереди и сзади, верно не упустим никуда». Когда [они так] решили, Куно Садо и Хомма Дзю:эмон, посоветовавшись вдвоем, сказали: «Как бы ни было, [он] глава клана и господин, и потому, как ни посмотри, какие владения ни получить, и как легко ни возвыситься, принуждать [его] взрезать живот нельзя», – сказав [так], оба порвали [с остальными братьями]. Когда рассказали об этом, Сабуро:дзаэмон-но дзё: удивился, сказал: «Коли так, буду просить подкрепление [у его светлости Иэясу]», – когда доложил [обо всём], «Быть посему», – рек [Иэясу]; когда же соблаговолил прислать подмогу, Сабуро:дзаэмон сошел во вторую цитадель [замка], и поскольку в главную цитадель переместил подкрепление [его светлости], все обошлось благополучно.

Меж тем Авадзи заставили взрезать живот, Дандзё: же был племянником Сабуро:дзаэмон, и потому [его] изгнали. После того, подступив к Какэгава, [Иэясу] соблаговолил поставить [свой] стяг на Тэнно:дзан⁵³, из замка же вышли отборные воины, была жестокая сеча. Тогда были павшие [в бою] из тех, кто, потеряв честь у Нобунага⁵⁴, скитаясь, пришел в Суруга, явился к Удзидзанэ [на службу], и теперь вместе [с господином] заперся в замке. Мукухара Дзиэмон-но дзё: сразил [и добыл голову] Ито: Бухё:э. О:кубо Дзиэмон-но дзё:⁵⁵ сразил [и добыл голову] О:я Ситидзю:ро:. Косака Синсукэ прорвался до *нуритигаэ*⁵⁶ главного входа [в замок], у *нуритигаэ* сразил [и добыл голову врага]. Было и много других подвигов. Тогда Мукухара учтиво сказал. Доложил: «Сегодня вступал в рукопашную схватку», – тогда О:кубо Дзиэмон-но дзё: же сказал: «Нет, нет, [коли говорить о] сегодняшних подвигах – никто [не отличился] в рукопашной схватке. И убитый вами был одет в доспех из шкуры носорога, [в него] попали из аркебузы, и когда лежал мертвым, [вы] изволили отрезать [его голову]. [Что до] сегодняшних подвигов – все до единого – отрезанные от трупов головы⁵⁷. И я взял голову мертвого, [в которого] попали из аркебузы⁵⁸». Когда сказал [он так], пришел совершивший подвиг

⁵³ Уезд Огаса провинции То:то:ми.

⁵⁴ Здесь говорится о тех, кто попал в опалу у Нобунага.

⁵⁵ О:кубо Тадасукэ, старший брат О:кубо Тадатака.

⁵⁶ Значение слова *нуритигаэ* 塗違 неясно.

⁵⁷ «Отрезанные от трупов головы» – *хиэкуби* 冷頭.

⁵⁸ Согласно заключениям историка военного дела Судзуки Масая, основанным на исследовании довольно ограниченной «выборки» источников (129 военных отчетов, похвальных грамот и других документов за 1467–1561 гг.), на долю ран стрелами (после 1542 г.

в битве Найто: Сиро:дзаэмон-но дзё: и сказал: «Подвиг-то совершил, но подвиги сегодня – это, начиная с моего, все до единого – отрезанные с трупов головы», когда так доложил, все сказали: «Слова Найто: Сиро:дзаэмон-но дзё: и О:кубо Дзиэмон-но дзё: сходятся. У обоих так же, как у других».

Меж тем [Иэясу], соизволив возвести форт на Тэнно:дзан, соблаговолил разместить [там] Куно Сабуро:дзаэмон-но дзё:. На западе [он соизволил] возвести форт выше деревни Кавада, каждый [из военачальников] поочередно [его] охранял. На юге [соизволил] возвести форт на [горе] Согаяма⁵⁹, Огасавара Ёхатино: [его] держал. Тем временем в 12-й год Эйроку, год Змеи и младшего брата Земли, в 1-ю луну, 23-й день, замок [Какэгава] пал, Удзидзанэ соблаговолил бежать в Одавара⁶⁰.

Меж тем поступило донесение, что в 3-й луне в Хорикава поднялось [восстание] *икки*, потому [Иэясу] тотчас же соблаговолил примчаться верхом, [его воины] напали внезапно и вскоре уже, уцепившись за стены, взбирались [вверх]. Когда О:кубо Дзиндзю:ро:⁶¹, 17 лет от роду, взобрался первым, из [крепости] из аркебузы попали [ему] в левую щеку, и [Дзиндзю:ро:] пал в бою. Хираи Дзингоро: тоже пал в бою. И множество других пало в бою. В Хорикава во время прилива нет иного способа добраться, кроме как на корабле. А во время отлива – выход только с одной стороны, поскольку напали, когда [вода] не ушла, тотчас же вырезали [всех] – и мужчин, и женщин.

и аркебузными пулями, хотя раны от них в источниках, изученных Судзуки, практически не выделялись в отдельную категорию) в одном сражении периода Сэнгоку приходилось в среднем примерно 61% от общего числа ранений, раны от копий и пик получали в 20% случаев, раны от *нагината* (и других видов рубящего оружия) составляли около 3,9% от общего числа полученных в битве ранений, раны от мечей (*катана*, *тати*) – 0,71%, раны от камней – около 14%. По сравнению с периодом Намбокутё: в период воюющих княжеств при уменьшении числа ранений от мечей выросло число пострадавших от копий, по-прежнему был высок процент ранений от оружия дальнего боя, в отдельных сражениях на них приходилось до 75% от общего количества ранений [Suzuki 2003, p. 138, 139]. Анализ 80 документов за 1563–1638 гг., когда стали повсеместно использоваться аркебузы, показал, что в среднем в битвах на ранения от огнестрельного оружия приходилось уже около 41,5% от общего числа ранений; 20% – на раны от стрел [Ibid., p. 172].

⁵⁹ Согаяма, Кавада – уезд Огаса провинции То:то:ми.

⁶⁰ В 6-й день 5-й луны 12-го года Эйроку (1569 г.) Имагава Удзидзанэ заключил мирное соглашение с Токугава Иэясу, оставил замок Какэгава и бежал в удел Хо:дзё: Удзимаса (сестра Удзимаса была женой Удзидзанэ).

⁶¹ О:кубо Тадахидэ – племянник О:кубо Тадатака.

Упомянутый О:кубо Дзиндзю:ро:, в то самое время, когда поднялось вышеупомянутое [восстание] *икки*, часто проходил [мимо тех мест], именитые [люди] все до единого были вместе [с ним]. Были и те, кто волновался и шумел; Дзиндзю:ро:, прислуживая подле особы [его светлости Иэясу], имел хорошую память и подробно докладывал: «Такие-то и такие-то волнуются и ропщут, разбегаются в разные стороны, бывает, и в горы бегут. Такие-то и такие-то, не поддаваясь смятению, [ведут себя] смирно». «Хоть и мальчишка, превосходно, хорошо [всё] увидел», – рек [Иэясу] и восхитился.

Меж тем [Иэясу] соизволил сделать [своим] местожительством ставку в Мицукэ⁶², возвел замок, в полях построив усадьбы для всех [вассалов], соблаговолил поселить [их там], но, сказав: «Это [место] не годится», – соблаговолил переместиться назад, в Хамамацу, возвести замок и установить [там свое] местожительство⁶³.

Тем временем от Нобунага передали: «Соблаговолите собрать и послать подкрепление, намереваюсь напасть на север О:ми», – когда [это] передали, собираясь быстро оказать поддержку, Иэясу соизволил направить коня [в поход].

Первый год Гэнки, год Лошади и старшего брата Металла⁶⁴, 2-я луна. Нобунага соблаговолил напасть на Канэгасаки⁶⁵, но люди Этидзэн были сильны, и потому Нобунага, рассудив, что [сложившееся положение] опасно, соблаговолил оставить Иэясу позади, не предупредив⁶⁶; [его светлость] не ведал, что [Нобунага] соблаговолил отойти через проход Ёи. На рассвете [его светлость Иэясу] соблаговолил отступить, провожатым стал Киносита Токитиро:. [Это] зовут «отступлением из Канэгасаки», из-за [его милости]

⁶² В Мицукэ ранее располагалась ставка управителя провинции (*кокуси*) То:то:ми.

⁶³ Токугава Иэясу сделал замок Хамамацу (г. Хамамацу, преф. Сидзуока) в То:то:ми своей резиденцией в 1570 г.

⁶⁴ 1570 г.

⁶⁵ Другое название – замок Цуруга, уезд Цуруга в провинции Этидзэн (г. Цуруга, преф. Фукуи).

⁶⁶ Поспешное отступление Нобунага из провинции Этидзэн объяснялось тем, что он получил известие об измене – присоединении своего зятя Адзай Нагамаса, властителя севера провинции О:ми, к Асакура Ёсикагэ, даймё Этидзэн. Датировка начала похода Нобунага в Этидзэн неточна. Согласно *Синтё:-ко:* *ки* и дневнику придворного аристократа Ямасина Токицугу, Нобунага выступил в Этидзэн не во 2-й луне, а в 20-й день 4-й луны 1-го года Гэнки (1570 г.). Захват замка Канэгасаки датируется 26-м днём 4-й луны того же года [О:та Гю:ити 2024, с. 312, 325].

Нобунага то было опасное отступление. Тогдашний Токитиро: – будущий Тайко:⁶⁷.

Меж тем, когда Нобунага вознамерился напасть на северные уезды [О:ми], явились люди Эtidзэн, тут и там построили форты, перекрыли пути сообщения в столицу, поскольку [они] пришли [с войском] в 30 тыс. с лишним [человек], Нобунага тоже спешно направил коня в Ёкояма⁶⁸, изволил передать Иэясу: «Скорее соблаговолите собрать и послать подкрепление, пришли люди Эtidзэн, дам сражение». «Понял», – сказал [Иэясу] и тотчас же соизволил направить коня в поход. Нобунага соблаговолит несказанно обрадоваться, быстро направил коня в поход.

Меж тем [Нобунага] сказал: «Устанавливаю [порядок] для завтрашнего сражения. Приказываю первыми [вступить в битву] Сибата, Акэти, Мори Укон и другим, потому Иэясу прошу вторым [начать] битву». Через Мо:ри Синсукэ⁶⁹ и двух [других] соизволил [это] передать, тогда в ответ [Иэясу] соизволил передать: «Как бы то ни было оказываю помощь [вашему войску], что бы [вы] ни изволили сказать, непременно соблаговолите приказать [мне] первому [начать] битву». Нобунага в ответ [рек]: «Суждение Иэясу имеет основания, должно быть таковы [его] намерения. Однако коль скоро уже расставил боевые порядки, разве можно лишать их [права] первыми [вступить в бой], соблаговолите же как есть согласиться [быть] вторым. Кроме того, первые ли, вторые ли – суть одна. Хоть и говорится – вторые, часто бывает, что в зависимости от времени, становятся первыми, потому как бы то ни было прошу быть вторым», – таков был ответ [Нобунага], тогда [Иэясу], снова возразив, рек: «[Ваша] правда, изволите думать, что негоже приказывать [менять] первых на вторых, коли расставлены боевые порядки, и [с этим можно] согласиться. Изволите говорить: “Первые ли, вторые ли – суть одна”, – с этим согласиться

⁶⁷ Киносита Токитиро: – Тоётоми Хидэёси. *Тайко*: – почетный титул, присваивавшийся сановнику при императорском дворе, который покидал высокий пост канцлера *Кампаку* после назначения его сына на этот же пост. Как известно, в 1585 г. Хидэёси императорским указом был удостоен этой должности, а в 1591 г. ушел с поста *Кампаку*, на который был назначен его племянник и приемный сын Тоётоми Хидэцугу.

⁶⁸ Ёкояма – замок в уезде Саката на севере провинции О:ми (г. Нагахана, преф. Сига). Нобунага занял замок в конце 6-й луны 1-го года Гэнки (1570) сразу после победы в битве при Анэгава [О:та Гю:ити 2024, с. 315].

⁶⁹ В данном фрагменте текста упомянуты вассалы Ода Нобунага: Сибата Кацуиэ, Акэти Мицухидэ, Мори Ёсинари (Укон) и Мо:ри Ёсикапу.

[нельзя]. Разумеется, в завтрашнем сражении вторые, наверное, станут первыми. Это [определяется] обстоятельствами времени. Пусть даже [в силу этого] вторые стали первыми, в книгах в грядущие времена запишут, что первые – первые, вторые – вторые, и верно будет [так] и в будущие времена, потому как бы ни было, намерен принять [по вашему повелению право] первым [вступить в битву]. Кроме того, коли был бы я стар летами, могло так стать, что по [вашему] приказу стал бы и третьим, и четвертым, но досадно, когда и в будущие времена будут передавать – тот, кому не было и тридцати лет [от роду], придя на подмогу, не сумев получить первенство, стал вторым. Как бы ни было, соизвольте приказать первому [начать] сражение. Иначе завтра на битву не выйду. Коли [не будет] так, сегодня же отступлю и вернусь». Когда [так] отвечивал [Иэясу], Нобунага изволил выслушать. «Со сказанным Иэясу полностью согласен. Если так благоволит [он] думать, премного благодарен [за это]. Коли так, прошу первым вступить в битву», – рек [Нобунага], и на другой день в сражении Иэясу первым [начал] бой.

Меж тем все вассалы почтительно обратились [к Нобунага]: «Ранее [вы] изволили приказать [нам] первыми сражаться. Сейчас же [составлена] высочайшая грамота, согласно которой [право] первой битвы дается Иэясу – оттого [мы] досадуем». Когда так доложили, Нобунага благоволил разгневаться, повысил голос: «[Что за] дерзость, негодные юнцы, да [вы хоть] понимаете, что говорите?», – рек [он]; поскольку [в ответ никто] не издал ни звука, было решено, что Иэясу первым даст бой⁷⁰.

Иэясу рек: «На завтрашнее сражение в 28-й день прибыл сюда сегодня в 27-й день и получил [право] первой битвы – это ниспослание Пути Неба». Молвив так, безмерно возрадовался.

На рассвете 28-го дня 6-й луны первого года Гэнки, года Лошади и старшего брата Металла, когда [Нобунага и Иэясу] соблаговолили пойти вперед, люди Этидзэн также [с войском] больше 30 тыс. [человек] двинулись вперед. У Нобунага [было] больше 10 тыс. [воинов], войско Иэясу – больше 3 тыс. [бойцов]. [Два войска] атаквали одно

⁷⁰ О том, что Иэясу первым начал сражение при Анэгава (провинция О:ми – ныне г. Нагахана, преф. Сига) в 1570 г. (28-й день 6-й луны 1-го года Гэнки), упоминает и О:та Гю:ити в *Синтё:-ко: ки*. Описываемый спор из-за очередности вступления в битву – реальное событие, о котором упоминал Ода Нобунага в одном из своих писем [О:та Гю:ити 2024, с. 315, 330].

другое, тесня и отходя под встречным натиском, нападали и сражались. Отряды Иэясу разбили [врагов], преследуя, убивали [их], что же до отрядов Нобунага – [враги] пробились близко к стягу [Нобунага], отборные люди из [его вассалов] были убиты, но его светлость Иэясу победил, изволил глубоко вклиниться [во вражеские боевые порядки], и потому враги тотчас же бежали разбитые, [воины Иэясу] сразили всех врагов до единого. «В сегодняшней битве благодаря подвигам Иэясу стяжал славу в Поднебесной», – восхитился [его милость] Нобунага.

После этого, коли Нобунага соблаговолил бы нападать и здесь, и там, верно завоевал бы и Этидзэн, не говоря уже об О:ми, но Нобунага, сказав: «Побеждая, затягивай покрепче шнуры шлема»⁷¹, – тотчас соблаговолил отступить в Гифу.

И в битве при Окэхадзама, соблаговолив сразить Ёсимото, коли бы [его милость Нобунага] после того без приготовлений напал, верно, быстро соблаговолил бы подчинить Микава, То:то:ми и даже Суруга. И тогда [он] тоже от Окэхадзама соблаговолил отступить к Киёсу. Однако же в конце концов и О:ми, и Этидзэн, и Микава, То:то:ми, Суруга перешли под [его высочайшую] руку, ведь говоря: «Побеждая, затягивай покрепче шнуры шлема», – [его милость Нобунага] не был тем, кто, воспользовавшись победой, нападает со [всей] мощью.

Меж тем в 12-ю луну первого года Гэнки, года Лошади и старшего брата Металла, люди Этидзэн [числом] больше 30 тыс. [воинов] расположились лагерем на горе Хиэй. Нобунага соблаговолил расположить ставку в Сига⁷², соизволил передать Иэясу [просьбу] о подкреплении, [Иэясу] же отрядил [на подмогу] Исикава Хю:га-но ками.

Когда Нобунага изволил замыслить: «В Северных землях уже лежит снег, потому и провиант должен закончиться. Раз так, заморю врага голодом», – с горы Хиэй не только снабжали провиантом [армию Асакура], но и в довершение всего собрались, совершив притворное предательство⁷³, убить Нобунага. С горы передали: «Пустим

⁷¹ *Катитэ кабутто но о о симэё* 勝て銀之緒ヲ締メヨ. Призыв к осторожности и бдительности. Выражение, фигурирующее в источниках, по крайней мере, начиная с *Хэйдзи моногатари* 平治物語 (XIII в.). Также встречается в наставлениях даймё Хо:дзё Удзицуна (1541 г.) и *Ко:ё: гункан* 甲陽軍鑑 (не позднее 1621 г.).

⁷² Уезд Сига, провинция О:ми.

⁷³ «Притворное предательство» («обманное предательство») *каэри тё:ги* 帰調儀, – солгав о переходе на чью-либо сторону, осуществлять какой-либо план, направленный против нового «союзника» [Mikawa... 1974, p. 106].

огонь в лагере людей Этидзэн. В это самое время коли соблаговолите ударить, враги непременно будут разбиты. А коль так, ночью соблаговолите подняться на гору». Хоть и сказали, Нобунага недаром был [истинным] воином, соблаговолит не подниматься опрометчиво на гору, продвинулся до Сакамото, сказав, что нападет, если поднимется дым от пламени, соблаговолит ждать, и как [он] и думал, то было притворное предательство.

Меж тем людей Этидзэн было больше 30 тыс. Помимо того, земля О:ми по большей части была владением Этидзэн, потому и путь в Гифу перекрыли, у Нобунага же было не больше 10 тыс. [воинов], поскольку [с такими силами было с врагом] не совладать, [он] соблаговолит обратиться к посредничеству [для переговоров], соблаговолит написать клятвенную грамоту: «Пусть Поднебесной владеет господин Асакура, снова не буду притязать [на нее]⁷⁴», – заключив мир, соблаговолит отойти в Гифу⁷⁵.

Отступив, Нобунага соблаговолит в скором времени напасть [из Мино], тогда от Иэясу снова было прислано подкрепление. В то время [его светлость Иэясу] распределил людей из всех [вассальных] домов между всеми [командирами отрядов] и придал господину Мацудайра Кансиро:⁷⁶ соблаговолит направить [это войско Нобунага].

Меж тем, хотя Нобунага соблаговолит напасть на замок Мицукури⁷⁷, [его] никак [не удавалось] взять. Тогда [он] сказал: «Изводить время, штурмуя этот малый замок, толку нет. Покамест, отложив [приступ], нападём на столицу»; когда, сняв с замка осаду, осаждавшие

⁷⁴ Дословно «[у меня] нет повторных притязаний [на нее]».

⁷⁵ Нобунага прибег к посредничеству императорского двора для заключения мира с кланами Адзай и Асакура. Еще одной стороной переговоров был монастырь Энрякудзи, поддерживавший Адзай и Асакура. О:та Гю:ити в *Синтё:-ко:* *ки*, в отличие от О:кубо Тадатака, подчеркивает большую заинтересованность Адзай Нагамаса и Асакура Ёсикагэ в перемирии, Нобунага же, согласно Гю:ити, будто бы неохотно принял уговоры сёгуна Асикага Ёсиаки и согласился на мир. В данном фрагменте *Микава моногатари* не упоминается клан Адзай, который и владел севером О:ми (Тадатака ошибочно пишет, что большая часть О:ми принадлежала дому Асакура). Под «Поднебесной» Тадатака, скорее всего, подразумевает Киото и столичные провинции. Однако условия мирного договора были совсем иными, чем описывает Тадатака (см.: [О:та Гю:ити 2024, с. 338, 339]).

⁷⁶ Мацудайра Нобукадзу (1539–1624), вассал Иэясу.

⁷⁷ Замок Мицукури в провинции О:ми, принадлежавший дому Роккаку, был захвачен в 12-й день 9-й луны 11-го года Эйроку (1568 г.) во время похода Нобунага на Киото. О:та Гю:ити пишет о взятии этой крепости приступом за один день, не упоминая о подвигах Мацудайра Нобукадзу [О:та Гю:ити 2024, с. 271].

тыльный вход [в замок] стали отступать, господин Мацудайра Кансиро:, увидев это, соблаговолил атаковать со стороны главного входа, тогда осажденные побежали к тыльному входу, и [воины Токугава] ворвались в замок. Нечего и говорить – славный подвиг господина Мацудайра Кансиро:.

Тем временем, когда [Нобунага] соблаговолил войти в столицу, во время грабежа⁷⁸ столкнулись человек господина Ода Ко:дзукэ-но ками⁷⁹ и человек из Микава, отбирали друг у друга старую [шапку] *эбоси*, и человек из Микава изрядно поколотил человека Ода Ко:дзукэ-но ками, это стало стычкой, поскольку люди Мино и Овари, объединившись, подступили к господину Мацудайра Кансиро:, каждый из людей Микава, сказав: «Будь что будет», – все до единого вышли в город, изготовили к бою луки, аркебузы, копья, когда [на них] нападали, давали отпор, бились изо всех сил, оттого [воины Ода] и вовсе раздумали подходить ближе; когда донесли об этом Нобунага, Нобунага рек: «Неописуемое своеволие, что за смутьяны! Попросил подкрепление от Иэясу, неужто это подкрепление истребляете?! Коли есть допустившие дерзость негодяи, казнь каждого», – так рек, после того нападавшие, рассыпавшись [в разные стороны], исчезли из виду.

После того Нобунага, изволив призвать Кансиро:, рёк: «Недавние подвиги Кансиро: в Мицукури беспримерны, но теперь снова в стычке [он вел себя] беспримерно. Хоть Кансиро: и мал ростом, человек отважный. Кансиро: носит [меч] с ножнами, [украшенными] золотыми накладками, [полученными от Иэясу в награду], потому пусть в этом военном походе продолжит [нести безупречную службу]», – так рек. Для Кансиро: [сии слова] были честью.

Меж тем Нобунага рек: «Правителя Поднебесной⁸⁰ Асакура не смог принять, но я позвал [его] в Гифу и сделал второй раз Правителем Поднебесной. [Сёгун же] позабыл [мое] милосердие, и в довершение всего, объединившись с Асакура, соблаговолил стать мне врагом. Коль скоро не ведает [он о моих прежних] благодеяниях, хотел заставить [его] взрезать живот, но поскольку [он] – Правитель, пощажу», –

⁷⁸ Нобунага вошёл в Киото в 26-й день 9-й луны 11-го года Эйроку (1568 г.). «Грабеж» – *рандори* 覽取, в период Сэнгоку так называлось мародерство воинов во вражеских землях.

⁷⁹ Ода Нобуканэ (1543–1614), один из младших братьев Ода Нобунага.

⁸⁰ Асикага Ёсиаки. Был изгнан Ода Нобунага из Киото в 7-й луне 4-го года Гэнки (1573 г.).

сказав так, соблаговолил изгнать [сёгуна] из столицы. Тогда Нобунага рек: «Что же до горы Хиэй – то особы с длинными рукавами⁸¹, но, совершив притворное предательство, [они] хотели меня убить, коли так, горе⁸² [больше] не стоять», – после того древняя гора Хиэй разрушилась⁸³, но хоть [монастыря] и долго не было, [его] вновь соизволил возвести Иэясу, и теперь гора стоит.

Если же посмотреть *Синтё: ки*⁸⁴, там [найдется] много лжи. Только треть [всего написанного] – то, что [на самом деле] было. Одна треть – было что-то похожее [на описанное], одна треть – ни на чем не основана. Кажется, что создатель *Синтё: ки* создал [свой труд] хорошо – по мере своего разума [поведав] о тех, к кому был благорасположен. Кроме того, когда [Одзэ Хоан] пишет в разных местах [*Синтё: ки*] о сражениях, прежде всего ложью выглядит [вот что]: о тех, кому в ту пору исполнилось 10, 11, 12–13 лет, и не знавших [тогда], [где] запад, а [где] восток, и кто, повзрослев, гораздо позднее прошли [обряд] *гэм-пуку* и стали храбрыми мужами, как о [героях] из сказок написал, что [они] тут и там сражались, [свершили] беспримерные подвиги и иное, [в этой книге] сочинил много лжи. Есть и такое: при Нагасино и других сражениях в рукопашной схватке совершил подвиг, который не совершал. [О тех], кто в жизни ни разу не предводительствовал воинами, написано, что предводительствовали воинами. Помимо того, и о случившемся на том месте [сражения при Нагасино] много лжи. Тот же, кто часто отступал, [и кого] поносят за спиной люди, описан как божество-демон⁸⁵. Также не написано о тех, кто часто совершал подвиги, [кто] прославлен и известен во всех землях. Пишется о не

⁸¹ «Особы с длинными рукавами» – монахи.

⁸² «Гора» – подразумевается монастырь Энрякудзи.

⁸³ Монастырь Энрякудзи был сожжен войском Ода Нобунага в 12-й день 9-й луны 2-го года Гэнки (1571 г.). После гибели Нобунага в 1582 г. началось его восстановление, вклад в которое внесли Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу (продолжалось до годов Канъэй, 1624–1644).

⁸⁴ Скорее всего, речь идёт о *Синтё: ки* («Записях о Нобунага») Одзэ Хоан.

⁸⁵ «Божество-демон» — *онигами* 鬼神, «ужасное и свирепое божество» (фуриганное чтение в оригинале – *ヲニカミ*). Согласно Большому словарю японского языка, *онигами* – свирепые и ужасные боги (*ками*). Иероглифы 鬼神, прочитанные как *кидзин*, могут обозначать божеств-охранителей учения Будды (которые нередко изображались в виде яросных и неистовых воителей) и небожителей из буддийской мифологии, а также демонов-раکشасов. В японо-португальском словаре начала XVII в. *кидзин* 鬼神 – дьяволы. Onigami // *Seisenhan Nihon kokugo daijiten* <https://kotobank.jp/word/%E9%AC%BC%E7%A5%9E-50543#w-1522926>

имеющих силы, что [они] – великие силачи, все – ложь. А среди тех, о ком написано – великий силач – нет ни одного, кто силен сам по себе, [в одиночку].

В конце концов, [в этой книге] много лишенных силы, внешне приличных, но дурных внутри, а то, что [он] написал и так, и эдак [о них], – коли подумать, покажется, что сочинил небылицы о тех, к кому был расположен. Это похоже на то, когда у пишущего есть ум [только на первый взгляд], но [в действительности] ума нет. Оттого судачат, что в *Синтё*: ки много лжи.

О временах [высочайших] предков Иэясу записал здесь в общем виде. И в наше время, и в грядущие времена, верно, не будет тех, кто скажет, что хоть что-то [из написанного] – ложь. Однако же записал не для того, чтобы показывать другим. Для меня и моих детей его светлость Великий министр Хидэтада, нынешний сёгун его светлость Иэмицу⁸⁶ – восьмой и девятый светлейшие повелители. Хорошо служите и [их] высочайшим потомкам, какие бы времена [ни наступили]. [Оставил эти записи], чтобы после меня передать [моим потомкам]. За ворота не выносить.

8-й год Гэнна, Собаки и Старшего Брата Воды, 4-я луна, 11-й день

Передаю это детям

За ворота выносить нельзя

О:кубо Хикодзаэмон-но дзё:

(личная монограмма)

В этой книге в общем виде написал о наследственных вассалах [высочайшего дома Токугава], о своем роде написал подробно, и ничего другого. Подумав, что в будущем племянники, дети и родичи могут не узнать о происхождении давних наследственных светлейших повелителей, чтобы передать [их историю], написал как свои заветы и передаю детям, наказываю, не выносить [эту книгу] за ворота; эта книга – не для того, чтобы показывать свету, написал в книге о своем роде, и потому не пишу о других наследственных вассалах [высочайшего дома]. Преданность всех наследственных вассалов [высочайше-

⁸⁶ Токугава Хидэтада и Токугава Иэмицу.

го дома] неизмеримо велика, и потому все [они], чтобы впоследствии дети не забыли историю наследственных светлейших повелителей, в каждом из [вассальных] домов соблаговолят тщательно записать историю наследственных светлейших повелителей, а кроме того, давнюю историю потомственной службы [своим господам], равно как и историю [своей] преданности, и все соблаговолят завещать детям. И я так и [поступил].

Поскольку эту книгу за ворота выносить нельзя, другие [ее] видеть не должны, однако же коли неожиданно-негаданно разлетится [эта книга по свету] и люди посмотрят [ее], ради [их] разумения, так [написал].

Не извольте думать, что записал о своем клане, роде, а также о себе самом ради собственной выгоды. Поскольку это – книга с заветами детям, коли не напишу о своем роде, клане, а также о себе самом, дети верно не поймут [и не примут написанное].

Библиографический список

О:та Гю:ити (2024). Синтё:-ко: ки. Записи о князе Нобунага. / Пер. на русс., введ., исследов., комм., указ. С. А. Полхов. – Москва: ИВ РАН.

References

Aichi kenshi. (2004). *Shiryōhen* [History of Aichi Prefecture. Historical materials]. Vol. 11. Shokuhō [Oda–Toyotomi period] Part 1. Nagoya: Aichi Prefecture. (In Japanese).

Honda, Takashige. (2010). *Teihon. Tokugawa Ieyasu* [Tokugawa Ieyasu. Final Version]. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan. (In Japanese).

Kansei chōshū shokafu. (1923). [Revised Genealogies of All the Houses of the Kansei Years]. Vol. 4. Tokyo: Kokumin tosho. (In Japanese).

Kobayashi, Akihiko. (2023). *Ieyasu no Mikawa ryōgokuka* [The Transformation of Mikawa Into Ieyasu's Domain]. In Kuroda Motoki (ed.), *Tokugawa Ieyasu to sono jidai* (pp. 77–102). Tokyo: Ebisu kōshō shuppan. (In Japanese).

Kobayashi, Takaaki (1977). *Yōjihō kara mita Mikawa Monogatari no kōsei* [The structure of “Mikawa Monogatari” in terms of the ways characters are used]. *Machikaneyama ronsō. Bungaku hen*. 10, 1 - 15.

Koike, Yoshiaki. (2000). *Mikawa Monogatari kō. Jihi to Inga no Sekai* [Research on Mikawa Monogatari. The World of “Compassion”

and “Retribution”]. *Tōyō daigaku bungakubu kiyō. Shigaku hen*, 26, 1–49. (In Japanese).

Kyūsojin, Hitaku. (1970). *Mikawa Monogatari no shoshi* [*Mikawa Monogatari* – bibliographic description]. In Nakada Norio (ed.), *Gempon Mikawa monogatari. Kenkyū: shakubun hen* [The Original of *Mikawa Monogatari*. Research and Interpretation] (pp. 2–38). Tokyo: Benseisha. (In Japanese).

Matsudaira ki. (2014). [“Records about Matsudaira”]. In *Aichi ken shi. Shiryō hen 14. Chūsei. Shokuhō* [History of Aichi Prefecture. Sources. Vol. 14. Middle Ages – [period] of Oda and Toyotomi] (pp. 91–152). Nagoya: Aichi Prefecture. (In Japanese).

Mikawa Monogatari. (1965). In *Ieyasu shiryōshū. Sengoku shiryō sōshō 6* [Collection of Historical Sources on Tokugawa Ieyasu. Series of Historical Materials on the Sengoku Period. Vol. 6] (pp. 231–436). Ono Shinji (comm.). Tokyo: Jimbutsu Ōraisha. (In Japanese).

Mikawa Monogatari. (1974). [The Tale of Mikawa]. In *Mikawa Monogatari. Hagakure* [The Tale of Mikawa. Hidden in the Leaves]. *Nihon shisō taikai 26* [Systematic Collection of [sources on] the Ideology of Japan, Vol. 26] (pp. 9–219). Saiki Kazuma, Okayama Taishi, Sagara Tōru (comp. and comm.). Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).

Nakada, Norio, Hayashi, Chikafumi. (1970). *Kokugo shiryō Mikawa Monogatari no tame ni* [*Mikawa Monogatari* as a source for [the study of] the Japanese language]. In Nakada Norio (ed.), *Gempon Mikawa Monogatari. Kenkyū: shakubun hen* [The Original of *Mikawa Monogatari*. Research and Interpretation] (pp. 39–84). Tokyo: Benseisha. (In Japanese).

Ōta, Gyūichi. (2024). *Shinchō-kō ki. Zapsi o Knyaze Nobunaga* [“Records About Lord Nobunaga”]. S. A. Polkhov (translation into Russian, introduction, research, commentary, index). Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).

Ōtsuka, Mitsunobu. (1974). *Mikawa Monogatari no kotoba* [Vocabulary of *Mikawa Monogatari*]. *Mikawa Monogatari. Hagakure* [The Tale of Mikawa. Hidden in the Leaves]. *Nihon shisō taikai 26* [Systematic Collection of [sources on] the Ideology of Japan, Vol. 26] (pp. 649–656). Saiki Kazuma, Okayama Taishi, Sagara Tōru (comp. and comm.). Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).

Saiki, Kazuma. (1974). *Mikawa Monogatari kō* [A Study of the *Mikawa Monogatari*]. *Mikawa Monogatari. Hagakure* [The Tale of Mikawa. Hidden in the Leaves]. *Nihon shisō taikai 26* [Systematic Collection of [sources on] the

Ideology of Japan, Vol. 26] (pp. 623–648). Saiki Kazuma, Okayama Taishi, Sagara Tōru (comp. and comm.). Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).

Sengoku gunki jiten. (1997). *Tenka tōitsu hen* [Dictionary of *Sengoku Gunki*. Unification of Japan [Period]]. Osaka: Izumi shoin. (In Japanese).

Sengoku jinmei jiten. Konpakuto han. (2006) [Dictionary of Names of the Sengoku Period. Compact Edition]. Abe Takeshi, Nishimura Keiko (eds.). Tokyo: Shinjimbutsu ōraisha. (In Japanese).

Suzuki, Masaya. (2003). *Teppōtai to kiba gundan. Shinsetsu Nagashino Kassen* [Detachments of Arquebusiers and Cavalry Formations. A New Interpretation of the Battle of Nagashino]. Tokyo: Yōsensha. (In Japanese).

Takagi, Shōsaku. (1970). *Mikawa Monogatari no Seiritsunen ni tsuite* [About the years of compilation of *Mikawa Monogatari*]. *Tōkyō daigaku shiryō hensanjo hō*, 5, 40–45. (In Japanese).

Taniguchi, Shinko. (2011). Fudai kashin to wa nani ka. Ōkubo Hikozaemon *Mikawa Monogatari no bunseki* [Who is the Hereditary Vassal? Analysis of *Mikawa Monogatari* of Ōkubo Hikozaemon]. *Shuppan to shakai hen'yō*, 11, 39–64. (In Japanese).

Tōdai ki. (1995). [“Records of This Time”]. In *Shiseki zassan* [Collection of Various Historical Books], Vol. 2. Tokyo: Yagi Shoten. (In Japanese).

Utsunomiya, Mutsuo. (1994). *Mikawa monogatari no buntai*. Bungotai to kōgotai [*Mikawa monogatari* style. Old written and [style] of oral speech]. *Aichi kyōiku daigaku kenkyū hōkoku*, 43, 220–234. (In Japanese).

Utsunomiya, Mutsuo. (2001). Okubo Tadataka jihitsu shakkyō waka shakugi. Yōgo to hyōki ni tsuite [Interpretation of the Japanese Song of Buddha’s Teachings Written Down by Okubo Tadataka. On Lexicon and Expressions]. *Fukuyama daigaku ningen bunka gakubu kiyō*, 1, 1–18. (In Japanese).

Yamanishi, Akira. (1976). Jihitsubon *Mikawa Monogatari* shoin no *Soga Monogatari*. Sono in'yō no sarekata to tokushitsu ni tsuite [Quotations From the *Soga Monogatari* in the Autograph of the *Mikawa Monogatari*. On the Ways and Features of Its Quotation]. *Kokubungaku gengo to bungei*, 83, 57–70. (In Japanese).

Ежегодник Японии 2025. Т. 54. С. 362–381

Yearbook Japan 2025. Vol. 54, pp. 362–381

DOI: 10.55105/2687-1440-2025-54-362-381

Трансформация идентичности в литературе японской диаспоры в Бразилии (1908–1941 гг.)

М. Р. Алексеенко

Аннотация

Статья выявляет механизмы изображения трансформации идентичности в «литературе японской диаспоры» (*имин бунгаку*) в Бразилии на материале «Сборника колониальных рассказов» (1975 г., переиздан в 2008 г.). Временные рамки исследования ограничены прибытием иммигрантов в 1908 г. и запретом изданий на японском языке в 1941 г. В статье описано формирование коллективной идентичности японцев в Бразилии в исторической перспективе. Выявлены ключевые особенности японской эмиграции, в дальнейшем отразившиеся в литературном творчестве диаспоры в Бразилии: региональная локализация, принадлежность мигрантов к крестьянству, формирование особого диалекта *корониаго*. Особое внимание уделено причинам раскола внутри диаспоры, ставшего основным мотивом литературных произведений. Внутригрупповая разобщенность в социальной структуре японской общины усилилась с урбанизацией 1930-х гг.

Статья анализирует формирование самобытного очага литературы в японской эмиграции в Бразилии с точки зрения теории печатного капитализма Б. Андерсона. Выявлены механизмы отчуждения *имин бунгаку* от национальной литературы, основанные на противопоставлении «чистой» и «массовой» литературы.

Болезненный процесс интеграции в принимающее сообщество обуславливает центральное место расово-этнической проблематики *имин бунгаку*. Произведения изображают конфликты японцев с бразильцами, отражают дискурсивные модели описания расового Другого в пространстве литературы. Особенно чувствительны авторы к предательству внутриобщинных уз и приобретению черт принимающего сообщества. Процесс трансформации идентичности рассмотрен через призму социального положения, этнического происхождения и гендерной дискриминации. Анализ произведений

свидетельствует об эволюции репрезентации Другого от демонизации и отторжения к принятию трансформированной идентичности. Формирование бикультурной «японо-бразильской» идентичности накануне Второй мировой войны было прервано всплеском японского национализма в военные годы. Однако принятие собственной инаковости и литературная репрезентация этого процесса станут фундаментом успешной интеграции японцев в бразильское общество в послевоенные десятилетия.

Ключевые слова: японская миграция, японская диаспора в Бразилии, *имин бунгаку*, *никкэйдзин*, национальная и локальная литература, межэтнические конфликты, трансформация идентичности.

Автор: *Алексеев Матвей Русланович*, студент бакалавриата НИУ ВШЭ г. Санкт-Петербург: 190068 г. Санкт-Петербург, Канала Грибоедова наб., д. 123.

E-mail: mralekseenko@edu.hse.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Identity Transformation in the Literature of the Japanese Diaspora in Brazil (1908–1941)

M. R. Alekseenko

Abstract

The article is devoted to revealing the mechanisms of depicting the process of identity transformation in the literary work of the Japanese diaspora in Brazil. The aim is achieved by studying small prose in the genre of naturalism using the material of the *Collection of Colonia Stories*. The time frame is limited by the arrival of immigrants in 1908 and the prohibition of foreign language printing in 1941.

The article describes the formation of the collective identity of the Japanese in Brazil from a historical perspective. The key features of the Japanese emigration, further reflected in the literary work of the diaspora in Brazil, are revealed: regional localization, migrants' belonging to the peasantry, the formation of a special *koroniago* dialect. Special attention is paid to the reasons for the split within

the diaspora, which became the main motif in the problems of literary works. Intragroup disunity has its roots in the social structure of the Japanese community and was stimulated by the urbanization of the 1930s.

The article analyzes the process of formation of a distinctive center of literary creativity in the Japanese emigration in Brazil. The mechanisms of alienation of literary works based on the opposition between “pure” and “mass” literature are revealed.

The transformation of Japanese identity in Brazil is evidenced by analyzing the problematics of the works. The painful process of integration into the host community gives center stage to the racial-ethnic issues of *imin bungaku*. The works depict the interaction between Japanese and Brazilians through inter-ethnic conflicts. The works studied reflect discursive patterns of describing the racial Other in the space of literature. The works are particularly sensitive to the betrayal of intra-community bonds and the acquisition of the traits of the host community. The process of identity transformation is examined in literature through the prism of social status, ethnicity, and gender discrimination. The analysis of the works shows the evolution of the representation of the Other from demonization and rejection to acceptance of the transformed identity. The change of perspective on the formation of a bicultural “Japanese-Brazilian” identity on the eve of World War II was interrupted by the outburst of Japanese nationalism during the war years. However, the acceptance of one’s own otherness and the literary representation of this process would become the foundation for the successful integration of the Japanese into Brazilian society in the postwar decades.

Key words: Japanese migration, Japanese diaspora in Brazil, *imin bungaku*, *nikkeijin*, national and local literature, interethnic conflicts, identity transformation.

Author: *Alekseenko Matvey R.*, Bachelor’s student of the National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg: 123 Griboedov Canal Embankment, Saint Petersburg, 190068.

E-mail: mralekseenko@edu.hse.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Миграция из Японии в к. XIX – н. XX вв. сопровождалась возникновением локальных очагов литературного творчества, объединяемых термином 移民文学, *имин бунгаку*. Литература диаспоры,

с одной стороны, сохраняла преемственность с японской литературой первой половины XX в., с другой – приобретала самобытные черты, отражающие трансформацию идентичности в ходе межкультурного взаимодействия. Так как бразильская диаспора японцев наиболее многочисленна, ее литературное наследие служит репрезентативным примером литературы японского зарубежья.

Акцент на зарубежном литературном творчестве японцев разрушает традиционное представление о японоязычной литературе как феномене, присущем исключительно Японии. Смещение внимания исследователя с центра на периферию выявляет многообразие литературы на японском языке и позволяет в перспективе сопоставить полученные результаты с другими региональными литературными явлениями. Современная трудовая реэмиграция этнических японцев 出稼ぎ, *дэкасэги*, сопровождается проблемами с их адаптацией в японском обществе. Изучение довоенной иммиграции объясняет предпосылки к трансформации идентичности современных этнических японцев 日系人, *никкэйджин*, которые запечатлены в *имин бунгаку*.

Временные рамки исследования ограничены прибытием первых иммигрантов в 1908 г. и запретом печати на иностранных языках в 1941 г. Трансформация идентичности изучена на материале малой прозы *тампэн сё:сэцу* 短編小説 направления натуралистического реализма. Методология строится на когнитивном подходе к изучению межгруппового взаимодействия в этнопсихологии. Теоретической основой стали концепция «суггестии / контрсуггестии» Б. Ф. Поршнева и теория аккультурации Джона Берри.

Источником служит «Сборник колониальных рассказов» (コロニア小説選集, «*Корониа сё:сэцу сэнсю:*») – собрание произведений, формирующих канон *имин бунгаку*. Впервые сборник был составлен в 1975 г. Колониальной литературной ассоциацией с целью сохранения литературного наследия диаспоры. В 2008 г. сборник был переиздан со значительными правками в области терминологии. Сборник содержит десять довоенных произведений, отобранных комиссией во главе с антропологом Маэяма Такаси 前山隆 (1933–2024). Период первой публикации произведений охватывает 1932–1940 гг. Сборник переведен на английский язык Э. Мэком [Mask 2022, p. 67–153].

Идентичность японцев в Бразилии в контексте истории миграции

Спецификой японской миграции следует считать высокую долю крестьянского населения. Отъезд за рубеж был вынужденной мерой преодоления безработицы, с которой столкнулось сельское население вследствие земельной реформы 1873 г. [Емельянова, Щербачев 2020, с. 160]. Принадлежность к крестьянству стала важной компонентой идентичности для бразильской диаспоры, тяжесть крестьянского труда составляет основу проблематики литературы мигрантов [Jacobowitz 2019, p. 18]. Трудоёмкость сельскохозяйственных работ обусловила доминирование малой формы в литературе: эссе, рассказов, а также поэзии *танка* 短歌 и *хокку* 発句 [Rivas 2015, p. 794]. Японцы видели себя отверженными 棄民, кимин, жертвами 犠牲移民, гисэй имин, поэтому труд был способом доказать «правомерность» возвращения на родину [Carvalho 2003, p. 55]. Другим объединяющим фактором служило идеологическое воздействие националистической Японии. Для довоенного периода японской диаспоре свойственна консервация традиций и сепарация от принимающего сообщества. Мигранты проживали в этнических анклавах, в которых административно-законодательными мерами поддерживалась связь с Японией и тем самым консервация японской этничности.

Тем не менее в рамках диаспоры имелось множество предпосылок для формирования локальных идентичностей, одна из которых – региональная локализация. И. Р. Савельев выделяет «эмиграционные» префектуры с наивысшей выездной способностью на юго-западе Японии и о. Кю:сю: [Савельев 1997, с. 36]. На общем фоне мигрантов выделялись выходцы с о-в Рю:кю:, сформировавшие изолированную от остальных японцев общину [Carvalho 2003, p. 70]. С другой стороны, необходимость противостоять ассимиляции в Бразилии нивелировала локальные различия и вела к поиску новой коллективной идентичности. В рамках литературного дискурса диаспоры встречается не национальный термин «японцы» 日本人, *нихондзин*, а более размытые обозначения общего происхождения – «братья» 同胞, *до:хо:*, или «соотечественники» 邦人, *хо:дзин* [Ibid., p. 10]. Из синтеза диалектов Западной Японии и о. Кюсю и бразильского диалекта португальского языка сформировался самобытный диалект, называемый

コロニア語, *корониаго*¹. Языковое разнообразие создавало смысловое пространство, недоступное вне японской диаспоры. Уникальность языка мигрантов подчеркнута использованием в литературе диалектизмов, иностранных заимствований, особой графики и фонетических подсказок [Nakato 2018, p. 61].

Среди прочих факторов, способствовавших расколу внутри диаспоры, следует выделить урбанизацию, затронувшую японскую общину в 1920–30-е гг. [Lone 2001, p. 80]. Смена традиционной сельскохозяйственной деятельности на предпринимательство привела к расслоению внутри диаспоры по степени дохода. С выделением из контрактных рабочих *колоно* (порт. *colono*) землевладельцев среди аграрного населения также возникла социальная иерархия [Carvalho 2003, p. 8]. Сохранялась и резкая разница в материальном положении городской и сельской общины. Произошёл разрыв преемственности традиционных для диаспоры ценностей. Появились межэтнические браки, нарушавшие принцип эндогамии, возросло число японцев, стремившихся влиться в принимающее сообщество. Заведомо неоднородная идентичность этнических японцев сталкивается с ассимиляционной политикой правительства Ж. Варгаса [Lesser 2003, p. 9]. Из конфликта самосознания исходит проблематика инаковости в литературе: осознания себя Другим, отождествления с принимающим сообществом, предательства «японскости» и этнической солидарности. Малая проза местных авторов является прямым отражением осмысления опыта взаимодействия с непривычной этнокультурной средой, что проявляется в изображении Другого, как правило через призму расы, гендера, языка и материального положения. Среди этнической проблематики особенно выделяются конфликты, связанные с «приобретенной» инаковостью и предательством внутриобщинных уз. Отхождение от общепринятой этнической идентичности и его осознание воспринимается как угроза внутригрупповой целостности, поэтому изображается в литературе с особой эмоциональностью и негативной окраской.

Поначалу литературная среда иммиграции была подчинена влиянию «культурного центра», но вскоре бразильская диаспора демонстрирует предпочтение местной литературы. Уже в первое десятилетие возник коммерческий рынок японоязычной печатной продукции

¹ От португальского *colonia*, общего обозначения японской общины в Бразилии.

[Mask 2005, p. 164], центром которого стала газета «Бурадзиру дзихо:» 伯刺西爾時報 («Бразильские известия») [Retis 2021, p. 259]. Периодические издания публиковали произведения, созданные в Японии, в основном на исторические темы. Концепция Б. Андерсона о формировании национальной идентичности посредством «печатного капитализма» наделяет газетную беллетристику эффектом интерпелляции, который транслирует через тексты общую национальную идентичность [Андерсон 2016, с. 87]. Однако историческая проза приобрела статус «популярной литературы», в то время как «чистой литературой» в среде японской эмиграции стало считаться местное творчество, символизировавшее отстранение *имин бунгаку* от национальной литературы. Центробежная тенденция достигает кульминации в 1930-е гг., когда в интеллектуальной жизни диаспоры утвердился идея создания самобытного центра литературы. Этой идее были подчинены механизмы, аналогичные процессу складывания национальной литературы в Японии: учреждение литературных премий и создание антологий, то есть формирование литературного канона [Mask 2010, p. 181]. В 1932 г. была основана Колониальная премия за малую прозу [Mask 2022, p. 197], в 1975 г. – сформирован «Сборник колониальных рассказов»². Отчуждение от национальной парадигмы проявляется и в использовании языковых приемов, и в выборе проблематики, отражающей реалии жизни японской диаспоры в Бразилии.

Конфликты между японцами и принимающим сообществом

Рассказ Танабэ Сигэюки «Смерть одного поселенца», на первый взгляд, соответствует стереотипному представлению о расовом Другом как презренном и угрожающем. Расовый конфликт выражен в убийстве богатого плантатора Канэко Дайсукэ темнокожим рабочим. Мужчина приходит в усадьбу Канэко и просит работу, чтобы прокормить свою беременную жену и сына. Образ чернокожего сразу же обрастает чертами опасности, автор описывает его как «почти шестифутового мужчину, возвышающегося над Дайсукэ» [Tanabe 1975, p. 22]. Одновременно обездоленный рабочий поставлен в подчиненное положение по отношению к плантатору-японцу.

² Koronia Bungakukai (1975). *Koronia shōsetsu senshū* [Selected collection of Colonia novels]: <https://brasilnippou.com/ja/iminbunko>

Кульминацией межрасовой напряженности является эпизод, когда рабочие обедают и Дайсукэ, увидев жену рабочего в окне, презрительно называет ее попрошайкой, ведь разве есть «...какой-нибудь закон, который гласит, что тот, кто не работает, должен есть?» [Ibid., p. 24]. Рабочий вскакивает со стула, свирепо глядя на Дайсукэ со сжатыми кулаками. Осознав, что в сложившихся обстоятельствах остается только подчиниться, он вызывает к милосердию начальника. Дайсукэ остается непреклонным, но, достав из кошелька несколько монет, бросает их на стол. Мужчина встает и уходит со своей семьей, отказываясь принимать деньги.

Из рассуждений Дайсукэ о рабочих вырастет семантическое поле, обозначающее расовую принадлежность: темнокожих рабочих он называет *байано*³. Когда Дайсукэ вспоминает прошлое во время общего празднества, молодые японские рабочие описаны как «люди медного цвета» [Ibid., p. 29], а собственное лицо Дайсукэ называет «красно-черным» [Ibid., p. 29] – результат пребывания на солнце и опьянения. Упоминание непривычного цвета кожи указывает на приобретенную инаковость. Подобное описание встречается и в рассказе Фуруно Кикио «Перекасти-поле», когда главный герой Акита описывает пьяного отца детей мигрантов, Луизы и Жуана, как человека с «кожей цвета *terra goxa*» (пурпурно-коричневой почвы) [Furuno 1975b, p. 81]. Дайсукэ ассоциирует цвет кожи с опасностью *колоно*, их склонностью к насилию, что подтверждается в конце истории. Изменение телесности японцев грозит утратой «цивилизованности» и перенятием негативных качеств бразильцев. Не случайно изменение цвета кожи привязано к состоянию опьянения – тем самым метаморфозы идентичности героев приобретает еще большую негативную окраску. Сложно оценить дискурсивные модели описания темноты кожи, так как текст произведения редактировался с учетом нормативных установок относительно уместности терминов. Например, из финальной сцены убийства Дайсукэ исключено упоминание расы убийцы, хотя ранние версии намекают на оскорбительное слово 黒坊, *куромбо*. Подобное оскорбление используется и в рассказе Такэмото Ёсио «Пепел», когда главный герой Харута влезает в пьяную драку с темнокожим [Takemoto 1975a, p. 141].

³ *Байано* – выходец из штата Баия, термин перерос в расовую маркировку из-за преобладающего в этом штате темнокожего населения.

История «Смерти одного поселенца» направлена не на демонизацию Другого, а скорее на осуждение высокомерного и жестокого Дайсукэ. Насилие, которому подвергся Дайсукэ, неявно представлено как возмездие за его тщеславие и за те страдания, которым он подвергал рабочих. Возможно, обезличенная фигура убийцы является собирательным образом всех обиженных Дайсукэ, выходя за рамки расового дискурса. Конструирование негативного образа Другого происходит там, где чуждые этнические элементы вторгаются в закрытую японскую общину.

Расовую проблематику раскрывает и рассказ Сонобэ Такэо «Время рискованного земледелия». Его главная героиня Рурико не гнушается вступать в отношения с мужчинами других рас, подрывая традиционную для диаспоры важность эндогамии и сохранения «чистоты» происхождения. Не случайно сама Рурико смешанного происхождения, что еще больше демонизирует межэтнические связи. Автор констатирует, что «японская кровь, циркулирующая в гниющей плоти Ханаока Рурико, была не чем иным, как чудом» [Sonobe 1975, p. 19]. Даже имя героини записывается комбинацией *катакана* и иероглифа – ルリ子. Ненормативное произношение Рурико также выделено графическими средствами. В тех отрывках, когда она обращается к своему возлюбленному, О:мура, его имя транскрибируется азбукой *катакана* (オームラ), а в повествовательных отрывках оно появляется в иероглифике (大村). Таким образом, главная героиня является крайним воплощением Другого, находящегося на пути к необратимой утрате этнической идентичности.

Проблема взаимодействия с внешней по отношению к японской диаспоре группой вписывается в концепцию «суггестии» и «контрсуггестии». Концепция сводится к свойству контактирующих групп сближаться и отдаляться в восприятии членов группы. Обычно тенденция к сплочению (внутригрупповой суггестии) и отчуждению (внешнегрупповой контрсуггестии) – защитный механизм, исходящий из проблемы разобщённости ингруппы (группы, с которой связывает себя индивид) [Поршнева 2010, с. 192]. В рассматриваемом подходе важное место отводится историческому контексту. При обращении к истории японской диаспоры в Бразилии раскрывается проблема отсутствия внутригрупповой целостности: региональное, социальное и языковое разнообразие. Соответственно, необходимость защиты внутригруппового единства ведет к противопостав-

лению с аутгруппой (внешней по отношению к индивиду) и формированию неадекватного аутгруппового восприятия, которому свойствен этноцентризм, ингрупповой фаворитизм (предпочтение «своих» в ущерб «чужим») и интолерантность.

В рассмотренных произведениях отображены стратегии навязывания интолерантности посредством этнических стереотипов, что ярко выражено в рассуждениях Дайсукэ, который приписывает расам определенные качества, основываясь на цвете кожи. Рурико является воплощением крайней аутгрупповой суггестии – межэтнических браков, что открыто порицается автором. Подобные стратегии изображения расового Другого навязывали читателям негативное восприятие бразильцев. Однако главный фокус выбранных произведений направлен не на внешний, а внутренний стимул разрушения внутригрупповой целостности – приобретение аутгрупповых качеств членами ингруппы, расцениваемое как предательство.

Внутригрупповое предательство и трансформация идентичности

В сборнике можно выявить несколько проявлений приобретенной инаковости и внутригруппового предательства: связанное с социальным расслоением и эксплуатацией «своих», приобретение черт внешности или поведения «чужих» и женский вопрос.

Проблематика внутригруппового предательства раскрыта с наибольшей эмоциональностью в рассказе «Время рискованного земледелия». Действие разворачивается в г. Сан-Паулу, раскрывая реалии городской жизни японцев. Действующие лица – Ханаока Рурико и её богатый покровитель О:мура, парвеню, разбогатевший благодаря помидорным плантациям. О:мура ездит «на Форде новой модели» [Sonobe 1975, p. 6] – этот символ его расточительности неоднократно упоминается в тексте. Жадность и демонстрация богатства О:мура показывает отвращение к повествователю к городской жизни, чуждой традиционным ценностям, которые призывают к скромности [Carvalho 2003, p. 60]. Негативное отношение к горожанам прослеживается и в «Смерти одного поселенца», когда Дайсукэ корит старшего сына, уехавшего в Сан-Паулу: «...он сбежал в Сан-Паулу, сказав, что ему нужно учиться. Но что такой

*вагабундо*⁴ собирается делать с образованием? Ему следует поучиться у своего отца...» [Tanabe 1975, 37].

С точки зрения Дайсукэ, сын поступает предательски, нарушая семейные традиции; он опасается и за младшего сына: «Симбо: всего одиннадцать, но мы должны быть осторожны, чтобы он тоже не превратился в *вагабундо*...» [Ibid., p. 37].

В поведении О:мура и Рурико прослеживается страсть к городским благам и презрение к сельскому труду, хотя автор неявно намекает на их связь с деревенской жизнью: Рурико тайно испытывает влечение к «грязной плоти фермеров» [Sonobe 1975, p. 6]; О:мура сам является простым рабочим, разбогатевшем на наживе и эксплуатации равных себе японцев. Именно эксплуататорское отношение О:мура к соотечественникам становится главным объектом отвращения повествователя. Одержимый прибылью, О:мура нарушает трудовую этику и относится к сельскому хозяйству как азартной игре, что заложено в названии рассказа.

Вместо обеспечения стабильным заработком соотечественников и создания устойчивого производства, О:мура выбирает безрассудное удобрение почвы в угоду «расам, любящим мясо» [Ibid., p. 8], тем самым олицетворяя предательство внутригрупповой солидарности. Алчность О:мура получает возмездие в лице конкурента Куросэ, который в сговоре с другими плантаторами устанавливает необычно низкую цену на помидоры, когда О:мура собирает урожай. Однако крах О:мура затрагивает и японских рабочих, отражая их беспомощность в борьбе эгоистичных интересов предпринимателей.

Проблема эксплуатации рабочих возникает также в рассказе Фуруно Кикую «Поселение». Жена главного героя, господина Сё:да, тяжело болеет и ее муж не может убедить колониальную администрацию поменять место его размещения без взятки. В итоге Сё:да отправляется в колонию, а его жена умирает в одиночестве в госпитале порта Сантос. Автор рассуждает о коррумпированности миграционной системы: «Ситуация с Сё:да не кажется мне ни в малейшей степени необычной; напротив, она даже кажется похожей на обычный способ обращения с кем-либо в эмиграционной компании... некоторые были более жестокими и бесчеловечными...» [Furuno 1975a, p. 63].

⁴ Яп. ヴァガブンド, от португальского *vagabundo*, «бродяга». Так называли японцев, переезжавших в большие города.

Осознание собственной беспомощности ведет к апатии и отчаянию перед будущим. В рассказе Сакурада Такэо «После того, как мы поселились», повествующем о группе японских поселенцев, только что переехавших в Бразилию, амбиции новой волны мигрантов противопоставлены подавленности первого поколения, *иссэй*: «...там были первопроходцы, живые трупы, которые теперь были так далеки от надежд и страстей, которые наполняли их, когда они только поселились...» [Sakurada 1975, p. 75]. Похожее состояние упоминает Акита в рассказе «Перекасти-поле», действие которого разворачивается на корабле, идущем в Японию: «...я думаю, что решение каждого *иссэй* жить в Бразилии представляет собой печальную конечную остановку на пути человека, уставшего от поиска смысла жизни... невозможно выбрать постоянное место жительства за границей без некоторого трагического смирения...» [Furuno 1975b, p. 87].

Покорность судьбе сформировала в мировоззрении мигрантов безразличие к окружающей действительности. Чувство отчаяния в произведениях носит обезличенный характер, например, «Время рискованного земледелия» обрамляется сценами стороннего наблюдения неизвестного бродяги: история начинается с его описания главной героини, Рурико, и заканчивается его же безысходным криком, создавая впечатление крика души, которым связана вся японская диаспора.

Внутригрупповое предательство и приобретение инаковости проявляется и в женском вопросе. В произведении «Время рискованного земледелия» возникает женская проблематика, связанная с трансформацией сексуальности. Описание Рурико вызывает в читателе чувство неприязни: «...соблазнительное восточное насекомое. Она бесконечно проходит через город плоти, смешанной с плотью португальцев, итальянцев, французов, испанцев, немцев, русских и чернокожих... тайна её тела, видимая сквозь тонкую обертку...» [Sonobe 1975, p. 6]. В этом отрывке читается разложение традиционных взглядов на женскую привлекательность и телесность в городской среде, которая выставляет их напоказ. Другой взгляд на трансформацию роли женщины раскрывается в произведении Такэмото Ёсио «Водоворот». Главная героиня Митиё испытывает взаимное влечение к своему другу Мацуда, но отвергает его, сохраняя верность мужу, который охладел к ней после травмы. Невозможность быть с любимым мужчиной воспринимается героиней крайне болезненно [Takemoto 1975b, p. 116]. Она не переступает через социальные рамки, но оставшееся

вожделение и осознание неверности приносит еще больше страданий. Иное проявление предательства читатель встречает в рассказе Катаяма Ё:ко «Нацуё», где главная героиня эмигрирует в Бразилию, чтобы начать новую жизнь после измены мужа со служанкой [Katayama 1975, p. 42].

Женский вопрос приобретает и новый обертон, связанный с проблемой труда, в «Перекасти-поле», когда Акита описывает мать Жуана и Луизы: «У нее нет ни воспоминаний, ни надежд. У нее есть только гора работы, которую нужно сделать и которая нависает над ней. Женщина, которая даже не смотрит на небо, не говоря уже о том, чтобы вспомнить свой родной город, – это их мать» [Fugino 1975b, p. 82]. Автор распространяет образ изнуренной трудом домохозяйки на всех женщин колонии, работающих «как тягловое животное, утратив всякую сентиментальность, зная только мир девственных джунглей, хлопковых полей и хижин, крытых соломой» [Ibid.]. Женская участь контрастирует с образом жизни мужчин, которые могут уехать в город, где их ожидают «алкоголь, проститутки и игра в кости» [Ibid.]. Автор акцентирует несправедливость социальных ролей по отношению к женщинам, сравнивая трансформацию женской телесности с изношенным сосудом, в то время как мужская телесность обрастает чертами порока и символизирует предательство семейных уз.

«Перекасти-поле» предлагает иной взгляд на межэтнические взаимодействия и трансформацию идентичности. Действие развивается на борту корабля и фокусируется на группе японских эмигрантов, которые возвращаются в Японию, большинство из Бразилии, но некоторые из Аргентины и США. Как и в предыдущих произведениях, внимание сосредоточено на приобретенной инаковости и внутригрупповых взаимодействиях, отличием же является акцент на уважительном сосуществовании и ценности бикультурного опыта. Однако подобное поощрение новой идентичности натывается на отчуждение японских мигрантов не из Бразилии, несущее скорее насмешку, чем враждебность. Подобное отношение показано в эпизоде, когда герои подшучивают над студентом Тани из Калифорнии:

– Присаживайся, молодой человек из Калифорнии, насладись ностальгией и Расскажи нам истории о своих романах.

Тани, преувеличенно жестикулируя, ответил: “Романы? Я?”

– Sure!⁵ Макико передразнила говор Тани, отчего все, включая Тани, расхохотались» [Ibid., p. 74].

Впоследствии персонажи констатируют, что «дети, выросшие среди янки, конечно, шумные» [Ibid., p. 85] и проводят параллель с японскими детьми в Бразилии, которые слишком быстро взрослеют и рано берут на себя ответственность. Через противопоставление разного миграционного опыта формируется осознание внутригрупповой общности.

Значительное место в произведении уделяется подросткам Жуану и Луизе, которые отличаются от большинства японцев. Они носители португальского языка и почти не говорят по-японски, не умеют пользоваться палочками, отличается их внешность и жесты. Несмотря на издевки со стороны большинства «нормальных» японцев, главные герои заступаются за брата и сестру. Акита даже влезает в драку с официантом, который убедил Луизу, впервые в жизни увидевшую снег, что, если положить его в карман, можно будет взять его с собой в Японию, чему девочка и последовала, вызвав насмешки. Негодование и стремление защитить детей побуждаемо осознанием собственной инаковости. Так, Акита делится со своим приятелем, Вакабаяси: «У меня самого есть своего рода комплекс неполноценности как у мигранта» [Ibid., p. 71]. Акита выступает против унижения, которое Жуан и Луиза должны испытывать из-за нормативного представления о том, что значит быть японцем, призывая детей гордиться собственной идентичностью: «Гордо выпятите грудь, Жуан и Луиза! Выбросьте палочки и ешьте вилками. Громко говорите со всеми на языке своей родины, Бразилии» [Ibid., p. 72].

Другие персонажи также испытывают отчуждение от Японии. Макико описывает родину как «тяжелую для жизни страну» [Ibid., p. 71], где нельзя ослабить бдительность, а Вакабаяси завидует решению Акита остаться в Бразилии и сомневается, что на Хоккайдо их ждёт счастье. Герои осознают свою принадлежность к Бразилии, которая обретает статус дома.

Учитывая рассмотренные литературные репрезентации взаимодействия с чужеродной этнокультурной средой, можно отметить,

⁵ В оригинале シュア, калька с английского *sure*.

что у мигрантов различалось ощущение «японскости». Несмотря на освещение темы расового Другого, авторы концентрируют внимание на различии с членами собственной этнической группы. Основной формой, которую это различие приняло, была «приобретенная инаковость», при которой самобытность была утрачена из-за воздействия чужеродных факторов. Непохожесть в анализируемых рассказах имеет расовую, социальную и гендерную окраску и ощущается как предательство ценностей японской диаспоры. Предательство внутриобщинных уз воспринималось острее, чем враждебность со стороны принимающего сообщества. Подавляющее чувство, передаваемое рассказами, – отвращение и отчаяние: к изменению гендерных ролей, к разобщенности и враждебности среди японцев.

Трансформация идентичности связана с концепцией аккультурации Дж. Берри. Сбой в идентификации и вызванная им тревога, которые происходят в процессе адаптации мигрантов к чуждой культуре, связаны с понятием «стресса аккультурации» [Berry 2006, р. 44] – конфликта между сохранением культуры и вступлением в межкультурное взаимодействие. Дж. Берри выделяет стратегии аккультурации: маргинализацию, сепарацию, ассимиляцию и интеграцию [Ward 2001, р. 417]. Стрессогенная природа миграции и кризис этнической идентичности в довоенное время привели к выбору японскими переселенцами сепарации в качестве аккультурационной стратегии. Это подтверждается изолированным проживанием японцев в этнических анклавах и ограниченным характером взаимодействия с бразильцами. Сепарация ведет к позитивной этнической идентичности (положительное восприятие «японскости», противопоставленной принимающему сообществу) и интолерантности, что отчетливо применимо к большинству из представленных произведений.

Вместе с переселением в город и освоением португальского языка мигранты достигли экономической и социокультурной адаптации к жизни в Бразилии, проделывая путь к интеграции. Взгляды на трансформацию идентичности эволюционируют к постепенному принятию отчуждения от нормативной «японскости», что наиболее ярко отразилось в рассказе «Перекасти-поле». Однако всплеск национализма в годы Второй мировой войны прервал процесс зарождения «японо-бразильской» идентичности. Господство национальной идентификации в военные годы видно на примере более позднего

произведения Суги Такэо «Месть», созданного с началом японской агрессии в Китае [Sugi 1975, p. 105]. Репрезентация инаковости здесь основана на предательстве национальной идеологии и недостаточном патриотизме, за что главного героя публично унижают. В борьбе за внимание девушки Сатико противостоят Маэкава и Аида, участники молодёжной патриотической организации, которая занимается сбором средств для помощи Национальному фронту Японии. Узнав, что Маэкава отправился в город с Сатико вместо строительных работ, Аида мстит ему, обвиняя в недостаточном патриотизме. Сильное переживание, которое Маэкава испытывает от обвинения, отражает возросшее значение национальной идентичности с началом экспансии Японской империи и внутреннюю борьбу между патриотизмом и осознанием отчуждения от Японии. Острота осуждения девиантных членов сообщества на почве национализма впоследствии вышла за литературные рамки. В первые послевоенные годы диаспора раскололась вокруг спора о поражении Японии на «союз победивших» (勝ち組, *кати-гуми*) и «союз побежденных» (負け組 *макэ-гуми*) [Maeyama 1975, p. 542]. Наиболее радикальным проявлением внутригруппового конфликта стало возникновение «Лиги верноподданных императора» 臣道聯盟, *Синдо: рэммэй*, – террористической организации, продвигавшей националистические идеи репрессивными мерами вплоть до убийства несогласных [Shibata 2021, p. 172].

Заключение

Имин бунгаку, являясь литературной репрезентацией жизни японской диаспоры в Бразилии, отражает метаморфозы ценностей и идентичности в ходе межкультурного взаимодействия. Литературное творчество воплощает коллективную память мигрантов, объединенных ощущением собственной «ненужности» в Японии и вынужденным изгнанием. Длительное пребывание в Бразилии неизбежно вызвало адаптацию к местной культурной среде и стимулировало трансформацию внутригрупповой идентичности. Подобное инакомыслие вызвало реакцию негодования. Конфликт традиционной системы ценностей и культурных заимствований составляет корень проблематики произведений, фокусируя внимание читателя на разрушении внутриобщинных связей и приобретенных отличиях,

воплотившихся не только в межэтническом взаимодействии, но и в социальном неравенстве и женском вопросе. Восприятие отличной от нормативной «японскости» идентичности эволюционирует от чувства предательства до принятия и позитивной оценки приобретенных качеств. К началу Второй мировой войны пропаганда патриотизма, с одной стороны, и усиление антияпонских настроений в Бразилии – с другой, определили победу национальной идентичности над зарождающимся бикультурализмом. В послевоенные годы наблюдается прямо противоположное явление – сближение с принимающим сообществом становится ключевой целью этнических японцев Бразилии во второй половине XX в., стимулированное чувством неполноценности от поражения Японии в войне и осознанием невозможности репатриации. Интеграция японцев в бразильское общество не завершилось ассимиляцией, их потомки идентифицируют себя термином 日系人, *никкэйдзин*, «японец по происхождению». Вместе с этим *никкэйдзин* осознают свою принадлежность к Бразилии, поэтому литературное творчество японской диаспоры в послевоенный период – продукт культурного симбиоза, зачатки которого видны еще в довоенной литературе. Период с 1908 по 1941 гг. заложил основу миграционного опыта и воспринимается с особым пиететом. Литературные репрезентации тяжёлого периода адаптации в Бразилии важны в сохранении коллективной памяти и передаче опыта молодому поколению этнических японцев.

Библиографический список

Андерсон Б. (2016). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. – Москва: Кучково поле.

Емельянова О. Н., Щербakov Д. А. (2020). Земельно-налоговая реформа в Японии в эпоху Мэйдзи и ее значение. *Проблемы Дальнего Востока*. № 6. С. 155–166.

Поршнев Б. Ф. (2010). Контрсуггестия и история. *Историческая психология и социология истории*. Т. 3, № 2. С. 185–219.

Савельев И. Р. (1997) *Японцы за океаном: история японской эмиграции в Северную и Южную Америку*. – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

References

- Anderson, B. (2016). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).
- Berry, J. (2006). Stress Perspectives on Acculturation. In *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology* (pp. 43–58). <https://doi.org/10.1017/CBO9780511489891.007>
- Carvalho, D. (2003). *Migrants and Identity in Japan and Brazil: The Nikkeijin*. New York: Routledge, Taylor & Francis Group. <https://doi.org/10.4324/9780203220719>
- Emelyanova, O. N., & Shcherbakov, D. A. (2020). Zemel'no-nalogovaya reforma v Yaponii v epokhu Meidzi i ee znachenie [Land and Tax Reform in Japan During the Meiji Era and Its Significance]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 6, 155–166. (In Russian).
- Furuno, K. (1975a). Haikō [Dispersed Cultivation]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 54–64). (In Japanese).
- Furuno, K. (1975b). Tenpō [Drifting weeds]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 65–87). (In Japanese).
- Jacobowitz, S. (2019). A Bitter Brew: Coffee and Labor in Japanese Brazilian Immigrant Literature. *Estudos Japoneses*, 41, 13–30. <https://doi.org/10.11606/issn.2447-7125.v0i41p13-30>
- Katayama, Y. (1975). Natsuyo [Summer night]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 42–52). (In Japanese).
- Koronia Bungakukai. (1975). *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels]. (In Japanese). Retrieved from <https://brasilnippou.com/ja/iminbunko>
- Lesser, J. (2003). Japanese, Brazilians, Nikkei: A Short History of Identity Building and Homemaking. In *Searching for Home Abroad: Japanese Brazilians and Transnationalism* (pp. 5–20). Duke University Press. <https://doi.org/10.1515/9780822385134-004>
- Lone, S. (2001). The Japanese Community in Brazil, 1908–1940. In *Between Samurai and Carnival*. Macmillan UK.
- Mack, E. (2005). Diasporic Markets: Japanese Print and Migration in São Paulo, 1908–1935. *Script & Print*, 29, 163–177.

Mack, E. (2010). *Manufacturing Modern Japanese Literature: Publishing, Prizes, and the Ascription of Literary Value*. Durham: Duke University Press. <https://doi.org/10.1215/9780822391654>

Mack, E. (2022). *Acquired Alterity: Migration, Identity, and Literary Nationalism*. Oakland: University of California Press. <https://doi.org/10.1215/00219118-10773771>

Maeyama, T. (1975). Imin bungaku kara mainoritī bungaku e [From Immigrant Literature to Minority Literature]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 513–545). (In Japanese).

Nakato, Y. (2018). Burajiru Nikkei imin shakai ni okeru “Koronia-go” no ichi [The Position of “Colonia Language” in the Brazilian Nikkei Immigrant Community]. *Okayama Daigaku Bungakubu Kiyō*, 53–70.

Porshnev, B. F. (2010). Kontrsuggestiya i istoriya [Counter-Suggestion and History]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical Psychology & Sociology], 3 (2), 185–219. (In Russian).

Retis, J. (2021). Understanding Ethnic Journalism in an Extinguishing Print News Media Landscape: Japanese-Language Newspapers in Brazil. In *Ethnic Journalism in the Global South* (pp. 255–273).

Rivas, M. (2015). Songs From the Land of Eternal Summer: Beyond Duality in Japanese Brazilian Publication and Colonia Man'yōshū. *Comparative Literature Studies*, 52 (4), 787–817. <https://doi.org/10.5325/complitstudies.52.4.0787>

Sakurada, T. (1975). Nyūshoku kara [From Settlement Onwards]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 89–104). (In Japanese).

Savel'ev, I. R. (1997). *Yapontsy za okeanom: istoriya yaponskoi emigratsii v Severnuyu i Yuzhnyuyu Ameriku* [Japanese Overseas: The History of Japanese Emigration to North and South America]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).

Shibata, H. (2021). Diaspora nationalism toshite no Kachimake kōsō saikō: Bastosu to Rejisutoro no hikaku o tsūjite [Reconsideration of the Kachimake Conflict as Diaspora Nationalism: A Comparison Between Bastos and Registro]. *Journal of the Japanese Overseas Migration Museum, JICA Yokohama*, 16, 171–189. (In Japanese).

Sonobe, T. (1975). Tobaku nō jidai [Era of Gambling Farmers]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 5–20). (In Japanese).

Sugi, T. (1975). Fukushū [Revenge]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 105–114). (In Japanese).

Takemoto, Y. (1975a). Shikai [Dead Ashes]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 133–143). (In Japanese).

Takemoto, Y. (1975b). Uzu [Whirlpool]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 116–132). (In Japanese).

Tanabe, S. (1975). Aru kaitakusha no shi [The Death of a Pioneer]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 22–40). (In Japanese).

Ward, C. (2001). The A, B, Cs of Acculturation. In *The Handbook of Culture and Psychology* (pp. 411–445).

Ежегодник Японии 2025. Т. 54. С. 382–410

Yearbook Japan 2025. Vol. 54, pp. 382–410

DOI: 10.55105/2687-1440-2025-54-382-410

**Столетняя история России глазами японского ученого.
Рецензия на книгу Окада Сусуму
«От советского социализма
к российскому капитализму.
Столетняя история общества
и экономики России»**

И. П. Лебедева

Аннотация

В 2022 г. издательство «Тосиндо» выпустило книгу известного японского ученого, почетного профессора Токийского университета иностранных языков Окада Сусуму. Книга охватывает огромный исторический период, на протяжении которого советское, а затем и российское общество, экономика страны пережили ряд полных драматизма трансформаций, аналогов которым не существует в человеческой истории. Будучи профессионалом высокого класса, профессор Окада вычленил наиболее важные события и проблемы в столетней российской истории, продемонстрировав глубокое понимание их сути. Для анализа происходивших на протяжении столетия изменений в экономике и обществе России профессор Окада использовал проблемно-исторический подход.

Книга состоит из трех разделов. В первом разделе «Два системных переворота» анализируются особенности экономического развития России от Октябрьской революции до развала Советского союза и начала становления новой России. Во втором разделе «Изменение экономической системы и положение трудящихся» рассматривается широкий комплекс вопросов, характеризующих ситуацию в различных сферах жизни общества при Советском Союзе и в постсоветской России. Наконец, третий раздел «Советский социализм и российский капитализм» содержит анализ сущности как советского социализма, так и современного российского капитализма.

Каждая глава снабжена обширным списком литературы (в основном русскоязычной), начиная с академических трудов и кончая периодикой.

В строгий академический анализ вплетены интересные детали, что свидетельствует о прекрасном знании автором российских реалий, причем не только советского и постсоветского периодов, но и более ранних времен. К сожалению, в короткой рецензии невозможно отразить все достоинства книги профессора Окада, но, несомненно, что она вносит важный вклад в изучение нашей страны, перипетий ее развития в Японии.

Ключевые слова: Россия, СССР, советский социализм, российский капитализм, революция, сталинизм, перестройка, номенклатурный капитализм.

Автор: Лебедева Ирина Павловна, д.э.н., главный научный сотрудник, Центр японских исследований Института востоковедения РАН, 103031 Москва, ул. Рождественка, 12.

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0273-2689

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

**A Hundred-Year History of Russia Through
the Eyes of a Japanese Scholar.
Review of Okada Susumu's Book
From Soviet Socialism to Russian Capitalism.
*A Hundred-Year History
of Russian Society and Economy***

I. P. Lebedeva

Abstract

In 2022, the Toshindo Publishing House published a book by a famous Japanese scholar, Honorary Professor of Tokyo University of Foreign Languages Okada Susumu. The book covers a huge historical period, during which the Soviet and later Russian society and the country's economy went through a series of dramatic transformations, which have no analogues in human history. Being a high-class professional, Professor Okada identified the most important events and problems in the hundred years of Russian history,

demonstrating a deep understanding of their essence. Professor Okada used a problem-historical approach to analyze the changes in the Russian economy and society over the course of a century. The book consists of three sections. The first section, “Two Systemic Upheavals,” analyzes the features of Russia’s economic development from the October Revolution to the collapse of the Soviet Union and the beginning of the formation of a new Russia. The second section, “Changes in the Economic System and the Situation of Workers,” examines a wide range of issues characterizing the situation in various spheres of society in the Soviet Union and post-Soviet Russia. Finally, the third section, “Soviet Socialism and Russian Capitalism,” contains an analysis of the essence of both Soviet socialism and modern Russian capitalism. Each chapter is provided with an extensive list of literature (mostly in Russian), from academic works to periodicals. Interesting details are woven into the rigorous academic analysis, which indicates the author’s excellent knowledge of Russian realities, not only of the Soviet and post-Soviet periods, but also of earlier times. Unfortunately, it is impossible to reflect all the advantages of Professor Okada’s book in a short review, but there is no doubt that it makes an important contribution to the study of our country and the vicissitudes of its development in Japan.

Keywords: Russia, USSR, Soviet socialism, Russian capitalism, revolution, Stalinism, Perestroika, nomenklatura capitalism.

Author: *Lebedeva Irina P.*, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia.

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0273-2689

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Летом 2022 г. в издательстве «Тосиндо» вышла книга известного японского русиста, почетного профессора Токийского университета иностранных языков Окада Сусуму. Эта книга – своего рода итог многолетнего изучения профессором Окада России в разные периоды ее истории. Теоретической основой его трудов является марксистская политэкономия, с ее строгим категорийным аппаратом и безупречной логикой. Это сказалось и на качестве рецензируемой работы, которую отличает глубокий анализ исследуемых проблем, четкое и ясное изложение материала.

Написать столь объемный и емкий труд, охватывающий столетнюю историю России, вычленив наиболее важные проблемы и этапы в развитии ее экономики и общества профессору Окада помогло прекрасное знание российских реалий и блестящее владение русским языком. Достаточно сказать, что профессор Окада перевел на японский язык порядка десятка книг выдающихся советских и российских ученых-экономистов, не говоря уже о множестве статей. Книга прекрасно фундирована, как принято сейчас говорить. Каждая глава снабжена обширным списком литературы (в основном русскоязычной), начиная с академических трудов и кончая периодикой. В строгий академический анализ вплетены интересные детали, с которыми было бы любопытно ознакомиться не только японским, но и российским читателям.

Особую ценность книге профессора Окада придает тот факт, что в Японии, к сожалению, все меньше остается специалистов по России. Старшее поколение постепенно отходит от дел, а новых имен мы практически не знаем. Хочется надеяться, что времена изменятся, интерес к нашей стране вновь возродится, и книга профессора Окада, несомненно, сыграет важную роль в воспитании нового поколения японских русистов.

Для анализа происходивших на протяжении столетия изменений в экономике и обществе России профессор Окада использовал проблемно-исторический подход. Книга состоит из трех разделов. В первом разделе «Два системных переворота» анализируются особенности экономического развития России от Октябрьской революции до развала Советского Союза и начала становления новой России. Во втором разделе «Изменение экономической системы и положение трудящихся» – самом объемном разделе работы – рассматривается широкий комплекс вопросов, характеризующих ситуацию в различных сферах жизни общества при Советском Союзе и в постсоветской России. Наконец, третий раздел «Советский социализм и российский капитализм» содержит анализ сущности как советского социализма, так и современного российского капитализма.

Хотя изложение материала начинается с анализа характера Октябрьской революции, рассматривая ее предпосылки, автор описывает и реалии царской России, сделавшие неизбежными крах монархии. После освобождения крестьян в 1860 г. в России при поддержке правительства довольно быстро стал развиваться капитализм, но в целом

страна продолжала оставаться полуфеодальным государством, с господством архаичной системы помещичьего землевладения и сохранением абсолютной монархии. Автор приводит данные, иллюстрирующие ужасающие условия труда рабочих на вновь созданных капиталистических предприятиях. Полуфеодальные отношения, пронизывавшие всю систему общества, сделали невозможным осуществление прогрессивных по тому времени столыпинских реформ, и в целом вплоть до 1917 г. какие-либо значимые буржуазно-демократические преобразования не были осуществлены. В то же время, происходил рост численности рабочего класса, сопровождавшийся его концентрацией на ряде крупнейших предприятий, возникли политические партии, в том числе марксистского направления. Иными словами, началось формирование предпосылок для революции. Их вызревание сильно ускорила Первая мировая война, приведшая к падению монархии и Февральской революции 1917 г.

Что касается последующих событий, то профессор Окада подчеркивает важную роль Советов – возникших независимых органов власти рабочих, солдат и крестьян, на которые и призывал опираться Ленин, требуя передачи им всей полноты власти. В октябре 1917 г. Временное правительство было свергнуто, и власть перешла к советам во главе с Чрезвычайным рабоче-крестьянским правительством.

Далее профессор Окада анализирует первые шаги советской власти, справедливо отмечая, что особая сложность стоявших перед ней задач была связана с тем, что формально открывая путь к социализму, она вынуждена была решать задачи буржуазно-демократической революции. Последние были решены путем принятия целого ряда прогрессивных трудовых и социальных законов, Декрета о мире, Декрета о земле.

Была проведена национализация банков, введен рабочий контроль на предприятиях и предпринят целый ряд других мер, отвечавших интересам большинства населения. Однако, что касается дальнейших шагов, то в партии большевиков шла ожесточенная дискуссия по этому вопросу.

Анализируя эти внутривнутрипартийные противоречия, профессор Окада четко определяет причины их возникновения. Дело в том, что Маркс писал о социалистической революции применительно к странам, где уже созрели материальные предпосылки для нее. А что касается самого социализма, то на вооружении у большевиков были лишь самые

общие, абстрактные высказывания классиков марксизма. Наибольшую же сложность представляло то, что у классиков не было указаний, какими должны быть экономические отношения с возникшей огромной массой мелких крестьян-товаропроизводителей, составлявших порядка 80% населения России. В конечном итоге победила точка зрения сторонников Ленина, считавших, что для организации производства и налаживания контроля и учета необходимо пойти на временное сотрудничество с буржуазией и специалистами. Однако «реалии на земле» – интервенция, гражданская война и тяжелая экономическая ситуация – отложили на время реализацию этого курса, и был введен Военный коммунизм с его жесткой централизованной системой управления, отменой денег, бесплатным предоставлением товаров и услуг (с учетом классового положения), а главное – с системой принудительных поставок продовольствия крестьянами. Он просуществовал до 1921 г., когда на смену ему пришла новая экономическая политика – нэп.

Будучи ученым-марксистом, профессор Окада большое внимание уделяет теоретической стороне рассматриваемых вопросов. В частности, в контексте анализа изменений, которые привнес переход к нэпу, он обращается к идеям Ленина об «особом переходном периоде» и «обратном порядке». Понимая, что в такой крестьянской стране, как Россия непосредственный переход к социализму невозможен, Ленин обосновал необходимость «особого переходного периода», в течение которого народное хозяйство будет в целом управляться на основе товарно-денежных отношений, а отношения с крестьянством будут строиться на принципах паритетного обмена. Хотя этот чревато возрождением капиталистических отношений, сохранение командных высот в руках государства поможет сдерживать этот процесс. В то же время, осознавая, что в России отсутствуют экономические и культурные предпосылки социализма, он предлагал постепенно создавать их с опорой на советскую власть. Однако, как подчеркивает профессор Окада, детальных очертаний этого пути Лениным представлено не было.

Как известно, после смерти Ленина в 1924 г. власть начала все больше концентрироваться в руках Сталина, партийная демократия была фактически подавлена, одновременно шло выхолащивание советов, нарастала бюрократизация партийного и государственного аппарата. Был взят курс на ускоренную индустриализацию с упором

на импорт западных технологий, основным источником средств для которой стала принудительная коллективизация деревни. В 1936 г. была принята сталинская конституция, провозгласившая, что в СССР построен социализм. Перечисляя такие его характеристики, как функционирование народного хозяйства на основе плановой системы, господство общественной формы собственности, гарантии права на труд и на жизнь, предоставление всем гражданам доступа к бесплатному образованию и медицинскому обслуживанию и т.д., профессор Окада задается вопросом – можно ли эту систему считать социалистической? Поскольку более подробно он рассматривает этот вопрос в третьем разделе работы, отметим здесь лишь основной вывод профессора. Это была особая экономическая система мобилизационного типа, возникшая вследствие формального восприятия социализма как предельно централизованной системы и в результате преодоления «одним махом» всех тех трудностей, о которых говорил Ленин, выдвигая идею об «обратном порядке».

Эта система продемонстрировала свою силу в период войны и послевоенного восстановления. Однако, как показывает автор в подразделе с красноречивым названием «Советский социализм: от реформ к саморазрушению», уже с брежневских времен стали исчерпываться факторы, поддерживавшие экономический рост, по уровню жизни СССР все больше отставал от западных стран, у предприятий отсутствовали стимулы к техническому прогрессу, существовали одновременно затоваривание и дефицит. Всевластие бюрократии воспрепятствовало осуществлению реформ Косыгина, которые так и остались незавершенными. Что касается Перестройки, то профессор Окада видит основную причину ее неудач в следующем. Хотя в плане демократизации политической системы были приняты важные меры (признание гражданских свобод, запрет на цензуру, отделение партии от государства, введение многопартийной системы и т. д.), в области экономики четкого видения реформ не было, и, несмотря на определенные шаги (такие, как диверсификация форм собственности, демократизация управления предприятиями), перестройка так и не смогла выйти за пределы «советского социализма». На наш взгляд, здесь важно подчеркнуть тезис автора о том, что «советский социализм» саморазрушился, а не пал в результате заговора внешних сил, что стало модно проповедовать в нынешней России. Этому вопросу посвящена вторая глава первого раздела.

В ней автор приводит статистические данные, показывающие, как экономика страны все больше погружалась в застой, характеризуя систему, просуществовавшую, по сути, до краха СССР, как неосталинизм. Он убедительно доказывает невозможность расширения независимости предприятий в рамках плановой системы при значительном увеличении масштабов экономики, многократном росте числа производств и резком расширении номенклатуры выпускаемой продукции. При такой системе решающую роль играло распределение материальных ресурсов, приоритет отдавался отраслям военно-промышленного комплекса и тяжелой промышленности, а прочие отрасли страдали от постоянного дефицита средств. В рамках этой системы шло формирование личных связей между государственной бюрократией и директорами заводов, а между предприятиями через «толкачей» совершался обмен с целью реализации избыточных или получения недостающих ресурсов. У предприятий не было ни стимулов к расширению производства, ни стремления к научно-техническому прогрессу.

Что касается экономической перестройки, то причины ее провала, как уже отмечалось, профессор Окада видит в отсутствии четкого видения реформ. В целом Горбачев создал условия для реализации косыгинских реформ – расширения независимости предприятий в рамках плановой системы. За пределами выполнения обязательных плановых показателей предприятия могли проводить свободные сделки. Было также введено самоуправление на предприятиях, включая право выбора директоров, однако оно толком не заработало из-за сильного влияния сложившейся десятилетиями практики управления. Что касается диверсификации форм собственности (разрешение индивидуального предпринимательства и кооперативов), то не было ясного представления, каким образом решать различные проблемы, возникшие вследствие этого.

В обществе шли горячие дискуссии. Реформам сопротивлялась наиболее консервативная часть партийного и государственного аппарата. Лишь в декабре 1990 г. была одобрена Верховным советом программа «500 дней», предложенная сторонниками реформ. Тем временем экономическая ситуация быстро ухудшалась, нарастал дефицит самых необходимых товаров, процветал подпольный рынок. К 1991 г. ситуация резко ухудшилась, было очевидно, что плановая система не функционирует, а рынок не заработал. Из-за снижения цен на нефть и роста цен на импортные товары, а также из-за затруднений

со сбором союзных налогов в катастрофическом положении оказались государственные финансы. Начался парад суверенитетов, республики одна за другой стали провозглашать независимость.

Вывод, который делает профессор Окада, проанализировав детально ход экономической перестройки, объективен и точен. А именно: как единое экономическое пространство Советский Союз перестал существовать еще до того, как был официально распущен.

В заключительной части главы профессор Окада рассматривает вопрос о том, каким образом в период перестройки шло зарождение капитализма. Он полагает, что партийная и государственная бюрократия, директора заводов, воспользовавшись своими административными возможностями и связями, на волне «приватизации государственных предприятий», роспуска ряда министерств смогли превратить свои властные полномочия в капитал (через получение солидных пакетов акций, создание «карманных» банков и т. д.). При этом профессор Окада упоминает и «комсомольскую экономику», а именно получение лидерами комсомола ряда привилегий (в частности, доступ к валютным операциям и разрешение на создание совместных предприятий). Организовав импорт дефицитных товаров и их продажу по высоким ценам внутри страны, а также за счет сделок по сдаче в аренду недвижимости они смогли накопить огромные средства. (Одним из наиболее известных их представителей стал М. Ходорковский).

Иными словами, заключает профессор Окада, вместо того, чтобы дать второй шанс социализму, перестройка привела к зарождению «номенклатурного капитализма».

Как отмечалось, во втором разделе монографии автор рассматривает широкий комплекс проблем, показывающих, что представляло собой советское общество и какие изменения оно претерпело в постсоветское время. При этом те этапы развития страны, которые в предыдущем разделе были рассмотрены с точки зрения экономического развития, теперь автор препарирует с акцентом на вопросы, связанные с положением трудящихся. Этот раздел насыщен множеством деталей, цифр и фактов, которые подтверждают положения и выводы автора, одновременно свидетельствуя о его удивительной научной добросовестности, глубоком погружении в исследуемые вопросы. Ниже мы приведем лишь краткую выжимку из материалов раздела.

Что касается советского периода, то анализируя ситуацию в плане соответствия реального положения дел и формальных лозунгов, профессор Окада показывает, как по мере укрепления сталинской модели социализма расхождение между ними становилось все более и более очевидным.

Октябрьская революция действительно резко изменила положение рабочего класса. Из наемных работников, задешево продававших свой труд, они превратились в движущую силу революции и созидателей нового общества. Правда, направить их энергию в нужное русло было трудно с учетом специфического состава российского рабочего класса, а именно с преобладанием в нем вчерашних крестьян и крестьян-отходников, сохранявших приверженность общинному сознанию.

Сразу после революции был принят ряд прогрессивных законов в сфере труда: установлен 8-часовой рабочий день и ограничены сверхурочные, введена система соцзащиты труда, поддержки детей, женщин и инвалидов, до 100% повышены размеры компенсации в случае производственной травмы. Уровень заработной платы стал определяться на основе соглашений между нанимателями и работниками по принципу «равной оплаты за равный труд». Рабочие комитеты получили право выбирать управленцев, хотя это часто вело к дезорганизации производства.

Конечно, военный коммунизм привел к изменению ситуации – произошла централизация управления с урезанием прав рабочих комитетов и профсоюзов. Но в период нэпа трудовые отношения вновь стали регулироваться соглашениями между профсоюзами и нанимателями (включая и перешедшие на хозрасчет государственные предприятия), хотя профсоюзы не имели права напрямую вмешиваться в управление предприятиями. При этом уровень жизни рабочих оставался крайне низким: лишь к 1928 г. размеры заработной платы достигли показателей 1913 г. Численность безработных к 1929 г. достигла 1,7 млн человек. Поскольку запрещенные в период военного коммунизма забастовки вновь были разрешены, в период нэпа усилилась роль профсоюзов в защите прав трудящихся. По данным, которые приводит профессор Окада, за 1922–1928 гг. в стране прошло более 2 тыс. забастовок, в которых приняли участие 8,5 млн человек.

Однако ситуация с правами трудящихся начала быстро меняться с переходом к «подобной буре» индустриализации. В 1930 г. были введены трудовые книжки, без которых невозможно было устроиться

на работу, а также паспортная система, при которой без разрешения нельзя было сменить место проживания. Для обеспечения строек рабочей силой завозились бригады из колхозов и совхозов, члены которых не могли добровольно оставить работу. ГУЛАГ отвечал за поставку «политических преступников», которые включались в государственные планы как источник рабочей силы.

При этом материальное положение самих рабочих, численность которых увеличилась с 2,8 млн в 1928 г. до 11,7 млн в 1937 г., оставалось тяжелым. Так, за 1925–1937 гг. номинальная зарплата рабочих выросла в 5,5 раз, а цены на продовольствие – в 8,8 раза. Условия труда ужесточились. С целью повышения производительности труда были введены нормы выработки. С первого пятилетнего плана стало насаждаться социалистическое соревнование, началось движение за перевыполнение плана, наиболее яркой формой которого стало стахановское движение. Одновременно были установлены привилегии для партийной и государственной элиты.

Что касается профсоюзов, то, как отмечает профессор Окада, к концу 1920-х гг. они окончательно утратили свою независимость и были полностью подчинены государству. Их целью стала мобилизация трудящихся на строительство социализма. После 1935 г. уже не заключалось никаких трудовых соглашений, заработную плату устанавливало государство. Формально забастовки не были запрещены, но на практике не допускались. При этом происходила все большая бюрократизация центральных органов профсоюзов.

В 1936 г. было объявлено о построении в СССР социализма. Отмечая такие положительные изменения в положении рабочего класса, как гарантирование права на труд и отдых, права на жизнь, введение распределения по труду, доступ к системе социального обеспечения, профессор Окада в то же время подчеркивает, что рабочие не только были отстранены от участия в управлении, но и лишились права на самостоятельные действия через профсоюзы. Что же касается движения передовиков производства, призывов к перевыполнению плана, организации социалистического соревнования, то их профессор Окада справедливо называет насаждаемыми «сверху» квази-формами «участия рабочих в управлении», не имевшими отношения к тому, что вкладывали в это понятие классики.

Анализируя последующие этапы «советского социализма» с точки зрения изменений в положении трудящихся и их участии

в управлении производством, профессор Окада обращает внимание на следующие моменты.

После смерти Сталина и XX съезда КПСС предпринимались попытки ослабить жесткость сложившейся системы управления народным хозяйством. В частности, на это были направлены реформы Косыгина, которые привели к относительному росту самостоятельности предприятий, ослабили их зависимость от министерств, ввели хозрасчет. Однако, как отмечалось, из-за сопротивления бюрократии и опасений, что демократизация может привести к событиям, подобным «пражской весне», они не были завершены. Но в то же время произошло определенное усиление влияния профсоюзов. Так, без их согласия руководство не могло уволить работника, на предприятиях были созданы комиссии по охране труда. Кроме того, профсоюзы по-прежнему занимались распределением путевок, туристических поездок, предоставлением материальной помощи, культурной и образовательной деятельностью. Более того, через Центральную федерацию профсоюзов рабочие коллективы могли направлять правительству (в лице Госкомитета по труду и заработной плате) свои предложения.

Чтобы повысить мотивацию работников, их заинтересованность в делах предприятий в 1958 г. были возрождены производственные комитеты, которые выбирались работниками и состояли из представителей рабочих, руководства, партийной организации и профсоюза. Они занимались выполнением плана, организацией соцсоревнования, сбором предложений для руководства, что, по мнению профессора Окада, вряд ли можно считать «участием в управлении».

В 1977 г. был провозглашен переход от «диктатуры пролетариата» к «всенародному государству», в котором центральное место отводилось человеку как главной движущей силе НТП. В 1983 г. был даже принят Закон о трудовом коллективе, который предоставлял последнему полномочия в принятии решений в отношении производственной и прочих сторон деятельности предприятия.

Что касается положения работников, то по сравнению со сталинскими временами по целому ряду показателей оно улучшилось. В 1960 г. была введена 41-часовая рабочая неделя с двумя выходными днями, с 1980 г. ее продолжительность была сокращена до 40 часов. Был разрешен свободный выбор работы (за исключением выпускников вузов, которые трудоустраивались по распределению). Размеры минимальной заработной платы устанавливались на уровне не ниже

прожиточного минимума, не было безработицы, хотя и существовала высокая текучесть кадров.

Но что касается уровня жизни, то, как уже отмечалось, экономика все больше деградировала, рост номинальных доходов населения не сопровождался адекватным ростом предложения товаров и услуг. На фоне все более обостряющегося дефицита самых необходимых товаров продолжала существовать система привилегий для верхушки партийного и государственного аппарата. Все это привело к перестройке, которая стала последней попыткой улучшить «советский социализм».

Что же она принесла трудящимся? С одной стороны, были приняты законы, создававшие условия для реального участия рабочих в управлении. Помимо разрешения на создание независимых от государства предприятий, в 1987 г. был принят Закон о государственных предприятиях, который возродил систему самоуправления. Так, по закону управление предприятием осуществляют совместно руководство и трудовой коллектив, который и выбирает руководителей предприятия. Все ключевые решения принимает собрание трудового коллектива, а назначенная им контрольная комиссия оценивает деятельность руководства. Однако этот закон заработал далеко не везде – как в силу нехватки знаний и опыта, так и вследствие сохранения плановой системы, дефицита ресурсов, отсутствия рыночной инфраструктуры. Но уже следующий закон – принятый в 1990 г. Закон о предприятии – постулировал, что управление предприятием осуществляется совместно трудовым коллективом и собственником средств производства, в компетенцию которого входит и назначение руководства. Ключевые решения принимает коллективный орган, состоящий из представителей трудового коллектива и лиц, назначенных собственником (в равном количестве). А в принятом в том же году Законе о предприятии РСФСР уже не было и речи о самоуправлении, управление предприятием передавалось в руки собственника, а функции контрольной комиссии ограничивались сферой социального обеспечения.

Иными словами, заключает профессор Окада, «рабочее самоуправление», «участие рабочих в управлении» остались нереализованной мечтой.

После распада СССР экономическая жизнь России оказалась дезорганизована, и положение трудящихся резко ухудшилось. Произошло обесценение вкладов, страну захлестнула гиперинфляция,

выросла безработица (до 13,2% в 1998 г.), обычным явлением стали невыплата зарплаты, сокращение рабочего дня и вынужденные отпуска, процветала бартерная торговля, в медицине и образовании расширилась доля платных услуг. В стране шла борьба за передел собственности, в том числе с участием мафий.

Что же касается трудящихся масс, то они вновь превратились в наемных работников, но при этом оказались лишены многих благ, которые воспринимали как «благоденствие» советской власти. Правда, важным шагом, многих примиривших с печальной действительностью, стала приватизация квартир, т.е. их безвозмездный переход в собственность проживавших в них людей.

Но если говорить о приватизации огромной государственной собственности, то основная масса обычных граждан оказалась в результате «за бортом» этого процесса. «Залоговые аукционы» и торги по продаже государственных предприятий были организованы, по сути, «для своих». Ваучеры, дававшие гражданам право на обладание частью государственной собственности, в конечном итоге разными путями перешли в руки финансистов и инвесторов. Единственной формой приватизации, открывавшей дорогу для превращения работников в собственников предприятия, была продажа акционированных предприятий их работникам. При этом 3/4 предприятий избрали схему, при которой трудовой коллектив получал 51% обычных акций по цене в 1,7 раза выше номинальной. Однако из-за тяжелого положения многих предприятий, перед угрозой банкротства руководство могло через ограничение заработной платы вынудить работников продать свои акции. Вот, например, как изменилась структура собственности на акционированных предприятиях. Если в 1994 г. внутренним акционерам принадлежало 62% акций, в том числе 53% работникам и 9% руководству, то в 2007 г. им принадлежал 51% акций, но при этом доля работников сократилась до 13%, а доля руководства поднялась до 38%.

В контексте рассмотрения проблемы участия работников в управлении профессор Окада обращается к еще одной форме предприятий – так называемым народным предприятиям, закон о которых был принят в 1998 г. Анализируя правила, регулирующие их деятельность (начиная с требования о том, что 75% акций должны принадлежать работникам, и кончая правом собрания акционеров принимать все ключевые решения, в том числе и в отношении размеров вознаграж-

дения руководства), он отмечает, что это наиболее прогрессивный вид предприятий в плане возможностей участия работников в управлении. Однако в силу целого ряда обстоятельств – как объективных, так и субъективных – он не получил сколько-нибудь существенного развития. В 2017 г. в России насчитывалось 85 тыс. акционерных компаний и только 40 народных предприятий. Характерно, что по данным одного из опросов, проведенных в 2015 г., среди российских управленцев 64% вообще не знали о существовании такой формы предприятий, и лишь 24% имели о ней представление.

Как известно, с начала 2000-х гг. в стране начался экономический подъем, который продолжался до середины следующего десятилетия (до введения западными странами санкций после крымских событий). Выросли зарплаты, повысился уровень жизни населения, снизилась безработица. Но новой реальностью стало колоссальное расслоение населения. По данным, которые приводит профессор Окада, в 2014 г. зарплата 10% получателей наивысших доходов в 14,1 раза превышала зарплату получателей наинизших доходов. При этом он отмечает такую особенность России, как значительная разница в уровне заработной платы работников между отраслями и регионами. Кроме того, он обращает внимание на колоссальный разрыв в оплате труда высших управленцев и рядовых работников. Так, по данным за 2003 г. по 20 холдингам годовой доход управленцев класса А в 360 раз превышал годовую заработную плату производственных рабочих, а доход управленцев класса В превышал ее в 104 раза, что значительно превосходит аналогичные показатели в западных компаниях.

Что же касается роли профсоюзов, то, как отмечает профессор Окада, произошло и ослабление их деятельности, и изменение их сущности. Число членов, входящих в Федерацию независимых профсоюзов, сократилось с 65 млн в 1992г. до 20,7 млн в 2000 г., а число самих профсоюзных организаций – с 300 тыс. до 190 тыс. Он объясняет это ослаблением классового сознания, все большей индивидуализацией сознания работников, ростом недоверия к профсоюзам и осознанием необходимости полагаться, прежде всего, на собственные силы. В 2019 г. по данным Левада центра лишь 23% работников считали, что профсоюзам стоит доверять. Что же касается центральных органов, то они фактически действуют в русле государственных интересов, а не интересов трудящихся (пример – повышение пенсионного

возраста). Они превратились в бюрократившиеся структуры, утратившие доверие рядовых работников.

Таким образом, заключает профессор Окада, быстрый переход к капитализму, превращение номенклатуры в капиталистов не улучшили ситуацию для рядовых трудящихся. Они не только превратились в наемных работников, но и утратили многие из прежних «благодетей».

Под «благодетями» профессор Окада имеет в виду бесплатное предоставление государством всем гражданам страны разного рода социальных благ и услуг. При этом он подчеркивает, что система социального обеспечения, существовавшая в СССР, оказала большое влияние на формирование в западных странах современной модели государства благосостояния или социально-ориентированного государства.

Как показано в монографии, ростки системы социального обеспечения зародились в России еще при Петре Первом (в виде пенсий для получивших ранение и уволенных из армии военных и возложенной на владельцев заводов обязанности бесплатно лечить рабочих). При Екатерине Второй в каждой губернии были созданы благотворительные фонды и различные благотворительные учреждения. При Александре Втором рабочие шахт и рудников, находившихся в государственном ведении, получили право на пособие по временной нетрудоспособности. На уральских шахтах были созданы товарищества, в которые отчислялись 2–3% зарплаты для выплаты пособий заболевшим или получившим увечье работникам. Постепенно учреждались пенсионные системы. В XX в. наиболее значимым событием стало введение в 1912 г. системы страхования рабочих по болезни и в случае травмы, причем в первом случае страховые взносы полностью выплачивались работодателем, во втором случае его доля составляла 2/3. Рабочие могли также создавать собственные страховые фонды. В целом, как отмечает профессор Окада, были застрахованы порядка 20% рабочих.

Первым шагом советской власти в социальной сфере стал пересмотр Закона 1912 г. Был расширен охват работников, подпадающих под страхование, уплата взносов была возложена на работодателей, были повышены размеры пособий, введено страхование по безработице, урезаны пенсии «спецам». Была также создана специальная система страхования красноармейцев и членов их семей. Средства

же страховых товариществ были переданы в единый государственный фонд, да и сам термин «социальное страхование» был заменен на «социальное обеспечение». Понятно, что в условиях гражданской войны эта система практически не работала (исключение составляли натуральные выплаты семьям красноармейцев).

В период нэпа система социального страхования вновь возродилась. Для организации этой работы были созданы местные страховые управления. На все предприятия была возложена обязанность уплаты взносов в определенной пропорции от заработной платы. Выплачивались пособия по временной нетрудоспособности (не меньше заработной платы) и по безработице (1/6 от зарплаты в течение 6 месяцев). В систему страхования были включены сезонные и сельскохозяйственные рабочие. Была введена пенсионная система для ученых, преподавателей, деятелей культуры и т. д.

В 1928 г. была учреждена пенсия по старости и установлен пенсионный возраст: для мужчин – 60 лет, для женщин – 55 лет (при стаже не менее 25 лет). К 1932 г. этой системой были охвачены уже все отрасли. Для некоторых профессий ввиду тяжести и сложности работы был установлен особый режим пенсионного страхования. Пособие по безработице было упразднено, повсюду открывались биржи труда.

В 1936 г. по сталинской конституции все граждане страны (за исключением колхозников) получили право на труд, отдых, а также на материальную помощь государства по старости, в случае болезни и проч.

Что касается послевоенного периода, то, как отмечает профессор Окада, достаточно высокие темпы роста в 1960-е – 1970-е гг. (6–7%) и благоприятная демографическая ситуация позволяли государству обеспечивать устойчивое развитие системы социального обеспечения. Размеры пенсий и пособий повышались, в 1964 г. была даже создана специальная пенсионная система для колхозников. Расширялась сеть больниц, санаториев, домов отдыха.

В целом, заключает профессор Окада, гарантирование права на труд, предоставление жилья, бесплатная медицина, регулирование цен, доступ к различным общественным благам, низкие цены на транспорт и т.д. делали жизнь советских пенсионеров вполне достойной. При этом финансирование этой системы полностью осуществлялось государством, в стране сложился своего рода государственный патернализм.

Конечно, условия холодной войны и постепенная деградация экономики не могли не сказаться на функционировании этой системы. Неудивительно, что еще в период перестройки высказывалось мнение, что пенсионную систему нужно отделить от бюджета и установить связь между размерами взносов и пенсий. Собственно с этого и начала реформирование системы социального обеспечения новая Россия.

Были созданы Пенсионный фонд, Фонд социального страхования (в 2023 г. они были объединены – прим. рецензента) и Фонд медицинского страхования. Основным источником средств системы социального обеспечения стали взносы. Очевидно, что дезорганизация экономической жизни, переход на бартерные сделки, рост теневого сектора экономики резко ухудшили положение этой системы. Достаточно сказать, что в 1999 г. пенсия составляла 70% от прожиточного минимума и 29,5% от уровня заработной платы.

С улучшением экономической ситуации с начала 2000-х гг., по мере повышения доходов населения начало улучшаться и положение системы социального обеспечения, хотя отягчающим фактором стал заметный рост числа пенсионеров. В результате в 2018 г. размер пенсии составил 30,7% от уровня заработной платы, что существенно ниже советских показателей. При этом, если пенсии неработающих пенсионеров ежегодно индексируются в соответствии с инфляцией, то в отношении работающих пенсионеров с 2016 г. индексации пенсий не производится. Более того, в 2019 г. был повышен пенсионный возраст: для женщин до 63 лет, для мужчин до 65 лет (правда, в дальнейшем из-за протестов для женщин пенсионный возраст был понижен до 60 лет).

Что касается медицинского страхования, то ОМС дает право на получение лишь определенного набора медицинских услуг, целый ряд услуг можно получить только на платной основе. Существуют частные системы медицинского страхования, но воспользоваться ими могут далеко не все граждане. При этом представители власти и их семьи имеют доступ к бесплатным высококачественным медицинским услугам не только в России, но и за границей. В целом же, как отмечает профессор Окада, по доле расходов на медицину в ВВП – 4% – Россия вдвое уступает развитым странам. При этом, замечает он, существует значительный разрыв в уровне медицинского обслуживания между регионами.

Отдельная глава второго раздела посвящена сфере образования¹. Ее открывают личные впечатления автора от посещения Советского Союза в 1980-е гг. В частности, он упоминает тот факт, что в метро практически все пассажиры читали, а молодые люди уступали места пожилым гражданам. На улицах ему бросилось в глаза то, как молодежь помогает незнакомым пожилым людям нести тяжелые сумки. Это свидетельствовало и о достижениях СССР в сфере образования, и об уровне культуры населения. Сейчас, с сожалением замечает профессор, этого практически не стало.

В советский период в сфере образования был достигнут огромный прогресс. Именно благодаря этому стали возможны достижения СССР в освоении космоса, развитии электроники и других направлений НТП. Сразу после революции началось движение по обучению грамоте взрослого населения, все граждане получили право на бесплатное образование, включая высшее, расширилась сеть школ. Уже к 1939 г. резко повысился уровень грамотности населения – до 87,4%, в том числе до 93,5% среди мужчин и 81,6% среди женщин (в 1917 г. соответствующие показатели составляли 43%, 58% и 29%). К 1959 г. уже стало возможным говорить о достижении всеобщей грамотности: в целом уровень грамотности составил 98,5%, в том числе среди мужчин – 99,3%, среди женщин – 97,8%.

Разумеется, изменилось и содержание обучения. Закон божий был отменен, акцент был сделан на изучении общественных наук, математики, физики, технических дисциплин, биологии, географии, литературы и языка, искусства. Недолгое время существовали школьные комитеты как надзирающие органы, но вскоре эта «вольница» была заменена на централизованную систему управления образованием.

Профессор Окада высоко оценивает вклад Н. К. Крупской в развитие системы образования, в частности ее идеи о необходимости объединить в школьном образовании учебу и производственный труд, а также об организации внешкольного обучения, где дети могут найти себе занятие по душе, реализовать свои творческие способности. Анализируя взгляды Н. К. Крупской, профессор Окада обращается и к работам прогрессивных западных авторов, чьи идеи послужили теоретической базой формирования ее взглядов.

¹ При написании этой главы автор опирался на работы известного японского социолога-русиста, почетного профессора университета Хитоцубаси доктора Сэки Кэйко.

Большой интерес представляют суждения автора о том, как в 1930-е гг. через систему образования происходило пополнение рядов номенклатуры выходцами из рядов рабочего класса и формирование новой элиты. Хорошая учеба и активная поддержка партийной идеологии, отмечает он, стали инструментом, использование которого позволяло сделать карьеру и продвигаться вверх по социальной лестнице, получить доступ к привилегиям. В то же время среди школ появились элитные, которые давали больше шансов на поступление в лучшие вузы и где обучались главным образом дети привилегированных слоев. Более того, появились и профессии, от которых номенклатура отгораживала обычных граждан.

По сути, эта система продолжала функционировать вплоть до развала СССР, хотя в период перестройки ставилась задача освободить систему образования от влияния партийной идеологии, предоставить школам большую свободу, усилить зависимость самореализации человека от его способностей.

В новой России школы действительно получили большую свободу. Усилилось разнообразие школ, появились частные школы, стал возможен свободный выбор учителями учебников и т. д. Правда, в то же время была введена платность высшего образования, даже в ведущих вузах страны количество бюджетных мест было ограничено. В этих условиях доступ к хорошему образованию стал все больше зависеть от материального положения семьи, ее социального положения и культурного капитала. При этом рост числа студентов, обучающихся на платной основе – в известных государственных университетах или вновь возникших частных вузах – не может не вести к общему снижению уровня высшего образования, так как среди них немало людей неспособных и нерадивых, получивших доступ к высшему образованию только благодаря деньгам родителей.

Одновременно профессор Окада указывает на такой недостаток системы школьного образования, как все большая бюрократизация системы управления ею, отмечая, что в современной России бюрократов стало в 2,5 раза больше, чем было во всем СССР. Упоминает он и о загруженности учителей из-за обязанности писать многочисленные отчеты, и о необходимости брать лишнюю нагрузку вследствие низкой зарплаты. Последнее относится, конечно, не ко всей России, а к определенным регионам и, прежде всего, к сельской местности.

В целом же ситуация в нынешней России характеризуется все большим разрывом шансов на получение хорошего образования детьми, проживающими в разных частях страны и принадлежащими к семьям с разным уровнем достатка.

Особое место во втором разделе занимает глава, посвященная крестьянству. Анализируя положение крестьянства до революции, автор отмечает, что освобождение крестьян от крепостной зависимости не привело к сколько-нибудь заметному улучшению их положения. Хотя земля стала их собственностью, из-за бремени займов и налогов многие из них вынуждены были наниматься на работу к помещикам или уходить на заработки в города. Хотя произошло расширение аренды и использования наемного труда, в большинстве деревень сохранялась община, преобладали рутинные методы ведения хозяйства.

Подчеркивая, что Октябрьская революция стала возможной благодаря поддержке крестьян, профессор Окада подробно рассматривает последующий ход событий. Сразу после революции был принят Декрет о земле, объявивший об обобществлении земли и передаче ее во владение крестьянам. Однако они так и не успели ощутить плюсы своего нового положения, поскольку вскоре последовало введение военного коммунизма с его принудительным изъятием продовольствия. Переход в 1922 г. к нэпу, который профессор Окада называет «недолгим периодом счастья», коренным образом изменил положение крестьянства. Продразверстка была заменена продналогом (сначала в натуральной форме, затем в денежной), а излишки крестьяне могли продавать на рынке по свободным ценам. Было даже разрешено использование наемного труда. Положение крестьянства улучшилось, но среди хозяйств преобладали хозяйства натурального типа, основанные на ручном труде, сохранялись общины (которые теперь должны были сотрудничать с сельскими советами).

С 1929 г. началась принудительная коллективизация с целью получения средств для ускоренной индустриализации. К 1930 г. в колхозах состояли уже 60% крестьян, к 1936 г. 90%. Параллельно шло раскулачивание. По данным, которые приводит профессор Окада, раскулачено было порядка 1 млн крестьян (3–5% от общего числа). Колхозники утратили право на перемещение, на них были возложены повинности по обновлению лесов, строительству дорог и т. д. Государство покупало их продукцию по заниженным ценам,

они также должны были платить натуральный и денежный налог. Как отмечает профессор Окада, крестьяне оказались, по сути, в феодальной зависимости.

Очевидно, что все это не могло не привести к падению производства: в 1932 г. его объем составил лишь 73% от уровня 1928 г., поголовье скота сократилось вдвое. Хотя государство создавало МТС, по-прежнему преобладал ручной труд.

Лишь при Хрущеве, отмечает профессор Окада, государство начало расплачиваться за 30-летнюю эксплуатацию крестьян. С крестьян была снята разного рода повинность, были понижены налоги и повышены закупочные цены, предпринимались попытки усилить материальное стимулирование. При Брежневe крестьянам было разрешено свободно уезжать из сельской местности, в 1964 г. были введены пенсии для колхозников. В этот период в сельское хозяйство начали вкладываться огромные инвестиции – в химизацию, механизацию, создание агрокомбинатов, однако они не вели к росту эффективности. Так, за 1970–1985 гг. объем фондов на одного занятого вырос в 3,5 раза, а производительность труда – лишь в 1,5 раза. Закупочные цены не поспевали за ростом себестоимости, и в результате у многих колхозов (в 1980 г. – у 53%) балансы сводились с дефицитом. Темпы роста производства затухали, возрастали объемы импорта, прежде всего мяса.

При Горбачеве была проведена реформа колхозной системы. Колхозы были превращены в независимые организации, выход из них стал свободным. После продажи продукции государству по договорам они могли распоряжаться ею по своему усмотрению, однако, как отмечает профессор Окада, прежде чем реформа дала результаты, пришел Ельцин.

В новой России в 1990 г. была ликвидирована монополия государства на землю, разрешены различные формы собственности. В 1991 г. было объявлено о роспуске колхозов и совхозов. На всю их собственность были выпущены ваучеры, которые члены колхозов и совхозов могли использовать по своему усмотрению. Колхозы и совхозы могли быть преобразованы в акционерные общества или товарищества (ваучеры использовались в качестве пая), желавшие выйти из них получали землю и средства производства (в обмен на ваучеры) для организации собственного бизнеса. Характеризуя эту реформу, профессор Окада использует термин «принудительная расколлективизация», имея в виду, что она была осуществлена стремительно

и без учета сложившихся реалий, т.е. так, как в свое время была проведена коллективизация.

В 2001 г. и 2002 г. были приняты законы, разрешившие продажу соответственно несельскохозяйственной и сельскохозяйственной земли, и в сельском хозяйстве начались процессы концентрации земли и производства. В целом в сельском хозяйстве сложились три формы собственности: сельскохозяйственные кооперативы, фермерские хозяйства, хозяйства сельских жителей и горожан (производство продукции на приусадебных участках и огородах). В 2019 г. на долю кооперативов приходилось 58,2% объема производства, на долю фермерских хозяйств – 13,6%, а приусадебные участки и огороды производили 28,2%. При этом профессор Окада обращает внимание на то, что в тяжелые времена (в частности, в 2000-е гг.) приусадебные участки и огороды обеспечивали до половины производства продукции.

В силу нехватки опыта, неразвитости необходимой инфраструктуры, отсутствия малой техники, нехватки средств и проч. число возникших поначалу фермерских хозяйств постепенно стало сокращаться: с 285 тыс. в 2006 г. до 175 тыс. в 2016 г. Такая же участь постигла и кооперативы: в 2016 г. их насчитывалось порядка 30 тыс., что на 60% меньше, чем десятилетие назад. Но при этом и среди фермерских хозяйств, и среди кооперативов резко усилились позиции крупнейших хозяйств. Вот как иллюстрирует эту ситуацию профессор Окада. Так, крупнейшие фермерские хозяйства, с площадью земли свыше 3 тыс. га, составляя лишь 1,2% от общего числа хозяйств, владеют при этом 1/3 земли. А 10% наиболее крупных кооперативов владеют 83,3% земли. Они представляют собой современные агрохолдинги, применяющие прогрессивные методы производства, имеющие налаженные каналы реализации продукции и сеть зависимых предприятий по переработке продукции.

Отмечая очевидные успехи России в развитии сельского хозяйства (ее превращение в экспортера пшеницы, восстановление к 2018 г. уровня потребления мяса до показателей СССР – 75 кг в год), профессор Окада в то же время обращает внимание на сохранение значительного отставания деревни от города по целому ряду важных показателей. Так, по данным за 2017 г., уровень бедности в сельских районах составил 29% (в городах – 9,6 – 16,0%), а уровень безработицы – соответственно 8% и 4,3%. Порядка 60% домов нуждаются в ремонте и столько же не имеют доступа к водопроводу

и газоснабжению, 2/3 дорог не имеют твердого покрытия, обеспеченность врачами (в расчете на 10 тыс. жителей) составляет 1/5 от уровня горожан. С 1990 г. по 2017/18 гг. число школ сократилось почти на 25 тыс., наблюдается нехватка детских садов, сокращается число больниц, магазинов, развлекательных учреждений, молодежь уезжает в города и т.д. Иными словами, заключает профессор Окада, происходит упадок российской деревни.

Как отмечалось, в третьем разделе работы дается оценка сущности как советского социализма, так и российского капитализма.

Что касается советского социализма, то его анализ профессор Окада начинает с рассмотрения данных опроса, проведенного в 2017 г. Левада центром относительно оценки гражданами различных сторон жизни при Брежневе, Ельцине и Путине. Оказалось, что многие позитивные моменты ассоциируются именно с брежневской эпохой (наличие идеология, сильная промышленность, социальное обеспечение, ощущение радости жизни, достижения в области науки и культуры), а отрицательные – с эпохой Ельцина и примыкающей к ней эпохой Путина (бюрократизм, отсутствие уверенности в будущем, социальная несправедливость, коррупция). Но при этом прослеживались различия в зависимости от возраста и материального положения: пожилые и менее обеспеченные граждане более позитивно оценивали брежневские времена, а более молодые и обеспеченные – путинские.

Анализируя взгляды ученых разных направлений на сущность советского социализма (на основе классификации А. Бузгалина), профессор Окада не соглашается с наиболее крайними из них. А именно с представлениями о том, что это был социализм (первая стадия коммунизма), развалившийся из-за предательства Горбачева, и с утверждениями о том, что это была «историческая случайность».

Рассматривая ситуацию в области экономики, отношения собственности, отношения по поводу производства и распределения, социальную структуру, политическую систему, позиции СССР в мире и подводя баланс плюсов и минусов, профессор Окада отмечает, что в разных областях ситуация складывалась по-разному, но что в любом случае советский социализм не был чем-то, не имевшим отношение к социализму, и что его 70-летняя история оставила яркий след в истории человечества. Более того, будучи ученым-марксистом, убежденным в неизбежности наступления социализма, он называет его «важной тренировкой» для перехода человечества к этому будущему.

Большой интерес представляет анализ автором причин неудач практически всех моделей социализма, возникших в XX в. По сути, везде (в СССР, на Кубе, в ряде стран ЮВА) он насаждался насильственно, в отсутствие реальных предпосылок для социализма. Методы его построения были разными, но везде было допущено много ошибок и порождено множество человеческих трагедий. В результате все возникшие в XX в. модели социализма оказались не реальным социализмом, а его «мутацией». Что же касается XXI в., то профессор Окада убежден, что условия для перехода к социализму, которые Маркс связывал с развитием производительных сил и все большим освобождением труда, уже сформировались в высокоразвитых странах. Это не только высокий уровень образования и квалификации работников, высокая степень концентрации производства, создающая основу для введения планового управления, достигнутый уровень производительности труда, позволяющий обеспечить материальные потребности, развитая система финансов, связи и информации, но и «обобществление» производственных отношений. Последнее профессор Окада усматривает в планировании, применяемом в крупных корпорациях, государственном регулировании экономики, развитой системе социального обеспечения, наличии профсоюзов. При этом он подчеркивает, что социализм XXI в. будет построен не в результате вооруженной борьбы, а через нормы гражданского общества и на основе принципов демократического государства. Но это будет непростой путь.

Что же касается российского капитализма, то его профессор Окада оценивает весьма жестко. Детально рассматривая этапы его становления, он отмечает, что в России переход к капитализму не стал результатом революционных политических сдвигов. Для несогласных с таким поворотом событий он был замаскирован под «экономические реформы». Саму «шоковую терапию» он оценивает крайне отрицательно, считая, что одной из главных ее целей было разрушение сложившейся плановой системы. Для этого была проведена полная либерализация цен, торговли, валютных операций, спешно создавался рынок труда и финансовая инфраструктура, под лозунгом «малого правительства» сокращались расходы на социальную систему, а для достижения макроэкономической стабильности осуществлялось сжатие денежной массы. При этом либерализация внешней торговли привела к краху неконкурентоспособной промышленности и сельского хозяйства.

На фоне катастрофического положения экономики, гиперинфляции, обесценения вкладов населения быстро шло формирование класса капиталистов.

К концу 1990-х гг. в России сформировался «номенклатурный капитализм» монополистического типа, господствующие позиции в экономике заняли финансово-олигархические группы и государственные концерны. Ростки же капитализма в виде мелкого и среднего бизнеса были чрезвычайно слабы. При этом, как справедливо отмечает профессор Окада, созданные в Советском Союзе средства производства и подготовленные работники в результате, по сути, насильственных действий перешли в руки вчерашней номенклатуры.

Изменилась ли природа российского капитализма в последующие годы?

Прежде всего, профессор Окада отмечает, что с начала XXI в. ситуация в экономике начала постепенно улучшаться. Огромные доходы сырьевых компаний (в результате резкого роста цен) через цепочки производственных связей частично перетекали в смежные отрасли (торговлю, финансы, транспорт), способствуя их оживлению. В то же время благодаря их возросшим отчислениям в бюджет удалось повысить пенсии, заработную плату бюджетников, социальные выплаты. Началась реализация крупных национальных проектов, прежде всего, в сельском хозяйстве. Темпы роста экономики повысились до 6–7% в год. Чтобы избежать рисков, связанных с колебаниями цен на сырье, был создан Фонд национального благосостояния, в который поступали налоги на экспорт нефти и на добычу ресурсов. Рост экономики происходил до 2014 г. (за исключением спада 2009 г., вызванного мировым кризисом), т.е. до введения санкций, после чего началось его затухание.

Что же касается политической системы, то с приходом В. Путина началось усиление централизации власти. Он ограничил возможности олигархов влиять на власть, но одновременно усилил позиции силовиков. Они заняли ведущие посты в крупнейших государственных корпорациях. При этом были узаконены результаты приватизации 1990-х гг. Усилилось социальное расслоение: в 2018 г. 1% семей получал 20% всех денежных доходов населения и владел 58,3% всех активов.

Характеризуя сложившийся в к. 2010-х гг. российский капитализм, профессор Окада выделяет следующие черты, отличающие его от западных моделей капитализма.

Рыночная экономика России характеризуется господствующими позициями вчерашней номенклатуры, ставшей крупными монополистами. Она не только получила жирную часть государственной собственности, но и через неформальные связи с властью имеет особый доступ к разработке ресурсов, получению важной информации, позволяющей ей наращивать свои прибыли. Что касается позиций МСП, которые действительно оперируют в рыночной среде, то в России их доля в ВВП не превышает 20-22% (против 50 – 55% в западных странах). Чтобы сохраниться, они вынуждены использовать неформальные отношения с бюрократами и правоохранительными органами.

Для российского капитализма характерна относительная неразвитость рынка труда и финансового рынка. Первая особенность проявляется, в частности, в том, что здесь очень низкая доля обращающихся за пособиями по безработице и высокая доля (13,6%) работников, получающих зарплату «в конвертах». (От себя мы бы еще добавили запредельный разрыв в оплате труда рядовых работников и высших управленцев в государственных корпорациях). Что же касается финансового рынка, то в 2019 г. по степени его развитости Россия заняла 107 место из 137. Стоимость акций составляет всего 15% от ВВП (на западе – 60-90%), объем сделок на Московской бирже составляет лишь 2% от объема сделок Лондонской биржи, причем они носят в основном спекулятивный характер.

Государственное регулирование экономики также отличается от практики западных стран. Если на западе государство регулирует деятельность частных предприятий косвенными методами, то в России президент, министр, губернатор напрямую могут вмешаться в эту сферу. Это создает основу для коррупции. Что же касается национальных программ и национальных проектов, то обычно они провозглашаются при очередном вступлении президента в должность. Поскольку часто планы и источники средств для их выполнения недостаточно проработаны, многие из них остаются невыполненными. При этом и никакого подведения итогов их выполнения не проводится.

Отношения собственности характеризуются следующими особенностями. На верхушке пирамиды располагаются крупные корпорации, холдинги, финансово-промышленные группы, которые через владение акциями или через личные отношения господствуют над множеством мелких и средних дочерних и зависимых

компаний. Под ними располагается слой паразитирующих посредников, а в основании – подвергающиеся эксплуатации рабочие, не имеющие никакой собственности. Кроме того, в России немало случаев, когда крупные акциевладельцы являются одновременно и высшими управленцами, которые контролируют всю деятельность компании (принятие ключевых решений, проведение инспекций, установление особых отношений с бюрократией, создание собственных служб безопасности и т. д.). В западных странах капитал-собственность и капитал-функция в большинстве случаев разделены.

Наконец, в качестве особенностей российского капитализма профессор Окада отмечает значительную роль государственного сектора и ориентированную на сырьевой экспорт модель экономики. Что касается государственного сектора, то он, прежде всего, обращает внимание на быстрый рост после 2003 г. числа государственных корпораций – со 100%-ной долей государства или с контрольным пакетом акций у государства (к первым относятся, например, Роснано, Росатом, Ростех, ко вторым – Газпром, Роснефть, Аэрофлот). Как отмечалось, высшие посты во многих из них заняли силовики, и в этом профессор Окада видит резкое отличие от функционирования государственного сектора на западе. Более того, он полагает, что эти корпорации действуют не столько в интересах государства и народа, сколько в интересах кланов, находящихся у власти.

Что касается модели экономики, ориентированной на экспорт сырья, то профессор Окада приводит целый ряд цифр, иллюстрирующих сложившуюся ситуацию, и одновременно показывает порочность ориентации на такую модель развития. Так, например, в 2018 г. доля сырья в экспорте России составляла почти 65%, а за счет налогов обеспечивалось 46,3% доходов бюджета. В то же время в новой России произошла деиндустриализация, производство станков и оборудования сократилось наполовину по сравнению с советским периодом, до 30% внутреннего спроса удовлетворяется за счет импорта. При этом доля России в мировом экспорте продукции высоких технологий составляет всего 0,5%, а доля затрат на НИОКР в ВВП (1,1%) – 1/3 от показателей западных стран. Такая модель, по мнению профессора Окада, не имеет перспектив. Во-первых, она порождает известную «голландскую болезнь»; во-вторых, в долгосрочной перспективе мировой спрос на энергетическое сырье может сократиться;

в-третьих, согласно расчетам, запасов нефти в России хватит лишь на 30 лет, кроме того, повышается себестоимость добычи нефти и газа.

Из анализа российского капитализма профессора Окада напрашивается вывод, что, как и советский социализм, он представляет собой некую «мутацию», по многим характеристикам весьма далекую от моделей, существующих в XXI в. в развитых странах.

Заключая рецензию, хотелось бы не только воздать должное уровню профессионализма и трудолюбию профессора Окада, позволившем ему написать столь масштабный аналитический труд, но и выразить ему благодарность за то, что, несмотря на непростые времена, он продолжает изучать Россию, знакомя японскую аудиторию с полной драматизма историей ее северного соседа.

References

Okada, Susumu. (2022). *Soren shakaishugi kara Roshia shihonshugi e. Roshia shakai to keizai-no 100 nen* [From Soviet Socialism to Russian Capitalism. A Hundred-Year History of Russian Society and Economy]. Tokyo: Toshindo. 260 p. (In Japanese).

**О верных вассалах и преданных спутниках.
Рецензия на альбом
«Расставаясь с жизнью.
Предания о верных вассалах из Аки
в иллюстрациях Итиюся Куниёси»**

А. В. Гудкова, Д. Д. Романчев

Аннотация

В 2025 г. свет увидел необычный труд, изданный усилиями петербургской галереи KASUGAI при содействии книжного магазина «Желтый двор». Галерея KASUGAI существует уже более 20 лет и выставляет предметы японского искусства. Данная статья представляет собой рецензию альбома «Расставаясь с жизнью. Предания о верных вассалах из Аки в иллюстрациях Итиюся Куниёси» (2025).

Идея данной работы возникла после того, как в коллекцию галереи попал оригинальный японский альбом XIX в. с гравюрами знаменитого художника конца периода Эдо (1600–1868) Утагава Куниёси (1798–1861). Альбом включает гравюры из серии «Жизнеописания преданных и верных вассалов» и «Жизнеописания преданных и верных сердец», посвященные одной из самых известных легенд о самураях – истории 47 *ронинов*. Эти гравюры, переведенные и снабженные комментариями, были опубликованы в рассматриваемом альбоме. К гравюрам дано подробное пояснение, благодаря чему с ними может познакомиться даже читатель, только начинающий свое знакомство с этим японским искусством.

История о *ронинах* из Аки: 1701–1703 гг. – эталонный образец легенды о самурайской преданности, доходящей до фанатизма, и одновременно – это классическая история о мести. Она завоевала любовь людей по всему миру, повлияв на формирование современного образа воинского сословия Японии.

Перевод скорописных текстов «Жизнеописания преданных и верных сердец» на русский язык приводится в данном альбоме впервые, что делает его самым удобным и доступным способом познакомиться с прекрасными гравюрами Утагава Куниёси сразу из двух сборников. Помимо гравюр, альбом

включает уникальные материалы: три вступительных диптиха и лист с описанием реликвий *ронинов*.

Кроме того, изобразительно-источниковую часть дополнили полностью оригинальные научные статьи, значительно усиливших погружение в контекст легенды о 47 *ронилах*. Авторами статей стали известные японисты Трубникова Н. Н., Щепкин В. В., Гусева А. В., Сеницын А. Ю., Мельникова И. В., Хомченкова В. В., Голда А. И., Тягунова Е. О., Кубасов Ф. В.

Ключевые слова: гравюры укиё-э, Утагава (Итиюсай) Куниёси, 47 *ронинов*, период Эдо, самураи.

Авторы:

Гудкова Александра Владимировна, лаборант-исследователь Центра японских исследований Института востоковедения РАН:

107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: alex.v.gudkova@mail.ru

ORCID: 0009-0000-9205-7677

Романчев Данила Дмитриевич, лаборант-исследователь Центра японских исследований Института востоковедения РАН: 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: nickname210366@gmail.com

ORCID: 0009-0007-2363-6051

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Of Faithful Vassals and Loyal Companions. Review of the Album *Parting With Life. Tales of the Faithful Vassals From Ako in Illustrations by Ichiyusai Kuniyoshi*

A. V. Gudkova, D. D. Romanchev

Abstract

In 2025, an unusual work was published by Saint Petersburg gallery KASUGAI with the assistance of the “Yellow Yard” bookstore. The KASUGAI gallery has existed for over 20 years and exhibits Japanese art. This article is a review of the album *Parting With Life: Tales of the Faithful Vassals From Ako in Illustrations by Ichiyusai Kuniyoshi* (2025).

The idea of publishing the album arose after the gallery's collection acquired an original 19th century Japanese album of prints by a famous artist of the late Edo period (1600–1868) Utagawa Kuniyoshi (1798–1861). The album included prints from the series “Stories of the True Loyalty of the Faithful Samurai” and “Stories of the True Loyalty of the Faithful Hearts,” dedicated to the story of the 47 *rōnin*, one of the most popular stories about Japanese warriors. These prints, translated and provided with comments, were published in this album. The prints are given a detailed explanation. Thanks to that, even a reader studying Japanese prints for the first time can explore them.

The story of the *rōnin* from Akō of 1701–1703 is a prime example of a romanticized legend of samurai devotion, reaching fanaticism. It is also a classic story of revenge. It won the love of people far beyond Japan, influencing the formation of the modern image of the Japanese warrior class.

The translation of the cursive texts of “Stories of the True Loyalty of the Faithful Hearts” into Russian is given in this album for the first time, which makes it the most convenient and accessible way to get acquainted with the beautiful prints of Utagawa Kuniyoshi from two collections at once. In addition to the prints, the album includes unique materials: three introductory diptychs and a sheet with a description of the relics of the *rōnin*.

Furthermore, the pictorial and source part was supplemented by completely original academic articles, significantly enhancing immersion in the context of the legend of the 47 *rōnin*. The authors of the articles are leading Japanologists Trubnikova N. N., Shchepkin V. V., Guseva A. V., Sinitsyn A. Yu., Melnikova I. V., Khomchenkova V. V., Golda A. I., Tyagunova E. O., Kubasov F. V.

Keywords: ukiyo-e prints, Utagawa (Ichiyusai) Kuniyoshi, 47 *rōnin*, Edo period, samurai.

Authors:

Gudkova Alexandra V., Research Assistant, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia.

E-mail: alex.v.gudkova@mail.ru

ORCID: 0009-0000-9205-7677

Romanchev Danila D., Research Assistant, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia.

E-mail: nickname210366@gmail.com

ORCID: 0009-0007-2363-6051

Conflict of interests

The authors declare the absence of the conflict of interests.

Период Эдо (1600-1868) – эпоха «Великого мира» в Японии. Этому периоду предшествовали столетия феодальной междоусобицы и гражданской войны. Теперь же доминирующей силой стали сёгуны из династии Токугава – лидеры военного сословия самураев. Обще-ственно-политическая система в период Эдо была тонко настроена таким образом, чтобы гарантировать мир, стабильность и незыблемость существовавших порядков. В 1700-е гг. период мира был в самом расцвете. Количество воинских контингентов сокращалось, большая часть самураев переквалифицировалась в администраторов и чиновников. Удивительно, но этот период господства воинского сословия стал для Японии, пожалуй, самым мирным. Начался расцвет искусств и самобытной японской культуры, в том числе городской. Одним из таких искусств по праву являются *укиё-э*, «картины плывущего мира». Наибольшего расцвета этот жанр городского изобразительного искусства достиг ко второй половине XVIII – первой половине XIX в. Ярким представителем этого жанра является Утагава Кунисаи (1798–1861), который в данном альбоме иногда упоминается под псевдонимом Итиюсай.

Помимо изящных искусств, период Эдо стал временем складывания «классического» образа самурая, как верного и доблестного вассала-воина. В период мира и в условиях нерушимости существующего порядка, для самураев верность одному господину становится главной ценностью. Именно в это время пишутся наиболее известные философские трактаты, ассоциирующиеся у большинства с полулегендарным кодексом «Бусидо» и самураями – «Книга пяти колец» Миямото Мусаси (1584–1645), «Хагакурэ» Ямамото Цунэтомо (1659–1719) и т. д.

На гравюрах, представленных в данном альбоме, соединились воедино сразу два продукта периода Эдо – эталонная история о самурайской верности, и прекрасные иллюстрации руки мастера Кунисаи.

Перед тем, как перейти непосредственно к содержанию работы, следует обратить внимание на её структуру. В начале альбома представлены вступительное слово от директора галереи японского искусства KASUGAI Миралюбовой В. В. Далее следует общее вступление ко всей работе – вводная часть, занимающая 4 страницы. Несмотря на небольшой объем, оно дает довольно хорошее представление о самой легенде о 47 *ронинах* из Ако:, о источниках, основных событиях и влиянии на культуру.

Страницы 15-120 занимают научные статьи от известных российских японоведов. На стр. 123–152 располагаются две статьи несколько иного характера: одна посвящена подробному описанию сборников работ Утагава Куниёси, который находится в коллекции KASUGAI (а также истории *укиё-э* в период Эдо), а вторая – комментариям переводчика касательно работы над этим альбомом. Итого, из 317 страниц 152 стр. занимает так или иначе научный текст. Это практически половина всего альбома. Несмотря на сравнительно небольшое количество страниц – 317 – благодаря крупному книжному формату 70х90/8 на страницу помещается достаточно много информации, будь то текст или иллюстрация.

Вторую половину альбома занимают гравюры, перевод их сопроводительного текста и комментарии к нему. Всего в альбоме, попавшем в распоряжение галереи KASUGAI, содержится 51 лист серии «Жизнеописание преданных и верных вассалов» и 18 листов «Жизнеописания преданных и верных сердец». В оригинальный альбом включены 6 листов с дополнительными изображениями, а также лист с описанием экипировки *ронинов*. Помимо самих гравюр, к научным статьям в качестве сопроводительного материала предоставлено более 60 иллюстраций, призванных глубже погрузить читателя в тему.

Таким образом, данный альбом представляет собой уникальную в жанровом смысле работу. С одной стороны, мы имеем прекрасно изданный и переведенный источник. С другой стороны, порядка половины книги – научные статьи от зарекомендовавших себя ученых-японистов. Статьи используют тему легенды о 47 *рони*нах из Ако:, как повод для более широкой дискуссии о истории воинского сословия Японии в период Эдо и не только. Статьи затрагивают как саму легенду, так и то, что её окружало.

Из подобного рода экспериментальных форматов можно вспомнить энциклопедию синто «Боги, святилища, обряды Японии» (2010), в которой сочетались научные, популяризаторские и справочные статьи, снабженные энциклопедическим словарем по каждой теме. Однако, альбом «Расставаясь с жизнью...» представляет собой уникальный формат, на который, возможно, стоит обратить внимание и другим коллективам историков.

Подобное «комплексное» издание, включающее и изобразительную и научную часть, придает еще большую ценность источнику, т. к. статьи дополняют контекст и раскрывают неочевидные смыслы,

заложенные в оригинальные иллюстрации. В данном альбоме источник (гравюры Куниёси) не находится в вакууме, а помещен в контекст эпохи. Например, завязка истории о мести *ронинов* Ако: тесно связана с жестким церемониалом, который существовал в замке Эдо в период Токугава. В этом плане альбом именно в нынешнем виде дает более полное представление о тех событиях.

Центральное место в альбоме занимают гравюры Утагава Куниёси, мастера *укиё-э*, отпечатанные в 1847–1848 гг. Куниёси творил в самых разных жанрах, но отдельно хочется заметить, что он был основателем «воинского» течения в гравюрах. О творчестве Куниёси написано очень много, в том числе на русском языке. Буквально в прошлом (2024) году вышло переиздание каталога Государственного Эрмитажа «Куниёси и его время. Японская гравюра XIX в. Школа Утагава. Каталог выставки» (1997), в своё время составленного хранителем японского отдела музея Государственный Эрмитаж М. В. Успенским (1953–1997). Работа была переиздана в формате красочной монографии и опубликована усилиями петербургского издательства «Арка» под названием «Куниёси и его время» (2024)¹. Вместе с другими работами Успенского, эта книга даёт достаточно полное представление о творчестве, жизни и эпохе Куниёси. В этом смысле составители не ставят перед собой цель повторять уже известное. В местах, где необходимо дать краткую историческую справку, в альбом могут цитировать слова Успенского, на что было получено разрешение его наследников. Однако, такие «повторения» всегда уместны, и призваны облегчить понимание творчества Куниёси для читателя.

Приведенные в альбоме гравюры снабжены подписями другого художника – Иппицуан. Под этим псевдонимом скрывается Икэда Ёсинобу (1790–1848), творивший в жанре исторической беллетристики. Он часто работал вместе с Куниёси, и снабдил его работы о *ронилах* из Ако: определенной биографической справкой. Правда, справка эта весьма необычна, если не сказать обрывиста. Автор не пишет о биографии *ронинов* в привычном смысле слова, вместо этого раскрывая происхождение персонажа, определенные положительные качества – его преданность, силу, мудрость, навыки владения тем или иным оружием. Как результат, в персонажах не так много индивидуальности. Героев в описании Иппицуан можно разделить

¹ О данной монографии см. подробнее рецензию: [Воробьева 2024].

на несколько подтипов: могучие самураи, старики и воины-интеллектуалы. Повествуя о каких-то небольших отрывках из боевых подвигов 47 *ронинов*, Иппицуан рассчитывает на то, что читатель уже знаком с этими персонажами. Он лишь напоминает нам образ героя, обозначает его типаж.

Безусловно, текст Иппицуан на гравюрах Куниёси не были бы понятны нам без качественного перевода. Гравюры из собрания «Жизнеописания преданных и верных вассалов» уже ранее были переведены на русский и опубликованы в каталоге «Куниёси и его время. Японская гравюра XIX в. Школа Утагава. Каталог выставки» и монографии «Самураи Восточной столицы, или Сорок семь преданных вассалов (*в гравюрах Итиюсая Куниёси и биографиях Иппицуана*)» (1998) усилиями М. В. Успенского. Однако, перевод «Жизнеописания преданных и верных сердец» публикуется на русском языке впервые, и выполнен историком-японистом и переводчиком Ф. В. Кубасовым. Ф. В. Кубасов зарекомендовал себя как профессиональный переводчик старинных японских текстов по теме военного искусства, а также как популяризатор науки – можно отметить его лекции об истории ниндзя на площадке форума «Ученые против мифов».

Куниёси писал свои гравюры в условиях жесткой цензуры. Например, в то время запрещалось изображать современные события и как-либо критиковать *бакуфу*. Многие персонажи фигурируют под вымышленными именами, а события и временные рамки иногда искажаются. В ответ художники и литераторы придумали жанр *мита-тэ-э*, где содержание передавалось намёками и скрытыми смыслами. В 1840-е гг. усиливается борьба за мораль, и запрещаются изображения куртизанок и даже актеров театра кабуки. Для того, чтобы продолжать работать, Куниёси переключается на другие сюжеты, и появляются серии «Жизнеописания преданных и верных вассалов» и «Жизнеописания преданных и верных сердец». В первом сборнике автор изображает 47 *ронинов* из Акио, а во втором – тех, кого *ронины* оставили позади, кто помог им.

Отличительной особенностью второго сборника является его качество. Тогда как первый сборник многократно перепечатывался, т.к. активно расхаживал по рукам, второй сборник продавался более скромно. В нем мы видим, что атрибуты персонажей прописаны намного четче и детальнее, а цвета – заметно ярче. По этому

сборнику можно судить о высочайшем уровне профессионализма художника Куниёси.

Нельзя не отметить внешний вид самого издания. Оригинальный альбом XIX в. был собран под дорожную обложку и имел очень нарядный вид, что удалось передать и в данном издании. Оно красочное, презентабельное, можно сказать премиальное. Альбом – украшение любой книжной коллекции, и прекрасное дополнение фонда отечественного японоведения. Сами гравюры имеют высококачественную и четкую полиграфию, и знакомиться с источником в таком формате одно удовольствие. Диалектически, высочайшее качество издания обусловило и главный минус данной работы – ее цену. Однако, необходимо понимать, что создание подобного рода альбома потребовало труда целого коллектива авторов, переводчиков, редакторов и корректоров.

Далее следует перейти к рассмотрению первой части альбома, состоящей из научных статей. После предисловия директора галереи KASUGAI следует введение **«Среди цветов – сакура, среди людей – сагurai». Легенда о ронинах из Аки»**.

История о мести *ронин*ов из Аки: – это настоящий вызов для историков. Большая часть источников – нарративная. Когда дело касается точной хронологии, причин инцидента и мотивов участников, то у исследователя и простого читателя возникает сразу много вопросов.

В 1701 г. замке Эдо происходит инцидент: князь Аки: Асано Наганори (1667–1701) совершает покушение на жизнь церемониймейстера Кира Ёсинака (1641–1703). Со стороны это нападение казалось спонтанным, но за ним скрывалась, скорее всего, глубокая обида Наганори на Ёсинака.

Ранее молодому князю небольшого удела Наганори и князю Цувано Камэй Корэтика (1669–1731) в рамках сложившейся традиции было поручено провести церемонию обмена подарками с делегацией императорского двора. Было принято, что в первом месяце каждого года от имени сёгуна двору преподносятся подарки, благие вести и пожелания, а через три месяца делегация двора наносит ответный визит в Эдо. Такие порядки действовали вплоть до января 1868 г., когда новый год в отношениях уже бывшего 15-го сёгуна Ёсинобу (1837–1913) и императорского двора начался не с поздравлений, а с взаимных обвинений в вероломстве.

Наставлять князя Наганори в тонкостях церемонии назначили мастера церемониала – Кира Ёсинака (1641–1703). При не вполне ясных

обстоятельствах, между двумя мужчинами испортились отношения, и Ёсинака, скорее всего, испортил работу Наганори, и тот опозорился в процессе церемонии. В гневе, он напал на Ёсинака в коридоре замка Эдо, нанеся несколько ударов клинком. Обнажить меч в стенах замка Эдо считалось ужасным преступлением, и приговор мог быть лишь один. Наганори совершил ритуальное самоубийство *сэппуку*, будучи уверенным, что Ёсинака погиб. Однако, церемониймейстер выжил.

Помимо самого князя, был наказан и весь его род. Княжеский род Асано упразднился, а все его вассалы автоматически переходили в разряд *ронинов*. Замок и земли передали другому роду – до 1706 г. Нагаи, в 1706–1871 гг. Мо:ри.

Феномен *ронинов* – самураев без хозяина – был известен в Японии достаточно давно. Но свою особенную форму он приобрел именно в период Эдо. В начале этого периода феодалов часто снимали с земли, меняли местами или вовсе лишали всего. В этих условиях появлялась масса *ронинов*. Однако, в отличие от былых времен, они не могли найти себя на войне, а жили в условиях мира. Одновременно, лишаясь сюзерена, *ронин* терял и возможность владеть землей, а значит не имел с неё доходов. Феномен воина без хозяина, потерявшего смысл жизни в условиях «Великого мира» – один из центральных мотивов легенды о 47 *ронинах*.

Самурай как таковой – один из самых растиражированных образов массовой культуры современности. Этот образ со временем сильно разошелся с тем, что представлял собой настоящий самурай. Часто источниками информации о воинском сословии Японии для среднестатистического человека служат не исторические источники или научные монографии, а легенды и романтические истории. А значит, крайне важно в этих условиях изучать именно источники, проявлять научный подход. В этом смысле альбом «Расставаясь с жизнью...» является огромным подспорьем для отечественного японоведения, предоставляя для ознакомления перевод оригинальных гравюр в удобной и эстетически привлекательном формате. Тем не менее, в альбоме гравюры оцениваются критически, и их содержание проходит проверку на соответствие действительности.

Серию научных статей открывает статья «**“Верный слуга не служит двум господам”**». Понятие «**тюсин**» в истории японской словесности», автором которой выступила российский философ, востоковед и японовед **Н. Н. Трубникова**. Научному перу

Н. Н. Трубниковой принадлежат многочисленные статьи по традиционному буддизму и японскому средневековью. Несмотря на то, что тема данного сборника стоит особняком от основных научных интересов Надежды Николаевны, статья предлагает интересный взгляд на одно из основных понятий, конструирующих нарратив инцидента в Аки: – «*тю:син*» (верность, преданность). Работа Н. Н. Трубниковой расположена сразу после краткого вступления о легенде о *ронинах*, и является в некотором смысле вводной: она знакомит читателя с основными элементами истории о самопожертвовании сорока семи *ропинов*.

В своем исследовании Н. Н. Трубникова анализировала термин «*тю:син*» путем сравнения этого понятия с аналогичными ему понятиями, обозначающими вассальный долг в культурах других стран. Автор вскользь упоминает особенности схожего нарратива в западноевропейских произведениях, чтобы в дальнейшем сфокусировать внимание на противопоставлении японского «*тю:син*» китайскому «*чжунчи*» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 17]. Безусловным преимуществом данной статьи может считаться то, что Н. Н. Трубникова опирается как на древнекитайские источники (например, «Жизнеописания» Сыма Цяня), так и на множество средневековых японских источников, что представляет определенную сложность даже для профессионала, но тем самым доказывает научную ценность статьи. Важный вывод, который удалось сделать автору, заключается в том, что главная разница двух, казалось бы, синонимичных понятий в японской и китайской культурах связана с самим источником отношений власти и подчинения: если в Китае вопрос родства не стоял так остро, как в Японии, и поэтому право властвовать по «мандату» мог иметь и знатный человек, и человек из народа, то в островном государстве долгие века царили иные порядки, чьим фундаментом стали родственные связи по крови. «В японских рассуждениях о “верности” «акцент смещается: служа господину, человек сам отказывается быть господином, хотя и имеет на то права» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 18].

Отдельная часть статьи посвящена детальному разбору значения выражения «Верный слуга двум господам не служит», рассматриваются как его эстетическая, так и его прагматическая интерпретации. Если эстетическое восприятие долга можно часто встретить в сочинениях японских средневековых поэтов, то прагматическое

(«прозаическое») – на поле боя, поскольку, как утверждает Н. Н. Трубникова, реальность была далека от поэзии и «нередко (воину) действовать приходилось по собственному разумению, не дожидаясь приказа» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 21], что резко контрастирует с общепринятым пониманием вассальной верности, которая трактуется как безусловное подчинение господину.

Интересно, что вышеупомянутое выражение сохраняло свою значимость вплоть до Реставрации Мэйдзи 1868 г.: когда было провозглашено возвращение всей полноты власти императору Японии, а сёгунат был официально упразднен, многие князья-прямые вассалы Токугава отказались давать присягу новой власти, говоря, что «Лучше быть верным вассалом сёгуна, чем вероломным вассалом императора». Речь здесь шла не об отказе признавать власть императора – это было для всех очевидно – а именно об отказе признавать сюзеренитет императорского двора над вассалами Токугава. Они желали, чтобы их расценивали, в первую очередь, как слуг своего господина. Таким образом, средневековые воззрения на чувство долга просуществовали в Японии до середины XIX в.

Н. Н. Трубникова не обошла стороной и восприятие «женского долга». Ее заметка была краткой, поскольку отдельную главу о женщинах в этом сборнике подготовила И. В. Мельникова, однако Н. Н. Трубникова проиллюстрировала любопытную особенность: если прежде в японской литературе были популярны сюжеты о безутешных, но доживающих свои последние годы до естественной смерти, вдовах, то спустя время участились истории, в которых жены самураев совершали суицид и нередко умерщвляли собственных детей [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 21]. Это считалось демонстрацией посмертной преданности хозяину-мужу.

Автор убедительно продемонстрировала, как понятие «*тё:син*» повлияло на социальные реалии самурайского общества, включая аспекты женской преданности. Таким образом, статья Н. Н. Трубниковой внесла ценный вклад в сравнительные исследования этических норм лояльности в странах Дальнего Востока.

Статья старшего научного сотрудника Института восточных рукописей РАН, доцента кафедры японоведения НИУ ВШЭ, видного японоведа и популяризатора японской истории **В. В. Щепкина** «**Замок, стена и ров**» посвящена структуре воинского сословия в период Токугава. В своей статье автор даёт достаточно краткий, но крайне

точный анализ той структуры, которая существовала внутри воинского сословия Японии. Слишком часто в научной и популярной литературе можно встретить упрощенную картину иерархии в период Токугава, и статья Василия Владимировича в данном смысле отлично справляется со своей задачей.

Автор приводит историю формирования воинских домов (яп. *букэ*) от периода Камакура до периода Эдо, разъясняет разницу между прямыми вассалами сёгуна *хатамото* и *гокэнин*.

По нашему мнению важной частью статьи является анализ различий внутри феодалов *даймё*:, их отношений с сёгуном Токугава. Т.н. «система *бакухан*» была не просто системой распределения полномочий, а скорее системой разделения хозяйственной ответственности. Приводится характеристика разницы между *фудай* и *тодзама даймё*:, заключающаяся в земельных отношениях. Князья *фудай* получили свои удельные землевладения напрямую от рода Токугава, тогда как *тодзама* обязаны своими землями предшественникам Токугава Иэясу – Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси, либо же они завоевали свои земли сами. В этом заключался статус князей, основанный на их отношениях с сёгуном Токугава.

Однако, как верно подмечает автор, статус князя не ограничивался лишь этим. Значимость того или иного князя, помимо прочего, определял его доход. Например, среди князей *тодзама*, которых часто определяют, как притесняемых сёгуном, были богатейшие князья Японии. С другой стороны, в управлении *бакуфу* могли принимать участие лишь *фудай даймё*:, зачастую имевшие скромный доход.

Разумеется, автор не стал бы писать об этом, если бы это не было важно в контексте истории о 47 *ронинах*. *Тодзама* княжество Акого: имело доход в 50 000 *коку* и было достаточно небольшим. Тем не менее, Асано Наганори, правитель Акого:, был князем. Так почему же он оказался унижен простым служащим замка Эдо ранга *хатамото*?

Во-первых, князь Акого: был низкого статуса. Для него не было места ни в одной из основных комнат для аудиенции с сёгунами Токугава. Во-вторых, Кира Ёсинака был главой дома *хатамото*, прямых вассалов сёгуна, представители которого считались знатоками в области церемониала при сёгунском дворе. Несмотря на скромный доход в 4 200 *коку*, Ёсинака происходил из одного из самых знатных родов *хатамото*. В частности, это выражалось в том, что Ёсинака имел более высокий придворный ранг, чем, например, князья

Асано. По сути, по своему положению Ёсинака был равен крупному *даймё*; и стоял выше Асано Наганори на 3 ступени. Ёсинака состоял в родстве с родом Уэсуги, правителями крупного северного домена Ёнэдзава, а его мать была из влиятельного рода Сакаи. Старший сын Ёсинака был усыновлен родом Уэсуги и стал 4-м правителем Ёнэдзава под именем Уэсуги Цунанори (1663–1704). Считалось, что род Кира, как и Уэсуги, имел древние связи с сёгунами династии Асикага (1333–1573).

Зная эти нюансы, о которых в том числе повествует автор в данной статье, конфликт двух мужей становится гораздо более понятным и человеческим.

Наказание, которому подвергся род Асано, также входило в число «инструментов влияния» сёгунов Токугава на удельных правителей. Среди них самыми часто применяемыми были конфискации, сокращение или обмен земель. Как указывает автор, вопреки расхожему образу сёгуната Токугава, как жесткой карающей силы, конфискации, сокращения и прочие наказания чаще происходили не из-за проступков князя, а из-за неожиданной смерти правителя, неподходящем наследнике (малолетнем, болезненном) и т.д. Однако, случай Асано Наганори входит в число редких, когда наказывали по проступку.

Неизбежным следствием конфискации всех земель и ликвидации военного дома стал феномен *ронинов* – самураев без сюзерена. Хотя они не лишались самурайского статуса, они становились, по сути, лишними. Возникшее в период Токугава представление о верности, о том, что слуга «не служит двум господам», как у жены не может быть двух мужей, привело к моральной дилемме. Что следует делать верному слуге, если господин погиб?

История о *ронинах* из Аки: преподносится, как эталонный пример самурайской верности. Однако, само представление о самурае, как до фанатизма верном вассале, это тоже продукт эпохи Токугава. В этот период произошло переосмысление самурайством своей роли. От орудия войны, они стали хранителями мира. Этот самый «Великий мир» – «*Raх Tokugawana*» – стал огромным достижением после веков внутренней смуты. Общественно-политический строй гарантировал самое главное: стабильность и неизменность общественных порядков. Сёгуны Токугава выступали главными хранителями и арбитрами в деле поддержания мира. В этом смысле верность самурая своему

господину, будь то князь, сёгун или *хатамото*, передающаяся из поколения в поколения – один из столпов этой стабильности.

Статья не ограничивается лишь историей о *ронинах* из Ако:. В частности, для понимания сложной иерархической системы в период Токугава, основанной на земле, автор упоминает, что «храмовое управление» *дзися-бугё*:, не просто управляло храмами, как может показаться из названия. Помимо прочего, это был орган управления храмовыми землями, которые имели своих крестьян, а значит собирали налоги. Кроме того, храмы служили, как своего рода «ЗАГСы» Японии периода Токугава.

Наравне с *ронинами* из Ако: персонажами легенды выступают места действия – замок Эдо, усадьба Кира Ёсинака и т. д. Структура замка Эдо четко соответствовала статусному разделению внутри воинского сословия, и отражала сложный этикет периода Эдо. Местам действия легенды посвящена статья Гусевой А. В. **«Архитектура места действия. Замки, дворцы и усадьбы эпохи Эдо».**

Как и в предыдущей статье, автор не ограничивает себя лишь событиями 1701–1703 гг., предлагая анализ эволюции жилищ, дворцов и замков от периода Камакура к периоду Эдо. Автор, обладая значительной компетенцией в области японской архитектуры, анализирует процесс эволюции японских воинских жилищ, и как менялся облик дворцов сёгунов, князей, а также усадеб воинских домов.

Чётко прописанный церемониал замка Эдо – одна из первопричин конфликта Асано Наганори и Кира Ёсинака. Автор приводит краткую историю становления этого замка, начиная от твердынь предшественников Токугава Иэясу – Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси.

Сам замок Эдо, как известно, утрачен, и наши представления о нем основываются на сохранившихся источниках и аналогичных строениях-современниках. Например, как справедливо указывает Анна Валентиновна, ориентиром может служить внутреннее убранство замка Нидзё: в Киото, который выступал резиденцией сёгунов в столице. Интерьеры замка Нидзё:, как и замка Эдо, чрезвычайно богаты и эстетически красивы. Можно вспомнить картину художника Мурата Танрё: (1872–1940) под названием «Возвращение власти сёгуном императору» (яп. *тайсэй хо:кандзу*)². На ней изображены прекрасные

² Вопреки расхожему мнению, на этой картине изображено не оглашение решения Токугава Ёсинобу вернуть власть императору старшим вассалам каждого княжества в главном зале О:хирома замка Нидзё: 8 ноября 1868 г., а оглашение этого решения

росписи ширм и стен зала Куросёин. Дворец был разделен на несколько основных залов. Самый важный – О:хирома, зал приёмов и крупных церемоний. Эпоха «Великого мира» поспособствовала расцвету множества искусств и ремёсел, в том числе искусства интерьеров.

В статье приводится план замка Эдо, созданный в тот же временной период, когда произошел инцидент с 47 *ронинами*. Глядя на этот план, мы можем оценить масштаб дворца в Эдо, который был похож на лабиринт из коридоров, комнат и залов. В настоящее время на месте дворца располагаются восточные сады императорского дворца, открытые публике. Строения замка в период Токугава исполняли уже не столько военную функцию, сколько выступали резиденцией, административным объектом, столицей и центром концентрации самураев. Замок – внешне военная постройка – внутри представлял собой подобие двора. Твердыня Токугава была символом могущества сёгуна, и вся его структура отражала разницу между сёгунами, князьями и слугами. Как указывает автор статьи, во многом здесь прослеживается влияние неоконфуцианства и его стремления к стандартизации и формализации отношений между людьми и сословиями.

Автор также описывает место, где произошло нападение на Кира Ёсинака – коридор Мацу-но-о:ро:ка. До наших дней дошли лишь описания и изображения этого длинного 50 метрового коридора, украшенного изображениями сосен и птиц-ржанок. В частности, малое количество изображений внутреннего убранства можно объяснить существовавшим запретом на изображение сёгунов.

Второе по важности место в истории о *ронинах* – усадьба Кира Ёсинака, которую в финале штурмуют *ронины* Ако: . Усадьба воинского клана, это не просто жилище, а небольшая крепость. Для понимания того, откуда возникли подобного рода усадьбы, Гусева А. В. приводит историю развития архитектурного стиля *сёин-дзукури*, описывает комнаты и их функции. Это развитие подчеркивало собой трансформацию самурайского сословия, его переход к мирной жизни. Усадьбы – небольшие лабиринты, в которых сложно разобраться, не зная плана. В этом смысле становится понятно, почему для *ронинов* из Ако: так важно было заранее получить план усадьбы Ёсинака, что и было сделано.

вассалам сёгуна и чиновникам 7 ноября в зале Куросёин. В главном зале Нидзё: находится ширма с изображением сосен, а в зале Куросёин и на картине изображены ширмы с цветущей сакурой.

Если замок Эдо выступал центром жизни сёгуната, центр жизни обычного князя или влиятельного вассала сёгуна располагался в его усадьбе. В период Эдо вокруг большинства замков разрастаются т.н. *дзё:ка-мати*, «призамковые города», рост которых обуславливался концентрацией самураев в городах. Более всех городов расцвел Эдо. Благодаря система «поочередного прибытия на службу» (яп. *санкин-ко:тай*), в городе строились сотни резиденций для *даймё*: и их вассалов. Приток самураев вызвал приток обслуживающего персонала – купцов, ремесленников, торговцев, а также рост т. н. увеселительных кварталов.

Особенно хочется отметить анализ истории замка Ако:, приведенный автором. История этого замка позволяет заглянуть за кулисы жизнь среднерангового феодала. Автор статьи приводит теорию, согласно которой отличительной особенностью этого замка являлось то, что его строение было вдохновлено западной фортификационной наукой. Действительно, фотографии 1930-х гг., сделанные с высоты птичьего полёта, позволяют нам увидеть определенные звездообразные черты. Когда замок строили в его нынешнем виде в 1640-е гг., Япония уже какое-то время вела обмен с западными странами, а официальная политика *сакоку* («страна на замке», период внешней изоляции) начнется только в 1641 г.

Замок Ако:, несмотря на свою кажущуюся заурядность, стал центром сразу нескольких инцидентов в период Эдо. Например, в 1863 г. в ходе внутривассалитического конфликта 13 самураев из радикальной фракции *сонно:-дзё:и*³ убили старшего вассала княжества Мори Кадзунори (1836–1863) и ученого-конфуцианца Мураками Синсукэ (1798–1863). Еще ранее, во время правления рода Икэда в княжестве Ако:, князь Икэда Тэруоки (1611–1647) сошел с ума и убил свою наложницу и несколько служанок. Ввиду этого, замок Ако: имеет длинную историю «инцидентов».

К сожалению, до наших времен сохранилось лишь небольшое количество японских замков. Часть погибла в войнах XIV–XVII вв., часть срыли в начале периода Токугава, часть уже после Реставрации Мэйдзи 1868 г. Многие сохранившиеся до XX в. замки были уничтожены пламенем Второй Мировой войны.

³ «Почитание императора, изгнание варваров» – политический лозунг периода *бакумацу* (1853–1868), требовавший от сёгуната Токугава большего уважения к императору и императорскому двору в Киото, а также изгнания иностранцев из Японии.

Далее следует статья «В союзе мстителей. Оружие сорока семи ронинов», написанная японистом и знатоком материальной культуры воинского сословия Японии – **Синицыным А. Ю.**, старшим научным сотрудником МАЭ РАН. В своей статье автор анализирует ту экипировку которую использовали *ронины* из Ако:, а также углубляется в вопрос принадлежности тех или иных образцов клинкового оружия *ронинам*. Как уже упоминалось, в XVIII в. Япония находилась в эпохе мира, и воевать самураям не приходилось. Тем не менее, для них имелись и занятия иного рода. Так, самурайские отряды выступали как пожарные, выходя на тушение пожаров в настоящей самурайской экипировке. Многие элементы этой «пожарной» экипировки переняли и *ронины* из Ако:. Характерными элементами обмундирования *ронинов* были кольчужные доспехи, облегченная защита головы (налобные пластины), скрупулёзно подобранное оружие и инструменты.

В частности, последние два элемента подбирались конкретно под нужды штурма усадьбы Кира Ёсинака. Например, вместо больших луков предпочтение дали маленьким, из которых удобнее стрелять в узких пространствах. Для взлома защитных укреплений усадьбы использовались штурмовые инструменты: кувалды, пилы, секиры, крючки на шесте и т. д. Все это указывает на наличие четкого и продуманного плана действий у *ронинов*. Что касается гравюр Утагава Куниёси, представленных в альбоме, то автор статьи констатирует, что на них оружие *ронинов* изображено достаточно схематично, с допущенными искажениями. Более мелкие декоративные элементы изображены детальнее. Синицын А. Ю. высказывает обоснованные сомнения, что *ронины* обладали *катана* от знаменитых мастеров-кузнецов, о чем часто пишут в нарративных источниках.

В статье хочется особенно отметить сравнительный анализ доступных нам источников о том, каким оружием владели те или иные *ронины*. На стр. 66–75 располагается таблица, где указаны герои повествования на гравюрах и сопоставляется их оружие на гравюрах и в реальности. С помощью этой таблицы можно сравнить образ *ронинов* из Ако: с изобразительных источников с их возможным реальным обликом. Далее автор приводит уникальный в своем роде список кузнецов, которые могли быть причастны к изготовлению клинков *ронинов* из Ако:. Список содержит 34 имени, и под

каждым именем могло скрываться от 1 до 25 кузнецов. То, что автор смог определить многих из них и описать – достойно всяческой похвалы.

Статья **И. В. Мельниковой «Во внутренних покоях. Женщины самурайского сословия в XVIII–XIX вв.»** – логичное дополнение статьи Н. Н. Трубниковой, но теперь рассуждение о долге переместилось на «другую сторону»: в фокусе исследования Ирины Витальевны – женский образ и восприятие женского долга. Автор изучает разные роли, которые играли женщины самурайского сословия в XVIII–XIX вв., с опорой на дидактические тексты Кайбара Экиэн (1630–1714) и других японских мыслителей, и более современные японские и западные труды по теме. Несмотря на сравнительно скудное число сохранившихся до нас деталей повседневного быта женщин самурайского сословия, И. В. Мельниковой удалось «написать» портрет «типичной» для эпохи женщины – девушки, жены, матери, – героини гравюр Утагава Куниёси.

Разброс тем для изучения в одной статье достаточно велик – от особенностей образования и морального воспитания девочек в начале XVIII в. до деталей регламентации практически всех аспектов их социальной, культурной и личной жизни. Крайне любопытно замечание автора о том, что существовали различия между семейным обучением девушек в самурайских семьях высшего ранга и рангами ниже. Одно из главных – отцы могли учить дочерей тому же, чему учили сыновей. Это значительно поднимало уровень образованности женщины из «высших слоёв» в сравнении с «низшими» и открывало для женщины больше возможностей. Статья проливает свет на то, какие действительно были права у женской части населения в семьях разного происхождения и достатка, что тем более ценно сейчас, когда тема недостаточно раскрыта в отечественном японоведении и находится на стадии активного изучения. В тексте главы также есть вставка из первоисточника [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 91–92]: перевод двенадцати из двадцати трех предостережений книги «Заветы Имагава для женщин» (другое название «Онна Имагава», автор – Савада Кити, впервые издан в 1687 г.). Это дополнение ярко характеризует образ «правильной женщины», к которому девочкам эпохи Токугава следовало стремиться с раннего возраста.

И. В. Мельникова, как бы расширяя краткий фрагмент статьи Н. Н. Трубниковой, добавляет, что «Даже в книгах такого дидак-

тического жанра, как жизнеописания образцовых женщин, вплоть до начала XIX в. не было японских героинь, которые бы покончили с собой из чувства долга» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 92]. Этот тезис отражает эволюцию в восприятии понятия женского долга: от защиты семейной репутации к разрушительному самопожертвованию. С другой стороны, сказать наверняка, были ли истории о женских самоубийствах идеологическим мифом или реальной тенденцией в обществе того времени, затруднительно.

В статье отведено особое место анализу женской мемуарной традиции в Японии (на примере мемуаров Исэки Такако) и судьбам героинь вроде Ямамото Яэко (1845–1932), чьи действия иллюстрируют переход от пассивной преданности мужу-господину к активной социальной роли. Как пишет сама Ирина Витальевна, «всего же известно приблизительно двенадцать тысяч женщин, которые оставили после себя творческое наследие, главным образом стихотворное» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 83]. Она также отмечает, что до второй половины XX в. изучение воспоминаний и документальных свидетельств быта женщин не было распространено. Вероятнее всего, подвижкам в этой области способствовал рост феминистических настроений как в Японии, так и в мире в целом. Ирина Витальевна тоже внесла свой вклад в изучение женской истории своей примечательной статьей в данном сборнике.

«Тюсингура: Сюжет о сорока семи преданных вассалах в театре кабуки» – еще один этап в исследовательской карьере специалиста по изучению становления и развития театра кабуки **В. В. Хомченковой**. Ранее Варвара Валентиновна публиковала исследования на смежные темы [Хомченкова 2024, Хомченкова 2022, Хомченкова 2020]. В «Расставаясь с жизнью...» В. В. Хомченкова приняла участие как театровед и рассмотрела влияние постановок сюжета «Тю:сингура» на культуру периодов Эдо и Мэйдзи.

Автор выделяет в статье несколько ключевых аспектов, которые раскрывают исторический и культурный контекст сюжета о 47 *ронидах* из Ако:. Варвара Валентиновна подробно анализирует эволюцию нарратива от версий реального инцидента, произошедшего в самом начале XVIII в. (которых было несколько) до их сценических адаптаций. В этом анализе В. В. Хомченкова подчеркивает конфликтное положение театральной традиции, находящейся под контролем цензуры *бакуфу*. Кабуки был «зеркалом»

общественной жизни и, несмотря на запреты, реальные исторические события спешно перемещались на сценический подиум с измененными именами персонажей и в декорациях более старых эпох. Как пишет сама В. В. Хомченкова, после инцидента стали выходить первые тексты о происшествии, их можно разделить на две категории: записи реальных людей, связанных с *ронинами*, то есть достоверные хроники *дзицуроку* (яп. 実録), и художественные произведения, созданные для сцены (бунраку, кабуки) и печати, они изобиловали неправдоподобными деталями, которые были заимствованы из слухов *фусэцу* (яп. 風説). Чтобы обойти цензуру, драматургам приходилось переносить реальное событие в прошлое, создавая таким образом новую вселенную, или *сэкай* (яп. 世界) — мир художественного произведения. Так и возникали две параллельные истории [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 101].

Особое внимание в работе уделяется мести как культурному феномену. Статья сравнивает «Тю:сингура» с европейскими «трагедиями мести» и явлением «сандай адаути» (три великие мести). В. В. Хомченкова указывает на противостояние двух полярных друг другу философско-этических понятий: *ниндзё* (человеческие чувства) и *гири* (нравственный долг). «Общественное-внешнее» конфликтует в повседневной жизни японцев с «внутренним-личным» и этот дуализм хорошо прослеживается в сюжете «Тю:сингура». В статье сделано ценное в этой связи замечание – в основе конфликта лежит не только моральная, но еще и общественная причина: по законам времени, когда произошел инцидент, не все из сорока семи самураев имели право на месть. Детали этих ограничений представлены в настоящей статье.

Но самое важное, что читателю предлагает статья – краткое, но структурированное «обозрение» одного и того же сюжета в нескольких отличных друг от друга адаптациях. Варвара Валентиновна рассматривает несколько постановок: «Атака братьев Сога на исходе ночи» (Ёути Сога акэбоно, 1703 г.), «Сказание о великом мире на доске для игры в го» (Гобан Тайхэйки, 1710 г.), «Стремена необъезженной лошади из Мусаси» (Оникагэ Мусаси абуми, 1710 г.), «Золотая поэтическая карта вассальной верности» (Тю:син коганэ-но тандзаку, 1732 г.) и «Сокровищница вассальной верности» (Канадэхон тю:сингура, 1748 г.), выделяет их отличительные особенности

и сходства. Если о последней отечественному читателю ранее доводилось слышать, то все остальные известны гораздо меньше и в этом – безусловная новизна статьи. Исследователь также дает ссылку на переводы «Сокровищницы...» на западные языки; в числе переводчиков – Фредерик Дикинс (1838–1915) и Дональд Кин (1922–2019). Более подробно автор рассматривает, конечно же, «Тю:сингуру» – от смыслов, заложенных в элементы инвентаря и костюмов актёров до ролей (которые, кстати, удобно вынесены в отдельные таблицы в конце статьи) [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 106–110].

Статья **А. И. Голда «“История о цветке, история о снеге”: Образ ронинов из Аки в кинематографе, анимации и комиксах»** органично дополняет сборник краткой ретроспективой визуальных адаптаций сюжета о 47 *рониных* из Аки. Автор детально изучил то, как один и тот же нарратив трансформировался под влиянием быстро сменяющихся друг друга эпох и находил разные воплощения в кинематографе и анимации. Подчеркивая преемственность и плавный переход истории о *рониных* от сцены театра к декорациям кино, Анна Ивановна отмечает, что «сложно найти другую страну, где игровое кино имело бы так много точек соприкосновения с театральной традицией и являлось ее органичным продолжением» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 115]. Автор отмечает также то, что сюжет «о вассалах из Аки:» – одна из «вечных» тем японского кинематографического искусства. Его продолжают переосмысливать и сегодня, одна из самых последних адаптаций – 2022 г. («Клинок 47 ронинов», Netflix, 2022 г.)

Безусловная ценность данного исследования в том, что А. И. Голда удалось проследить все этапы эволюции сюжета 47 *ронинов* от театра к кино, ТВ, аниме и манге в XX–XXI вв. Первый этап: прямое влияние цензуры в милитаристской Японии в 1930–1940-х гг. В этот период фильмы о 47 *рониных* использовались как инструмент идеологической пропаганды долга, чести и самопожертвования. Как пишет сама Анна Ивановна, «...ленты этого времени представляют собой довольно близкие к первоначальной легенде произведения, полностью сконцентрированные на вопросах долга и чести воина, концепции оправданного отмщения и моральных нормах, присущих самурайскому сословию» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 117]. Второй этап: послевоенный переход к цветному кино и ТВ в 1950–1970-х гг. (яркий пример – многосерийный проект «Великая тю:сингура»

(Дай тю:сингура), 1971). Это время расцвета разнообразных сериалов и мультсериалов по мотивам истории о 47 *ронинах*. Смещается также ценностно-смысловой фокус с идеологического на развитие характеров персонажей (в том числе и персонажей второго плана). Третий этап: вольные адаптации последнего десятилетия XX – первых десятилетий XXI в. Анализируется западное восприятие сюжета, во многом основанное на непонимании ключевых аспектов японской драматургии. А. И. Голда подытоживает анализ описанием процесса деконструкции самого жанра «героя-мстителя» в современных анимационных проектах, вдохновленных «Тю:сингура». Произошел постепенный отказ от восхваления ритуалов традиционной мести в пользу гуманизма и романтизации благородного компромисса.

Статья также выявляет еще одну примечательную и при этом не самую очевидную особенность сюжета о «вассалах из Акого» – он практически не нашел адаптации «в чистом виде» в манга или анимэ. Существует множество так называемых «отсылок» на какие-то основополагающие элементы «Тю:сингура», но, по словам А. И. Голда, анимация менее охотно, чем кинематограф, принимает в производство историю о вассальной преданности и кровной мести. Автор считает этот факт «парадоксальным», но с этой точкой зрения можно согласиться лишь отчасти: неоднозначная мораль оригинальной «Тю:сингура», связанная с местью и саморазрушительным поведением, на Западе не приветствуется, а значит и жанр «анимэ», значительная часть произведений которого ориентирована и на западную аудиторию, вряд ли бы пропустил через собственную «цензуру» практически полностью повторяющую суть оригинала адаптацию. Каждый из разделов статьи логично продолжает предыдущий, поэтому у читателя при прочтении возникает чёткая картина того, как рассматриваемый сюжет развивался, трансформировался и деконструировался на протяжении более чем ста лет.

В своей статье **«“Предания о верных вассалах из Акого...” Альбом Итиюся Куниси в коллекции галереи KASUGAI»** Е. О. Тягунова представила обширный и подробный анализ творческой деятельности художника Утагава Куниси (1798–1861). Указывая самые известные фамилии японских художников жанра *укиё-э* и самые популярные сюжеты гравюр эпохи Эдо и Мэйдзи, автор статьи вводит читателя в культурный «бэкграунд» того времени: это необходимо для более близкого знакомства с жанром и рабо-

тами мастеров школы Утагава. То, что данная статья не обделяет вниманием предшественников и продолжателей традиции Куниёси само по себе ценно, ведь эта научная работа предлагает логично и последовательно представленный срез художественного искусства XIX столетия.

Краткая биографическая справка отвечает на некоторые вопросы, которые могут возникнуть у читателя данной работы, такие как, например, почему на протяжении всей книги Утагава Куниёси носит псевдоним – Итиюсай Куниёси. Кроме того, статья не сосредотачивается исключительно на теме «*ронинов* из Акого», а также рассматривает более ранние серии гравюр кисти мастера Куниёси, что выходит за тематические рамки сборника. Жанровое разнообразие работ Куниёси включает в себя такие жанры, как *гига* (юмористическая гравюра), *митатэ-э* (соединение классики и повседневности в гравюре), *сюнга* (эротическая гравюра) и др.

Поскольку альбом-сборник фокусируется на истории «вассалов из Акого», в статье детально рассматривается структура листов гравюр «Сэйтю: гиси-дэн» и «Сэйтю: гисин-дэн» (в частности нумерация и особенности оформления листов). Автора интересуют распространенные типы персонажей и сюжетов в этих двух сериях, приводится уже упомянутая типология М. В. Успенского. Примечательно также и то, что кроме основных серий у Куниёси были и побочные, не дошедшие до отечественного читателя – «Зерцало преданных вассалов» (Гиси тю:син кагами, 1848 г.) и «Сравнение знаменитых преданных вассалов» (Тю:син гиси комё курабэ, 1848 г.): Е. О. Тягунова выделяет динамичность и выразительность гравюр этих серий в сравнении с известными нам сериями.

Помимо ссылок на работы М. В. Успенского, автор также обращается к музейным каталогам (ГМИИ им. Пушкина, Эрмитаж), выставочным изданиям и исследованиям коллекций (например, коллекции А. С. Орлов-Кретчмера и К. Г. Данелии).

Отдельное внимание автор уделяет вопросам цензуры – как в случае с *ронинами* из Акого, так и с другими сюжетами, были такие темы и проблемные области, отражение которых в творчестве критически не приветствовалось. Авторы прибегали к множеству средств выразительности, чтобы «завуалировать» смысл своих работ (шифры, подмена имён персонажей, вымысел и т. д.). Исследователь отмечает, что, «...Пытаясь обойти цензуру, художники

обращались к героям периода, который предшествовал эпохе Воюющих провинций (вторая половина XV начало XVII в.)» [Расставаясь с жизнью..., 2025, с. 123]. Такая практика пережила даже Реставрацию Мэйдзи 1868 г. Например, изображая сцену гражданской войны в провинции Этиго в 1868 г., художник Утагава Ёсимори (1830–1885) в своей работе «Этиго-куни Синаногава Такэда-Уэсуги дай кассэн-но дзу» изменил стороны конфликта: вместо правительственных войск и войск мятежного княжества Нагаока указаны воинства родов Такэда и Уэсуги, отсылая таким образом к событиям период Сэнгоку.

В заключение можно сказать, что Е. О. Тягунова представила очень подробный обзор представленных в альбоме серий гравюр как с искусствоведческой (профессиональной) точки зрения, так и с точки зрения заинтересованного наблюдателя, для которого произведения Утагава Куниёси – источник вдохновения и маленький портал в японскую традиционную культуру.

Закрывает серию научных работ в альбоме статья историка-япониста **Ф. В. Кубасова** – «**Стоя на плечах гигантов. Вместо предисловия переводчика**». Как видно из названия, это не столько научная статья, сколько комментарий-эссе к переводу «Жизнеописаний...». Ф. В. Кубасов взял на себя непростую задачу – перевести ранее не переведенную на русский язык серию работ «Жизнеописания преданных и верных сердец». Основная серия была практически полностью переведена на русский язык М. В. Успенским. Данный перевод также представлен в альбоме, но, благодаря усилиям Ф. В. Кубасова, дополнен теми гравюрами, к которым у русского читателя прежде не было доступа. Кроме того, переводчик смог «закончить» то, что не смог его предшественник, а именно – представить перевод шести листов «Жизнеописания преданных и верных вассалов», которые М. В. Успенский не перевел «в силу отсутствия их в собрании Государственного Эрмитажа» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 145]. Ф. В. Кубасов отмечает, что не стремился полностью подражать уникальной манере его предшественника.

Переводчик не останавливается подробно на биографии художников и автора текстов. Автор начинает с рассмотрения особенностей (и трудностей) перевода и текста первоисточников, с которыми он работал. Таким образом, статья делится на несколько смысловых частей: краткий обзор сюжетов переведенных текстов,

размышления о работе с поэтическим материалом и другие детали рабочего процесса, о которых переводчик счёл необходимым упомянуть отдельно.

Анализируя сюжеты гравюр «Жизнеописания преданных и верных сердец», Ф. В. Кубасов предлагает вниманию читателя несколько конкретных примеров, которые считает показательными – все они иллюстрируют образ «идеальной женщины из самурайского сословия». Для каждого сюжета указан соответствующий лист альбома, поэтому читателю при работе с книгой не составит труда сопоставить заметки Ф. В. Кубасова и соответствующие страницы с гравюрами. Одной из сильных сторон данной статьи может считаться то, что Ф. В. Кубасов пристально изучает содержание текстов первоисточников на предмет несоответствия текста и иллюстрации и, несмотря на то, что на часть вопросов переводчик пока не нашел ответ, его комментарий даёт более полное представление о деталях рассматриваемых сюжетов. Исследователь также справедливо заметил, что «некоторые тексты из двух серий описывают одну и ту же историю с разных ракурсов – например, лист из “Сэйтю гиси-дэн” с изображением воина Онодэры Дзюная (лист 9 “вассалов”) и лист из “Сэйтю гисин-дэн” с изображением его жены (лист 4 “сердец”))» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 148].

Резюмируя, можно с уверенностью утверждать, что Ф. В. Кубасов проделал впечатляющую работу по переводу, таким образом открыв для будущих исследователей новое поле для более углубленного изучения творчества Утагава Куниёси и автора сопроводительных текстов гравюр Иппицуан.

При прочтении трудно не отметить, что, на контрасте с остальными статьями сборника, эта подглава включает заметный автобиографический аспект и научный стиль изложения здесь чуть менее выражен, чем в предыдущих фрагментах. Это объясняется спецификой данного сборника. Тем не менее, особенности стиля не лишают заметку первой научной ценности.

В завершение рецензии, безусловно не передающей всю глубину и богатство рассматриваемого альбома, хочется еще раз отметить уникальный формат данной работы. Альбом «Расставаясь с жизнью...» находится на стыке сразу нескольких сфер: научной, живописной, культурной, и даже области библиофилии – страсти к коллекционированию ценных и дорогих изданий. Во всех этих

сферах альбом выступает отлично: научные статьи имеют свою ценность и новизну, представляя собой хоть и небольшие, но полноценные научные исследования, изображения гравюр приносят эстетическое удовольствие, а качество издания не может не вызывать восторг.

Сложно привести какие-то минусы, которые относились бы непосредственно к содержанию работы. Тем не менее, хочется еще раз отметить малую доступность данного альбома – цена достаточно высока, а количество библиотек с данной работой ограничено.

В остальном, авторы данной рецензии констатируют успех первой издательской инициативы галереи KASUGAI, и надеются в будущем увидеть новые издания от этого коллектива.

Библиографический список

Воробьева Д. И. (2024). Мастера укиё-э школы Утагава: Куниёси и Кунисада. Рецензия на переиздание монографии М. В. Успенского «Куниёси и его время». *Ежегодник Японии*. Т. 53. С. 431–444.

Расставаясь с жизнью: предания о верных вассалах из Аки в иллюстрациях Итиюся Куниёси. (2025) – Санкт-Петербург: Издательство галереи KASUGAI

Хомченкова В. В. (пер.) (2020). Пьеса театра кабуки «Повелитель грома» («Наруками»). Предисловие, перевод и комментарии. *Ежегодник Японии*. Т. 49. – Москва: Наука. С. 454–495.

Хомченкова В. В. (2022) О переводе и комментарии пьес театра Кабуки. *История и культура Японии. Orientalia et Classica. Вып. 14*. – Москва: НИУ ВШЭ. С. 95–99.

Хомченкова В. В. (2024) «Свиток пожертвований». Пьеса театра Кабуки «Кандзинтё:». *Японские исследования*. 2024. № 1. С. 16–43.

References

Khomchenkova, V. V. (transl.) (2020). Pyesa teatra kabuki “Povelitely groma” (“Narukami”). Predisloviye, perevod I commentarii. [“The Thunder God”. The Kabuki Play *Narukami*. Introduction, translation, and comments]. *Yearbook Japan*. Vol. 49. P. 454–495. (In Russian).

Khomchenkova V. V. (2022) O perevode I kommentarii pyes teatra Kabuki. [Translation of and Commentary on the Kabuki Drama]. *History and Culture of Japan. Orientalia et Classica. Issue 14*. – Moscow: HSE University. P. 95–99. (In Russian).

Khomchenkova V. V. (2024). “Svitok pojertvovaniy”. Pyesa teatra Kabuki “Kanjinchō” [“The Subscription List.” The Kabuki play Kanjinchō]. *Japanese Studies in Russia*. № 1. P. 16–43. (In Russian).

Rasstavayas' s zhizn'yu: predaniya o vernykh vassalakh iz Ako v illyustratsiyakh Itiyusaya Kuniesi. (2025). [Parting With Life. Tales of the Faithful Vassals From Ako in Illustrations by Ichiyusai Kuniyoshi]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo galerei KASUGAI. (In Russian).

Vorobeva D. I. (2024) Mastera ukiyo-e shkoly Utagawa: Kuniyosi I Kunisada. Retsenziya na pereizdaniye monographii M. V. Uspenskogo “Kuniyoshi I ego vremya” [*Ukiyo-e* Masters of the Utagawa School: Kuniyoshi and Kunisada. Review of the Second Edition of M. V. Uspensky's Monograph «Kuniyoshi and His Time»]. *Yearbook Japan*. Vol. 53. P. 431–444. (In Russian).

С. В. Венская

**О японоведческих конференциях
(декабрь 2024 – февраль 2025).
XVII ежегодная конференция
Ассоциации японоведов
и XXVII конференция
«История и культура Японии»**

20 декабря 2024 г. в здании Института Китая и современной Азии РАН (г. Москва) прошла XVII ежегодная конференция Ассоциации японоведов. В этом году она была разделена на 4 секции, и на ней были затронуты как проблемы современного японского общества, так и вопросы, связанные с изучением истории и культуры страны.

Пленарное заседание открылось приветственным словом директора ИКСА РАН, д. ф. н. К. В. Бабаева. Обозначив значимость проведения научных мероприятий японоведов, он выразил надежду на улучшение взаимоотношений в исследовательской сфере между Японией и Россией. Затем традиционно прозвучала речь председателя Ассоциации японоведов, заведующего кафедрой востоковедения МГИМО, проф. Д. В. Стрельцова. Он подвёл итоги работы Ассоциации в этом году, подчеркнув высокую оценку журналов, выпущенных под её эгидой, со стороны научного сообщества.

Пленарное заседание продолжили три доклада. Директор ЦЯИ ИКСА РАН В. О. Кистанов представил видение положения Японии на международной арене в условиях перемен во внешней политике США. Об основных тенденциях демографии и семейной политики японского общества рассказала главный научный сотрудник Института Востоковедения РАН И. П. Лебедева. Японская сфера кибербезопасности была освещена в докладе профессора НИУ ВШЭ Г. Ю. Никипорец-Такигава.

Дальнейшая конференция разделилась на следующие секции: «Внешняя и внутренняя политика современной Японии», «Экономика

и общество современной Японии», «История Японии», «Культура Японии». Всесторонность направлений позволила собрать большое число слушателей не только из числа исследователей-специалистов, но и студентов-востоковедов из ведущих университетов как Москвы, так и других городов России.

Модератором секции политики выступил председатель Ассоциации японоведов, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО, проф. Д. В. Стрельцов, продолжив тему пленарного заседания о возможных изменениях японо-американских отношений. Геополитическую трансформацию раскрыли и чрезвычайный и полномочный посланник 1 класса, советник Дипломатической академии МИД России В. Н. Добровольский, а также научный сотрудник ИВ РАН Д. А. Милеев.

В то же время были охвачены отношения и перспективы сотрудничества Японии со странами Азии, АТР, Африки и Большого Ближнего Востока. Так, научный сотрудник ЦЯИ ИКСА РАН Ю. А. Домахина проанализировала дальнейший диалог Японии и КНДР после вступления Исиба Сигэру в должность премьер-министра, а доцент кафедры востоковедения МГИМО А. А. Киреева рассмотрела треугольник США-Япония-Южная Корея через призму внешней политики Китая. Ассистент кафедры японоведения СПбГУ А. В. Леленкова подошла к роли Китая в политике Японии с исторической стороны через отношения Японии и Индии.

Важность стран АТР для Японии подтвердили выступления старшего научного сотрудника ИМЭМО РАН и ИКСА РАН Л. А. Гамза, соискателя ЦЯИ ИКСА РАН К. В. Щуплецовой и аспиранта кафедры востоковедения МГИМО И. В. Рахматуллина. Также важно отметить доклад старшего научного сотрудника ЦЯИ ИКСА РАН, Ю. А. Крячкиной о стратегии предоставления официальной помощи Японии развивающимся странам мира, в первую очередь странам ЮВА и Тихого Океана.

Внимание на японское военное присутствие в Африке на примере базы в Джибути обратила преподаватель Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (г. Санкт-Петербург) А. В. Коробочкина. Острый вопрос отношений Японии с Израилем осветила старший преподаватель кафедры международных отношений и политических процессов стран Азии и Африки Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (г. Санкт-Петербург) М. П. Чижевская. Наконец,

старший научный сотрудник ЦЯИ ИКСА РАН О. А. Добринская рассказала о японо-афганских отношениях в условиях власти движения «Талибан (запрещенная организация в РФ)».

Секция «Внешняя и внутренняя политика современной Японии» показала масштабный уровень влияния страны в развивающихся регионах, рассмотрела изменения позиции страны на политической арене и коснулась вопросов дальнейших перспектив развития отношений Японии с соседями и странами-союзницами.

Секцию «Экономика и общество современной Японии» открыла модератор, профессор ИСАА МГУ, РАНХиГС И. Л. Тимонина с подробным и графическим анализом динамики экономических показателей Японии. Помимо тенденций, И. Л. Тимонина выявила основные проблемы и вызовы, с которыми сталкивается экономика страны. Старший научный сотрудник ЦЯИ ИКСА РАН, Г. Д. Паксютов рассмотрел некоторые из этих проблем (в частности – обозначенная И. Л. Тимониной проблема конкурентоспособности экономики) с точки зрения монетарной политики Японии.

Вопросам бизнеса было посвящено два доклада. О преемственности среднего и малого бизнеса и вытекающих из этого проблемах рассказали доцент Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ С. В. Шапошников и профессор экономического факультета Университет Мэйдзё (Япония) Садои Юри. Работу и механизмы управления крупного бизнеса представил директор Центра современной политэкономии Института проблем управления С. Э. Юрков.

На тему цифровизации Японии выступила доцент Географического факультета МГУ И. С. Тихоцкая. Обрисовав этапы развития и распространения цифровых технологий в стране, И. С. Тихоцкая представила концепцию «Государства цифровых сельских городов» и общества цифрового симбиоза.

Два доклада секции были посвящены экологической политике. Первый из них представил из себя сравнительный анализ содержания национальной водородной стратегии Японии 2017 и 2023 гг. за авторством старшего научного сотрудника ЦЯИ ИКСА РАН К. А. Корнеева. В следующем докладе младший научный сотрудник ИНИОН РАН О. Б. Рамеев рассказал о проблемах и перспективах реализации программы Азиатского сообщества нулевых выбросов (AZEC).

Данные о психологическом благополучии учителей Японии представила аспирантка Института психологии РАН М. В. Федотова,

а психоаналитик Центра психологии и психоанализа «Selfhood» Н. И. Скрыльникова углубилась в вопросы стигматизации жертв Хиросимы, Нагасаки и Фукусимы. Была затронута и тема женского вклада в японскую науку в совместном выступлении доцента кафедры мировой экономики МГИМО С. М. Ребрей и соискателя МГИМО Н. Е. Балашовой.

В конце экономической секции участники поделились приятным впечатлением от многообразия возможных тем исследований.

Историческая секция, модератором которой стал доцент Школы востоковедения ФМЭИМП НИУ ВШЭ С. В. Гришачёв, открылась докладом аспиранта ИВ РАН, Д. Д. Романчева. В своей работе он изучил фортификационные сооружения на о. Хоккайдо сер. XIX в. Анализом действий святителя Николая Японского в ходе православной духовной миссии занялась преподаватель ВКИЯ ВАВТ Н. А. Ерофеева, рассмотрев конкретные мероприятия, повлиявшие на успех миссионеров.

В ходе доклада члена центрального правления Общества «Россия – Япония» В. Г. Пясецкого были продемонстрированы сканы письма неотправленного письма Николая II императору Японии. О значимой фигуре в русско-японской и советско-японской дипломатии начала XX в., Каваками Тосицунэ, рассказала старший преподаватель Школы иностранных языков НИУ ВШЭ С. А. Михайлова. А кандидат исторических наук Е. В. Яковкин представил реакцию русской миграции в Маньчжоу-го на торжества, посвященные 2600-летию Японской империи.

Увлекательными историями из автобиографии Фукудзава Юкити во время поездки в США поделилась младший научный сотрудник ИВ РАН А. Б. Шарова. Записи Фукудзава Юкити позволили лучше понять не только менталитет японцев, но и американцев того времени.

Отдельного внимания удосуживается блок докладов, посвященных проблеме исторической памяти. Рефлексию о японском военном присутствии на примере музеев и экспонатов Индонезии и Сингапура представил доцент ВШЭ С. В. Гришачёв. А об экспозиции музея военной истории «Юсюкан» рассказал доцент Кафедры востоковедения МГИМО-Университета В. В. Нелидов.

Память о тайваньских женщинах утешения *вэйаньфу* была рассмотрена на примере музея «Ама» в докладе научного сотрудника

ИБ РАН В. А. Перминовой. В конце работы секции ассистент Кафедры истории и философии ИРНИТУ К. Е. Кузьмин рассмотрел действия бывшего премьер-министра Японии Коидзуми Дзюнъитиро в вопросах исторической памяти с Китаем событий 1931–1945 гг., влияющие на отношения двух стран и в наши дни.

В результате работы секции «История Японии» участники смогли взглянуть на общеизвестные события под другим углом и открыть для себя совершенно новые факты о прошлом как Японии, так и остальных стран.

Наконец, секция, посвященная культуре Японии, была представлена десятью докладами. Модератором секции выступила директор ЦЯИ ИВ РАН Е. Л. Катасонова. Её работа о японизме и неояпонизме позволила составить хронологическую картину влияния японского искусства на мир, что можно увидеть и по сей день. Продолжив эту тему, преподаватель РГГУ Л. Р. Усманова рассказала о влиянии японского искусства оформления цветов на Западе. Г. Б. Дуткина, научный сотрудник ЦЯИ ИВ РАН рассмотрела вопрос адаптации японской демонологии через призму искусства кино, литературы, затронув научные и переводческие работы на эту тему. Взгляд китайского общества на японскую анимацию и его ценности был раскрыт в докладе аспиранта РУДН, Ли Сяомина.

Историю культа Сарасвати-Бэндзайтэн обрисовала в своём докладе ведущий научный сотрудник Центра «Государство и религии в Азии» ИКСА РАН Е. С. Лепехова, а лаборант-исследователь ЦЯИ ИВ РАН А. Г. Шехтер погрузился в историю *дзэн* в США первой половины XX в. Религиозную жизнь японцев и интерпретацию *синто* в современной массовой культуре показала лаборант-исследователь отдела Сравнительного Культуроведения ИВ РАН М. Е. Архипова.

Кроме того, часть культурной секции была отведена анализу японской литературы и мемуарам о Японии. Так, старший преподаватель кафедры японской филологии ИСАА МГУ М. А. Кириченко положила начало изучению поэзии *дока* школы фехтования *Ягю синкагэ-рю*. На примере книги Изабеллы Берд «Нехоженные тропы Японии» преподаватель Смоленского государственного медицинского университета С. П. Мальчикова показала реалии Японии конца XIX в. со всеми её достоинствами и недостатками. Подробный анализ первого японо-американского писателя Мори Тосио и специфических черт его произведений провела старший преподаватель

Кафедры гуманитарных и инженерных дисциплин Государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица (г. Санкт-Петербург) К. А. Вихрова.

Соединяя историческое и современное, секция «Культура Японии» обратила внимание на наличие множества культурных феноменов и литературных памятников, которые требуют изучения. XVII ежегодная конференция Ассоциации японоведов вновь показала высокий уровень подготовки учёных-японоведов. Масштаб мероприятия подтвердил, что уровень заинтересованности научного сообщества в японских исследованиях продолжит расти и впредь.

17–19 февраля 2025 г. в Институте классического Востока и Античности (ИКВИА) Высшей школы экономики состоялась XXVII научная конференция «История и культура Японии». В течение 3 дней работы конференций проводилось три поочерёдных заседания: утреннее, дневное и вечернее.

Результатом конференции стал семнадцатый выпуск «Истории и культуры Японии» в серии *Orientalia et Classica*. Избранные научные работы, посвященные главным образом XIX–XX вв., были помещены в сборник, разделенный на 6 частей. Первые четыре части охватывают исследования архивных материалов, философской мысли, литературы и искусства Японии, пятая часть раскрывает японскую культуру в международном контексте, а в шестой расположились «Японоведческие миниатюры».

В начале конференции прозвучало приветственное слово от директора ИКВИА НИУ ВШЭ профессора Д. В. Волкова. Затем с обращением выступил профессор А. Н. Мещеряков, который является организатором данного мероприятия уже на протяжении более чем четверти века. В первую очередь он отметил большой «урожай» заявок и поблагодарил доцентов ИКВИА Е. Б. Сахарову, С. А. Родина и студентов за помощь в организации конференции.

Утреннее заседание первого дня модерировал профессор А. Н. Мещеряков. Доклады секции в основном относились к буддийской философской мысли. Так, Н. Н. Трубникова охарактеризовала предисловия рассказов *эцува*, а А. А. Петрова проанализировала образ монаха Дзо:га. Образ женщины и их путь к просветлению были рассмотрены в докладе М. С. Коляды. А Л. М. Ермакова представила рассуждения о некоторых категориях *дзэн* на примере стихов

из сборника «Дзиккинсё». Подробный анализ экономического состояния и жизни храма Тодайдзи составила О. К. Матвеева благодаря материалам хранилища *Сёсоин*. Иллюстрации дзэнского мастера Хакуина приложила Е. Е. Малинина, подчеркнув важность художника для философии того времени. О движении Второго Пришествия Христа в Японии рассказала А. Д. Бертова. Последним докладчиком заседания стала Е. Э. Войтишек, продемонстрировав связь буддийских божеств с японскими шахматами *сё:ги*.

Ведущим дневного заседания стал В. В. Щепкин. Главным фокусом секции стала литература Японии. Творчество писателей М. Юкио и Н. Сосэки нашли своё отражение в докладах И. Ёмота и Е. С. Абрамовой. Результатами археологических раскопок поделились японские исследователи Х. Баба и С. Кунитакэ (последний работает вместе с Е. Э. Войтишек). Под новым углом рассмотрела прозу эпохи Токугава И. В. Мельникова, а А. А. Ясинский с её помощью углубился в историю японской медицины. Зарождение автобиографического жанра можно было проследить вместе с профессором А. Н. Мещеряковым через сочинения Фукудзава Юкити. А. А. Дудко поделилась методами исследования *дзуйхицу* периода Эдо. Наконец, М. М. Громова пролила свет на повесть Л. Чарской о русско-японской войне.

Первый день конференции закончился вечерним заседанием, модератором которого выступила Е. К. Симонова-Гудзенко. Секция объединила в себе множество культурных направлений и эпох. Докладчики М. В. Грачёв, С. О. Онишук и Д. В. Трухан представили быт эпохи Хэйан. Провинция Овари и город Киото прошлого были рассмотрены с помощью *мэйсё дзуэ* в работах А. А. Максимова и К. А. Десятниковой соответственно. О чайных традициях и способах постижения «Пути Чая» рассказала А. В. Кудряшова. Истории дома Мори, отражённой в одной из книг «Нихон гайси», был посвящен доклад С. А. Толстогузова. А. Ю. Борькина поделилась японским взглядом на будущее и искусственный интеллект на страницах романа Кудан Риэ «Токийская башня сочувствия», получивший премию Акутагава в 2023 г. Последним докладчиком стал К. М. Карташов. В его сообщении раскрывался потенциал японских корпоративных историй *сяси* как современных исторических источников.

18 февраля ведущим утреннего заседания стал Е. М. Османов. Открыл секцию доклад А. В. Климова на тему медвежьего праздника на Хоккайдо в описании Мацуда Дэндзюро. Заглядывая в историю

XV в. Е. Б. Сахарова сопоставила литературный памятник «Дзэнрин кокухо:ки» с происходящей реальностью того времени. О восприятии японцев глазами офицера Генерального Штаба М. А. Соковина сделала сообщение Е. И. Нестерова. К терминологии военной сферы, *бутоку* и *синоби*, обратились докладчики А. М. Горбылёв и Н. В. Ожегов. Продолжая тему, А. Ю. Синицын задался вопросом типологической классификации самурайских доспехов. Анализом иллюстративного материала занялись Д. Кикнадзе (рекламные карточки The Liebig Company) и Е. О. Тягунова (ронины Аки в коллекции галереи KASUGAI). Закончил секцию стендовый доклад И. А. Дегтева, повествующий о режиме содержания советских дипломатов в Японии в период 1939–1941 гг.

Модератором дневного заседания на следующий день была М. В. Торопыгина. Доклады этого заседания сосредоточились на исторических взаимоотношениях России и Японии, СССР и Японии. На примере третьего свитка «Росия ибун» О. В. Климова рассмотрела потенциал источника в изучении российско-японских отношений н. XIX в. О том, как Россия могла повлиять на *Мэйдзи исин*, рассуждал В. В. Щепкин, остановившись на биографиях Аидзава Сэйсисай и Хирата Ацутанэ. Сотрудничеству в военно-морской сфере России и Японии в годы Первой мировой войны был посвящён доклад С. В. Гришачёва. Формирования российско-японских контактов с японцами Приморья через газету «Урадзю ниппо» коснулась М. С. Болошина. На колониальный режим губернаторства Карафута и реакцию местного населения обратила внимание А. А. Мартынова. Возвращаясь к газетам, М. С. Чистякова проследила, как складывались отношения между СССР и Японией на примере журнала «Техническая эстетика». Тему российской эмиграции в Маньчжурии 1930–1940-х гг. затронул Е. В. Яковкин. Завершающим стал доклад П. Э. Подалко на тему русских послов в Японии.

Вечернее заседание прошло под руководством И. В. Мельниковой. Большинство докладов секции касались японского театра и японской музыки. Помимо этих тем затрагивались вопросы организации издательского дела периода Токугава в сообщении М. В. Торопыгиной, культура и практика женского чтения конца XIX и первой половины XX вв. в докладе В. С. Фирсовой и истоки современного искусства каллиграфии А. П. Беляева. Изображению «Шести бессмертных поэтов» в театре Кабуки посвятила доклад А. С. Борисова,

а В. В. Хомченкова подробно разобрала монолог-скороговорку из пьесы Кабуки, «Сукэроку». О сохранении традиций театрального жанра комических сцен *кёгэн* рассказала Л. П. Тимофеевна. О музыке и изображении музыкальных инструментов в японской демонологии сообщила М. В. Есипова. Работа секции закончилась докладом Н. Ф. Клобуковой об особенностях восприятия мира через призму музыки слепыми музыкантами.

Последний день конференции, 19 февраля, открыла утренняя секция, ведущим которой выступила М. Н. Малашевская. Заседание началось с доклада К. А. Спицыной, в котором было обрисовано развитие геологии периода Мэйдзи. Секция продолжилась описанием исторического эпизода взаимодействия французов и японцев в сфере развития военно-промышленного комплекса в Коисикава в сообщении С. С. Наумова. О фигуре Андреаса Клейера и его вкладе в распространении медицинских знаний в Японии конца XVII в. рассказал Дж. Боррьелло. Истоки морального воспитания Японии осветила А. В. Козачина, а Е. М. Османов проанализировал историю рекрутингового плаката Сил самообороны Японии. Необычным показалась тема, выбранная С. А. Родиным, – он описал, как и почему зародилась история игрушек в послевоенной Японии. Влияние японского права на территории Маньчжоу-Го раскрыл П. Н. Дудин. Тему экологического сознания японского общества первой половины XX в. затронула О. И. Лебедева.

Ответственным за проведение дневного заседания стал С. А. Родин. Секция началась с двух докладов на географическую тему от Е. К. Симоновой-Гудзенко и А. Б. Шаровой про восприятие Японии на карте Урбана Монте и восприятие США в сочинении Утида Масао соответственно. Слою обценной лексики Средневековой Японии была посвящена работа И. А. Тюленева. В то же время О. А. Забережная рассмотрела средства выразительности в *нихонго бунгаку*, литературе на японском языке. Обращая внимание на понятия *гэмба* и *икигай*, М. Н. Малашевская раскрыла тему японского харизматического лидера через кинокартину «Фукусима» 2020 г. Гастродипломатия и продвижение *васёку но тиикисэй*, японской региональной кухни, был посвящен доклад О. А. Наливайко. Современная дискуссия о новом этапе развития японской эстетики через взгляд японских и иностранных специалистов была предложена докладчиком Е. Л. Скворцовой. Последний доклад секции Л. В. Овчинниковой

показал работу японской полиции в период японского колониального управления Кореей.

Последнюю вечернюю секцию провёл профессор А. Н. Мещеряков. Она открылась докладом Н. С. Братухина о влиянии буддизма на жизнь иностранцев в эпоху Мэйдзи. Связь между японским и китайским фольклором на примере Небесной Собаки *тэнгу* проследил докладчик В. И. Демидов. Восприятие советской власти на Южном Сахалине японцами в первые годы после Второй мировой войны отметил Е. В. Лузин. Особенности повествования об атомных бомбардировках и вопросы памяти в творчестве Сэйрай Юити проанализировала А. В. Палагина. На примере иллюстраций «The Illustrated London News» середины XIX в. Д. Д. Романчев обрисовал образ японского воина в глазах европейцев. А. А. Судакова посвятила доклад изучению японского паломничества с антропологической точки зрения и поделилась материалом, собранным в ходе собственной экспедиции. Конференция закончилась докладом А. Г. Шехтер о религиозной секте *Сэйтё-но Иэ* и собственным полевым исследованием.

За время работы XXVII конференции «История и культура Японии» было зачитано более 60 докладов.

Прошедшие мероприятия, вызвавшие волну бурных обсуждений, ещё раз доказали неугасающий интерес к японоведческой науке как среди состоявшихся исследователей, так и среди тех, кто только начинает пробовать себя в этом ремесле студентов. Мы выражаем надежду на сохранение этого тренда и желаем коллегам успехов в нелёгком научном пути.

Уважаемые авторы Ежегодника!

Для того, чтобы направить свою статью на публикацию в Ежегодник Япония, необходимо на сайте **www.yearbookjapan.ru** осуществить следующие действия:

- войти в раздел «Отправить статью»,
- зарегистрироваться и создать личный кабинет,
- в личном кабинете заполнить форму для подачи статьи.

Дата подачи статьи на данном ресурсе является датой ее поступления в редакцию. Сбор материалов для очередного номера осуществляется в первом полугодии, крайний срок подачи на номер текущего года – **15 мая**.

На сайте Ежегодника Япония **www.yearbookjapan.ru** вы можете ознакомиться с архивом предыдущих выпусков журнала, а также с информацией, которая необходима для подачи рукописи и прохождения всех условий публикации – обязанности авторов, порядок рецензирования, основные требования к оформлению статей, примеры ссылок и библиографического описания.

Журнал «Ежегодник Япония» издается с 1972 г. по решению, принятому 26 февраля 1971 г. на заседании Секции по изучению Японии при Научном совете по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения Президиума АН СССР.

«Ежегодник Япония» является трибуной и коммуникационным каналом всего российского японоведческого сообщества. Концепция Ежегодника предполагает освещение самого широкого круга научных проблем японоведения, включая вопросы внутренней и внешней политики Японии, ее экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Публикуемые статьи систематизированы в рубриках, посвященных внутренней и внешней политике, экономике и обществу, истории и культуре.

ISSN 2687-1432 (печатный)
ISSN 2687-1440 (электронный)

Прежний ISSN, применявшийся до 2019 г. включительно, –
0235-8182 (печатный)

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77-83873 от 30.09.2022

Издание входит в следующие наукометрические системы:

- Научная электронная библиотека
и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
- Ядро РИНЦ
- Russian Science Citation Index (RSCI)
- Международный каталог журналов открытого доступа DOAJ
https://doaj.org/toc/2687-1440__
- Ulrich's Periodicals
- DOAJ
- Cyberleninka

**Иллюстрации к статье Д. В. Стрельцова
«Самый похожий на премьера» глава кабинета министров:
к 50-летию со дня смерти Сато Эйсаку»**

Рис. 1. Сато с женой (слева) и детьми. 1931 год.

Источник: Wikimedia Commons

*Рис. 2. Сато Эйсаку.
Фотография в журнале
«The Photo. 15 октября 1961 г.».*

Источник: Wikimedia Commons

*Рис. 3. Эйсаку Сато
после церемонии вручения
ему Нобелевской премии мира.*

Источник: www.nobelprize.org

*Рис. 4. Сато встречается
с министром иностранных дел СССР А. Громыко. 27 января 1972 г.
Источник: inosmi.ru*

*Рис. 5. Сато Эйсаку встречается
с советскими космонавтами В. Терешковой и А. Николаевым
в своей резиденции 28 октября 1965 г.
Источник: RIA Novosti archive*

*Рис. 6. Сато Эйсаку с президентом Р. Никсоном
во время официального визита в США 5 января 1972 г.
Источник: U.S. National Archives and Records Administration*

**Иллюстрации к статье Д. Г. Кикнадзе
«О коллекции рекламных карточек The Liebig Company
«История Японии» 1938 г.»**

*Карточка 1. Государь Дзимму в походе
под предводительством солнечного ворона*

*Карточка 2. Государыня Дзингу (169–269 гг. н. э.)
указывает мужу направление на Запад*

Карточка 3. Принц Сётоку издает «Уложение о культуре»

Карточка 4. Святой Ку:кай отправляется в Китай

GESCHIEDENIS VAN JAPAN.

5. Twee Samurai, naar een oude prent.

LIEBIG PRODUCTEN: HET BESTE VAN HET VLEESCH

Nadruk verboden

Jo Liebig

Uitleg op keerzijde.

Карточка 5. Два самурая

GESCHIEDENIS VAN JAPAN.

6. Yoritomo doet zich tot eerste Shogun uitroepen.

LIEBIG PRODUCTEN: NUTTIG EN PRAKTISCH

Nadruk verboden

Jo Liebig

Uitleg op keerzijde.

Карточка 6. Ёритомо объявляет себя первым сёгуном

GESCHIEDENIS VAN JAPAN.

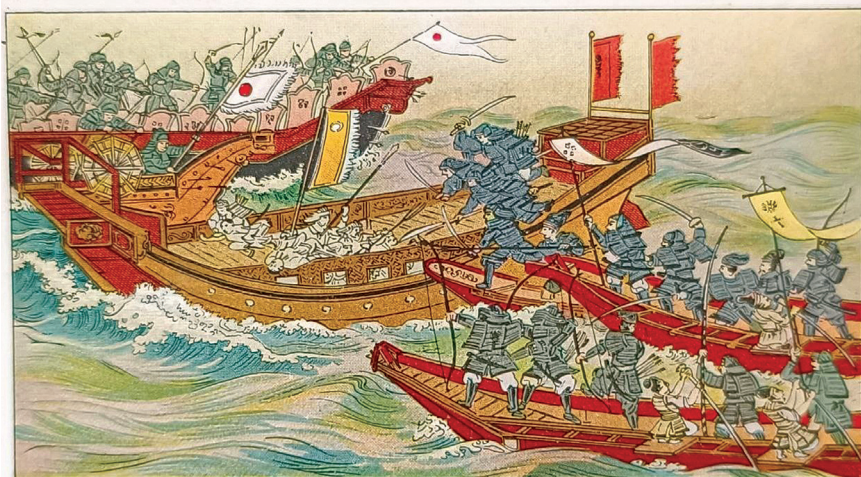
7. Voorstelling van een veldslag, naar een oude prent.
LIEBIG PRODUCTEN: VERBETEREN DE KEUKEN

Nadruk verboden

Liebig

Uitleg op keerzijde.

Карточка 7. Сцена битвы

GESCHIEDENIS VAN JAPAN.

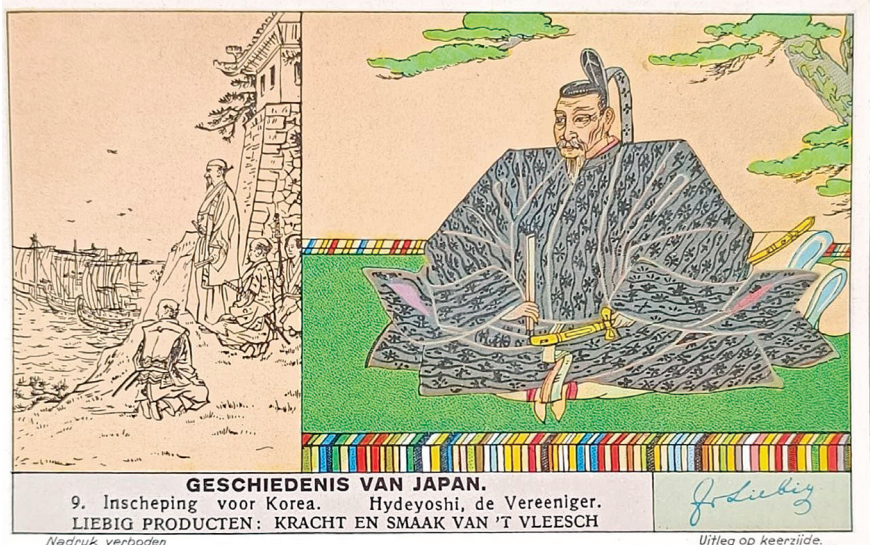
8. Vernieling van de Mongoolsche vloot.
LIEBIG PRODUCTEN: VERMINDEREN DE UITGAVEN

Nadruk verboden

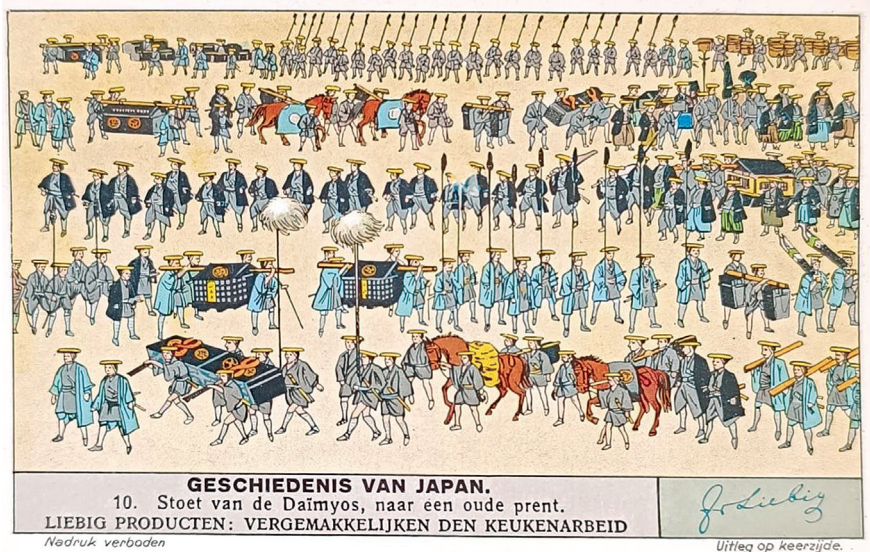
Liebig

Uitleg op keerzijde.

Карточка 8. Уничтожение монгольского флота

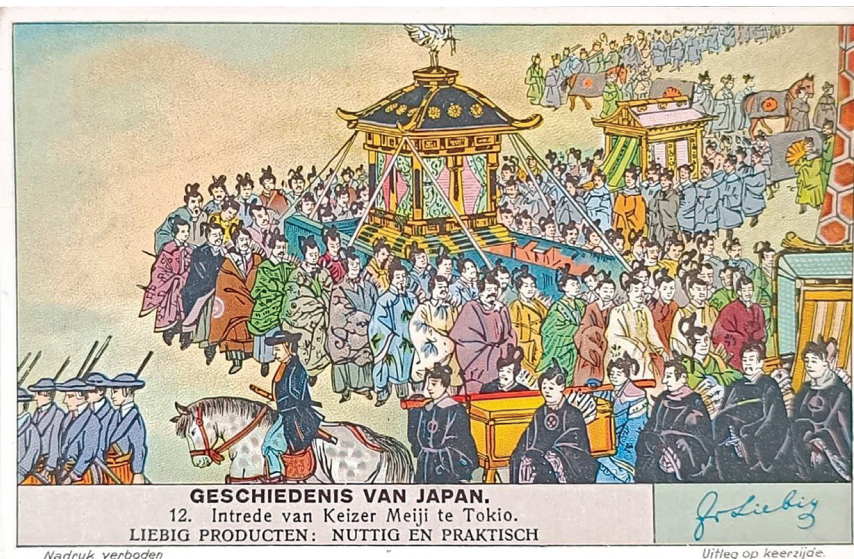
Карточка 9. Поход в Корею. Хидэёси, объединитель

Карточка 10. Кorteж даймё:

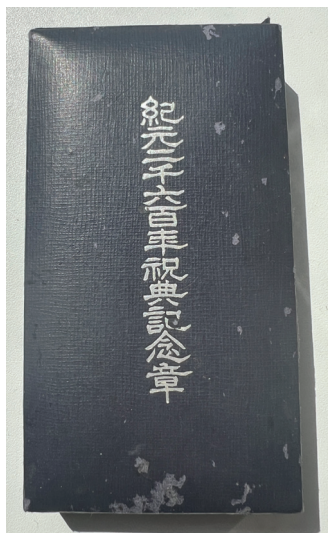

Карточка 11. Переговоры по японо-американскому договору

Карточка 12. Въезд в Токио императора Мэйдзи

Иллюстрации к статье Е. В. Яковкина
«2600 лет Японской империи и русская эмиграция в Маньчжурии»

Илл. 1. Медаль в честь 2600 летия Японской империи

Илл. 2. Специальный выпуск
журнала «Луч Азии»
(№ 1 за 1940 г.)
посвященный 2600 летию
Японской империи

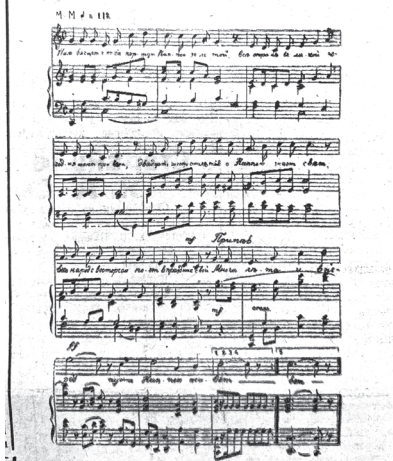
Илл. 3. Образ первого
японского императора
Дзимму. «Луч Азии»,
1940, № 1

Илл. 5. Русский участник Всеазиатских спортивных игр в Токио от Манчжоу-дого. Октябрь 1940 г.

ПЕСНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ ТОР- ЖЕСТВЕННОМУ ДНЮ.

Монархическое объединение отмечает 2600-летний юбилей со дня основания Империи Ниппон выпущком в свет «народной песни», появившейся в Остро-Восходящего Солнца по поводу этого юбилея. Соответствующие ноты, полученные из Нип-пон, сопровождаются русским текстом песни. Построенный по револ японского текста слоган П. П. Такеучи и Л. Н. Греланиным и переведен на русские стихи литератором С. А. Недозваным (Полерев).

Илл. 6. Ноты песни «2600 лет основания империи».
Газета «Заря», 4 февраля, 1940 г., № 31. С. 9

**Иллюстрации к статье Е. Л. Катасоновой
«Комаки Курихара: актриса, сохранившая верность Москве
и русской культуре (к 80-летию)»**

Фото 1 и 2. Комаки Курихара

Фото 3. Комаки Курихара в традиционном кимоно

*Фото 4. Комаки Курихара
и члены японской правительственной делегации.
Октябрь, 1973 г.*

*Фото 5. Елена Леонидовна Катаسوнова
и Комаки Курихара в городе Цуруока после спектакля,
в котором играет актриса, 1995 г.*

*Фото 6. Комаки Курихара во время церемонии закрытия
11-го международного кинофестиваля стран АТР
«Меридианы Тихого» во Владивостоке, 2013 г.*

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК ЯПОНИЯ
2025. Том 54

Главный редактор	Стрельцов Д. В.
Научный редактор	
Научный редактор	Лебедева И. П.
Научный редактор	Мещеряков А. Н.
Научный редактор	Дьяконова Е. М.
Научный редактор	Трубникова Н. Н.
Ответственный редактор	Гришачев С. В.
Редактор	Нелидов В. В.
Вёрстка	Заболотникова М. Е.

